УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

ИДЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

выпуск XV
Юго-Восточная Азия 2009 – 2010 гг.

МОСКВА
2010

«Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития»
основан в 1998 году

Сборник издается под руководством
Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Мосяков Д.В.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Малетин Н.П.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
Астафьева Е.М.

РЕДАКТОРЫ-СОСТАВИТЕЛИ
Левтонова Ю.О., Мурашева Г.Ф., Фомичева Е.А.

РЕДКОЛЛЕГИЯ
Былиняк С.А.
Другов А.Ю.
Зайцев И.В.
Левтонова Ю.О.
Мурашева Г.Ф.
Рогожин А.А.
Тюрин В.А.
Хакимов Б.М.
Шабалина Г.С.

РЕДАКЦИЯ
Другов А.Ю.
Отдел общих проблем, политологии

Тюрин В.А.
Отдел истории

Рогожин А.А.
Отдел экономики

Ю-15 Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск XV (ЮВА 2009-2010) – М., Учреждение Российской академии наук Институт востоковедения, 2010. – 328 с.

Сборник посвящен исследованию социально-экономических процессов, политических, культурных и идеологических аспектов развития в регионе Юго-Восточной Азии и ЮТР в целом и в отдельных странах.

ISSN 2072-8271 ББКб

© Учреждение Российской академии наук Институт востоковедения, 2010
© Редколлегия, 2010
© Коллектив авторов, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. ОБЩЕРЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Мосяков Д.В. Ситуация в АТР и ЮВА и новые возможности для России …….. 5

Заказникова Е.П. Взаимодействие АСЕАН с Австралией и Новой Зеландией как фактор интеграции в АТР. Растущая роль России в этом процессе ……...…… 13

Матюхин М.В. Зарубежная экспансия нефтегазовых компаний стран Юго-Восточной Азии ……. 36

Лебедева Н.Б. Треугольник «Индия-Мьянма-Китай» (проблемы и компромиссы взаимодействия) ……..…… 46

Церерин А. Особенности создания Экономического сообщества АСЕАН ……... 79

Арунова Л.В. Этапы интеграции стран АСЕАН в единое экономическое сообщество …….. 90

Раздел 2. ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Другов А.Ю. Индонезия в 2010 году – основные события …….. 106

Попов А.В. Восточная Ява ……...……..... 131

Воронин А.С. Новая парадигма российско-вьетнамских отношений …….…….... 154

Соколов А.А. Современное вьетнамское кино: события и тенденции ……..… 179

Урляпов В.Ф. Малайзия: отношения с Китаем (Безусловный приоритет национальных интересов) …..205

Муранова А.П. Налоговое стимулирование частного бизнеса в Брунее-Даруссаламе …….226

Милославская Т.П. Бруней-Даруссалам «Малайская исламская монархия» ……..…246

Раздел 3. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Бектимирова Н.Н. Буддийская сангха в Камбодже на рубеже веков: процесс возрождения ……..267

Захаров А.О. Рецензия на: R.E. Jordaan and B.E. Colless. The Mahārājas of The Isles: The Śailendras and The Problem of Śrīvijaya ……..…. 287

Стефанчук Л.Г. Основные этапы эволюции народа маори ……..… 307

Summary ..……... 321

Сведения об авторах……..328

С условиями публикации в сборнике можно ознакомиться в редакции по адресу: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12, ИВ РАН, Центр Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, или отправив запрос по электронной почте: sea-apd@bk.ru

© ***Мосяков Д.В.***
ИВ РАН

СИТУАЦИЯ в АТР и ЮВА И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ

Сегодня ситуация в этом регионе мира характеризуется все более серьезным и все более актуализирующимся противостоянием между КНР и США. Это противостояние охватывает огромные пространства от корейского полуострова и побережья Желтого моря на севере и до самых южных островов Южно-китайского моря. Выражается оно все более острыми столкновениями и конфликтами, как главных противоборствующих держав, так и опасностями столкновений со стороны их непосредственных союзников. Примеров такого противостояния 2010 г. дал нам в избытке: из-за задержания японскими властями китайского траулера резко обострился вялотекущий конфликт между Китаем и Японией вокруг принадлежности островов Сенкаку (Дайюдао-кит), расположенных в Восточно-Китайском море, из-за обстрела южнокорейского острова Епхендо северокорейской артиллерий чуть было не вспыхнул опасный конфликт на Корейском полуострове между двумя Кореями, когда за спиной Южной стоят США, а за спиной Северной – Китай. Конфликтно и очень эмоционально развивалась и ситуация в Южно-Китайском море, где в определенное противоречие вступили интересы Китая и стран АСЕАН. Китай в прошедшем году открыто заявил о своем суверенитете на всю основную акваторию этого морского бассейна. Пробным шагом для международного признания и обоснования своих претензий на Южно-Китайское море и его острова можно рассматривать карту, которую китайцы вложили в специальное письмо, направленное в мае 2009 г. в адрес Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна. На этой карте были показаны официальные китайские притязания, на которых южная граница их планируемых владений охватывает рифы на побережье малазийского штата Саравак, расположенного на Калимантане., более чем в полутора тысячах километров от основной китайской территории[1]. Китайцы в этом письме указали, что имеют неоспоримые

права на суверенитет над этими островами и прилегающими к ним морскими акваториями[2]. Вслед за этим из Пекина последовали заявления, что в Китае рассматривают Южно-Китайское море как свой «ключевой национальный интерес»- наподобие Тибета или Тайваня[3]. Письмо Пан Ги Муну, и декларации о «бесспорной принадлежности островов Китаю», обозначили новый виток китайской активности в Южно-Китайском море, когда китайские военные перешли от слов к делу, очищая новоприобретенные, а по китайкой версии утраченные в период слабости Китая территории от конкурентов из прилегающих к региону стран ЮВА. В рамках таких подходов КНР в 2009 г. ввела запрет на лов рыбы в спорных акваториях и показательно захватили 22 вьетнамских рыболовных судна отказавшихся соблюдать китайский запрет. В июне 2010 г. обстреляв из пулеметов индонезийские ВМС, китайские военные корабли обеспечили лов рыбы своим рыбакам в экономической зоне, на которую претендует Индонезия[4]. В августе в акватории Южно-Китайского моря прошли масштабные учения китайских военно-морских и военно-воздушных сил, после которых контр адмирал Чжан Хуачэнь заявил, что китайская стратегия на море меняется, «мы переходим от береговой обороны к обороне в открытом море»[5]. В это же время на только что построенной базе ВМС на острове Хайнань вблизи города Санья, Китай, по сообщению японского информационного агентства Киодо, разместил новейшие ударные атомные подлодки класса «Шан»[6].

Активизацией китайского присутствия в спорных районах Южно-Китайского моря и соответственно естественной обеспокоенностью этим стран АСЕАН решили воспользоваться американцы. Там посчитали, видимо, что обострение ситуации вдоль морских границ Китая – удобный повод для практической реализации провозглашенного новой администрацией США плана «возвращения в Азию». В январе 2010 г. Госсекретарь США Хиллари Клинтон указала, что «будущее Америки связано с будущим Азиатско-тихоокеанского региона»[7], а в июле на саммите АСЕАН в Ханое конкретизировала свою мысль заявив, что у Америки есть национальный интерес к свободе навигации и уважения международного права в Южно-Китайском море». Вслед за этим глава тихоокеанского коман-

дования США адмирал Виллард указал на то, что Америка не будет занимать чью либо сторону в диспутах о том кому принадлежит Южно-Китайском море, она «выступит против применения силы или любых форм принуждения для поднятия этих притязаний на иной уровень любым государством за счет других»[8]. Такое заявление и демонстративный заход американского авианосца на территории, на которые претендует Китай, стали американским ответом на китайские претензии. В качестве такого же ответа можно рассматривать и беспрецедентно большое количество военных учений, которые проводили США и их союзники в прилегающих к Китаю морях: Invincible spirit, и Ulchi Freedom Guardian - это США с Южной Кореей, Pacific reach с участием США, Японии, Южной Кореи, Австралии и Сингапура, уже упоминавшиеся совместные военно-морские учения США и Вьетнама и состоявшиеся в декабре крупнейшие за последнее время американо-японские военно-морские учения в которых только с японской стороны участвовало 34 тысячи солдат[9].

Одновременно с этим американцы предприняли активные и результативные усилия и в других сферах, выдвинув, в частности, довольно привлекательную идею так называемого Транстихоокеанского партнерства, предполагающего «быстрое и решительное снятие всех препятствий для движения товаров и капиталов в границах стран к нему присоединившихся»[10]. Несомненно, что сделано это было в пику китайскому проекту зоны свободной торговли Китай-АСЕАН, которая рассматривается многими в США как важный канал усиления влияния Китая в этом регионе. Венцом «активной дипломатии» США стало проведение в Нью-Йорке второго саммита США-АСЕАН, на котором американцы постарались продемонстрировать новый более высокий и доверительный уровень отношений со странами Ассоциации. По результатам всех этих усилий президент Обама заявил, что «США укрепили уже существующие союзы, углубили новые партнерские отношения и заново сблизили отношения с АСЕАН и другими региональными организациями»[11].

Американо-китайское соперничество в Азии, кроме того, что оно опасно сами по себе, создает реальную угрозу стабиль-

ности и миру в огромном регионе, так еще и вызывает глубокие трения как между самими странами АСЕАН, так и внутри их правящих элит, их разделение на прокитайские, проамериканские и нейтралистские лагеря. Сингапурская «Стрейтс таймс» в этой связи отмечала, что «Страны АСЕАН опасаются, что ухудшение ключевых американо-китайских отношений заставит их сделать определенный выбор в этом конфликте»[12]. Такое расхождение уже сегодня вполне просматривается, когда часть стран АСЕАН изъявляет готовность участвовать в американском проекте ТТП (первоначально Сингапур и Бруней, в последнее время к ним присоединились еще Малайзия и Вьетнам), а другие, явно опасаясь резкой реакции Пекина, стараются всячески от него дистанцироваться.

Что касается ситуации внутри правящих элит стран АСЕАН, то наличие сторонников различных направлений просматривается вполне отчетливо. Во Вьетнаме, например, окруженном вновь приобретенными китайскими территориями почти по всему морскому периметру своих границ, у части правящих кругов, все более проявляется интерес больше ориентироваться на США как на основного экономического партнера и источника инвестиций в национальную экономику и даже как на возможного военного партнера, о чем свидетельствуют уже упоминавшиеся совместные военно-штабные маневры с американцами. С другой стороны, недавнее демонстративное нападение на американского дипломата, попытавшегося посетить больного католического священника содержащегося под домашним арестом в Ханое и последовавший вслед за этим резкий протест со стороны госдепартамента США, показывает, что во Вьетнаме есть и влиятельные противники сближения с Вашингтоном[13].

Проамериканские и прокитайские политические силы действуют сегодня практически во всех странах региона, но пока решающую роль играют не эти силы, а силы регионалистские и нейтралистские, утверждающие, что страны АСЕАН как самостоятельные политические игроки вполне способны найти разумный компромисс с обеими соперничающими державами. Наиболее четко такую позицию занимает Индонезия, президент которой Юдойоно отказался участвовать во втором саммите

США-АСЕАН состоявшемся в Нью-Йорке. С полным правом ее можно отнести к сторонникам нейтралистского лагеря, рассчитывающего на сохранение существующего статус-кво и на новый тур переговоров для поиска компромиссов. В подтверждение такого курса министр иностранных дел Индонезии Марти Наталегава заявил, в частности, что «мы обращаемся к морским вопросам в нашем регионе. Мы в этом заинтересованы, так как проблемы на море вовлекают в свою орбиту военно-морской флот и суда рыбаков не только из стран АСЕАН, но также из Северо-восточных азиатских стран». Мы стремимся к тому, добавил министр, чтобы «моря стали фактором объединения региона»[14]. Такой же подход разделяют и Филиппины с Малайзией, которые, несмотря на существенное продвижение китайских границ к их берегам предпочитают действовать осторожно и искать пути компромисса и договоренности с Пекином.

О перспективности такого пути дальнейшего развития политических процессов говорит о тот факт, что Китай в последнее время заметно изменил свою риторику и наряду с продолжающимся осуждением США за «вмешательство в дела Восточной Азии» и утверждениями, что «отношения внутри АТР осложняются из-за ускорения возвращения в Азию США»[15] стал говорить и о необходимости поиска баланса интересов США, Китая и стран АСЕАН. Китайско-американские отношения в Юго-Восточной Азии, не должны быть подобны холодной войне. Это должен быть способ, в котором непрерывно усиливаются координация и сотрудничество, отмечал старший редактор партийной «Жэньминь жибао»[16]. В духе этих новых веяний в конце декабря МИД КНР официально подтвердил, что «Китай уделяет повышенное внимание и серьезно соблюдает Декларацию действий сторон в Южно-Китайском море»[17]. Такое заявление можно рассматривать, как определенную готовность Китая обсуждать территориальные проблемы и проблемы сотрудничества в Южно-Китайском море со своими соседями из АСЕАН.

Осторожная политика большинства стран АСЕАН их желание найти баланс в отношениях с Китаем и США вполне понятна, так как их экономические отношения с этими двумя го-

сударствами составляют основу развития и достигнутого процветания. Американский рынок пока для них все еще более важен, чем китайский, тем более что американцы в рамках провозглашенной администрацией Б. Обамы стратегии тихоокеанского партнерства планируют подписать соглашения о зонах свободной торговли со странами АСЕАН и, тем самым открыть новые возможности для экономического взаимодействия. Но и китайский рынок, хоть он и меньше американского значит все больше для стран АСЕАН. Так, в 2010 г. через год посла начала работы зоны свободной торговли Китай-АСЕАН (январь-ноябрь) товарооборот между Китаем и странами АСЕАН составил 263 млрд. долларов США, причем экспорт Китая в объеме 124 млрд был меньше импорта из стран АСЕАН который составил 138 млрд. долларов и вырос на 47% по сравнению с аналогичным периодом 2009 г. Как отмечала «Жэньминь жибао» отрицательное сальдо Китая во внешней торговле с АСЕАН выросло меньше чем за год в 18 раз и достигло суммы примерно в 14 млрд. долларов США[18]. Из этих цифр с очевидностью следует, что экономически зона свободной торговли выгодна больше странам АСЕАН чем Китаю. Но с другой стороны политически она очень выгодна Китаю, так как чтобы сохранить свои преференции страны АСЕАН в своей политике вынуждены постоянно учитывать политические интересы Китая. Более того, сегодня реальная роль Китая в развитии многих стран АСЕАН постепенно становится решающей. Так, например, только в последнее время одна из наиболее бедных стран региона - Камбоджа, заключила соглашение с Китаем о том, что КНР вложит в ближайшие пять лет 1,6 млрд. долларов в инфраструктурные проекты, внесет еще 15 млн. долларов в качестве безвозмездной помощи Пномпеню, отложит камбоджийские платежи по уже выданным Камбодже кредитам и подпишет еще 16 соглашений о развитии гидроэнергетики и водных ресурсов. И все это не считая финансирования дефицита камбоджийского бюджета за счет китайских кредитов, строительство дорог и мостов и электростанции. Но даже при таком финансировании Камбоджа стремится так же как и другие страны АСЕАН к определенному балансу сил и интересов в регионе. Во время официального визита премьер-министра Кам-

боджи Хун Сена в Пекин в декабре 2010 г. местная пресса отмечала, что «развитие отношений с Китаем не исключают опасности, которая может нести политика опоры только на одну страну». Поэтому, рассматривая Китай как главного партнера в сферах экономики и политики, страна «должна открыть двери для добрых отношений с другими крупными странами, такими как США, Индия, Россия и Япония»[19].

В этой связи перед Россией и ее политикой в АТР и в ЮВА открываются новые возможности и перспективы. Дело в том, что новая конфигурация в международных отношениях объективно способствует тому, что странам региона остро необходимы новые союзники, которые выступали бы с поддержкой их общих позиций. Россия, впрочем, как и Индия и даже Австралия активно привлекаются в регион в качестве некоего контрбаланса силам, которые его раскалывают и разделяют. При этом они стараются теперь игнорировать тот факт, что с точки зрения Китая Россия, как и США не является страной восточноазиатского региона. При этом еще в 2005 г. в Куала-Лумпуре это было одной из причин, по которой некоторые страны АСЕАН не готовы были принимать России в создаваемую тогда новую региональную организацию Восточноазиатские саммиты (ВАС), а некоторые местные политики даже выказывали удивление почему именно российский президент выступает на церемонии создания этой организации. Сегодня все это в прошлом и теперь те кто «удивлялся», говорил о том, что Россия с ее незначительной торговлей со странами АТР и ЮВА не может стать членом ВАС, сами пригласили ее участвовать в этом объединении.

При этом надо учитывать, что с экономической точки зрения ситуация мало чем изменилась наша торговля все также мала, но политическая конфигурация сегодня выглядит совершенно иначе. Осторожная и вполне разумная политика, которую Россия проводит в этом регионе мира, направленная на сохранение статус-кво, избежание конфликтов, решение проблем мирными средствами и ее позиционирование вне прокитайского или проамериканского лагерей, снискала ей определенное уважение и объективно способствует признанию России как равноправного и необходимого участника всех процессов в

этом регионе мира. Более того, сегодня можно говорить об общем фундаменте интересов и отношений России и стран АСЕАН в том, что сохранить статус-кво и действовать против угрозы раскола АТР и ЮВА.

---

[1] The Straits Times 02.08.2010.
[2] Ibid.
[3] The Straits Times, 22.07.2010.
[4] РИА Новости, 17.08.2010
[5] Красная звезда, 18.08.2010.
[6] Взгляд. Деловая газета, 20.10.10
[7] Там же.
[8] Комсомольская правда, 23.08.2010.
[9] Жэньминь жибао, 28.12.2010.
[10] ИТАР-ТАСС, 31.12.2010.
[11] Жэньминь жибао, 28.12.2010.
[12] The Straits Times, 16.09.2010.
[13] www.regions.ru/news/2332994
[14] The Jakarta Post, 05.01.2011.
[15] Жэньминь жибао, 28.12.2010
[16] Global Times, 23.12.2010. dinggang@globaltimes.com.cn
[17] Жэньминь жибао, 22.12 2010.
[18] Жэньминь жибао, 01.01.2011.
[19] The Phnom Penh Post Monday, 13.12.2010.

© ***Заказникова Е.П.***
ИВ РАН

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АСЕАН с АВСТРАЛИЕЙ и НОВОЙ ЗЕЛАНДИЕЙ КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ в АТР. РАСТУЩАЯ РОЛЬ РОССИИ в ЭТОМ ПРОЦЕССЕ

Характер интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе во многом определяется отношениями АСЕАН с Австралией и Новой Зеландией. Сотрудничество, хотя и далеко не безоблачное, этих двух субрегионов отмечалось на протяжении всего периода существования данной организации, охватывая различные виды деятельности в политической, торгово-экономической и гуманитарной сфере, в области безопасности и меж-людских контактов. Это способствовало развитию подобных тенденций и в регионе в целом.

Данный процесс состоял из нескольких этапов в соответствии с изменениями во внутриполитической и мировой конъюнктуре, оставаясь, в основном в поступательном русле.

Так в первой половине 1970-х годов Австралия и Новая Зеландия стали одними из первых партнёров АСЕАН по диалогу. Укрепление политического взаимодействия стран региона содействовало и их кооперации в экономической сфере. И в 1989 г., в условиях разрядки международной напряженности в связи с окончанием «холодной войны», по идее Японии, но по инициативе Австралии совместно с Канадой, Японией, США и Южной Кореей была образована АТЭС, членами которой стали в конечном итоге семь стран АСЕАН, а во всем этом объединении - более 20 государств. В 1994 г. был образован Региональный форум АСЕАН (АРФ) по безопасности, куда вошли Австралия, Новая Зеландия и другие государства - партнеры Ассоциации по диалогу.

На основе подписанной в 2004 г. совместной декларации АСЕАН и Австралии о борьбе с международным терроризмом, в 2007 г. была выработана Рабочая программа по её реализации.

Свидетельством сближения стран региона было и то обстоятельство, что через механизм Восточноазиатских саммитов

конструкция АСЕАН+3 в составе Китая, Японии и Южной Кореи в 2005 г. была трансформирована в формат АСЕАН+6 с участием Австралии, Новой Зеландии и Индии.

Правовой основой сотрудничества АСЕАН с Австралией в различных сферах политики и экономики явилась подписанная в 2007 г. Совместная Декларация о всеобъемлющем партнерстве. Причем развитию отношений между сторонами способствовала смена власти в Австралии, где после 11 лет правления Либеральной партии в конце 2007 г. было сформировано правительство во главе с лидером лейбористов Кевином Раддом. При новом правительстве Австралия сохранила, в целом, преемственность внешнеполитической ориентации на США. Вместе с тем, имелись и существенные различия. Так, с одной стороны, первым из руководителей Австралии Радд выразил намерение присутствовать на предстоявшем в марте 2008 г. саммите НАТО несмотря на то, что эта страна не является членом данной организации. Свое намерение Радд пояснил желанием убедиться в том, что НАТО выработает долгосрочную стратегию для достижения успеха в борьбе с терроризмом в Афганистане, и узнать, к какому сроку это будет сделано[1]. А в ноябре 2009 г. Австралия заявила, что не намерена расширять своё военное присутствие в этой стране и, возможно, лишь увеличит число находящихся в ней гражданских инженеров и строителей. По официальным данным, с 2002 г. в Афганистане погибло 11 австралийских солдат, хотя пресса утверждала, что на самом деле потери были бóльшими. В 2009 г. там находилось 1,5 тыс. австралийских военнослужащих, 450 из которых были направлены для обеспечения безопасности прошедших в августе местных президентских выборов. С этой же целью в Афганистан был отправлен и дополнительный контингент Новой Зеландии.

С другой стороны австралийское правительство вывело свои войска из Ирака. Устранение главного раздражителя в отношениях мусульманских стран ЮВА с Австралией – её участия в военной операции США в Ираке – создало благоприятные условия для их улучшения и со странами АСЕАН в целом. В том числе – и в сфере борьбы с терроризмом (ЮВА входила в зону ответственности азиатского крыла «Аль-Каиды»). В конце 2007 г. была завершена работа по выполнению выше-

упомянутой АСЕАНо-Австралийской декларации. При этом особое значение придавалось кооперации в действиях военно-воздушных сил. В июле 2008 г. Австралия, в числе других государств АТР, участвовала в состоявшемся в Сингапуре форуме АСЕАН по безопасности. На нём были представлены министры обороны и старшие должностные лица из 27 стран региона. Они призвали всех присутствовавших всемерно содействовать организаторам международных гуманитарных операций в зонах стихийных бедствий и техногенных катастроф предоставлением скорейшей помощи пострадавшим регионам. Учитывая, что роль вооружённых сил в этих случаях очень важна, участники встречи выработали единые принципы, на которых правительства должны привлекать военных к участию в такого рода операциях[2].

В то же время представители США развернули дискуссию вокруг темы, сформулированной как усиление военной мощи Китая и наращивание им современных вооружений. В связи с этим министр обороны США обсудил с коллегами из Японии, Южной Кореи и Австралии желание взаимодействовать в военной сфере. И в 2008 г. была достигнута окончательная договоренность об организации военного альянса этих стран, предусматривавшего поддержку американского плана создания системы ПРО на Тихом океане; в том же году США провели испытания этой системы, против которой изначально выступала АСЕАН[3].

Вместе с тем, Австралия стремилась укреплять отношения с государствами ЮВА. И прежде всего – со своей ближайшей соседкой – Индонезией. Ратифицированный в феврале 2008 г. договор о безопасности государственных границ Австралии и Индонезии являлся первым соглашением такого рода, положив начало новой эры отношений сторон – договор включал 10 направлений безопасности и содержал обязательство не поддерживать сепаратизм. Как заявил прибывший по такому случаю в Австралию министр иностранных дел Индонезии Хассан Вираюда, отношения обеих стран перешли, таким образом, на более высокий уровень – если раньше они напоминали катание на «американских горках», то теперь основываются не на эмоциях, а на дружбе, зрелости и логике[4].

В июне того же года Радд посетил Индонезию с официальным визитом, во время которого была достигнута договоренность о продолжении сотрудничества в экономической и политической сферах и намечены его дальнейшие перспективы.

Австралия оказывала поддержку созданному еще в 2004 г. Джакартскому центру по борьбе с транснациональной преступностью и кооперации по международным вопросам. Тогда она обязалась ассигновать на деятельность центра 36,8 млн. долл. в течение 5 лет, т.е. по 2009 г., его функционирования.

В августе 2008 г. австралийское и сингапурское правительства подписали Меморандум взаимопонимания (МОУ) по вопросам связей в области обороны. Руководство вооруженных сил этих стран наметило план проведения регулярных учений, стороны договорились об обмене мнениями по политическим вопросам и проблемам региональной безопасности[5].

Подобные МОУ Австралия заключила с рядом других стран ЮВА – Индонезией, Таиландом, Камбоджей и Брунеем.

Одновременно, как в странах АСЕАН, так и в Австралии происходило ужесточение антитеррористического законодательства. Так в декабре 2008 г. президент Индонезии выступил с заявлением об основных приоритетах новой доктрины безопасности, включающей проблемы терроризма. В Австралии в июне 2007 г. был принят программный документ о национальной безопасности. А в декабре 2008 г. с программным же заявлением по этому вопросу выступил К. Радд. Он сказал, что за прошедшее семилетие австралийские законодатели приняли по борьбе с терроризмом 37 нормативных актов. Они предоставляют правоохранительным органам дополнительные полномочия, а именно, превентивное взятие под стражу подозреваемых, выдача ордеров, ограничивающих их общение, задержание таких лиц без предварительного обыска, расширение прав проведения слежки за ними.

Сотрудничество в сфере безопасности создавало хорошую основу для кооперации в торгово-экономической области. Этому способствовала и ратификация в 2008 г. Устава АСЕАН, что облегчало контакты внешних партнёров с этой организацией. Сказалось и развитие процесса, связанного с обозначившимися

ещё в конце 1990–х гг. решительным поворотом Австралии в сторону Азии.

В результате объём торговли товарами и услугами Австралии с АСЕАН достиг в финансовом 2008-09 г. 83 млр. долл.[6].

Наибольший интерес для Австралии представляла, как самый обширный рынок в ЮВА, Индонезия, являвшаяся её 13–м главным торговым партнёром. Австралия была крупнейшим двусторонним донором Индонезии по экономической и технической помощи. Это имело для Индонезии особенно большое значение в связи с тем, что в условиях роста мировых цен на нефть расходы на импорт этого товара стали превышать доходы от его экспорта. Финансовые ассигнования предназначались на сотрудничество в программе по изменению климата, борьбы с птичьим гриппом и др. В соответствии с программой помощи в сфере образования предполагалось повысить количество обучающихся в начальной ступени средней школы к 2012 г. с 75% до 95% и построить 2 тыс. школ в 21 провинции страны. В 2009 г. в Индонезии действовало 400 австралийских фирм, а в Австралии находилось 15 тыс. индонезийских студентов. Всё большее разнообразие приобретала и культурная программа двустороннего сотрудничества. В 2008 г. она началась с проведения Джакартского Международного джазового фестиваля, намечалась организация фестиваля писателей и читателей. Предполагался показ выставок на тему путешествий и книжных новинок. Оказывалась финансовая помощь в деле сохранения редких и ценных музейных коллекций.

Австралия продолжала оказывать долговременную программу помощи развития и других стран АСЕАН. Для Восточной Азии в целом она должна была составить в 2008-2009 г. почти 1 млрд. австр. долл., бóльшая часть которых предназначалась для ЮВА. В 2008 г. Австралия объявила об осуществлении второй фазы АСЕАНо–Австралийской программы сотрудничества, предусматривающей поддержку экономической интеграции АСЕАН, включая создание её экономического сообщества. В Австралии обучалось 70 тыс. студентов из ЮВА.

Министр иностранных дел Австралии Стивен Смит заявил в июне 2008 г., что всеобъемлющая и активная деятельность в Азиатско-Тихоокеанском регионе представляет для правитель-

ства Радда один из главных приоритетов его внешней политики, и Юго-Восточная Азия всегда будет важна для стратегических, входящих в сферу безопасности и экономических интересов Австралии. И отношения с АСЕАН никогда ранее не имели такого потенциала развития[7].

Усилению интеграционных процессов в АТР способствовала и деятельность Австралии и Новой Зеландии в регионе Океании. В августе 2008 г. в г. Алофи на о. Ниуэ состоялась 39–я сессия Форума тихоокеанских островов (ФТО). Впервые такое объединение было создано в 1971 г. под названием Южнотихоокеанский форум, но в 2000 г. он был переименован, с целью отразить географическое положение его северных членов, в ФТО. Вместе с Австралией и Новой Зеландией форум насчитывал 16 государств с 800 тыс. населения. Главной темой встречи была борьба с потеплением климата, обсуждалась также программа сотрудничества по таким насущным для жителей островов вопросам, как рыболовство, транспорт, энергетика, торговая и экономическая интеграция, здравоохранение, образование и управление. Выступавших волновали и отсутствие запасов продовольствия и рост цен на топливо.

Присутствовавшие высоко оценили позицию Австралии в соответствии с подписанным ею Киотским протоколом объявившей о финансировании программы по сокращению вредных выбросов в атмосферу на сумму в 150 млн. долл.; это давало возможность создать специальный Центр в Океании. Ассигнование средств для реализации данного проекта предполагала выделить и Новая Зеландия[8].

Представители Австралии, Новой Зеландии, Международного банка реконструкции и развития и Банка Азиатского развития дискутировали и по проблемам инфраструктуры в данном регионе, на это было решено выделить 1,2 млн. долл.

Важнейшим фактором укрепления кооперации Австралии с АСЕАН, как и с странами Океании, было смягчение её позиции по вопросу миграции. В 2008 г. в стране насчитывалось 660 тыс. вынужденных переселенцев, в том числе из Восточного Тимора и Камбоджи, которые нуждались в гуманитарной помощи, и в июле правительство объявило неделю беженцев, приняв решение увеличить в 2008–2009 г. квоты на приём пе-

реселенцев на 13,5 тыс. человек, предпочтительно требующихся Австралии специалистов. При этом предполагалось развернуть иммиграционный центр на о. Рождества, где добиравшиеся на утлых судёнышках беженцы задерживались австралийскими властями.

Данный вопрос был жизненно важен и для самой Австралии. Являясь шестой в мире по величине территорией, эта страна находится на 55-м месте по населению, плотность которого составляет лишь 28 человек на 1 кв. км. И население численностью в 22 млн. человек прирастало главным образом в результате пополнения его за счет мигрантов, ежегодное число которых постоянно росло – с 70 тыс. в 1990-х годах до 145 тыс. в 2005 г. и 160 тыс. в 2008 г. Состав их менялся, и в 2009 г. почти 18% прибывших составляли британцы, 14,6% – индийцы и 12,7% китайцы. Но немалая часть беженцев приходилась и на страны ЮВА. В Австралии вспыхнула дискуссия об оптимально приемлемых размерах увеличения населения за счет мигрантов, назывались цифры от 35 до 40 млн. за 40 лет. Но единой точки зрения на эту проблему не было[9].

Экономическое сотрудничество АСЕАН и Австралии происходило и в рамках международных форумов. Так в начале 2008 г. на индонезийском о. Бали состоялась международная антикоррупционная конференция с участием более 140 стран.

Объективная потребность в развитии интеграционных процессов в регионе в условиях роста его значимости нашла отражение в выдвинутой в июне 2008 г. идее К. Радда о создании к 2020 г. новой, более широкой, чем существующие, Азиатско-Тихоокеанской организации. Причём, если первоначально данная идея предполагала осуществить только экономическую интеграцию, то через год, в июне 2009 г. в обострившейся в ряде соседних государств внутриполитической ситуации, Радд предложил возложить на эту организацию и обязательства по сохранению безопасности и стабильности в регионе. Однако данное предложение встретило со стороны азиатских стран сдержанную реакцию. На состоявшейся в связи с этим дискуссии министр обороны Индонезии заявил, что он скептически относится к воплощению идеи объединения различных стран на основе единой оборонительной системы. И более реальным

шагом было бы создание субрегиональных структур, чем образование многосторонних кластеров, т.к. они могли бы действовать в условиях специфических особенностей своих соседей. Сингапурский официальный представитель добавил, что большинство стран приветствует начатую Австралией дискуссию, но панрегиональное сотрудничество сможет быть достигнуто не ранее, чем через 15–20 лет. Представитель Китая, официально не комментируя предложение Радда, заявил, что он видит мало перспектив его осуществления, поскольку регион слишком большой, и приоритеты его стран–компонентов слишком различны.

Инициатива Радда не получила одобрения и со стороны Новой Зеландии, министр обороны которой заявил, что по таким вопросам, как безопасность на море и в проливах, а также нераспространение оружия массового уничтожения, его страна осуществляет поддержку уже функционирующему Региональному форуму АСЕАН как средству консолидации многосторонних действий[10].

Между тем, актуальность предложения австралийского руководителя вскоре подтвердили драматические события, происшедшие в Индонезии, где после нескольких мирных лет вновь прогремели мощные взрывы в двух столичных отелях, от которых пострадали граждане 8 государств. Среди 9 погибших было два австралийца и один новозеландец, 18 иностранцев получили ранения. Причём это имело место всего лишь через несколько дней после переизбрания Б.С. Юдойоно на посту президента страны. Кевин Радд выразил глубокое сожаление народу Индонезии и предложил помощь по ликвидации последствий теракта и розыску преступников.

Уровень террористической угрозы был повышен и в Австралии в связи с тем, что после проведения полномасштабной операции полиции Мельбурна удалось арестовать 4 исламистов-смертников, планировавших нападение на одну из военных баз города. Австралия объявила о планах усилить своё антитеррористическое законодательство самыми жёсткими реформами; была опубликована вторая «Белая книга» об обороне страны.

Перемены в экономической ситуации в странах АСЕАН внёс глобальный финансовый кризис, последствия которого в странах АСЕАН выразились, главным образом, в снижении темпов роста ВВП и увеличении инфляции; последняя составила от 0,8% в Брунее до 27% в Мьянме. В наибольшей степени кризис затронул экспорториентированные страны, прежде всего Малайзию и Сингапур. Но благодаря тому, что в последние годы государства ЮВА диверсифицировали свою экономику, в целом она оказалась стабильной.

Страны-члены АСЕАН приняли различные антикризисные меры. А президент Филиппин Арройо призвала их, а также Китай, Японию и Южную Корею учредить специальный фонд объемом в 10 млрд. долл. с целью смягчения отрицательного эффекта кризиса, а также принятия, при необходимости, экстренных мер для предотвращения экономического кризиса типа случившегося в 1997–98 гг. Эту инициативу поддержали МВФ и Всемирный банк, и в октябре 2008 г. она уже начала осуществляться[11].

Учитывая драматический опыт кризиса конца 1990-х годов в Индонезии, группа международных доноров – Всемирный банк, Азиатский банк развития и Австралия, а также Япония и Франция – в декабре того же года заявили о готовности предоставить этой стране кредит в размере 5 млрд. долл. для ликвидации дефицита бюджета и обеспечения роста ВВП. Как заявил в связи с этим представитель индонезийского министерства финансов, доноры по–прежнему считают Индонезию одной из самых стратегически важных стран региона и заинтересованы в ее дальнейшем экономическом развитии.

Сама же Индонезия стала в марте 2009 г. местом проведения пятого Всемирного исламского экономического форума с участием 2 тыс. делегатов из 38 стран. На нём выступил президент Юдойоно, который заявил, что борьба с кризисом должна сплотить все государства независимо от их религиозной принадлежности[12].

В Австралии после 17 лет беспрецедентного экономического роста наступила рецессия, в связи с чем увеличилась безработица, на 11% снизилась иммиграция. Но в результате принятых правительством антикризисных мер положение Австра-

лии по сравнению с США и Японией, где рост ВВП стал отрицательным, было гораздо более благополучным.

С последствиями кризиса в целом успешно справлялась и Новая Зеландия.

В ноябре 2008 г. в столице Перу г. Лима состоялся очередной саммит АТЭС под девизом «К решению новых задач в интересах развития АТР». На форуме рассматривались вопросы, связанные с обязательствами членов этой организации в решении таких проблем, как энергетическая безопасность, изменение глобального климата, региональная экономика, интеграция в плане развития многосторонней торговли, а также борьба с терроризмом и коррупцией.

В сложившихся обстоятельствах уровень связей АСЕАН с Австралией и Новой Зеландией несколько снизился. Вместе с тем, качественно новая ступень кооперации этих стран была достигнута по результатам состоявшегося в Таиланде в конце февраля – начале марта 2009 г. 14-го саммита этой организации. Прежде всего, участники встречи призвали к реформированию мировой финансовой системы и координации действий на региональном уровне в целях противодействия кризису. Была утверждена сумма антикризисного фонда в размере 120 млрд. долл., из которых 80% должны были вложить Япония, Южная Корея как члены конструкции АСЕАН+3. Лидеры ЮВА договорились реформировать финансовые институты Ассоциации, на мировом уровне взаимодействуя с группой «большой двадцатки».

В то же время, учитывая необходимость преодоления трудностей в экономических связях с Австралией, руководство АСЕАН пошло навстречу долговременным усилиям этой страны по либерализации торговли с Ассоциацией. И во время саммита был заключён договор о свободной торговле АСЕАН с Австралией. Тем самым для данных государств открывался путь к гораздо более благоприятным условиям торговли с рынком, насчитывающим почти 600 млн. человек. Как сказал перед подписанием договора министр торговли Австралии, он представляет собой несущую экономическую конструкцию страны. Министр подчеркнул, что данный договор является первым с

начала глобального кризиса и самым крупным из когда–либо заключенных Австралией.

В марте Австралия и Новая Зеландия согласились, в целях преодоления последствий кризиса, укреплять двустороннее экономическое сотрудничество. А в сентябре договор о свободной торговле АСЕАН заключила и с Новой Зеландией. При этом была выражена надежда, что он приведет к расширению торговли между двумя субрегионами и откроет путь к их экономической интеграции[13].

У Австралии и Новой Зеландии такая же задача существовала и в отношении Океании. И на состоявшемся в августе 2009 г. в новозеландском г. Кэрн саммите ФТО председатель встречи К. Радд предложил обсудить вопросы либерализации торговли и изменения климата. Однако ряд представителей данной организации выступили против соглашения о свободной торговле, поскольку, по их мнению, это будет выгодно только Австралии и Новой Зеландии, которые «подминают» под себя другие страны. И предложили достичь конкретного соглашения об экономическом сотрудничестве, необходимом для развития тихоокеанских государств. В принятом саммитом коммюнике ФТО потребовал от мирового сообщества принятия мер по сокращению эмиссии углекислого газа, негативно меняющей климат в государствах Океании.

Даная тема стала главной и в работе состоявшегося в августе 2010 г. в столице Вануату Порт-Вила очередного саммита ФТО с участием Австралии и Новой Зеландии. Здесь подчеркивалось, что в результате изменения климата уровень в океане поднимается и создается угроза затопления низменных атоллов[14].

АСЕАН, Австралия и Новая Зеландия имели возможность сотрудничества и на международной площадке.

В апреле 2009 г. в Китае происходил региональный Азиатский форум с участием видных государственных деятелей, политиков и банкиров в составе 2,7 тыс. человек. В их числе были представители Вьетнама, Мьянмы, Пакистана, Монголии, Казахстана, новой Зеландии, а также бывший президент США Буш-младший. Этот так называемый «азиатский Давос» прово-

дится с 2001 г., являясь важным механизмом для обсуждения проблем Азии[15].

Еще более значимыми были контакты в рамках «большой двадцатки», членами которой стали представители крупных регионов мира и международных финансовых организаций. На эти регионы приходится свыше 85% мирового ВВП и 60% жителей планеты, причем 66% из них представляют беднейшее ее население. Из государств Азии наряду с Японией, Китаем, Южной Кореей, т.е. членами АСЕАН+3, и Индией в G20 (группу 20) вошла Индонезия. А на третьем саммите этого объединения в апреле 2009 г. был приглашен также Таиланд как страна-председатель (по ротации) АСЕАН, в число развитых стран входила Австралия. Главной обсуждавшейся этим объединением темой было сложившееся в мире экономическое положение.

Тенденции к развитию интеграционных процессов в АТР соответствовала и растущая активизация России в этом регионе.

Накануне предстоявшего в ноябре 2006 г. в Ханое саммита АТЭС МИД РФ заявлял, что Россия готова вносить посильный вклад в растущее региональное объединение в АТР, делая это по нарастающей линии. В соответствии с этим развивались контакты России с АСЕАН, Австралией и Новой Зеландией.

Так в апреле 2006 г. министр иностранных дел Новой Зеландии посетил Москву с первым рабочим визитом. Глава МИД РФ дал высокую оценку усилиям страны по поддержанию безопасности и стабильности в южной части Тихого океана. Свидетельством развития динамичного партнёрства сторон было подписание главами МИД обеих стран межправительственного соглашения о сотрудничестве в Антарктике, что положило начало контактам в научной сфере.

Широкие возможности для расширения связей РФ с государствами АТР предоставила состоявшаяся в марте 2007 г. в Москве XV ежегодная сессия Азиатско-Тихоокеанского парламентского форума (АТПФ) с участием представителей 27 государств. Он был учреждён в 1993 г. в составе Австралии, Брунея, Индонезии, Китая, Японии, США и других стран, в 1995 г. включив в себя и Россию. В качестве центральной задачи эта организация провозгласила содействие интеграции региона. В

своём приветственном слове делегатам форума президент В.В. Путин отметил, что активное участие в такого рода процессах, всестороннее развитие отношений с государствами региона является важнейшим вектором внешней политики России.

В развернувшейся на сессии дискуссии, участие в которой приняли представители Филиппин, Индонезии и Таиланда, главное место заняли вопросы экономики и торговли. Было принято решение содействовать принятию законодательных актов, направленных на поощрение устойчивого развития. Подчёркивалась необходимость совместных усилий как единственной возможности эффективного решения глобальных и региональных проблем. Участники форума признали, что Россия становится одним из ключевых участников интеграционных процессов в АТР.

В сентябре 2007 г. президент В.В. Путин посетил Индонезию по дороге в Австралию, где должен был состояться саммит АТЭС. Восточное турне В.В. Путина ознаменовалось и началом нового этапа отношений России с Австралией. Выступая на состоявшемся в апреле торжественном приёме в Канберре по случаю 200-летия установления первых контактов двух стран, посол РФ в Австралии заявил, что Россия и Австралия несут особую ответственность за стабильность в АТР. Уровень двусторонних торгово-экономических отношений был невысок – объём товарооборота составил в 2007 г. 524 млн. долл., но он имел тенденцию стабильного роста. Работала смешанная российско-австралийская комиссия, действовало Соглашение о поставках в Россию австралийского урана. Общий объём российских инвестиций в экономику страны составил 1,3 млрд. долл., австралийских в Россию – 0,55 млрд. долл. В Австралии проживает 200 тыс. выходцев из России.

К визиту В.В. Путина было приурочено проведение программы Дней России в Австралии, в рамках которой в г. Брисбен в штате Квинсленд работал Деловой форум «Инновационный рост экономики и взаимовыгодное партнёрство». Было подписано Межправительственное соглашение о сотрудничестве в области использования атомной энергетики в мирных целях, в соответствии с которым Россия получила возможность покупать австралийский уран для обогащения на своих

предприятиях и использования на АЭС. Другим направлением сотрудничества должны стать исследования в научной сфере, разработка, строительство и эксплуатация АЭС. Стороны подписали два заявления – об изменении климата и по вопросам энергетики, а также о борьбе с терроризмом как в своих странах, так и в глобальном масштабе.

В.В. Путин приветствовал усилия Австралии по содействию в обеспечении демократии и рационального управления в Юго-Восточной Азии и южной части Тихого океана[16].

Весьма показательной была и договорённость, достигнутая РФ с другими членами АТЭС о проведении саммита этой организации в 2012 на российской территории.

Межправительственное сотрудничество осуществлялось и с Лаосом и Камбоджей, куда в ноябре 2008 г. состоялся визит представителей российского парламента во главе с зам. председателя Государственной думы – на таком высоком уровне это было впервые за прошедшие 8 лет[17].

Знаковым явилось открытие в декабре 2008 г. посольства России в Брунее – эта страна была единственной из государств АСЕАН, не имевших до тех пор российского посольства. (Брунейское посольство в Москве было открыто в 2001 г.) Как подчеркнул МИД РФ, это поможет решению практических вопросов активизации двусторонних отношений в условиях, когда Россия стремится наращивать взаимовыгодные контракты, реализуя их в конкретные проекты сотрудничества. А в октябре 2009 г. султан Брунея Хассанал Болкиах, прибыл в Москву с официальным визитом. Переговоры с российскими официальными лицами были направлены на установление, прежде всего, военно-технического сотрудничества сторон. А именно – приобретение Брунеем 30 боевых вертолётов Ка–52. А также – в нефтегазовой сфере в условиях постепенного истощения запасов этих ископаемых в стране.

В то же время одним из стратегических направлений не только в плане торговли, но и в инвестициях стал для России Сингапур. Правительство этой страны являлось первым официальным партнёром по консультациям в связи с подготовленным списком активов, которые могут быть привлечены в течение ближайшего времени. Суверенные фонды в Сингапуре, объём

которых превышает 400 млрд. долл., в 2005–2008 гг. уже осуществляли инвестиции в ряд российских проектов, в том числе в создание Особых экономических зон. Министр–наставник Сингапура Ли Куан Ю совершил очередной визит в Россию, в ходе которого встречался с премьер–министром В.В. Путиным. Россия особенно приветствовала инвестиции этой страны в нефтегазовый сектор, инфраструктуру, недвижимость, морские порты и аэропорты.

В связи с подготовкой предстоящего визита президента РФ Д.А. Медведева в Сингапур для участия в саммите АТЭС в марте 2009 г. в Москву был приглашен министр иностранных дел этой страны Джордж Ео. В беседе с его российским коллегой С. Лавровым был отмечен значительный прогресс в развитии двусторонних отношений и подтверждено намерение повысить уровень политического диалога, активизировать торгово-экономические связи. Стороны обсудили ситуацию в Азиатско-Тихоокеанском регионе и пути наращивания партнёрского диалога между Россией и АСЕАН. Было подчёркнуто большое значение принятия решения об участии РФ в Восточноазиатских саммитах как признания её роли в регионе. Они констатировали близость или сходство подходов к международным проблемам, осудив терроризм во всех его проявлениях, и высказались за углубление взаимодействия в борьбе с эти явлением[18].

О намерении усиления связей с Россией заявил в июле 2009 г. интервью ИТАР-ТАСС премьер-министр Новой Зеландии Джон Кей. Он сказал, что Россия является для его страны важным экономическим рынком, и желательно было бы дальнейшее развитие взаимовыгодной торговли. Новозеландский руководитель добавил, что среди жителей страны существует большой интерес к культуре и истории России[19].

Что касается связей с Австралией, после событий в августе 2008 г. в Грузии в них произошёл определённый сбой – К. Радд заявил, что эти события могут «переломить» отношения двух стран. Однако в марте 2009 г. австралийское руководство пригласило С. Миронова выступить в парламенте на тему глобального кризиса. В Канберре состоялась его встреча с премьер–министром страны, и стороны позитивно оценили харак-

тер российско-австралийского политического взаимодействия, его конструктивную и деловую тональность. Они отметили, что между двумя странами не существует вопросов проблемного характера, а возникающие время от времени вопросы решаются путём диалога в обстановке взаимопонимания.

Российский представитель выразил мнение, что парламентарии вносят большой вклад в развитие и углубление двусторонних отношений. Участники встречи высказали уверенность, что законодатели должны ориентировать правительства на более активную работу по реализации имеющихся договоренностей о развитии сотрудничества. С. Миронов подчеркнул, что Австралия – один из перспективных партнёров России в АТР и высказался за дальнейшее развитие торгово-экономических связей, отметив, что двусторонний товарооборот не соответствует потенциальным возможностям сторон.

Кроме двусторонних отношений на встрече обсуждался вопрос глобального кризиса. По мнению российского политического деятеля, нужен поиск коллективных мер для его преодоления. Он оценил как заслуживающую внимания инициативу Австралии о создании Комиссии специалистов по вопросам ядерного нераспространения и разоружения. По поводу идеи К. Радда о создании новой Азиатско-Тихоокеанской организации С. Миронов сказал, что региональные структуры должны быть, прежде всего, направлены на укрепление мира, стабильности и сотрудничества, базироваться на коллективных началах, и данная идея требует дополнительной проработки[20].

Росту взаимопонимания России с государствами ЮВА, Австралией и Новой Зеландией способствовал состоявшийся, впервые за прошедшие 40 лет, визит руководителя страны в Сингапур в ноябре 2009 г. Д.А. Медведева, который прибыл туда для участия в саммите АТЭС. Происходивший в юбилейный 20–летний год создания этого объединения, он обсудил широкий круг экономических и экологических проблем. Совместная итоговая декларация, принятая делегатами форума, была направлена, прежде всего, на оказание взаимопомощи по выходу их кризиса. Основным её пунктом являлась договорённость о формировании системы свободной торговли в регионе.

В план проведения саммита кроме экономических и политических мероприятий была включена и культурная программа. В частности – выставка работ художников российского Приморья «Россия – восточный взгляд. Связывая миры», которая экспонировалась в колледже искусств Сингапура. Впервые за последние 8 лет Россию представлял флагман Тихоокеанского флота большой ракетный крейсер «Варяг».

И это было не единственное проявление усилий России по привлечению внимания к своим планам подготовки к саммиту АТЭС. На третьем российско-сингапурском форуме в августе 2008 г. был представлен международный архитектурно–строительный консорциум, занимавшийся проектированием объектов саммита стоимостью в 6,2 млрд. долл. В декабре в «тихоокеанских воротах» РФ – г. Владивосток прошёл третий международный экологический форум «Природа без границ», куда прибыли 600 экологов, представителей общественных организаций и государственных структур из России, Вьетнама, Китая, Японии, Австралии, США, Германии и Монголии. А в сентябре 2009 г. там же открылся седьмой международный кинофестиваль стран АТР «Меридианы», в котором участвовали десятки звезд российского и зарубежного кинематографа. В программу вошли фильмы 13 стран, в том числе России, Австралии, Новой Зеландии, Сингапура, Филиппин и Индии, представивших 600 картин, из которых 200 было показано[21].

Подводя итоги 2009 г., зам. Министра иностранных дел РФ А. Бородавкин заявил на пресс–конференции в ИТАР-ТАСС, что участие России в процессах, происходящих в АТР, приобрело новое качество, стало более предметным, практическим, с акцентом на экономическую интеграцию. В условиях, когда такие страны, как Китай, Индия и Австралия совместными усилиями преодолевая последствия глобального кризиса сохранили позитивную динамику развития своей экономики, Россия стала в большей степени интегрированной частью этого региона[22].

В 2010 г. данная тенденция получила своё дальнейшее развитие.

В январе С. Миронов посетил Сингапур для участия в очередной сессии Азиатско-Тихоокеанского парламентского

форума. Открывая его, он отметил необходимость создания оптимальной архитектуры сотрудничества в сфере политики и безопасности; именно этой теме и был посвящен форум. Российский представитель подчеркнул, что решение самых больных проблем возможно лишь при опоре на консенсус всех заинтересованных сторон. Миронов назвал Сингапур перекрёстком между Индийским и Тихим океаном, где обе страны могут успешно осуществлять совместные проекты. Делегация Совета Федерации подготовила также проекты резолюций антикризисных действий и по энергетической безопасности.

Затем С. Миронов прибыл в Малайзию, где он заявил, что позиции обеих стран схожи по многим общемировым и региональным вопросам – урегулирование любых конфликтов должно достигаться мирными политико-дипломатическими средствами. Подчеркнув, что РФ уделяет большое внимание укреплению связей с мусульманским миром, Миронов поблагодарил Малайзию за активную поддержку присоединения России к Организации Исламская конференция в качестве наблюдателя.

Продолжалось различного рода сотрудничество России и с другими государствами ЮВА[23].

А на состоявшемся в апреле в Ханое 16–м саммите АСЕАН обсуждался вопрос о создании новой региональной структуры – Азиатско-Тихоокеанского сообщества. И в итоговом коммюнике саммита отмечалась заинтересованность стран ЮВА в бóльшем вовлечении и взаимодействии с Россией и США в этом регионе.

Таким образом, если в первоначальном варианте автора этой идеи К. Радда в списке потенциальных участников планируемой организации РФ не фигурировала, теперь она была в него включена. Причём австралийский руководитель высказал, в связи с этим, мнение, что новая организация должна обсуждать как торгово-экономические и политические вопросы, так и проблемы безопасности. Это стало особенно актуальным в условиях, когда основные центры силы смещаются на Восток при сохраняющемся влиянии на политические и экономические процессы со стороны России и США. И региону необходим форум, который объединил бы все заинтересованные страны в обсуждении актуальных проблем. Тем более, что Индия, явля-

ясь членом Восточноазиатского саммита, не входит в АТЭС, где дискутируются торгово-экономические вопросы, а Россия и США не входят в ВАС, где обсуждаются программы безопасности и сохранения мира в АТР.

В мае министр иностранных дел Австралии Стивен Смит в эксклюзивном интервью ИТАР–ТАСС выразил намерение вывести австралийско-российские отношения на качественно новый уровень, придать новый импульс политическому диалогу, в том числе по вопросам безопасности и стабильности в АТР. Это нужно для того, сказал он, чтобы наверстать то многое, что было упущено за прошедшие 13 лет. Поэтому планируется возобновление регулярной работы не собиравшейся до 2008 г. смешанной Российско-Австралийской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, а также диалога К. Радда с президентом Д.А. Медведевым, особенно в рамках различных многосторонних форумов, например, «большой двадцатки». Идёт и работа над Межправительственным соглашением по вопросам Антарктики, договору по оказанию правовой помощи и др.

С. Лавров, в свою очередь, объявил о движении в направлении ратификации подписанного в 2007 г. Межправительственного соглашения о сотрудничестве в мирном использовании ядерной энергии, в соответствии с которым Австралия будет поставлять уран для переработки и использования в российских атомных реакторах[24].

В июне в г. Рама в штате Квинсленд Австралии открылся российско-австралийский инвестиционный форум, посвященный привлечению австралийских капиталовложений в аграрный сектор России. Он работал под эгидой Минэкономразвития РФ и Российско-Австралийского делового союза. Россия является вторым, после США, крупнейшим импортером австралийской говядины и надеется на инвестиции этой страны, поскольку Австралия нуждается в новых рынках сбыта[25].

В том же месяце во вьетнамском г. Хошимине состоялся 19–й региональный саммит Всемирного экономического форума (ВЭФ) по Юго-Восточной Азии с участием 450 ведущих политиков, экономистов, учёных и представителей крупного бизнеса из более 50 стран. Главной темой форума было преодоле-

ние последствий мирового кризиса. Причём Вьетнам был выбран местом проведения саммита как впечатляющий пример динамичного развития всего АТР. В этой стране он собрался впервые за 40 лет существования ВЭФ и рассматривается как продолжение главного мероприятия данной организации – Давоса[26].

В июле 2010 г. во вьетнамской столице г. Ханой состоялась 43-я встреча глав МИД АСЕАН, а также постминистерские консультации с партнерами по диалогу Ассоциации и 17-е заседание Регионального форму АСЕАН, в которых участвовала и Россия. В этой, международной части встречи главное внимание было уделено проблеме поддержания мира и стабильности в АТР. Обсуждался и вопрос расширения Восточноазиатского саммита – министры рекомендовали руководителям своих стран официально пригласить в члены ВАС Россию и США[27].

В августе во вьетнамском г. Дананг имела место встреча министров экономики РФ и АСЕАН на которой было принято решение выработать «дорожную карту» двустороннего сотрудничества. А в последней декаде октября по инициативе Вьетнама в Ханое состоялась первая встреча министров обороны АСЕАН и восьми государств партнеров по диалогу Ассоциации – Австралии, Индии, Китая, Новой Зеландии, Республики Корея, России, США и Японии (АСЕАН+8). В декларации, принятой по итогам встречи, отмечается, что она способствует укреплению взаимного доверия и понимания сторон, налаживанию тесной координации по вопросам борьбы с вызовами и угрозами глобальной стабильности и безопасности. Этот форум положил начало созданию нового механизма многостороннего сотрудничества по вопросам поддержания мира и безопасности во всем мире[28].

В конце того же месяца состоялся официальный визит президента Д.А. Медведева во Вьетнам. Перед формальным началом визита российский руководитель принял участие во втором саммите Россия-АСЕАН. По итогам этого форума были приняты совместное заявление, в котором отражены общие подходы сторон к формированию системы безопасности и сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе и определены

основные направления развития диалога Россия-АСЕАН на ближайшую перспективу, а также программа энергетического сотрудничества сторон на 2010-2015 годы. Было принято решение о полноправном участии РФ в Восточноазиатском саммите с 2011 г. К членам ВАС подключаются и США (документ об этом подписала государственный секретарь Хиллари Клинтон). Как заявил Д.А.Медведев, успешное строительство Азиатско-Тихоокеанского дома отвечает интересам всех стран; Россия открыта для взаимодействия, в том числе и для создания различных альянсов.

В декабре во вьетнамском г. Далат состоялось совещание высших должностных лиц стран-участниц упомянутого выше форума АСЕАН+8, от России на ней присутствовали представитель Главного управления Международного военного сотрудничества министерства обороны РФ. Главное внимание собравшихся было уделено выработке концепции деятельности сформированных в сентябре в Ханое рабочих групп, в том числе – по созданию новой структуры региональной безопасности, механизма реагирования на нетипичные угрозы, обеспечения безопасности на море, реагирования на стихийные бедствия и мер по поддержке мира в регионе. В задачу этих групп входит поддержание контактов между участниками Форума в период до следующего его заседания, намеченного на 2013 г. в Брунее[29].

Усилился и интерес к России со стороны Австралии и Новой Зеландии. Накануне саммита «большой двадцатки» в ноябре 2010 г. в Сеуле новый премьер-министр Австралии Джулия Гиллард отметила, что рассматривает этот форму как возможность развития отношений с РФ. И во время встречи с Д.А. Медведевым стороны обменялись нотами о том, что в обеих странах завершены необходимые процедуры для вступления в силу соглашения о сотрудничестве в области атомной энергии от 7 сентября 2009 г. А премьер-министр Новой Зеландии Джон Кеу во время встречи с российским президентом на саммите АТЭС в Иокогаме выступил с предложением заключить соглашение о свободной торговле с Россией и странами Таможенного союза Белоруссией и Казахстаном. Д.А. Медведев поддержал эту инициативу[30].

Вышеприведенное позволяет сделать вывод, что, несмотря на существующие в регионе противоречия и различного рода сложности, кооперация АСЕАН с Австралией и Новой Зеландией послужила толчком к созданию новой архитектуры отношений присутствующих в нем стран. Ускорению этого процесса способствовала активизация роли России, достигшей более высокого, чем за предшествующий постсоветский период, уровня сотрудничества с данными и некоторыми другими странами АТР.

---

[1] Пульс планеты, 13.03.2008.
[2] Пульс планеты, 25.07.2008.
[3] Дипкурьер. Вестник внешнеэкономической жизни России, 2008, № 24, с. 30
[4] Пульс планеты, 08.02.2008.
[5] Пульс планеты, 14.08.2008.
[6] Australian Relationship with ASEAN. www.dfat.gov.au.
[7] Department of Foreign Affairs and Trade. Bilateral relations. Australia – Indonesia Relations; The Hon Stephen Smith MP Australian Minister for Foreign Affairs. Australia ASEAN and the Asia–Pacific. 18 July, 2008, Lowy Institute. Sydney (www.dfat.gov.au).
[8] Компас, 2008, № 37, с. 44-49.
[9] Пульс планеты, 29.07., 03.10.2008; The Straits Times, Singapore, 31.10.2009.
[10] Пульс планеты, 08.06.2008; IISS Asia Security Summit. The Shangri-La Dialogue – International Institute for Startegic Studies, 02 June 2009, www.iis.org/whats-new/iis-in-proposals-for-ne.
[11] Компас, 2008, № 45, с.56-59.
[12] Пульс планеты, 03.03.2009.
[13] Koran Jakarta, Jakarta, 28.02.2009; Rakjat Merdeka, Jakarta, 28.02.2009.
[14] Пульс планеты, 05.08.2009, 07.08.2010.
[15] Пульс планеты, 20.04.2009.
[16] Дипкурьер, 2007, № 17, с. 14-27.
[17] Дипкурьер, 2008, № 22, с.31; Компас, 2008, № 46, с. 8-10.
[18] DEITA.Ru, Региональное информационное агентство, 18.03.2009. http://deita.ru/print,125194
[19] Пульс планеты, 27.04.2009.
[20] Пульс планеты, 16.03.2009; Компас, 2009, №48, с. 13-49.
[21] Известия, 16.12.2008; 25.09.2009; Коммерсантъ, 28.09.2010.
[22] Дипкурьер, 2010, № 1, с. 42-43.
[23] Пульс планеты, 19, 20.01.2010.

[24] Дипкурьер, 2010, № 9, с. 36-39.
[25] Пульс планеты, 09.06.2010.
[26] Пульс планеты, 07.06.2010.
[27] Пульс планеты, 26.07.2010; Компас, 2010, № 33, с. 65.
[28] Компас, 2010, № 44, с . 46-48.
[29] Пульс планеты, 03.12.2010.
[30] Дипкурьер, 2010, № 22, с. 23-24; Компас, 2010, № 46, с. 63, № 49, с. 61-62.

© ***Матюхин М.В.***
соискатель ИВ РАН

ЗАРУБЕЖНАЯ ЭКСПАНСИЯ НЕФТЕГАЗОВЫХ КОМПАНИЙ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Главным мотивом зарубежной экспансия нефтегазовых компаний стран ЮВА является обеспокоенность неблагоприятными перспективами открытия в стране новых крупных месторождений нефти и газа в условиях быстрого роста спроса на них.

Такого рода обеспокоенность открыто выразил Фунг Динь Тхык (Phung Dinh Thuc), генеральный директор национальной нефтегазовой компании PetroVietnam. По его прогнозу в 2010 г. во **Вьетнаме** будет введено меньше мощностей по добыче нефти и газа по сравнению с 2009 г. Даже в довольно благополучном 2009 году все шесть новых месторождений были отнесены к классу малых – обнаружение крупных месторождений, как это было в предшествующие десятилетия, по мнению вьетнамских специалистов, маловероятно[1].

Потребление же нефти и газа во Вьетнаме будет расти высокими темпами как следствие ускорения темпов экономического роста. В 2009 г. во Вьетнаме было добыто 16,3 млн. т нефти и 8 млрд. куб. м газа (в основном попутного). По оценке специалистов PetroVietnam, в 2010 г. уровень добычи нефти в стране снизится до 15 млн. т нефти, газа – останется на прежнем уровне.

Пока ситуация не стоит слишком остро, поскольку единственный вьетнамский НПЗ находится ещё на начальной стадии эксплуатации, и Вьетнам, как и прежде, вынужден значительную часть добываемой нефти экспортировать (в 2009 г. – 14 млн. т). Но уже в 2011-2015 гг. двум вьетнамским НПЗ потребуется не менее 20 млн. т нефти ежегодно.

Для этого собственные ресурсы явно недостаточны, при чём наиболее неблагоприятны перспективы добычи нефти, а добыча газа на континентальном шельфе страны тормозится из-за недостатка адекватной транспортной инфраструктуры, создание которой требует немалых затрат. Всё это побуждает

Вьетнам искать дополнительную ресурсы нефти и газа за рубежом.

На начало 2010 г. Exploration Production Corp (PVEP) – подразделение PetroVietnam, занимающееся разведкой и добычей нефти и газа, вело работы в 22-х странах, а совокупные инвестиции Вьетнама в нефтегазовые объекты за рубежом составляли 600 млн. долл.[2]

Такого рода деятельность началась ещё в первой половине 2000-х годов, когда была образована The PetroVietnam Investment and Development Company (PIDC), специализирующаяся на операциях вне территории Вьетнама. Первоначально её деятельность имела место лишь в двух странах – в Алжире и Малайзии, причём поисковые работы дали положительные результаты довольно быстро, а PIDC продемонстрировала своё мастерство при поиске и освоении месторождений в разных и достаточно сложных условиях – как обычных, так и шельфовых.

Так, в апреле 2006 г. PIDC объявила о начале залежей нефти и газа на блоке 433A&416B в алжирской Сахаре. PIDC принадлежит 40% в капитале совместного предприятия по освоению этого месторождения, а её алжирским партнёрам – частной PTTE Algeria Co. Ltd. и государственной Sontrach – 60%. Геологоразведочные и подготовительные работы на этом месторождении были начаты в 2003 г., и уже в 2005 г. PIDC как оператору проекта удалось обнаружить коммерческие запасы на глубине почти 4 км и оценить их потенциал (255 тыс. т нефти и 0,13 млн. куб. м газа ежегодно)[3]. В 2009 г. было начато полномасштабное освоение блока 433A&416B.

В Малайзии PIDC приобрела 30%-ную долю участия в капитале проекта освоения шельфового месторождения SK305 вблизи побережья Саравака (её партнёрами выступают малазийская и индонезийская компании). В 2005 г. первая же скважина обеспечила выход более 164 тыс. т нефти и 1,6 млн. куб. м газа в год)[4]. После уточнения потенциальных запасов было начато их промышленное освоение.

В 2005-2008 гг. Вьетнам вёл переговоры о доступе к разведке и освоению месторождений нефти и газа с Азербайджаном, Казахстаном, Ираком, Ираном, Венесуэлой, Венесуэлой Мадагаскаром, Камеруном, Монголией и Индонезией. Были

начаты геологоразведочные работы на континентальном шельфе Кубы на блоках N31, N32, N42 и N43[5].

В сентябре 2008 г. PetroVietnam заключила с российской ОАО Зарубежнефть соглашение о сотрудничестве в области поиска, разведки и добычи нефти и газа в России. Генеральный директор Зарубежнефти Николай Брунич подчеркнул, что после её победы ОАО в тендере на право разработки четырех блоков в Ямало-Ненецком автономном округе наметился новый этап в сотрудничестве российских и вьетнамских партнеров. Для работы на новых участках было создано ООО СК Русвьетпетро, которому были переданы лицензии на блоки ЦХП. PetroVietnam было предложено участвовать в проекте. Впоследствии стороны согласовали условия вхождения PetroVietnam в Русвьетпетро, согласно которым приобрела 49%-ную долю в капитале Русвьетпетро. Кроме того стороны достигли принципиальной договорённости о совместной работе в третьих странах[6].

Договорённости сторон успешно реализуются –в сентябре 2010 г. было объявлено о начале добычи нефти в России в 2011 г. на месторождении Центральное Хорейверское, которое содержит примерно 95 млн.т. В первый год добыча. как ожидается, составит 1,5 млн. т, а пиковая добыча достигнет 6 млн. т ежегодно.[7]

В августе 2008 г. было подписано соглашение о взаимном сотрудничестве PetroVietnam и НХК Узбекнефтегаз, предусматривающего, в частности, проведение совместных геологоразведочных работ на инвестиционных блоках на территории Республики Узбекистан и, возможно, создания совместного предприятия по осуществлению геологоразведочных и сервисных услуг на территории Узбекистана, Вьетнама и в третьих странах. В январе 2010 г. PVEP достигла договорённости об инвестировании 30 млн. долл. в освоение блока Kossor в Узбекистане площадью 5 тыс. кв. м.

В 2010 г. Вьетнам рассчитывает импортировать с двух зарубежных месторождений (в России и Малайзии) до 0,5 млн. т нефти. С 2012 г. планируется приступить к импорту газа.. В планах компании получение доступа к ресурсам ряда стран бывшего СССР, Юго-Восточной Азии, Африки и Латинской

Америки. При этом Вьетнам рассчитывает на стратегическое партнёрство в этих странах с российскими компаниями (прежде всего с Газпромом), что предусмотрено соответствующими соглашениями.

Энергетическая дипломатия Вьетнама активна и успешна. Переговоры с потенциальными партнёрами, завершённые в 2009 г., принесли ощутимые результаты: были подписаны соглашения о сотрудничестве в нефтегазовой сфере с Никарагуа, Боливией, Аргентиной, Мозамбиком, Анголой и Казахстаном. В конце 2009 г. было подписано предварительное соглашение с Cambodian National Petroleum Authority (CNPA) о проведение PVEP геологоразведочных работ с последующей добычей на блоке XV в Камбодже в районе крупнейшего в Юго-Восточной Азии озера Тонле-Сап на площади 6,9 тыс. кв. км. Оно имеет особо важное значение для Вьетнама, поскольку затрагивает его интересы в субрегионе, где вьетнамское влияние традиционно велико (PVEP уже работает в Лаосе и Мьянме)[8].

Особое место в энергетической дипломатии Вьетнама занимают Судан, Венесуэла и Иран. Используя нарастающие сложности в отношениях западных конкурентов с этими странами, Вьетнам ещё с 2006 г. предпринимает попытки наладить с ними "особые" отношения[9].

В частности, в декабре 2009 г. было подписано рамочное соглашение с Суданом о сотрудничестве в нефтяной сфере, в том числе о поиске и освоении нефтяных месторождений в Судане, Вьетнаме и в третьих странах.[10]

В июне 2010 г. образована совместная компания PetroMacareo S. A. с венесуэльской государственной нефтегазовой корпорацией Petroleos de Venesuela, целью которой будет освоение крупного месторождения тяжёлой нефти Junin-2 в венесуэльском Оринокском поясе площадью 249 кв. км. Venezuelan Petroleum Corp., подразделение государственной венесуэльской компании PDVSA, получила 60%-ную долю участия в этом совместном предприятии, PVEP – 40%-ную. Предполагается, что PetroMacareo сможет добывать 10 млн. т тяжёлой и сверхтяжёлой нефти ежегодно, которая затем будет перерабатываться в лёгкую нефть для дальнейших поставок на НПЗ во Вьетнаме,[11].

Иран неоднократно высказывал стремление к сотрудничеству с Вьетнамом в освоении своих нефтегазовых месторождений. Однако Вьетнам, опасаясь попасть под режим международные санкций, проявляет осторожность и, что примечательно, рассчитывает привлечь для участия в переговорах с Ираном Россию[12].

Следует отметить, что успеху энергетической дипломатии Вьетнама способствует хорошая деловая репутация вьетнамских нефтяников. Их опыт и достаточно высокий технологический уровень предприятий, обслуживающих нефтегазовую отрасль страны, высоко ценится на мировом рынке: доходы Вьетнама от экспорта сервисных услуг и поставок комплектующих для объектов нефте- и газодобычи в 2009 г. возросли на 47%, достигнув 5 млрд. долл.[13]

Компании **Малайзии** обладающие наибольшим по сравнению с компаниями других стран ЮВА опытом работы за рубежом в 2010 г. расширили свою экспансию. Они участвовали в геологоразведочных программах, а также в проектах по освоению действующих нефтяных месторождениях на Ближнем и Среднем Востоке (в Сирии, Туркменистане, Иране, Пакистане, Алжире, Ливии, Тунисе), в Африке (Судан, Ангола, Нигер), в Китае и странах АСЕАН. Их безусловным лидером оставалась государственная Petronas, однако в минувшем году заметно расширили свои операции за рубежом частные компании отрасли.

Малазийские нефтегазовые компании работают во Вьетнаме с 1991 г. и накопили богатый опыт освоения шельфовых месторождений нефти и газа этой страны. Наибольшую активность в этой стране проявляет государственная Petronas. Минувший год ознаменовался крупными открытиями: в частности, в ноябре 2010 г. совместное предприятие Petronas и PetroVietnam начало добычу нефти на месторождениях Pearl и Topaz на шельфе Вьетнама.[14]

Однако в минувшем году возросли масштабы присутствия в нефтегазовой отрасли Вьетнама и других, негосударственных компаний. Так Mitra Energy, действуя совместно с Kuwait Foreign Petroleum Exploration Company (KUFPEC) и Petrovietnam Exploration Production Corp. (PVEP), заключила соглашение о

разделе продукции, предусматривающее на начальном этапе проведение геологоразведочных работ на блоке 51 на континентальном шельфе Вьетнама на площади 300 кв. км.[15]

Другая малазийская частная компания – Bumi Armada – в сотрудничестве с российско-вьетнамским СП Vietsovpetro приступила к освоению месторождения Te Giac Trang на континентальном шельфе Вьетнама. Это масштабный проект с предварительной стоимостью 700 млн. долл., рассчитанный на 7 лет с возможностью продления срока освоения, согласно условиям соглашения ещё на 8 лет. Запасы нефти месторождения Te Giac Trang оцениваются в 41 млн. т, а первая нефть будет добыта уже во втором квартале 2011 г.[16]

Примечательно, что, испытывая острую нехватку перспективных площадей, Petronas существенно изменила политику в отношении ряда спорных территорий шельфа, в частности, вблизи границы с Брунеем. Она предложила султанату совместно осваивать блоки CA1 и CA2, расположенные неподалёку от северных районов малазийского шт. Саравак. В рамках создаваемого СП Petronas, имеющая больший опыт работы на шельфе выполнит основной объём разведочных и иных работ на указанных месторождениях.[17] Следует отметить, что соглашение с Брунеем носит стратегический характер, рассчитано на 40 лет и полностью прекращает конфликт, длившийся с 2003 г.

Новой и весьма успешной формой участия Малайзии в освоении нефтегазовых ресурсов за рубежом в 2010 г. стала деятельность в составе международных консорциумов. Совместно Royal Dutch Shell и иракской South Oil Co (SOC) Petronas на основании контракта, подписанного в начале 2010 г., приступила к освоению одно из крупнейших в мире месторождений Majnoon в Ираке (его запасы оцениваются в 1,7 млрд. т).[18] Аналогичный консорциум в составе Petronas (50%-ная доля в капитале проекта), сингапурской компании SPC и вьетнамской – Petrovietnam в сентябре 2010 г. открыл крупное месторождение нефти и газа Ham Rong-2X. Его запасы оцениваются в 6 млн. т нефти и почти 5 млрд. куб. м газа. Коммерческая добыча начнётся предположительно в 2014 г.

Разумеется, в деятельности Petronas за рубежом в 2010 г. имели место и неудачи: так, компания была вынуждена продать

свои активы в газовой промышленности Пакистана австрийской компании OMV и часть активов на Кубе – Газпромнефти.[19] Неудачей завершилось разведочное бурение на континентальном шельфе Мавритании.[20]

Таиландская государственная нефтегазовая компания PTT Exploration and Production Public Co. Limited (PTTEP) по состоянию на 2010 г. вела поисковые и эксплуатационные работы на нефть и газ на 44-х месторождениях в 13-ти странах. Хотя в 2010 г. PTTEP выделила 1,45 млрд. долл. для финансирования операций за рубежом, зарубежная экспансия компании заметно снизилась – предположительно в основном под воздействием осложнения внутриполитической ситуации.

Основной её чертой стал выход за пределы региона, нефтегазовый потенциал которого, во-первых, заметно сократился, а, во-вторых, стал требовать от PTTEP технологических решений и финансовых ресурсов, которыми компания не располагает. PTTEP, например, не владеет технологиями глубоководного бурения, спрос на которые в ЮВА ныне весьма высок и требует крупных инвестиций при высоком уровне рисков.

В известной мере сокращение активности PTTEP в регионе было вызвано внешнеполитическими проблемами и, в частности, осложнением таиландско-камбоджийских отношений: в ноябре 2009 г. Таиланд расторг предварительное соглашение с Камбоджей 2001 года о формировании на спорных территориях в Таиландском заливе, предположительно содержащих запасы нефти и газа, площадью 26 тыс. км зоны совместной эксплуатации.[21]

Отчасти эта неудача была компенсирована началом работ в феврале 2010 г. Малазийско-таиландской зоны совместного освоения нефтегазовых месторождений. К тому же PTTEP в 2010 г. успешно продолжала операции на концессионных площадях во Вьетнаме, Индонезии, Мьянме. В частности, в Индонезии PTTEP выиграла торги сразу по четырём блокам на континентальном шельфе в Макасарском проливе.[22]

К тому же PTTEP впервые в 2010 г. проявила интерес к новым объектам сотрудничества со странами АСЕАН в нефтегазовой сфере: она приняла участие в крупнейшем трубопроводном проекте во Вьетнаме, стоимостью 1 млрд. долл. (400-

километровый трубопровод – длина участка морского шельфа составляет 246 км – будет самым протяжённым во Вьетнаме), в котором наряду с Petrovietnam Gas Corp. и PTTEP участвуют также Chevron и MOECO.[23]

Основные усилия компании были направлены на приобретение новых нефтегазовых активов в некоторых странах Африки, СНГ, Южной Америки, Канады. Крупным успехом PTTEP можно считать приобретение 40% акций норвежской Statoil в месторождениях нефтеносных песков в провинции Альберта в Канаде за 2,3 млрд. долл. Далеко не все эти усилия завершались успехом – в мае в Бразилии PTTEP проиграла тендер по месторождению Campos китайской Sinochem Group.

Масштабы зарубежной экспансии нефтегазовых компаний **Индонезии** невелики, и мотив её достаточно ясен: легкодоступные запасы углеводородов страны постоянно сокращаются, а издержки на поиск и эксплуатацию труднодоступных резервов быстро растут. Нам удалось выявить лишь несколько примеров такого рода экспансии, и все они относятся к периоду после 2008 г.

В мае 2009 г. индонезийская государственная компания Pertamina приобрела через одну из своих дочерних компаний 10%-ную долю в капитале совместного предприятия Basker-Manta-Gummy, занимающегося освоением шельфового нефтегазового месторождения в заливе Басс (Восточная Виктория). Продавец – австралийская Roc Oil Co. Ltd со штаб-квартирой в Сиднее, уступившая ¼ часть своей доли в проекте за 31,5 млн. долл. Помимо Roc Oil Co. Ltd – оператора проекта, которой отныне принадлежит лишь 30% в капитале СП, его участниками являются Beach Petroleum Ltd. (30%), Itochu Oil Exploration Co. Ltd. (20%) и Sojitz Energy Corp. (10%). Месторождение пока даёт только нефть (свыше 408 тыс. т в годовом исчислении), однако вторая фаза его освоения предусматривает добычу газа.[24]

В 2010 г. зарубежная экспансия нефтегазовых компаний Индонезии ускорилась, при чём её участниками впервые стали частные компании. Это связано с тем, что для них доступ к ресурсной базе страны гораздо сложнее по сравнению с основным конкурентом – национальным монополистом Pertamina.

В апреле 2010 г. Medco Energi International вытеснила канадского конкурента Verenex Energy, купив его за 370 млн. кан. долл. и став оператором нефтяного блока Area 47 в Ливии. Medco рассчитывает начать добычу нефти в промышленных масштабах к 2014 г. и довести её до 2,5-5 млн. т в ежегодно[25].

Однако Pertamina в гонке за зарубежными нефтегазовыми активами пока лидирует. В мае 2010 г. её дочернее предприятие PT Pertamina Hulu Energi (PHE) объявила о начале коммерческой добычи нефти на блоке SK-305 на континентальном шельфе Малайзии у побережья штата Саравак (предполагаемый объём добычи на начальной стадии эксплуатации – около 200 тыс. т в год. В консорциуме компаний, работающих на этом месторождении участвуют малазийская Petronas Carigali и вьетнамская PVEP. PHE владеет 30% -ной долей в капитале совместного предприятия.

---

[1] The Alexander's Oil & Gas Connections. Vol. 15. № 3. 02.03.2010. P. 6.

[2] Ibid. P. 7.

[3] http://www.mpi.gov.vn/showTinvan.aspx?Lang=2&ma_tinvan=10608 (03.04.2006).

[4] Ibid.

[5] The Oil & Gas Journal Online. 13.05.2008 (http://www.ogj.com/display_article/328632/7/ARTCL/none/none/Cuba/?dcmp=OGJ.Weekly.ED)

[6] http://portnews.ru/news/39078/?print=1. 18.09.2008.

[7] The Alexander's Oil & Gas Connections. Vol. 15. № 15. 15.12.2010. P. 4

[8] The Alexander's Oil & Gas Connections. Vol. 14. № 17. 18.12.2009. P. 12.

[9] Ibid. Vol. 15. № 4. 22.03.2010. P. 8.

[10] Knight Ridder/Tribune Business News 12.02.2010 (http://www.rigzone.com/news/article.asp?a_id=87483).

[11] Dow Jones Newswires. 30.06.2010 (http://www.energy-pedia.com/article.aspx?articleid=141051&editionid=100449

[12] UPI.com. News. 24.12.2009 Science_News/Resource-Wars/2009/12/24/Vietnam-seeks-more-investment-in-Iran/UPI-92961261701542). Предложение внесено на XXXVII-ом заседании Совета "Вьетсовпетро" в Москве 13.07.2010 (http://oil-industry.ru/fndetail.php?print=yes&ID=187083).

[13] Knight Ridder/Tribune Business News 12.02.2010 (http://www.rigzone.com /news/article.asp?a_id=87483).

[14] The New Straits Times (Malaysia). 23.11.2010

[15] Mitra Energy News. 18.05.2010.

[16] The Alexander's Oil & Gas Connections. Vol. 15. № 1. 01.01.2010. P. 6.

[17] The Oil & Gas Journal Online. 22.04.2010; The Asia Pulse Pte Ltd. News. 21.05.2010.

[18] http://www.energy-pedia.com/article.aspx?articleid=139965& editionid= 100398

[19] UPI.com. News. 16.11.2010 (http://www.ogj.com/index/article-display/0778672758/articles/oil-gas-journal/exploration-development-2/2010/11/gazprom- gets_stake/QP129867/cmpid=EnlDailyNovember16 2010.html.

[20] Tullow Oil News. 16.02.2011.

[21] The Alexander's Oil & Gas Connections. Vol. 14. № 17. 18.12.2009. P. 8.

[22] The Alexander's Oil & Gas Connections. Vol. 15. № 9. 14.07.2010. P. 6.

[23] Petrovietnam News. 12.03.2010.

[24] The Oil & Gas Journal Online. 29.05.2009 (http://www.ogj.com/ogj/en-us/index/article-display.articles.oil-gas-journal.general-interest.company-news.pertamina-buys-stake-in-bmg-project-off-victoria.html.

[25] http://www.energy-pedia.com/article.aspx?articleid=139711 &editionid=100387 (05 April 2010).

© ***Лебедева Н.Б.***
ИВ РАН

ТРЕУГОЛЬНИК «ИНДИЯ – МЬЯНМА – КИТАЙ» (проблемы и компромиссы взаимодействия)

Введение

На геополитическом пространстве, на стыке Южной и Юго-Восточной Азии существует немало разнообразных взаимосвязей, интересов и противоречий, скажем, в конфигурации Индия – Мьянма – Таиланд, Индия – Бангладеш – Мьянма, Китай - Мьянма и др. (далее Мьянма или Бирма). В избранном для анализа треугольнике, в рамках которого относительно давно развиваются взаимодействия Индии, Китая и Мьянмы, главные их векторы определяются двумя крупнейшими в Азии и динамично развивающимися государствами, их прагматическими политическими и экономическими целями и интересами. Для обоих гигантов чрезвычайно важна и геостратегическая локация Мьянмы на перекрестье Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. Чтобы дать ответ на ключевые вопросы, каковы место и роль Мьянмы в данном треугольнике и является ли Мьянма полем серьезного индийско-китайского соперничества или сотрудничества, целесообразно рассмотреть следующие направления их политики по отношению к Мьянме:

- геостратегические и геополитические интересы Индии и Китая и механизмы их реализации,
- эволюция их торгово-экономических связей с Мьянмой,
- индийско-китайская конкуренция в сфере энергетики,
- роль многосторонних структур сотрудничества, способствующих решению поставленных Индией и Китаем задач в треугольнике,
- особенности позиции и ответная реакция Мьянмы на курсы Индии и Китая.

Китайский вектор в треугольнике

Китай и Мьянма делят общую границу в 2200 км. Это соседнее государство занимает одно из ключевых мест в объявленной и поэтапно реализуемой китайскими лидерами **страте-**

гии «Нити жемчуга» в обширном индоокеанском регионе, который ныне называют не иначе, как Большой Индийский океан в силу повышения его значимости на мировой арене. Термин «нить жемчуга» получил широкое хождение в исследованиях и статьях (первая была опубликована в газете “Washington Times” 18 января 2005 г.) после первоначального его появления в докладе Аллена-Буза для одного из департаментов Пентагона.

Китай стремится заполучить здесь геостратегически важные подходы к Индийскому океану в целом, и в частности, через принадлежащие Мьянме порты и острова, а также установить контроль над Малаккским проливом, который играет чрезвычайно важную роль в международной стратегии. Китайские власти опасаются, что США единолично или в связке с Японией смогут пресечь в любой момент проходящие нефтяные потоки. Указанные стратегические цели настолько значимы для Пекина, что, по мнению американского аналитика Иосифа Бодянского, бывшего директора Отдела по терроризму и Конгресса США, Китай готов рисковать военным конфликтом с региональными государствами или даже с США. На наш взгляд, это высказывание представляется эффектным, но явным преувеличением, поскольку ВС и ВМФ Китая еще не способны вступать в открытую борьбу с ВС Пентагона, да и такой шаг противоречил бы нынешним установкам китайских лидеров на «мирное возвышение»[1].

Стратегия «нити жемчуга» предусматривает также обеспечение безопасности морских путей (Sea Lines of Communication – SLOCs), по которым доставляется большая часть нефти, газа, товаров и т.п. из Персидского Залива и Африки по индоокеанским маршрутам для растущих потребностей страны, прежде всего, в энергоресурсах. Только через Малаккский пролив и Южно-Китайское море, которые не безопасны и из-за активности пиратов, в Китай транспортируется свыше 80% импортируемой нефти.

В настоящее время Китай не располагает ВМС, способными защитить SLOCs на всем их огромном протяжении. Ими обладают лишь США. В случае возможного вооруженного конфликта в районе, особенно вероятного вокруг Тайваня, энергетическая безопасность Китая будет поставлена под серь-

езный удар. Существенно, что в отличие от ведущих промышленных держав Китай пока не имеет значительного Стратегического нефтяного резерва (SPR). Чтобы довести его до солидного уровня потребуется время. Вот почему доступы к бирманским портам и наземным путям через эту страну рассматриваются китайскими стратегами как жизненно необходимые и более дешевые.

Начало курса «открытых дверей» было положено во время визита Дэн Сяопина в Рангун еще в 1978 г., а затем, начиная с 1988 г. Пекин сумел постепенно заполнить образовавшийся политический и экономический вакуум, который возник после наложения мировым сообществом санкций на Мьянму из-за военного переворота. Близкие отношения между Мьянмой и Китаем привели и к политике расширенной эмиграции - к 2005 г. свыше миллиона китайцев переселились в Бирму. По словам профессора М.Малика, северная и центральная части Мьянмы постепенно трансформируются в огромный “China town” благодаря значительной помощи, займам, инвестиционным вливаниям, списанию долгов, открытию предприятий и объемам торговли Китая[2].

Помимо этого, Пекин всячески способствовал и способствует налаживанию связей между Мьянмой и Пакистаном, своим ближайшим долговременным союзником. Например, китайские руководители явно приложили руку к тому, чтобы после военного переворота 1988 г. высшие руководители двух государств обменялись визитами - Кхин Ньюнт посетил Пакистан в 2000 г., а Мушарраф побывал в Мьянме в 2001 г. Были установлены военно-технические отношения между странами. Так, пакистанские власти командировали двух ученых – ядерщиков из окружения известного ученого А.К.Кхана для работы в Бирме, а также для того, чтобы они избежали их сдачи США в 2001 г.

В ходе реализации стратегии «Нити жемчуга», одним из важнейших звеньев которой является Мьянма, Китай, вступивший в стадию превращения не только в мощное экономическое, но и военное государство, встретил ряд препятствий и проблем. Так, на левом фланге Мьянмы, на западных подступах к Малаккскому проливу вновь активизировалась борьба с

его давними соперниками (Вьетнамом, Малайзией и др.) за оспариваемые острова в Южно-Китайском море (ЮКМ) – Спратли и Парасельские, где разрабатываются месторождения нефти и газа. Китай добывает нефть и газ не только в пределах континентального шельфа, но и переходит к активному освоению глубоководных донных месторождений. Споры из-за островов существовали и ранее, но в 2002 г. была принята Декларация о принципах поведения заинтересованных сторон в ЮКМ[3].

Не вдаваясь в детали и инциденты[*] нынешних осложнений, которые лишь частично касаются основного сюжета статьи, тем не менее, хотелось бы осветить некоторые меры, предпринимаемые Китаем для укрепления здесь своих обширных стратегических позиций и политического влияния. Так, Китай построил крупную базу ВМС на острове Хайнань в префектуре Санья в дополнение к уже действующей около Киндао на Желтом море и др. Судя по многочисленным фотоснимкам, сделанным “Google Earth” и “Digital Globe” с коммерческих спутников, база сможет принимать и обслуживать несколько надводных военных судов, атомные подводные лодки и даже авианосцы. Но самым любопытным и пугающим является возведение четырех входов в подводный туннель, в котором размещаются подлодки и ракеты разных модификаций. Здесь же имеется

[*] Категорическое препятствие попыткам крупнейших ТНК (например, British Petroleum и др.) проводить здесь дополнительную разведку и освоение новых нефте- и газоместорождений, вытеснение из региона вьетнамских и других рыболовецких судов, предостережение вьетнамской стороны от планов сотрудничества с нефтяной компанией «Экксон Мобил» в ЮКМ, где, по некоторым оценкам, запасы углеводородных ресурсов под его дном составляют свыше 3 млрд. тонн. 7 марта 2009 г. произошло столкновение между китайскими пограничными катерами и военным фрегатом США «Импеккабль», который занимался сбором разведданных и отслеживал действия китайских подводных лодок. Последний факт - это свидетельство хрупкости американо-китайского военного взаимодействия. По всей видимости, США явно обеспокоены морским строительством Пекина и вряд ли допустят его превосходство на море. Американские моряки с фрегата прямо заявили, что в следующий раз они не ограничатся мирным решением конфликта и откроют огонь.

оборудование для демагнетизации подводных субмарин, что делает невозможным их обнаружение[4]. Расположенная в 1200 милях от Малаккского пролива, новая база Китая, по мнению экспертов Академии стратегических и военных исследований Австралии, меняет баланс стратегических сил в регионе.

Параллельно Пекин расширяет аэродромы и опорные пункты на одном из островов Парасельского архипелага и Спратли. Его суда все чаще патрулируют воды у берегов Филиппин, Вьетнама и в спорных водах ЮКМ и ВКМ.

«Соседям Китая пора начать привыкать к присутствию китайских ВМС в азиатских водах», - заявил недавно отставной генерал НОАК Сюй Гуанъюй газете “South China Morning Post”. Он утверждал, что на протяжении последних десятилетий Китай практически не присутствовал в своих Эксклюзивных экономических зонах (ЭЭЗ). По его мнению, это была ненормальная историческая практика. А ныне ВМС КНР возобновляют операции там. Если в прошлом они придерживались толерантного подхода к проблеме территориальных разногласий из-за того, что флот Пекина не был способен защитить китайские ЭЭЗ, то теперь ему становится под силу выполнение этой задачи. Хотя, как считает другой представитель военных кругов, адмирал Ву Шеньли, флоту все еще не хватает высокоскоростных торпед, электронного вооружения, ракет дальнего действия высокой точности и т.п. Лишь приступив к реализации программы строительства авианосцев, Китай сможет в будущем обеспечивать свои национальные морские интересы на более широких океанских пространствах[5].

Крупнейшие морские державы – США и Япония, которые заинтересованы в безопасности Малаккского пролива и окружающих морей не меньше чем Китай, рассматривали подобные акции Пекина довольно долго как бы сквозь пальцы, не выступая открыто в качестве арбитров в возможном споре за острова или в ущемлении свободы морского судоходства[6]. Однако в начале лета 2009 г. группа конгрессменов США публично вмешалась в этот спор в пользу отдельных членов АСЕАН и призвала к большему вниманию со стороны Пентагона к развитию ситуации. В США растут опасения, что со временем Китай,

возможно, запланирует создание серьезного противовеса американскому флоту в бассейне Тихого океана[7].

Другая, не столь заметная стратегическая цель Пекина - ускоренная реализация выдвинутого в 2000 г. крупного **проекта развития** «закрытых», западных и юго-западных провинций Китая – Юньнани, Сычуани и др. Для осуществления поставленной программы столь же важны углубление разностороннего сотрудничества и тесных экономических взаимосвязей с прилегающими к ним провинциями Мьянмы и возможность использования ее портов и сухопутных коммуникаций для выхода через коридор реки Иравади в Бенгальский залив. Все еще остро стоит также вопрос об ослаблении и затем урегулирования таких приграничных проблем, как контрабанда оружия, наркотрафик, отмывание денег, незаконная иммиграция и т.п., хотя следует признать, что ситуация на территории между китайской и бирманской границей спокойнее, чем, скажем, между индийско-бирманской.

Это не мешает незаконному проникновению наркотиков или беженцев в южные провинции и, несомненно, вызывает обеспокоенность китайских властей.

Выстраивая курс по отношению к Мьянме, Пекин, безусловно, принимает во внимание многие факторы глобального и регионального уровня – и прессинг жесткой критики мирового сообщества, и разновекторную реакцию членов АСЕАН на бирманский режим (вопреки принципу невмешательства во внутренние дела друг друга), и растущий интерес со стороны ряда государств, прежде всего, Индии к открывшимся в Мьянме естественным богатствам, и меняющиеся геостратегические условия на стыке Индийского и Тихого океанов, особенно в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях (ЮКМ и ВКМ).

Основные направления в курсе Китая

Какие механизмы использует Пекин для воплощения своих целей на двустороннем уровне? Кратко их можно свести к следующим:

- военное сотрудничество и соглашения (1988, 1990, 1994 и др.), по которым Китай поставляет на сумму в несколько

миллиардов долл. в Мьянму не только обычное, но и высокотехнологичное современное вооружение – разного типа ракеты, ракетные катера, танки, истребители J-6 и J-7, электронное и сигнальное разведывательное оборудование и т.п. С 1990 по 2005 гг. Китай поставил Бирме 74% закупаемого оружия на сумму 1.7 млрд. из 2.3 млрд. долл. По данным ЦРУ США, в 2005 г., на военные нужды Бирма затратила примерно 2,1% от своего ВВП. Это составило 80% от общих государственных затрат (однако с конца 90-х гг. прошлого века бирманские власти значительно диверсифицировали закупки оружия за счет поставок из России, Украины, Пакистана, Сингапура и Индии, о чем речь пойдет ниже).

Технические специалисты НОА Китая расширили авиабазу Мейктила к югу от Мандалая и переоборудовали небольшую базу в Лашио, модернизировали и милитаризировали бирманские порты в Бенгальском заливе в Ситве, в Кьяуриу и Мергуи с тем, чтобы они могли принимать океанские суда, построили крупную морскую базу на острове Хэнгиу возле дельты реки Иравади. По данным доклада, подготовленного Индией в конце 90-х гг. минувшего века, когда отношения между Пекином и Дели оставались довольно напряженными, китайские специалисты были замечены за работой по крайней мере на 9 морских базах. Много споров и разговоров вызывала среди военных аналитиков судьба базы на острове Большие Коко, находящимся всего в 70 км от индийских Андаманских островов. На фотографиях, сделанных со спутников, база на Коко имеет взлетную полосу длиной в 1,5 км, а также сигнально-разведывательное электронное оборудование (SIGINT), способное прослушивать морские и ракетные устройства на Андаманских и Никобарских архипелагах, передвижения судов ВМС Индии и других флотов в восточной части Индийского океана и через Малаккский пролив[8].

Почему ситуация вокруг островов Большие Коко вызывала настороженность экспертов ряда стран? По одним источникам, они были сданы в аренду Китаю, по другим, - они напрямую управляются китайскими военными. Австралийский специалист в области стратегии Э. Силт вообще поставил под сомнение вопрос о существовании SIGINT на этих островах. Но

хорошо известно, что между Мьянмой и Китаем существует еще с 1990 г. весьма доверительное соглашение об обмене разведданными. Кроме того, вполне вероятно, что, завершив монтаж оборудования на базе, китайские специалисты и военные инструкторы регулярно совершают поездки для проверки его работы, а также возможно для сбора секретной информации с установленной аппаратуры типа SIGINT[9].

- помощь в создании современной **инфраструктуры,** замене разбитых дорог, обветшалых мостов и виадуков, строительстве портов и объектов в семи точках на бирманском побережье. Китай подписал с Мьянмой в 2004 г. соглашение на строительство трубопровода длиной в 1 250 км от глубоководного порта Ситве до Куньмин, столицы провинции Юньнань. Возведение трубопровода обойдется Китаю примерно в 2 млрд. долл, сократит путь доставки 10% нефти на 1820 км. В середине 2007 г. была завершена разработка проекта строительства газопровода стоимостью в 1.04 млрд. долл., который может быть проложен вдоль нефтяного. Китайские специалисты осуществили дренажные работы вдоль реки Иравади, построив также параллельно шоссе и железную дорогу от Бхамо до портов Янгон и Тхилва[10].

- политическое и экономическое влияние Пекина на режим Бирмы, которое, безусловно, укреплялось в последние десятилетия, но не являлось абсолютным. К примеру, события 7 сентября 2007 г. продемонстрировали как его высокую степень (по сравнению с другими государствами), так и его границы, хотя нельзя не признать, что Китай сыграл ключевую роль в период этого кризиса, получившего название «шафрановой революции», и в ряде других. Это было важно в условиях всеобщего жесткого неприятия в мире режима военной хунты и политики в сфере прав человека и т.п.

Нельзя не отметить особую гибкость и умение китайских властей использовать все рычаги влияния для укрепления китайско-бирманских отношений и, прежде всего, так называемую «мягкую силу». Суть ее механизма состояла в том, что Китай, будучи единственным азиатским постоянным членом Совета Безопасности ООН, в январе 2007 г. наложил вето на его резолюцию, критикующую внутреннюю политику Мьянмы.

Подобную позицию Пекин занимал и на других международных форумах. В ответ «благодарные» власти Бирмы предоставляли Китаю целый ряд преимуществ и в создании военных объектов, и в получении более выгодных концессий в разработках газа, и т.п.[11].

- важное место в развитии взаимосвязей занимала **торговля,** которая до 1988 г. была ограниченной из-за того, что границы Мьянмы были закрыты. Спустя лет 15 после их открытия – она значительно выросла и с 2001 г. Китай стал крупнейшим партнером Бирмы, а с 2004 г. объем китайских товаров достиг 1/3 официального импорта, не считая приграничной, не всегда законной торговли, которую трудно учитывать, особенно наркотиками. Сюда же не всегда входила торговля оружием. В 2005 г. объем торговли Китая с Мьянмой уже составил 1,2 млрд. долл. от общего бирманского объема торговли в 5 млрд. долл. К январю 2010 г. китайские инвестиции достигли 1.848 млрд. долл., что составило 15% всех инвестиций в страну. Объем взаимной торговли в 2008 г. поднялся до уровня в 2.626 млрд. долл., показав его увеличение на 26.4% по сравнению с предыдущим годом[12].

С начала действия торговых санкций, наложенных на Мьянму, Китай продолжал осуществлять экономическую и деловую кооперацию, включая предоставление помощи, поставлял сырье и техническое оборудование, используя связи с общественным сектором. Так, в период с 1990 по 2002 гг. им были созданы не менее 480 (по другим источникам около 800) предприятий, что свидетельствует о высокой степени вовлеченности китайского бизнеса в экономику Мьянмы[13]. В отличие от компаний Китая некоторые фирмы Запада, Японии или Южной Кореи вынуждены были уйти из Мьянмы.

Эволюция индийского курса в треугольнике

Мьянма является столь же важным звеном в курсе **Индии** “**Look East Policy**” 1991 г., в чем-то схожим с ее местом в китайской стратегии «Нити жемчуга», только в противоположном географическом направлении – не на юг, а на восток. Индийско-бирманские отношения восходят к временам, когда обе страны были частью британской империи. Они были омрачены

определенной долей антииндийских настроений в силу того, что индийцы занимали большую часть позиций в управленческих колониальных структурах, что естественно не вызывало любовь к ним со стороны коренного населения. Этот факт отчасти объясняет также, почему бирманские власти долго смотрели сквозь пальцы на деятельность антииндийских группировок в северо-восточных штатах Нага, Мизорам и др. и их связь с подобными собственными движениями и криминалом на границе.

Поворотным моментом во взаимосвязях нынешнего этапа стал визит Министра иностранных дел Индии Дж.Н.Диксита в Мьянму в середине 1993 г. В начавшемся процессе сближения двух государств несомненно вызывает любопытство и закономерный вопрос, как и почему крупнейшая в Азии демократия сделала крутой поворот в своем отношении к военному режиму Мьянмы? Что руководило индийскими властями – экономические и, прежде всего, энергетические интересы, или динамика «*realpolitik*»? Почему они избрали при реализации курса «Ориентации на восток» Мьянму, а не Бангладеш?

Ведущие политологи, специалисты по ЮВА далеко не единодушны в своей оценке и заняли довольно разные позиции по этой проблеме. Французский эксперт Р. Эгрето считал, что Индия должна была поступить прямо противоположно при решении ее проблем в неспокойных северо-восточных штатах (NER) и выхода в АСЕАН. По его мнению, индийские руководители должны были подумать дважды перед принятием окончательного выбора в пользу Мьянмы[14].

В целом изменения индийской политики по отношению к Мьянме были встречены ею с удовлетворением – ведь страна в еще большей степени расширяла пространство взаимосвязей после длительного периода изоляции.

Профессор Самир Кумар Дас из Колкатского университета особо подчеркивал, что выбирать то Индии было не из чего – и в той и в другой стране правили военная хунта или власти, поддерживаемые генералами. К тому же, Бангладеш, как полагал ученый, могла бы и не предоставить надлежащие условия для реализации “Look East Policy” (о некоторых проблемах с этой страной будет сказано далее). В Индии появились крити-

ческие высказывания и комментарии в адрес нового курса и другого характера. Некоторые аналитики заявляли, что в его нынешнем виде используются исторические и культурные корни, сопричастные Индии и тем или иным соседним странам, с тем, чтобы, прежде всего, облегчить расширение потоков товаров и сервиса между ними.

Между тем поначалу в “Look East Policy” почти ничего или, по крайней мере, мало говорилось о движении людей через территориальное пространство, которое исторически было разделено и преобразовано после деколонизации. Ломка старого пространства и формирование иной геополитической конфигурации с новыми границами сделала перемещение людей незаконным и привела к появлению болезненных и опасных приграничных проблем. Сторонники такого взгляда надеются, что в будущем власти обратят больше внимания на подобного рода особенности региона и предпримут меры для развития обменов “people-to-people”. От этого все заинтересованные стороны только выиграют[15].

Основные направления «бархатной политики»

Существуют несколько ключевых причин, почему все же после длительного периода индийские лидеры нашли изоляцию Мьянмы непродуктивной, ослабили свою критику военного режима и перешли к новой «**бархатной политике»** в отношении Мьянмы или политике **конструктивного вовлечения**. Это – 1. поиски стабильности и социально-экономического развития крайне неспокойных семи штатов на северо-востоке, 2. расширившиеся экономические и ресурсные возможности Бирмы, особенно после открытия значительных залежей газа и нефти, наконец, 3. стратегические интересы в Бенгальском заливе и во всей восточной части Индийского океана. С этим регионом тесно связаны попытки Дели не только сбалансировать растущее здесь китайское присутствие и влияние, но и установить комфортность режима подходов из Индийского океана к Тихому океану и ВА, куда явно устремлены индийские политические и военно-стратегические интересы в последние годы.

Итак, Мьянма – это **мост** в ЮВА и АСЕАН, а через нее в ВА, с одной стороны, а с другой, - возможность совместными с

Мьянмой усилиями пресечь акции повстанцев в северо-восточном районе (NER) - в Ассаме, Наге и др. штатах и криминальных элементов в приграничных районах. Ситуация здесь не поддавалась решению в течение нескольких десятилетий. Несколько факторов способствовали живучести повстанческого движения – помощь со стороны Восточного Пакистана и Бангладеш, доступность дешевого оружия из Китая, возможность во время скрыться на другой стороне границы, где проживали те же этнические группы населения и действовали тренировочные лагеря, а состояние гражданской войны было характерно для Мьянмы в течение многих лет.

Эффективность совместных действий по стабилизации ситуации была неоднозначна. К примеру, в 2005-2007 гг. удалось уничтожить несколько лагерей, однако к 2008 г. в регионе все еще существовало до 30 мобильных повстанческих лагерей с отлично налаженной информационной сетью. Они принадлежали различным движениям местных этнических групп населения – NCSN-K и NSCN-M (фракции Национального социалистического совета) в Наге, ULFA (Объединенный фронт освобождения Ассама), PLA (Народный фронт освобождения) в Манипуре и др., действующие из отдаленных горных мест в западной части Мьянмы. Атмосфера для акций повстанцев весьма «благоприятна», поскольку зачастую между ними и местными полицейскими и военными силами устанавливается тесная связь путем подкупа, незаконных сделок, отмывания денег и т.п. Этому способствуют подпольная экономика и низкий уровень жизни солдат и полицейских[16].

Хотя власти Бирмы неоднократно заявляли о запрещении подобной деятельности на территории своей страны, обстановка даже ухудшалась в силу того, что регион стал рынком продажи легкого и мелкого оружия, доставляемого из Северной и Юго-Восточной Азии через Мьянму. Кроме того, NER и приграничная полоса постепенно превращались в прибежище для исламистских террористических групп типа Аль-Каиды и Ласкар-и-Тоиба (Laskar-e-Toiba) с признаками соучастия Внутренней службы разведки Пакистана (ISI) и Управления общей полевой разведки Бангладеш (DGFI). Подтверждением служит,

например, факт ареста в августе 2007 г. в Морехе 15 оперативников, подозреваемых в связях с Аль-Каидой[17].

Однако осенью 2009 г. бирманские власти активизировались и предприняли широкое наступление против баз одной из группировок, расположившихся на границе с Китаем. Более того, по данным профессора Д.В.Мосякова, бирманские военные собираются нанести новые атаки. Эти шаги говорят о стремлении Бирмы усилить борьбу со связанными с Пекином повстанцами с целью решить две задачи. С одной стороны, возможно, мьянмская хунта намеревалась этими акциями стабилизировать приграничные с Китаем районы и частично ослабить напряженность в отношениях с Пекином в данном контексте[18]. А с другой, - пойти навстречу просьбам индийской стороны об усилении взаимопомощи в подавлении деятельности повстанцев разного толка в приграничных регионах. Хорошо известно, что в ходе визитов индийских политиков и военных высоких уровней в Мьянму начиная с 2002-2004 гг., в последующие годы и особенно в ходе визита генерала Тан Шве в 2010 г. в Нью-Дели, эти проблемы всегда оказывались в центре дискуссий относительно путей их совместного решения.

Индия, так же как и Китай, оказалась перед лицом некоторых других «нетрадиционных рисков» безопасности, исходящих со стороны Мьянмы. Это незаконные поставки наркотиков (опиум и метамфетамин), перемещение людей и беженцев из Бангладеш, Китая, Таиланда, распространение эвианского гриппа и др. Мьянма является вторым после Афганистана крупнейшим производителем опиума. Своего пика продажа наркотиков достигла в 2000 г. на сумму в 200 млн. долл. Но затем произошло падение в производстве. По оценкам Дж. Аламжира из Массачусетского университета, с 1996 по 2006 гг. площадь под посевы мака сократилась на 87% или с 163 тыс. до 21,5 тыс. га (за этот период Афганистан стал главным поставщиком опиума). Воздействие подобного спада огромно для мьянмского сельского населения, которое, по данным Доклада о мировом производстве наркотиков, подготовленном соответствующей структурой ООН, не имеет другой возможной стратегии для выживания[19].

Безусловно указанные проблемы в приграничных территориях – это негативный фактор в отношениях двух стран, который не способствует их более позитивному развитию. Между тем, улучшение взаимоотношений с Мьянмой было крайне важно и для другой стратегической цели индийских лидеров - подорвать курс Пекина на **окружение** с трех сторон Индии, сломать выстраиваемую им ось из «буферных стран» - в составе Бангладеш, Пакистана, Бутана, помешать Китаю заполучить границы «де факто» на берегах Бенгальского залива.

В целом политика Индии была скорее реактивной, а не активной, стратегически и логически выстраиваемой программой. По существу Индия шла след в след за шагами Китая, у нее зачастую отсутствовали элементы креативности, инновационности. И индийские лидеры, и политики, и эксперты-стратеги не могли не признавать реальность китайско-индийского соперничества в треугольнике и вне его границ. Они неустанно подчеркивали в сознательно выбранной политически и дипломатически корректной форме, что существует достаточно широкое пространство в Азии и для Индии и для Китая в их устремлении к росту и процветанию, к расширению зон влияния. По их мнению, в интересах обоих поднимающихся гигантов здоровое соревнование лучше острого соперничества. Тем не менее «китайский фактор» всегда присутствует в индийских политических расчетах, особенно касающихся ее ближайших соседей. И хотя Индия имеет наиболее обширное тревожное, неспокойное окружение по сравнению с другими государствами в Азии, в конечном итоге индийское руководство не раз демонстрировало мудрость и умение решать многие сложные проблемы в этом контексте.

Плюсы и минусы индийского курса

Есть и успехи, и промахи в индийском курсе. С 2002 г. после длительного отказа от продаж вооружения бирманской хунте Индия стала все же поставлять в эту страну оружие, первоначально ограничившись легкими его видами для борьбы с повстанцами. Затем поставки были расширены и включали радары, производимые государственной корпорацией «Бхарат Электроникс», 105-мм легкие артиллерийские пушки, радиоус-

тановки «воздух – земля», некоторые типы самолетов и др. По оценкам специалистов, этот шаг индийского руководства должен был вызвать у бирманских властей сочувствие и симпатию по отношению к попыткам Индии решить проблемы безопасности на северо-востоке и усилить позиции в операциях против повстанцев в Татмадоу и других районах[20]. А с другой стороны, эти поставки снижали зависимость Бирмы исключительно от китайского ***вооружения.***

Однако реакция мирового сообщества на эти продажи была неоднозначна, поскольку она шла в разрез с различными санкциями, накладываемыми на военное правление Бирмы.

Вместе с тем Индия постепенно добилась лучшего взаимопонимания с бирманскими военно-морскими силами – 1. Индия заполучила право на **стоянки** и дозаправку в некоторых портах (первый заход состоялся в декабре 2002 г. в порт Тилава, построенный сингапурскими и китайскими компаниями); 2. Индия стала проводить с мая 2003 г. совместные ежегодные морские **маневры** в Андаманском море; 3. Индия предложила программу обучения мьянмских морских офицеров и летчиков в индийских военных школах и академиях[21].

Подписав вместе с Таиландом и Бирмой соглашение в 2004 г. о строительстве шоссе от северо-восточных районов через Мандалай и Рангун до Бангкока, Индия получила выход к глубоководному порту в Доуи и другим точкам на берегах Мьянмы. Доступ к порту Доуи особенно важен для индийских ВМФ и их стратегии в регионе в целом, поскольку на расположенных напротив него Андаманских островах Индия реализовала амбициозные планы по строительству высококлассно оборудованной и передовой базы в порте Блэр и размещению здесь Дальневосточного морского командного управления. Это означало укрепление позиций ВМС Нью Дели не только в Бенгальском заливе и Андаманском море, но и на подступах к Малаккскому проливу и далее к выходу через Южно-Китайское море в Тихий океан.

Те же меры предпринимались на западном берегу Индостана – строились базы в Карваре, Чабахаре на иранской территории совместно с Ираном и т.д. Таковы были ответы Индии на «морское окружение», предпринятое и осуществляемое Китаем

на противоположной стороне Индийского субконтинента, где Пекин последовательно выстраивал опорные пункты в Гвадаре, порт и бункер в Хамбантоте на Шри-Ланке, в Марао. Столь же большую озабоченность у индийских руководителей вызывают планы бирманских военных строительства ядерного реактора, в которых могут участвовать и Пакистан, и Китай, и другие государства (о чем будет сказано ниже).

Чтобы удерживать ход событий под прицелом, Индия продолжала развитие военно-технических связей с Мьянмой. В 2006 г. Президент Индии Абдул Калам в ходе визита в Бирму предложил новый пакет помощи в размере 40 млн. долл. на военные поставки и дальнейшую координацию совместных действий против повстанцев на северо-востоке[22].

Как и Пекин, Дели предпринимает практические меры по созданию **инфраструктуры** в Мьянме на двустороннем уровне и в рамках АСЕАН. К середине 2007 г. Индия завершила многомиллионное проектирование совместно с Мьянмой Каладанского шоссе, чтобы соединить штат Мизорам с портом Ситве на побережье Бенгальского залива. Продолжается прокладка дороги от Мореха (штат Манипур) до Калева в Мьянме, которую назвали «дорогой дружбы» двух стран. Но в ходе реализации проекта между ними возникали трения и неувязки. Так, долгое время не была решена судьба отрезка Тамму-Калева-Мандалай. По первоначальным планам его должна была возвести Мьянма, но нехватка финансовых средств, нестабильность пограничного района вынуждали бирманских властей обращаться за дополнительной помощью скорее к Китаю, чем к партнеру по проекту. В июле 2010 г. Индия предложила Бирме помощь на строительство дороги Рхи-Тидим на сумму в 60 млн. долл.

Кроме строительства дорог с помощью Индии ведется организация Информационного парка в Мандалае, создание оптико-волоконной сети длиной в 6 км до Тамму, а на второй фазе проекта - от Морех до Мандалая (около 500 км) и т.п. Индийская организация по изучению космоса (ISRO) оказала содействие в создании Центра по сенсорингу и сбору данных, с использованием индийских спутников[23].

Но Дели не удалось поднять уровень взаимной **торговли** даже спустя 15-20 лет после ее установления, на что очень рассчитывала индийская сторона. Чиновники высоких рангов с гордостью заявляли во время дипломатических обменов визитами об их надежде довести его к 2006 г. до 1 млрд. долл., однако к 2007-2008 гг. уровень торговли равнялся только 900 млн. долл. Лишь в 2009-2010 гг. он достиг запланированных сумм. Существовало несколько серьезных препятствий в этой сфере. Так, многие индийские инвесторы и бизнесмены вынуждены были пересмотреть степень своей деловой вовлеченности в Бирме из-за неэффективности банковской системы и экономической нестабильности в целом, широкой практики коррупции, подкупа, взяточничества, отсутствия законодательства по защите коммерческой деятельности и т.п. Неслучайно, многие представители индийских деловых кругов, которые давно поселились в Рангуне, предпочитают представлять и действовать через более доходные и выгодные сингапурские и малазийские компании, тем самым способствуя развитию торговых связей Мьянмы скорее с АСЕАН, чем с Индией.

Кроме того, коммерческие отношения Бирмы с Индией были ограничены несколькими специфическими секторами. К примеру, индийская сторона импортировала 2/3 бирманских бобов и их продукты, а также древесину и изделия из нее, драгоценные камни, рис для населения СВР и т.д. Мьянма импортировала товары из Индии лишь на 150 млн. долл. Одно из главных мест среди них занимала фармацевтическая продукция, производимая в основном такими индийскими компаниями, как «Рэнбэкси» и «Доктор Редди». Другие товары довольно редко можно встретить на бирманских рынках, так как они не были конкурентно способными по сравнению с более дешевыми товарами из Таиланда и Китая. Видимо, поэтому индийские инвестиции были сфокусированы главным образом на крупных государственных инфраструктурных проектах – строительстве железных дорог, портовых сооружений, гидростанций и т.п.[24].

Тем не менее, существуют ниши, благодаря которым Индия могла бы улучшить взаимодействия с партнером. Чтобы преодолеть ощущение политического и экономического превосходства Китая, его более высокого уровня влияния, Индии

необходимо было бы более эффективно продвигать свои собственные цели в этих же сферах. Индийскому руководству стоило бы обратить внимание на налаживание более тесных культурных и личностных отношений со всей местной элитой и обществом, а не опираться только на бирманских индийцев, а внутри собственной страны активнее сглаживать критику интеллектуалов по вопросам «бархатной политики» в Мьянме и демократии в целом.

Работая как бы за сценой, власти Индии должны были бы активнее помогать освобождению из-под домашнего ареста лидера мьянмской демократической оппозиции Аун Сан Су Чжи, которая известна своими симпатиями к Индии, где она училась и проживала несколько лет. По-видимому, Индии необходимо было бы четче определить стратегию по отношению к Бирме, рассматривать ее в качестве не только сухопутных, но морских ворот в ЮВА и вкладывать больше средств в широкую программу строительства дорог, мостов и в приграничных, и особенно во внутренних районах, заметнее проявлять себя в гуманитарной сфере (помимо помощи после урагана Наргис в 2008 г.), обновить свой имидж в стране, даже в диссидентских кругах, с учетом негативного исторического прошлого.

Краеугольным камнем, существенно повлиявшим на углубление двусторонних отношений и расширение программ взаимодействий, стал государственный визит лидера хунты Тан Шве в Индию в июле 2010 г. По итогам пятидневных обсуждений наиболее значимых проблем, стороны подписали пять соглашений – 1. договор о взаимопомощи по борьбе с терроризмом и по криминальным пограничным вопросам; 2 .договоренность о предоставлении гранта Индией для выполнения проектов по малому бизнесу; 3. договоренность о сотрудничестве в информации; 4. соглашение о сотрудничестве в сфере науки и технологий; 5. договоренность о сохранении и реставрации храма Ананда в Багане (Мьянма).

Надо признать, что индийские власти уже приступили к попыткам компенсировать свои промахи и недостатки в экономической и торговой сферах путем реализации нескольких мер по другим каналам взаимодействия – в Бирме были созданы Центры по изучению английского языка, по развитию пред-

принимательства, по расширению обучения информационным технологиям, по подготовке специалистов для промышленных предприятий в Пакокку и др.[25]

Растущие связи и их новое качество и теплота побудили Запад и особенно США призвать Индию как крупнейшую демократию в мире повлиять на военную хунту с тем, чтобы она предприняла необходимые меры по изменению принципов своего правления. Накануне визита генерала Тан Шве в Индию в июле 2010 г. один высокопоставленный чиновник Госдепа США прямо высказался на пресс-конференции о том, что у таких государств как Индия, у которой налажены длительные и дружественные отношения с Мьянмой, существует ответственность и возможность для того, чтобы убедить хунту в продвижении по пути демократии и защиты региона от риска распространения ОМУ (о вероятности такой опасности речь пойдет ниже).

Однако хорошо известно, что индийское руководство всегда придерживалось принципа мирного сосуществования с государствами с любыми формами правления и не верило в экспорт идеологий. Об этом, в частности, заявлял министр иностранных дел Индии Пранаб Мукерджи в июне 2006 г. в своем выступлении перед элитой Сингапура. Со своей стороны хунта стала признавать статус Индии как самой крупной демократии в мире. По существу, одной из целей визита Тан Шве в Дели в июле 2010 г. перед всеобщими выборами в Мьянме было достижение их правдоподобности путем завоевания одобрения со стороны Нью-Дели. Военное руководство ясно демонстрировало, что их единственной целью должна стать т.н. «дисциплинированная демократия», в условиях которой, если их правление сможет удержаться во власти, то продвижение к демократии будет приветствоваться.

Тем не менее, всеобщие выборы, которые состоялись 7 ноября 2010 г. впервые за два десятилетия, рассматривались местными активистами и Западом в качестве политической уловки, способствующей сохранению полувекового пребывания хунты у власти. В целом Индия одобряла предстоящие выборы как шаг вперед, а Премьер-министр Манмохан Сингх особо подчеркивал важность процесса национального прими-

рения на широкой основе и демократических изменений, происходящих в Мьянме[26].

Китайско-индийское соперничество в энергетике

Пожалуй, самой сложной (а иногда довольно драматичной) сферой является **энергетика,** где по понятным причинам наиболее остро сталкиваются интересы Китая и Индии. После открытия на рубеже веков газовых месторождений Ядана, Ятагуна и Аракан были введены в эксплуатацию к 2007 г. еще свыше 25 офшорных блоков в заливе Моттама, у берегов Таниндари, Ракхине и Шве. Резервы газа здесь достигают примерно 540 млрд. куб. м, что сравнимо с запасами таких крупнейших производителей, как Австралия и Ирак. Разработками занимались компании из Австралии, Британии, Франции, Канады, Китая, Индонезии, Индии, Малайзии, России, Южной Кореи и Таиланда. В том же году нефть и газ принесли 2 млрд. 94 млн. долл. дохода в мьянмскую казну, что составило свыше 30% всех бюджетных поступлений. Только с одного месторождения в Шве, эксперты компании Дэу ожидают с 2010 г. по меньшей мере получение 86 млн. долл. чистого дохода ежегодно в течение 20 лет. По разным оценкам местных специалистов, Бирма рассчитывает зарабатывать от 800 млн. до 3 млрд. долл. в год или около 2 млрд. долл. в течение 40 лет[27].

Однако добыча газа с месторождения в Шве внесла свои коррективы в индийско-бирманские и в индийско-китайские отношения. Первоначально было решено, что в течение более 2 лет добываемый газ с блока-1 в Аракане будет предназначаться исключительно для индийского рынка и будет перегоняться по наземному трубопроводу через штаты Аракан и Чин, далее через Бангладеш и крайне рискованные штаты NER в Колкату. Между тем бангладешские власти, прежде чем разрешить пересечение своей территории поставили перед Индией несколько условий – осуществление торговых поставок в Непал и Бутан по индийской территории; передача электроэнергии из Непала и Бутана в Бангладеш таким же путем; меры по снижению дисбаланса в индийско-бангладешском торговом обороте. Переговоры по этим вопросам шли трудно и долго. Мьянма, воспользовавшись моментом, подписала Меморандум о взаимопони-

мании с компанией PetroChina о продаже львиной доли газа с полей месторождений в Аракане Китаю даже без их эксплуатации.

В своем решении бирманские власти исходили из неуклонно растущей китайско-бирманской торговли, готовности китайской стороны не только покупать нефть и газ в огромных объемах, но и эксплуатировать местные ресурсы (по данным Обзора 2008 г., за короткий срок свыше 69 китайских компаний оказались участниками разработок месторождений нефти, газа, минералов и строительства ГЭС), а также из возможности получения более выгодных цен, из желания диверсификации покупателей своих ресурсов и т.п. Представителям Индии было сказано, что газа хватит всем. Но пока Индия прорабатывала и просчитывала другой обходной маршрут с помощью бельгийских экспертов, мьянмские власти заявили о неготовности перекачки газа по будущему трубопроводу и предпочли предложение Пекина о строительстве 900-км трубы к китайской границе. Она станет частью запланированной огромной связки в 2 380 км от Шитве до Чонгкинга в Китае[28].

Ситуация сложилась весьма напряженная и деликатная, но как представляется, последней каплей в решении вопроса о продаже газа в пользу Китая стал весьма весомый факт вето Китая в Совете Безопасности ООН в январе 2007 г. на американские санкции против военного режима в Бирме, который уже отмечался выше. Так политика довольно грубо вмешалась в экономику.

Существенно, что по некоторым данным, Бирма даже теряла довольно значительные суммы, отдавая предпочтение Китаю, который соглашался покупать газ по 4.28 долл. за млн. Btu (британская тепловая единица или 0,252 большой калории), что было ниже индийского предложения в 4.76 долл. Таким образом игра на ценах, которую Пекин привычно применял не без успеха в других регионах мира и в других торгах, не имела места. Иностранные аналитики прямо интерпретировали такой крутой поворот в столь чувствительной ситуации как откровенную награду Пекину за дипломатическую и политическую поддержку режима Мьянмы, которая оказалась много важнее, чем высокая стоимость прямых экономических выгод[29].

Спустя некоторое время, после длительных переговоров в сентябре 2007 г. компании Индии ONGC-Videsh все же удалось получить доступ к разработкам других трех блоков на офшоре в Аракане. Однако некоторые эксперты склонны полагать, что это столкновение из-за ресурсов не последнее между Индией и Китаем не только конкретно в Мьянме, но и в других регионах.

Вместе с тем сектор энергетики становится областью растущей кооперации Дели и Рангуна. Они совместно работают над проектом ГЭС на реке Чиндвин, которая в перспективе даст от 600 до 1000 мгв электричества. Мьянма обещала продавать Индии до 80% мощностей от дамбы в Сагаинге с тем, чтобы покрыть расходы на некоторые строительные проекты. Обе стороны согласились на изучение бирманских возможностей в сфере солнечной и ветряной энергии, где у индийской стороны уже существуют наглядные наработки и она готова обеспечить обучение соответствующих специалистов[30].

Роль многосторонних структур сотрудничества

Тем не менее, существуют области, где оба азиатских гиганта и Мьянма находят дополнительные точки соприкосновения для углубления сотрудничества, но в рамках многосторонних структур. Несколько примеров:

– **БИМСТЭК** создана в 1997 г. в составе Бангладеш, Индии, Мьянмы, Шри Ланки, Таиланда, в 2004 г. к ней присоединились Бутан и Непал. Бенгальская инициатива по многосекторальному техническому и экономическому сотрудничеству предоставляла и Индии и Мьянме широкое поле для дальнейшего взаимовыгодного сотрудничества. В границах БИМСТЭК, задуманной как мост между СААРК и АСЕАН, были сформированы сначала 6, а затем всего 13 секторов для осуществления программ по торговле, инвестициям, технологиям, развитию человеческих ресурсов, туризму, энергетике, транспорту, рыболовству, сельскому хозяйству, культуре и др. Индия, как наиболее развитое государство, возглавила сектора по транспорту и коммуникациям, туризму, окружающей среде и природным катаклизмам, а также по борьбе против терроризма и транснациональных преступлений. Мьянма стала председателем секторов по энергетике и сельскому хозяйству.

Какие выгоды и преимущества получали Индия и Мьянма от участия в БИМСТЭК? В 2004 г. на очередном саммите организации было подписано важнейшее соглашение о поэтапном создании Зоны свободной торговли (ЗСТ) на пространстве стран-участниц – на первой фазе в трех наиболее продвинутых государствах – в Индии, Шри Ланке и Таиланде, а на второй, спустя несколько лет, - в остальных четырех странах, включая Мьянму.

Большое внимание организация придает укреплению кооперации в борьбе против терроризма, развитию солидарности и дружественных связей, обмену информацией между членами, а также поискам доноров и поддержки со стороны международного сообщества и международных структур, создавая тем самым значимые условия для формирования заметного профиля БИМСТЭК на мировой арене[31].

Индийские лидеры, улучшая взаимосвязи с Мьянмой, надеялись, что решение проблем NER будет логично интегрировано в рамки БИМСТЭК путем реализации идеи «треугольника роста» в составе Индии, Мьянмы и Бангладеш при поддержке Азиатского банка развития и UNDP[*]. К сожалению Бангладеш не проявила интереса к проекту. Однако шансы на создание новой конфигурации в БИМСТЭК повысились благодаря желанию Таиланда стать ее участником[32].

Одним из значительных препятствий на пути развития и БИМСТЭК и других союзов в Азии является слабая инфраструктура. Когда в организации стали выдвигаться вполне зримые черты проекта по преодолению транспортных проблем и возникла перспектива создания огромной трансазиатской связки через Мьянму, Индию и Бангладеш, последняя заявила о возможности формирования «квадрата роста», который может соединить Пенанг (Малайзия), Рангун (Мьянма), Ченнаи (Индия), Коломбо (Шри Ланка), Лаем Чабанг (Таиланд) и Читтагонг (Бангладеш). Подобные примеры создания иных конфигураций взаимоотношений будь то в рамках БИМСТЭК или еще где-либо (СААРК или АСЕАН) свидетельствуют о том, что Азиатские государства стремятся оптимизировать через новые

[*] United Nation Development Program.

динамичные формы сотрудничества все выгоды и возможности от либерализации и глобализации мировой экономики.

В рамках БИМСТЭК идет диверсификация торговых связей между Индией и Мьянмой. Индия предоставила преференциальный тариф на ряд товаров, импортируемых из Бирмы, - на лесную продукцию, драгоценные камни, бобовые и др.

Развитие туризма – еще одна область сотрудничества Индии и Мьянмы с упором на NER, регион, который является исключительно привлекательным для туристов благодаря экзотической флоре и фауне, природному ландшафту, уникальным видам ремесел и специфической кухне. Индия инициировала в 2005 г. на саммите БИМСТЭК «Колкатскую декларацию по сотрудничеству в туризме» с надеждой подключить к ней Мьянму[33].

- Инициатива **Куньмин** действует с 1999 г. в составе Бангладеш, Китая, Индии и Мьянмы. Ее цель – углубление экономического сотрудничества и, прежде всего, в совершенствовании инфраструктуры. Реализуются проекты прокладки дорог от Сычуани и Юньнани до берегов Бенгальского залива.

- проекты **Большой Меконг** для шести стран бассейна этой реки, выдвинутый по инициативе Азиатского банка развития в 2000 г., а также **Меконг – Ганга** 2000 г. предусматривавший развитие сотрудничества в туризме, культуре, образовании Индии, Мьянмы, Таиланда, Лаоса, Вьетнама и Камбоджи[34].

Китайская гидростроительная компания (Syno Hydro Corp. Ltd.) выступила инициатором огромного **проекта** по возведению 12 **электростанций** в Китае, Мьянме и Лаосе при поддержке Азиатского банка развития, который предоставит 6 млрд. долл. Объекты будут объединены е единую круговую сеть «Mekong Power Grid» и снабжать электричеством не только несколько регионов стран-участниц проекта, но и Таиланда и Вьетнама[35].

Формирующиеся геоэкономические и геополитические модели многостороннего сотрудничества требуют учета большого числа факторов. Хотя эти структуры предоставляют немалые возможности для поисков дополнительных каналов взаимодействия и кооперации для их участников, их реализа-

ция не так проста, как это может показаться на первый взгляд. Существуют много разновекторных интересов, неоправданных мотиваций и высоких амбиций, недостает оптимальных оценок собственных возможностей, много непредвиденных рисков и противоречий при достаточно широком выборе партнерских комбинаций и альянсов, много внутренних и внешних условий и особенностей развития как каждого из участников взаимодействий, так и быстроменяющейся обстановки в регионе и мире. Одним словом – это «большая игра» с другими правилами и с неизвестным победителем. В целом обширной теме многостороннего сотрудничества в рассматриваемом регионе, безусловно, необходим отдельный детальный анализ.

Мьянма ищет баланс

Как Мьянма реагирует на политику Индии и Китая? Почему Мьянма заинтересована в укреплении взаимодействий с обоими гигантами? Есть ли у Мьянмы другие партнеры для нахождения баланса как в регионе, так и в треугольнике? Следует подчеркнуть, что страна прошла непростой путь от изоляции, закрытости через нейтралитет, затем «конструктивное вовлечение» после ее вступления в 1997 г. в АСЕАН, наконец, к конечной цели – переходу к более демократичному правлению.

Безусловно, ныне руководству хотелось бы диверсифицировать в большей степени свои внешние связи, чтобы нейтрализовать негативизм и критицизм США и ЕС, а иногда и АСЕАН. При этом Бирма стремится избавиться от прежних клише, когда ее считали «китайским клиентом» де факто или виртуальным китайским сателлитом или опасным звеном в индийско-китайском региональном соперничестве и т.п. С начала XXI в. Мьянма неоднократно отвергала наличие какого-либо военного присутствия китайских ВС на ее территории или существования стратегического союза с Пекином. Двигаясь в сторону диверсификации своей дипломатии, бирманское руководство пыталось ослабить свою зависимость от слишком напористого, а порой агрессивного Китая по разным направлениям (в торговле, инвестициях, поставках оружия и т.п.) и позволяло Индии и другим крупным державам «обхаживать» себя.

Так, в 2000-2005 гг. Россия обошла Китай по поставкам оружия в Мьянму. Ее продажи составили 59% импорта страны, хотя следует отметить, что поставки были спорадические - были годы, когда они не осуществлялись. Однако в апреле 2006 г. высокопоставленная делегация из Бирмы побывала в Москве и вела переговоры о предоставлении Россией капиталовложений в проекты гидроэнергетики и коммуникаций. В обмен помимо допуска российских компаний к разработкам ресурсов газа и нефти, Москва согласилась на снабжение Мьянмы некоторыми видами вооружения – воздушных систем защиты «Тор-М1» и «Бук—М1-2», а также истребителей Миг-29. Кроме того, российской стороной было предложено строительство заводов по ремонту оружия, которое в свое время закупалось в бывшем Советском Союзе. По мнению военных экспертов, эта сделка должна была положить конец китайской монополии в этой области. На самом деле, эти заводы служили бы как российским, так и китайским интересам, поскольку использовались бы и для ремонта китайского оружия. Но по большому счету, эти попытки диверсификации источников вооружения путем налаживания кооперации с Россией, Кореей, Пакистаном и другими странами, предпринимаемые военным режимом, были нацелены на снижение зависимости от Китая[36].

Перевооружаясь, Бирма выделяла ничтожные суммы на такие статьи бюджета, как здравоохранение и образование (0,5% и 0,9% соответственно). Это меньше половины того, что затрачивала Индонезия, следующая страна с самыми низкими расходами на эти же цели среди членов АСЕАН, и ниже показателей других наибеднейших стран Ассоциации – Лаоса и Камбоджи[37].

В целом, бирманские руководители стремились в перспективе ослабить китайское влияние, в том числе и за счет укрепления связей с Индией. Однако они считают, что усиление роли Индии, которая была бы способна выступить в качестве противовеса Китаю, шло медленнее, чем хотелось бы, из-за того, что у Дели нет законченного стратегического видения развития индийско-мьянмских отношений, не было четкой позиции относительно возможности перехода Мьянмы к управлению страной на многопартийной основе и т.п. Но сами бирманские вла-

сти делали дружественные жесты в поддержку Индии в ее стремлении добиться места постоянного члена Совета безопасности ООН, зная заведомо, что их главный партнер – Китай выступает против. Во время визита в Индию в 2010 г. Тан Шве вновь подтвердил поддержку Мьянмы по этой проблеме и информировал также о поддержке кандидатуры Индии на место непостоянного члена СБ ООН на 2011-2012 гг.[38]. В целом в Мьянме шаг за шагом меняется отношение к Индии и на более низком уровне – все большей популярностью стали пользоваться индийские товары, индийские инвестиции, достижения и опыт в освоении информационных технологий и т.п.

Нельзя не заметить, что в Мьянме ищут возможности сбалансировать свое положение в регионе за счет расширения взаимосвязей не только с Индией, но и с другими партнерами, среди которых важное место занимает **Таиланд**. Выбор Таиланда закономерен. Это ворота в АСЕАН, это одно из наиболее динамично развивающихся государств АСЕАН, это крупный региональный инвестор (например, 6-ое место в Индии). Страна подписала ряд соглашений по учреждению Зон свободной торговли, в том числе с той же Индией. Ее руководители проводят прагматическую политику лавирования между Индией и Китаем, они более сговорчивы в переговорах по тем или иным вопросам по сравнению с Мьянмой и Бангладеш.

Бирма использует различные направления в развитии отношений со своим соседом как в рамках двусторонних, так и многосторонних структур. Так, в 2004 г. в Рангуне было подписано министрами иностранных дел трехстороннее соглашение между Индией, Мьянмой и Таиландом о строительстве транспортной связки между странами, включая шоссе длиной в 1400 км, которое соединит северо-восточные штаты Индии с Мандалаем, Рангуном и Бангкоком. Запланированный глубоководный порт Доуи вместе с новым шоссе от него до Канчанабури в Таиланде несомненно улучшат связи и станут новым вкладом в развитие торговли между странами- участниками проекта[39].

Таиланд является важнейшим инвестором и торговым партнером Мьянмы, хотя следует признать, что наибольшую выгоду для него представляют энергетические ресурсы, особенно газ. После открытия газовых резервов в Ядане в 1998 г.,

который оценивается в 150 млрд. куб м, Таиланд стал участником (26%) консорциума по их эксплуатации в составе Тотал, Юнокал и бирманской МОГЕ. Газ транспортируется по морскому газопроводу к границе между Мьянмой и Таиландом и далее к Бангкоку, где им снабжаются две электростанции в Раткабури и Ванг Ной. Газ из Ядана покрывает до 15-20% потребностей Таиланда в этом топливе. В другом консорциуме (Тексако, Ниппон и британская Премьер) по разработке месторождения в Ятагуне Таиланд также участвует с 2000 г., но с более скромной долей в 19%. К 2006 г. Бирма экспортировала в Таиланд газ на сумму в 422 млн. долл.[40]. Рыбаки Таиланда довольно агрессивно прочесывают воды Мьянмы, нарушая Закон об Эксклюзивной экономической зоне и подписанное с ней соглашение о разграничении пограничных вод.

Таиланд проявляет заинтересованность в расширении взаимодействий с соседом в сфере развития гидроэнергетики. В 2005 г. было подписано соглашение о строительстве четырех дамб на реке Салвин и одной – на реке Тенассерим. В строительстве одной из дамб на Салвине в 228 м высотой (одной из самых высоких в ЮВА) наряду с таиландской компаний EGAT (Electricity Generating Authority of Thailand) по-видимому будет участвовать китайская Sino Hydro Corp. Ltd.[41].

Все эти примеры свидетельствуют о высокой степени интереса некоторых государств к экономическим возможностям Мьянмы. Однако их деятельность, как и многих ТНК в Мьянме вызывали неоднозначную реакцию в мировых деловых и политических кругах. Хотя бирманские власти всячески «зазывали» иностранных инвесторов с целью расширить добычу нефти и газа, несколько крупных западных компаний были вынуждены вывести свои капиталы по политическим мотивам. Так, под давлением многочисленных протестов против военного правления в Мьянме (бирманского демократического движения, Национальной Лиги за демократию и других неправительственных организаций и Европы, и США), Европейский Союз ввел свои санкции в 1996 г. Американский президент Билл Клинтон наложил в 1997 г. запрет на инвестиции американских компаний. И в дальнейшем острая критика и практические меры в отношении Мьянмы не прекращалась.

Были случаи вынесения судебных решений против отдельных компаний, выдвинуты новые более жесткие санкции - замораживание банковских счетов и виз на въезд в США для военных руководителей Мьянмы, принят администрацией Дж. Буша Акт 2003 г на запрет деловой и финансовой деятельности в Бирме, который, однако, позже был признан неэффективным. В целом, по оценкам ряда аналитиков, торговые и иные санкции против Мьянмы в определенной мере подорвали местное производство, например, одежды*, задерживали рост прослойки среднего класса и независимых торговцев и даже ослабляли материальную базу для поддержки оппозиционных режиму кругов в стране[42]. Все эти тенденции демонстрируют особо тесную (возможно, как нигде) связь между экономикой и политикой, которая красной нитью проходит по многим сферам ее отношений с внешним миром и особенно, как было показано выше, в энергетике.

Станет ли Мьянма ядерной?

Одним из важных факторов внешнеполитического курса Бирмы в первом десятилетии нового века становится все явственное желание режима заполучить помощь в строительстве ядерного исследовательского реактора. Впервые об этой программе заговорили в Мьянме с 2000 г., но довольно туманно. По некоторым источникам, сначала речь шла о помощи в данной сфере со стороны Пакистана и Китая. Затем с 2002 г. появилась информация о возможной российской поддержке, а с 2003 г. северокорейской вовлеченности в проект. По индийским источникам, было обнаружено присутствие и работа двух пакистанских ученых-атомщиков в Бирме. Это произошло, когда они оказались в списке подозреваемых в связях с террористами, предоставленном пакистанскому руководству CIA США в конце 2001 г. В этом же году бирманский режим обращался в Международное агентство по ядерной энергетике (IAEA) за

* В апреле 2004 г., согласно докладу Госдепартамента США о положении в Мьянме, более чем 100 предприятий по производству одежды были закрыты и в результате этого 50 000 – 60 0000 человек потеряли работу.

разрешением об оказании помощи в создании исследовательского реактора[43].

Амбициозные планы были отложены на неопределенное время из-за того, что страна не могла оплачивать их осуществление в то время твердой валютой. Когда на Бирму обрушился водопад газодолларов после открытия и последующей эксплуатации крупных газо- и нефтезалежей компаниями из Китая, Индии, Южной Кореи и других государств, страна стала обладательницей солидных резервов иностранной валюты. В этих условиях руководство Мьянмы вновь вернулось к проекту создания реактора и обратилось к России в мае 2007 г. После длительных переговоров было подписано соглашение о строительстве реактора мощностью в 10-мегаватт. Российское атомное агентство (Росминатом) обязалось спроектировать реактор, оказать помощь в поисках и выборе места, доставке ядерного топлива и снабжении соответствующим оборудованием и материалами. Была информация, по крайней мере, о двух точках для реактора – Калагок Кьюн и об изолированном острове в провинции Мон, где находится одно из крупнейших в стране залежей урановой руды[44].

Помимо реактора соглашение предусматривало также строительство лаборатории для производства медицинских изотопов и оборудования для хранения ядерных отходов. Стоимость проекта не оглашалась. Приблизительно он оценивался в 500 млн. долл. Вполне резонно, эти факты вызвали немало толков в мировом сообществе экспертов, которые, исходя из опыта Северной Кореи и ее ядерной программы, полагали, что при принятии решения о строительстве ядерного реактора мьянмское руководство не могло не учитывать некоторые стратегические аспекты сделки. И хотя до начала 2010 г. не было никаких подтверждений того, что Бирма ищет пути приобретения ядерного оружия, ее настойчивое стремление реализовать ядерный проект, вполне вероятно, исходило и исходит именно от лидеров военного режима[45].

Возникают вопросы - не являются ли эти первые шаги Мьянмы на пути к новому статусу, весьма опасному, как показывает мировая практика в данной сфере? Какие далеко идущие цели преследует бирманское военное руководство? В на-

чале лета 2010 г. в мировой печати просочилась информация относительно желания военных Бирмы начать подготовку к разработке собственной ядерной программы. Об этом говорится в докладе, подготовленном местной оппозиционной организацией «Демократический голос Бирмы».

Как отмечает газета «Вашингтон Пост», получившая копию доклада, он основан на документах и фотографиях, вывезенных из страны бирманским офицером. Насколько эти материалы соответствуют действительности пока еще трудно сказать. Даже сами авторы доклада допускают, что информация может быть недостоверной. Но с другой стороны, их сочетание с другими источниками на эту же тему позволяет в определенной мере быть уверенным в том, что Мьянма продвигается к ядерным технологиям. Вместе с тем доклад признает отсталость страны в технологическом плане. Так что, судя по всему, до реализации программы создания ядерного оружия Бирму будут отделять годы и годы. В целом, информация, безусловно, требует тщательной перепроверки.

Но даже в такой форме она настораживает. Не случайно, представители Пентагона и Государственного департамента США, например, выразили опасения по поводу растущих военных связей Мьянмы с КНДР, которая, по-видимому, не прекращает заниматься распространением опасных материалов вопреки санкциям. Настораживает это и в силу того, что по северному периметру зоны Индийского океана может сформироваться чрезвычайно взрывная дуга из ядерных или пороговых или вероятно теневых государств, начиная от Ирана (при всех его зигзагах в данной сфере), Пакистана, Индии, Мьянмы (?) и до Северной Кореи[46]. Как будут развиваться события в данном контексте, трудно спрогнозировать. Ответ на вопрос может дать только время.

---

[1] Цит. по Ashild Kolas, “Burma in the Balance: the Geopolitics of Gas” – Strategic Analysis, vol. 31, Issue 4, July 2007, p.636.

[2] Mallik Mohan, “Burma‘s Role in Regional Security” – Burma Myanmar Strong regime Weak State?, M.B.Pedersen, E.Rudland and R.J.May (eds.), Adelaide, Crawford House Publishing, 2000, p. 241-277; L.S.Singh, “BIMSTEC Perspective in India-Myanma Relations and Northeast India Factor” – World Focus, vol. XXIX, N 1, January 2008, p.25.

[3] Gupta Ranjit, "Myanma in the China-India Equation" – Asian Strategic Review 2008, ed. by S.D.Muni, Institute for Defence Studies and Analysis (IDSA), New Delhi, Academic Foundation, 2008, p.316, 320; Asian Perspective, vol. 33, N 4 2009, p. 60.

[4] Strategic Analysis, vol. 32, N 5, September 2010, p.715-716.

[5] Компас, ИТАР-ТАСС, № 27, 24.06.2010, с. 29; Asian Perspective, vol. 33, N 4 2009, p. 64.

[6] См. Локшин Г., «Международная конференция в Ханое: станет ли Южно-Китайское море зоной региональной безопасности и развития?» – Проблемы Дальнего Востока, № 2, Март-Апрель 2010, с. 152-161; Лебедева Н.Б., «Нить жемчуга» - стратегия Китая в зоне Индийского океана» – в печати, сборник статей памяти проф. Г.Л.Бондаревского.

[7] Компас, № 27, 24.06.2010, с. 30.

[8] Asian Survey, vol. XLVIII, N 6, November/December 2008, p.989; Strategic Analysis, Journal of IDSA, vol. 31, issue 4, July 2007, p. 635-636.

[9] Khurana G.S., China`s "String of Pearls" in the Indian Ocean and its Security Implication – Strategic Analysis, vol. 32, N 1, January 2008, p.13, 17.

[10] McCarthy S., "Burma and ASEAN" – Asian Survey, vol. XLVIII, N 6, November/December 2008, p. 916.

[11] Khurana G.S., ibid., p. 10, 14

[12] Asian Survey, vol. XLVIII, N 6, November/December 2008, p. 979, 981, 994; Strategic Analysis, Journal of IDSA, vol. 31, issue 4, July 2007, p. 631; World Focus, vol. XXXI, N 10, October 2010, p. 457.

[13] Asian Survey, vol. XLVIII, N 6, November/ December 2008, p.988.

[14] Egreteau R., "Instability at the Gate: India's Troubled Northeast and External Connections", New Delhi, 2001, N 16, Centre de Sciences Humaines, p. 160-161.

[15] Baruah A. and Das S. K., "The Look East Policy and the Northeast: New Challenges for Development", 2007, Symposium on Northeast India and the Look East Policy, mimeo.

[16] Egreteua R., "India's Ambitions in Burma: More Frustration Than Success?" - Asian Survey, vol. XLVIII, N 6, November/December 2008, p.946-947.

[17] World Focus, vol. XXIX, N 1, January 2008, p.26.

[18] Мосяков Д.В., «Большая «игра» в Юго-Восточной Азии», - Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск XIII, Юго-Восточная Азия, 2008-2009, М., ИВРАН, 2009, с. 1О.

[19] UNODC, World Drug Report, 2007, p. 213; Asian Survey, vol. XLVIII, N 6, November/December 2008, p. 983, 991; Strategic Analysis, Journal of IDSA, vol. 31, issue 4, July 2007, p. 638.

[20] Asian Survey, vol. XLVIII, N 6, November/December 2008, p. 946; Strategic Analysis, Journal of IDSA, vol. 31, issue 4, July 2007, p. 638.

[21] World Focus, vol. XXIX, N 1, January 2008, p. 952.
[22] Strategic Analysis, Journal of IDSA, vol. 31, issue 4, July 2007, p. 637.
[23] World Focus, vol. XXIX, N 1, January 2008, p. 948-949; World Focus, vol. XXXI, N 10, October 2010, p. 455.
[24] см. Alamgir J., "Myanma's Foreign Trade and its Political Consequences" – Asian Survey, vol. XLVIII, N 6, November/December 2008, p. 977-996; World Focus, vol. XXXI, N 10, October 2010, p.456.
[25] World Focus, vol. XXXI, N 10, October 2010, p. 458.
[26] Strategic Analysis, Journal of IDSA, vol. 31, issue 4, July 2008, p.634; World Focus, vol. XXXI, N 10, October 2010, p. 457.
[27] British Petroleum, BP Statistical Review of World Energy, June 2007.
[28] Asian Survey, vol. XLVIII, N 6, November/December 2008, p.950; Turnell S., "Burma's Insatiable State" – ibid., p. 962-963.
[29] см. Chakraborti T., "BIMSTEC: Origin, Growth and Progress"; Singh L.S., "BIMSTEC Perspective in India-Myanma Relations and Northeast India Factor" etc. - World Focus, vol. XXIX, N 1, January 2008, p.5-14; p.22-28; p. 32,33,37; World Focus, vol. XXVIII, N 10, October 2007, p.375.
[30] World Focus, vol. XXXI, N 10, October 2010, p.456.
[31] World Focus, vol. XXIX, N 1, January 2008, p. 23.
[32] Ibid., p. 32.
[33] Ibid., p. 26.
[34] Hong Z., "India's Changing Relations with ASEAN: from China's Perspective" – The Journal of East Asian Affairs, vol. 20, N 2, Fall/Winter 2006, p. 141- 170.
[35] Strategic Analysis, Journal of IDSA, vol. 31, issue 4, July 2007, p. 631.
[36] Ibid., p.632; Asian Survey, vol. XLVIII, N 6, November/December 2008, p.989.
[37] Asian Survey, vol. XLVIII, N 6, November/December 2008, p. 965, 966.
[38] World Focus, vol. XXXI, N 10, October 2010, p. 458-459.
[39] Strategic Analysis, Journal of IDSA, vol. 31, issue 4, July 2007, p.637.
[40] Ibid., p. 628.
[41] Strategic Analysis, Journal of IDSA, vol. 31, issue 4, July 2007, p.631.
[42] Ibid., p.629-631; Asian Survey, vol. XLVIII, N 6, November/December 2008, p.993-994; Kudo T., "The Impact of US Sanctions on the Myanmar Garment Industry" – Asian Survey, vol. XLVIII, N 6, November/December 2008, p. 998.
[43] Strategic Analysis, Journal of IDSA, vol. 31, issue 4, July 2007, p.632.
[44] Ibid., p. 633.
[45] Asian Survey, vol. XLVIII, N 6, November/December 2008, p. 974.
[46] Washington Post, 03.07.2010 – цит. по «Пульс планеты» ИТАР-ТАСС, АТР, 07.06.2010, с. АК-11, АК-12.

© ***Церерин А.Н.***
аспирант МГИМО (У)

ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА АСЕАН

Иностранные исследователи часто критиковали АСЕАН за такие ее недостатки как отсутствие внутреннего единства и недостаточный уровень интеграции. Ответом Ассоциации стало принятие Устава, а также проекта создания триединого Сообщества АСЕАН в сфере политики и безопасности, экономики, социо-культурной области. Вот как об этом говорится в тексте Устава организации: «Мы стремимся ускорить построение Сообщества через расширение процессов регионального сотрудничества и интеграции, в частности путем создания Сообщества АСЕАН, состоящего из Сообщества безопасности АСЕАН, экономического Сообщества АСЕАН и социо-культурного Сообщества АСЕАН, как это предписано в Балийской декларации (Второй декларации Согласия)»[1].

Еще программа «Видение АСЕАН в 2020 г.», которая была принята в декабре 1997 г., как одна из мер по выходу из финансового кризиса, подразумевала превращение Ассоциации в стабильный, процветающий и обладающий высокой конкурентной способностью регион[2]. В данном документе страны АСЕАН продемонстрировали единство подходов к необходимости всестороннего развития сотрудничества в регионе с целью создания Сообщества АСЕАН. На этой основе дипломатические усилия стран-членов АСЕАН направлены на развитие более диверсифицированного и эффективного сотрудничества, основанного на повышение уровня интеграции, а также разрешение возможных конфликтов в ЮВА.

Однако процесс построения единого пространства был приторможен азиатским финансовым кризисом 1997-98 гг., который явился отражением мировой тенденции. Особенно ярко его последствия проявились в Малайзии, Индонезии, Таиланде, на Филиппинах. Индонезия и Малайзия оказались перед лицом внутренней нестабильности, которая явилась закономерным следствием финансовых катаклизмов. Политические и эконо-

мические проблемы Таиланда привели к заметному оттоку иностранного капитала в экономику данного государства. Индонезия и Филиппины пытались проводить протекционистскую политику в ряде чувствительных для себя отраслей хозяйства, в частности в сельском хозяйстве. Индонезия также ввела новую систему лицензирования импортных товаров, ряд ограничений, а также более строгие правила в области ввоза товаров на свою территорию.

После достижения экономической стабилизации в 2003 г. на острове Бали была принята Вторая декларация Согласия, в которой была озвучена идея о создании триединого Сообщества АСЕАН с опорой на экономический компонент[3]. Лидеры стран региона пришли к соглашению, что создание Экономического Сообщества АСЕАН будет являться целью региональной экономической интеграции к 2020 г.[4].

Проект создания Экономического Сообщества АСЕАН был принят на саммите АСЕАН, который проходил в Себу (Филиппины) в 2007 г. В то же самое время сроки осуществления поставленной цели были уточнены и сокращены до 2015 г.[5]. Он является своеобразной «дорожной картой» для скорейшего достижения поставленной цели создания единого рынка, путем соотнесения различных элементов и характеристик Сообщества с конкретными задачами и временными рамками.

Начиная со времени данного финансового кризиса, а в особенности под влиянием последнего общемирового экономического кризиса 2008-2010 гг., страны АСЕАН усиленно работают над созданием системы экономической стойкости перед лицом внешних вызовов, путем усиления макроэкономических основ на национальном уровне, а также путем развития интеграции на региональном и международном уровнях.

Следует отметить, что мировой валютно-финансового кризис 2008-2010 гг., в отличие от своего предшественника, обладал меньшим разрушительным воздействием на экономики стран ЮВА. В соответствии с источником *ECONIT's Economic Outlook* в 2008 г. наличествовали угрозы инфляции, возникновения энергетических проблем, задержек в развитии инфраструктуры, слабости в проведении фискальной политики и т.п.[6]

Все эти процессы оказали негативное воздействие на население региона. Так, например, в Индонезии в 2008 г. закончилась фиаско фискальная политика правительства страны, которая должна была, по идее, выступать в качестве двигателя развития экономики: в это время наблюдался один из самых больших за последние сорок лет дефицитов бюджета (73,4 триллиона рупий)[7]. Внешний долг государства к январю 2009 г. возрос на 31% по сравнению с предшествующим пятилетним периодом. Увеличились также проценты по внешней задолженности, что привело к ослаблению национальной валюты. В 2009 г. общая задолженность государства составила 1,7 триллионов рупий[8]. Следствием данных процессов стал тот факт, что число лиц, проживающих за чертой бедности, составило 37,17 миллиона человек, а число безработных достигло отметки в 40 миллионов. По этим показателям страна оказалась на 60 месте в мире среди 177 других стран[9]. В соответствии с индексом развития человечества (*Human Development Index*) за 2008 г., который включает такие важные элементы, как качество жизни, количество грамотного населения, покупательную способность потребителей и т.п., Индонезия оказалась на 110 месте, если сравнивать этот показатель с другими странами АСЕАН, то даже Вьетнам оказался на 107 месте, что и говорить о Сингапуре, занявшем 25 место и Малайзии с Таиландом, оккупировавшим, соответственно, 63 и 78 места[10].

Однако в условиях настоящего кризиса редкая из стран региона пошла на решительные меры по реформированию своей экономической системы. Так были проведены определенные меры по облегчению положения банков путем понижения норм обязательных резервов в таких странах как Таиланд, Филиппины, Вьетнам и Индонезия, был до некоторой степени повышен объем денежной массы (прежде всего в Индонезии), было проведено снижение норм рефинасирования процентных ставок по банковским займам в Таиланде, на Филиппинах , во Вьетнаме и в Индонезии[11]. Исключение в данном случае составили Сингапур и Вьетнам. Сингапур ускорил процесс либерализации в сфере услуг, а Вьетнам, помимо мер, аналогичных сингапурским, пошел еще на проведение структурных экономических преобразований.

В условиях выхода из затянувшегося финансового кризиса, а также перед лицом необходимости ускорения интеграции в регионе особое значение приобрела именно экономическая составляющая претворения в жизнь триединого Сообщества АСЕАН. Прежде всего на основе формирования единого экономического пространства могут быть построены два других компонента сообщества: политический и социально-экономический.

Экономическое Сообщество АСЕАН призвано сделать из региона «стабильные, процветающие, высококонкурентные и экономически интегрированные единый рынок и производственную базу, где будут свободно перемещаться товары, услуги и капитал», которые сделают Юго-Восточную Азию более сильным и динамичным сегментом мировой экономической структуры с «более свободным движением деловых кругов, профессионалов, талантливых людей и рабочей силы»[12].

Для начала следует отметить, что планируется разработка специального механизма для более глубокого экономического сотрудничества, которое бы предполагало гибкий подход в тех случаях, где невозможно достижение консенсуса. Это - открытие двухвекторного («2 плюс Х) или многовекторного («10 минус Х») пути экономического сотрудничества по формуле «АСЕАН минус икс»[13]. Понятие «икс» подразумевает, что один или большее количество членов Ассоциации могут по своему усмотрению воздержаться от участия в том или ином виде экономической активности, что позволит другим участникам достигать соглашений, не дожидаясь одобрения АСЕАН в его полном составе.

АСЕАН обладает различными инструментами, относящимися к области торговли товарами, вопросам либерализации в сферах предоставления услуг и инвестиций, а также устранения различных препятствий для развития экономической интеграции, как в области таможенного регулирования, так и в других сферах[14]. Однако данные документы не принесли ощутимых результатов и изменений. Главными достижениями, которые проистекли из их подписания, являются создание Зоны свободной торговли в соответствии с соглашением 1992 г., а также системы общих преференциальных тарифов. Внутрирегио-

нальные тарифы в 2002 г. приблизились к нулевой отметке на территории «ветеранов» Ассоциации. Правда, следует отметить, что и без подписания данного соглашения на территории региона отмечается одновременное снижение тарифных ставок.

Таким образом, процесс региональной экономической интеграции фактически был сведен к постепенному «демонтажу» внутриасеановских барьеров, а также снижению уровня тарифных ставок. Следует отметить, что данные препятствия на пути к единому рынку относятся к следующим сферам: инфраструктура, недостатки в законодательстве, плохое корпоративное управление, защита авторского права, политика и безопасность, недостаток квалифицированной рабочей силы, препятствия на пути инвестиционного потока, вопросы стандартизации, мобильность трудовых ресурсов, движение капиталов, высокий уровень таможенных пошлин[15].

Традиционными рынками сбыта конечной продукции стран АСЕАН были западные державы, однако за время последнего финансового кризиса их спрос претерпел понижение. Это означает, что настало время выходить на новые рынки сбыта для своей продукции такие, как индийский и китайский. Однако и здесь имеются свои трудности. Так в одной из своих статей исследователь Эдуардо Педроса приводит пример, в соответствии с которым стоимость экспорта контейнера с определенным товаром из стран АСЕАН в КНР, за исключением Малайзии и Сингапура, значительно выше, чем, если отправлять аналогичный груз из КНР в страны ЮВА. Так экспорт из Китая стоит 460$ за контейнер, из Индонезии - 704$, из Лаоса - 1860$, из Филиппин -816$, из Таиланда - 625$, а из Вьетнама - 734$. Причем для того, чтобы пройти все процедуры, связанные с заключением контракта, в КНР потребуется 406 дней, в Индонезии – 570 дней, а на Филиппинах все 842 дня[16].

Конечной целью экономической интеграции в регионе служит создание единого рынка и производственной базы со свободным движением товаров, услуг, инвестиций, а также квалифицированных трудовых ресурсов к 2015 г., что будет воплощаться в создании Экономического Сообщества АСЕАН.

Проект требует от АСЕАН различных инициатив в области торговли. При его реализации следует учитывать такое пре-

пятствие для региональной экономической интеграции, как наличие политических, экономических, социо-культурных и институциональных различий в Юго-Восточной Азии, которые исключают существование какого-либо единого прочного фундамента для построения интегрированного сообщества. Следует также отметить географический фактор, который подразумевает наличие двух зон в АСЕАН: архипелага и материковой части, которые, фактически, являются зонами с разной степенью экономического развития.

Помимо этого, некоторые из действующих инструментов существуют уже в течение длительного времени и нуждаются в пересмотре и обновлении. Конечный результат расширения рамок Соглашения АСЕАН по общим преференциальным тарифам будет его перевод в формат документа с более широкой областью охвата и действия, что создаст необходимые условия для свободного движения товаров в пределах региона.

В соответствии с проектом создания Сообщества был совершен пересмотр инструментария региональной интеграции с тем, чтобы сделать его соответствующим современному экономическому окружению, в котором действуют законы рыночной конкуренции. Результатом пересмотра и обновления существующей базы соглашений в области экономики, как шага на пути к созданию Экономического Сообщества АСЕАН к 2015 г., является подписание Соглашения АСЕАН в области торговли (ATIGA),первого всеобъемлющего документа, который создает необходимые предпосылки и условия для решения широкого спектра задач, которые относятся к движению товаров в регионе, начиная от вопроса либерализации (исключение тарифных и иных барьеров), заканчивая проблемами торговой инфраструктуры (потребительские стандарты, торговые правила и процедуры, санитарные меры и т.п.), а также вопросами обеспечения комфортных условий для торговли. Соглашение также включает в себя ряд ключевых принципов в области международной торговли, таких как открытость, прозрачность, отсутствие дискриминации и т.п.

Следует отметить следующие новые черты данного документа по сравнению с предшествующими актами. Во-первых, это соглашение отличается широтой своего охвата, и затраги-

вает все области, имеющие отношение к обеспечению свободного движения товаров в рамках региональных торговых соглашений. Данный документ объединяет многие существующие акты, предоставляя больший простор и открытость для ведения бизнеса.

Во-вторых, документ подразумевает ряд условий для улучшения и модернизации существующей нормативной базы с тем, чтобы создать оптимальный климат для осуществления предпринимательской деятельности на территории региона. В-третьих, планируется создание беспошлинной зоны: для каждого государства региона четко прописаны сроки снижения тарифных ставок по различным видам товаров вплоть до 2015 г. Создание беспошлинной зоны включено в статью 42 Соглашения АСЕАН в области торговли (ATIGA), и подразумевает отмену тарифов для асеановской пятерки к 2010 г., для Филиппин к 2012, для государств Индокитая к 2015-18 гг.

В-четвертых, каждое государство-член АСЕАН, исходя из данного соглашения, определит для себя, какие препятствия для создания беспошлинной зоны, существуют на его территории. В-пятых, была разработана рабочая программа АСЕАН в области торговой инфраструктуры. Проекты, задуманные в соответствии с этой программой, были осуществлены в Индонезии и Вьетнаме, они включили в себя следующие меры: гармонизацию тарифной номенклатуры; создания режима «одного окна» в АСЕАН, который обеспечит организацию единого канала уплаты таможенных пошлин для стран-членов АСЕАН; сооружение и реконструкция объектов транспортного сообщения, возведение новых объектов промышленного и гражданского назначения и т.п. Об их результатах было доложено на 20-й объединенной консультативной сессии АСЕАН по вопросам торговой инфраструктуры, которая прошла в июле 2009 г. в Сингапуре[17].

В-шестых, документ призван обеспечить прозрачность и предсказуемость процессов, протекающих в регионе, для широких кругов бизнес-сообщества, он также послужит целям регионального стратегического планирования.

Следует отметить, что в документе нигде не прописывается проблема коррупции как одного из главных препятствий на

пути интеграции. Возможно, это является отражением стремления Ассоциации не привлекать излишний раз внимание к данному наболевшему вопросу, который набил оскомину во многих странах региона и, в частности, в Индонезии. В соответствии с международным обзором по вопросу коррупции, Индонезия получила 3,7 балла, что является наихудшим результатом в АСЕАН, особенно по сравнению с Брунеем, Камбоджей, Малайзией, Филиппинами, Сингапуром и Таиландом[18].

Необходимость повышения конкурентоспособности стран ЮВА на международной арене требует ускоренных мер по формированию новой нормативно-правовой базы и ревизии старой. В данном русле в 2007 г. было принято решение о пересмотре двух документов: договора, датированного 1987 г., - Соглашения о продвижении и защите инвестиций (“ASEAN IGA”), а также Рамочного соглашения по вопросу инвестиционной зоны в АСЕАН(AIA) 1998 г. и относящихся к ним двух протоколов. В результате в 2009 г. было заключено Всеобъемлющее соглашение по вопросу инвестиций(ACIA).

Перед лицом жесткой международной конкуренции за получение прямых иностранных инвестиций Всеобъемлющее соглашение по вопросу инвестиций было запланировано с целью создания более свободного и открытого инвестиционного режима, который способствовал бы скорейшей экономической интеграции АСЕАН на основе существующего международного опыта. Данное соглашение должно способствовать превращению региона в зону, привлекательную для ведущих зарубежных инвесторов, которая будет способна эффективно конкурировать с другими развивающимися экономиками.

Данный документ является единым договором в области инвестиций, который содержит более широкий круг различных условий и охватывает четыре составных части инвестиционной сферы: протекционизм, инфраструктуру, либерализацию, продвижение. Планируется достичь формирования свободного и открытого инвестиционного пространства к 2015 г., что будет выгодно как иностранным инвесторам в экономику стран Ассоциации, так и самим асеановцам.

В настоящее время на бумаге АСЕАН имеет зоны свободной торговли со следующими зарубежными партнерами: Японией, Южной Кореей, Австралией и Новой Зеландией. Ассоциация находится на пути подписания соответствующих документов с Индией и ЕС. Однако говорить пока об эффективности данных образований, за исключением вступившей в силу в 2010 г. ЗСТ с Китаем, очень сложно, так как многие специалисты отмечают слабость данных проектов[19].

Воплощая в реальность идею построения Экономического Сообщества АСЕАН, Ассоциация интенсифицировала процесс создания экономической зоны, которая будет с выгодой использовать потенциал объеденного рынка практически 600 миллионов потребителей, ВВП которого будет превышать 1 триллион долларов США, а общий объем торговли достигнет отметки в 1,4 триллиона долларов США. В будущем внутрирегиональная интеграция послужит превращению организации в заметного игрока как на азиатском, так и на международном фронтах, способного смягчить угрозы, которые, возможно, будут посерьезнее нынешнего экономического кризиса. Основным вызовом остаются трудности, связанные с процессом проведения либерализации экономической системы каждой отдельно взятой страны региона, отмены не только таможенных, но и других барьеров, стоящих на пути региональной интеграции. Главная цель - превращение Ассоциации из совокупности десяти небольших рынков отдельно взятых государств, имеющих свои правила, в один мощный, крупный и интегрированный рынок.

Отдельную проблему представляет собой необходимость убедить широкие круги бизнес-сообщества в том, что АСЕАН всерьез намеревается осуществить план построения Экономического Сообщества в заданные сроки, и что все соглашения, а также «дорожные карты» будут выполнены без задержек и промедлений, так как предпринимательские круги Ассоциации высказывают опасение, что построение Сообщества к 2015 г. практически неосуществимо. По мнению исследователя Тивари, который пишет, что достигнутые соглашения могут «так и остаться на бумаге»[20].

Тем не менее, можно придти к выводу, что своевременное и полноценное претворение в жизнь решений по вопросам экономической интеграции даст Ассоциации прочную легитимную институциональную базу, которая поможет превратить ЮВА в более привлекательный регион для приложения иностранного капитала. Воплощение в реальность идеи Экономического Сообщества стран АСЕАН к 2015 г. послужит главным испытанием для Устава АСЕАН, проверкой того останется ли он планом на словах, или реализуется на деле.

---

[1] ASEAN Charter – ASEAN Secretariat. – Jakarta, 2007.

[2]ASEAN Vision 2020. – Kuala Lumpur, 1997.

[3] ASEAN Charter – ASEAN Secretariat. – Jakarta, 2007.

[4] Declaration of ASEAN Concord II (Bali Concord II). – Bali, 2003.

[5] Roadmap for an ASEAN Community: 2009-2015

APSC Blueprint– ASEAN Secretariat. – Jakarta, 2007

[6] ECONIT's Economic Outlook 2008

[7] Harahap Muchtar. Kegagalan SBY dlm fakta dan angka/ Muchtar Harahap – Jakarta: Pustaka Fahima, 2010. – С.34.

[8] Kompas, 15/06/2009.

[9] Harahap Muchtar. Kegagalan SBY dlm fakta dan angka/ Muchtar Harahap – Jakarta: Pustaka Fahima, 2010. – С.8.

[10] Kompas, 10/12/2008.

[11]Подробнее см. Бойцов В.В. Мировой экономический кризис и его проявление в странах ЮВА / В.В. Бойцов //Тихоокеанское обозрение 2008-2009– М., 2010. – С.97.

[12] ASEAN Charter – ASEAN Secretariat. – Jakarta, 2007.

[13] ASEAN Charter ст.21 (2)

[14] The ASEAN Comprehensive Investment Agreement– Cha-am,26 February 2009// http:// www.aseansec.org./ 22218.htm

ASEAN Trade in Goods Agreement.– Jakarta, 2009

Framework Agreement on ASEAN Investment Area.- Manila, 15 December1987. // http:// www.aseansec.org/6464.htm

Initiative for ASEAN Integration (IAI) Strategic Framework

IAI Work Plan 2 (2009-2015) и т.п.

[15] Pedrosa Eduardo. Implications of an Uncertain Global Economy on Integration Initiatives/ Eduardo Pedrosa //ASEAN: Life After the Charter/ S. Tiwari – Singapore.: ISEAS, 2010. – С. 127.

[16] Pedrosa Eduardo. Implications of an Uncertain Global Economy on Integration Initiatives/ Eduardo Pedrosa //ASEAN: Life After the Charter/ S. Tiwari – Singapore.: ISEAS, 2010. – С. 124-135.

[17]Подробнее см. Lai Peng Yap. The ASEAN Comprehensive Investment Agreement 2009 : Its Objectives, Plans and Progress / Yap Lai Peng //ASEAN: Life After the Charter/ S. Tiwari – Singapore.: ISEAS, 2010. – C. 100-113.

[18] Survey Global Corruption Barometer (Tempo, 9.06.2009)

См., например, Parsons David. Challenges to Achieving the ASEAN Economic Community/ David Parsons //ASEAN: Life After the Charter/ S. Tiwari – Singapore.: ISEAS, 2010. – C. 135-141.

[20]Tiwari S. A Miscellany of Trade Issues/ S. Tiwari//ASEAN: Life After the Charter/ S. Tiwari – Singapore.: ISEAS, 2010. – C. 145.

Источники

ASEAN Charter – ASEAN Secretariat. – Jakarta, 2007.

ASEAN Vision 2020. – Kuala Lumpur, 1997.

Declaration of ASEAN Concord II (Bali Concord II). – Bali, 2003.

ECONIT's Economic Outlook 2008

Roadmap for an ASEAN Community: 2009-2015

APSC Blueprint– ASEAN Secretariat. – Jakarta, 2007

The ASEAN Comprehensive Investment Agreement– Cha-am,26 February 2009// http:// www.aseansec.org./ 22218.htm

ASEAN Trade in Goods Agreement.– Jakarta, 2009

Framework Agreement on ASEAN Investment Area.- Manila, 15 December1987. // http:// www.aseansec.org/6464.htm

Initiative for ASEAN Integration (IAI) Strategic Framework

IAI Work Plan 2 (2009-2015) и т.п.

Литература

Бойцов В.В. Мировой экономический кризис и его проявление в странах ЮВА / В.В. Бойцов //Тихоокеанское обозрение 2008-2009– М., 2010. – С.97.

Parsons David. Challenges to Achieving the ASEAN Economic Community/ David Parsons //ASEAN: Life After the Charter/ S. Tiwari – Singapore.: ISEAS, 2010. – C. 135-141.

Harahap Muchtar. Kegagalan SBY dlm fakta dan angka/ Muchtar Harahap – Jakarta: Pustaka Fahima, 2010.

Pedrosa Eduardo. Implications of an Uncertain Global Economy on Integration Initiatives/ Eduardo Pedrosa //ASEAN: Life After the Charter/ S. Tiwari – Singapore.: ISEAS, 2010. – C. 124-135 .

Tiwari S. A Miscellany of Trade Issues/ S. Tiwari//ASEAN: Life After the Charter/ S. Tiwari – Singapore.: ISEAS, 2010. – C. 145-149.

© ***Арунова Л.В.***
ИВ РАН

ЭТАПЫ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН АСЕАН В ЕДИНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО

Стремительно изменяющаяся экономическая ситуация в мире в послевоенный период для некоторых государств Юго-Восточной Азии продемонстрировала, что наступил момент для регионального сотрудничества, в противном случае будущее региона оставалось сомнительным. Региону была необходима перестройка, и, действуя вместе, государства имели возможность добиться больших успехов, нежели в одиночку. Существенная задача состояла в том, чтобы создать структуру регионального диалога и сотрудничества.

В августе 1967 г. министры иностранных дел пяти государств: Индонезии, Малайзии, Филиппин, Сингапура и Таиланда, – провели заседание в Бангкоке, Таиланд, и подписали Бангкокскую Декларацию, на основании которой была создана Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Формирование АСЕАН было вызвано необходимостью военно-политической стабилизации в Юго-Восточной Азии, а не стало проявлением экономической логики. В дальнейшем (к середине 70-х гг.) политический фактор содействовал интеграционному взаимодействию в экономической сфере, в отличие от ЕС, где экономическая интеграция стимулировала политическое сотрудничество.[1] В соответствии с Декларацией, целями организации являются: ускорение экономического развития стран, социального прогресса и культурного развития в регионе, а также установление мира и стабильности через приверженность принципам Устава ООН. Таким образом, была обусловлена открытость Ассоциации для участия всем государствам Юго-Восточной Азии (ЮВА), согласившимся следовать принципам и целям организации. Это провозгласило АСЕАН как организацию, представляющую коллективное желание стран ЮВА связать себя вместе в дружбе и сотрудничестве и, через совместные усилия и жертвы, безопасные для их народов и для будущих поколений, добиться мира, свободы и процветания. К

концу XX века к Ассоциации присоединились еще несколько государств. Таким образом, в настоящее время в АСЕАН насчитывается 10 государств-членов, а высшим органом АСЕАН являются саммиты глав государств и правительств стран-членов АСЕАН и партнеров по диалогу.[2]

На протяжении всей истории существования АСЕАН вплоть до настоящего момента было проведено 17 официальных и 4 неофициальных встречи на высшем уровне. Встречи АСЕАН, начиная с 2001 года, являются ежегодными. Саммит обычно длится 3 дня и сопровождается встречами с партнёрами организации по региону: 1. лидеры стран АСЕАН проводят внутриорганизационную встречу; 2. проводят совместную конференцию с иностранными министрами Регионального Форума АСЕАН; 3. проводят встречу со странами-партнерами по АСЕАН+3 (Китаем, Японией и Республикой Корея); 4. отдельная встреча проходит между лидерами стран АСЕАН и еще двумя странами-партнерами Австралией и Новой Зеландией; 5. с 2002 года - отдельные саммиты АСЕАН–Индия.[3]

Несмотря на ряд заявок на получение партнерского статуса в АСЕАН, расширять систему диалогов АСЕАН считает нецелесообразным. Действует временный мораторий на предоставление другим государствам статуса партнера по диалогу с Ассоциацией. Пока принято решение сосредоточиться на совершенствовании механизма «постминистерских конференций», в частности, в формате «10+1» (диалог АСЕАН с каждым отдельным партнером).

Руководящим и Координирующим органом выступают ежегодные совещания министров иностранных дел (СМИД). Ежегодно проходят совещания министров финансов, экономики и сельского хозяйства, однако важнейшие их решения подлежат утверждению министров иностранных дел. Повседневное руководство осуществляется постоянным комитетом в составе министра иностранных дел председательствующей страны и послов остальных стран-членов. Постоянный Секретариат расположен в Джакарте и возглавляется Генеральным секретарём. Также работа ведется в 29 комитетах, 122 рабочих группах, что позволяет проводить ежегодно более 300 мероприятий в рамках АСЕАН.[4]

Юридической базой взаимоотношений стран Ассоциации служат Декларация согласия АСЕАН 1976 года, Вторая Декларация согласия АСЕАН («Балийское согласие-2») 2003 года, а также Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (Балийский договор) 1976 года, допускающий с 1987 года возможность присоединения внерегиональных государств. В октябре 2003 года к нему присоединились Китай и Индия, в июле 2004 года – Япония и Пакистан, в ноябре 2004 года – Россия и Южная Корея, в июле 2005 года – Новая Зеландия и Монголия, в декабре 2005 г. – Австралия. Что же касается США, то в феврале 2009 года во время своего визита в Индонезию госсекретарь США Хиллари Клинтон заявила о намерении в ближайшем будущем присоединиться к Договору[5].

В 2004 г. в целях укрепления организационно-правовой базы деятельности Ассоциации было принято решение о разработке Устава АСЕАН. В ходе 13-го саммита в Сингапуре Устав был подписан лидерами Ассоциации. Его принятие положило начало новому этапу эволюции АСЕАН и ее трансформации в полноценную региональную организацию. В декабре 2008 г. Устав официально вступил в силу. [6]

В течение последних десятилетий Ассоциация успешно решала стоящие перед ней задачи, такие как: развитие АСЕАН как региональной организации; решение проблем обеспечения региональной стабильности, связанных с Индокитайским конфликтом, наплывом беженцев; страны-участницы учились сотрудничать и развивать свою идентичность в региональном и международном плане. Продолжительное существование организации и солидарность внутри нее являются значительным достижением, принимая во внимание разный уровень развития стран, входящих в эту организацию, а также колоссальные различия в размере территорий и численности населения. Сегодня АСЕАН с ее многомиллионным населением, совокупным ВВП, достигающим почти 1,5 трлн. долл. США и темпами экономического роста, опережающими среднемировые, является центром интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском Регионе (АТР).

Таблица 1

Макроэкономические показатели стран АСЕАН (2009 г.)

Страна	Площадь, тыс.кв.км	Население, млн.чел.	ВВП, млрд.долл.
Бруней	5,765	0,41	14,147
Вьетнам	331,051	86,02	96,317
Индонезия	1860,36	231,37	546,527
Камбоджа	181,035	14,96	10,368
Лаос	236,8	5,92	5,579
Малайзия	330,252	28,31	193,108
Мьянма	676,577	59,53	24,973
Сингапур	0,71	4,99	182,702
Таиланд	513,12	66,90	264,323
Филиппины	300,0	92,23	161,358
АСЕАН-10	4435,67	590,64	1499,402

Источник: ASEAN Statistics: Selected basic ASEAN indicators (as of July 2010). http://www.aseansec.org/stat/Table1.pdf

В ходе саммитов АСЕАН были рассмотрены такие вопросы, как развитие сотрудничества и взаимопомощи в экономической, социальной, культурной, технической, научной и административной областях.

Первый саммит был проведен в феврале 1976 года на о-ве Бали, Индонезия. На этой встрече АСЕАН выразила готовность развивать плодотворные отношения и взаимовыгодное сотрудничество с другими странами региона. Лидерами стран-членов Ассоциации был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии. В Договоре были обозначены основополагающие принципы взаимоотношений государств в рамках АСЕАН: 1. Взаимное уважение к независимости, суверенитету,

территориальной целостности, равноправию и национальной самобытности всех народов; 2. Право каждого государства на невмешательство извне; 3. Урегулирование разногласий и споров мирными путями; 4. Отказ от угроз или применения силы; 5. Эффективное взаимодействие между государствами-членами.[7]

В ходе последующих саммитов было принято много важных решений, соответствующих принципам, обозначенным в Договоре о дружбе и сотрудничестве в ЮВА.

Серьезным испытанием для АСЕАН стал экономический кризис в Азии 1997-1998 годов, заставивший страны Ассоциации реформировать и реструктурировать свою экономику. Экономики стран АСЕАН очень быстро восстановились после азиатского кризиса. Этому быстрому пикообразному восстановлению способствовал развитый экспорт стран-членов. Однако МВФ в своем докладе World Economic Outlook обратил внимание на существование тревожных признаков: новые экономические условия повысили стоимость акций; в некоторых странах резко увеличилась стоимость собственности; проблемы могли вызвать и резкое изменение цены активов. В докладе было указано на то, что кризис в Азии сделал экономику стран региона более открытой, вскрыл необходимость повышения эффективности корпоративного управления, вновь привлек внимание к проблемам глобализации и к необходимости внимательно относиться к поддержанию конкурентоспособности.[8]

1-2 декабря 1997 г. в Куала-Лумпуре (Малайзия) состоялось Совещание министров финансов стран АСЕАН, на котором была дана оценка кризисной ситуации, сложившейся в регионе ЮВА, и были заслушаны доклады и предложения по преодолению кризиса каждой страной-членом Ассоциации. На совещании министры пришли к единому мнению, предложив общие пути решения проблем для всех заинтересованных сторон. Эти меры включали в себя следующее: сохранение последовательной, твердой и продуманной финансовой политики, укрепление гибкого валютного курса, четкий контроль как за фондовым рынком, так и за эффективным распределением источников капиталов, усиление информационной политики, более успешное руководство частным сектором и др. Для сниже-

ния зависимости от американского доллара, к которому привязаны все валюты стран АСЕАН, были выдвинуты и реализованы многие инициативы по созданию специализированных институциональных структур, к примеру, Азиатского кредитного фонда.[9]

14-16 декабря 1997 года в Куала-Лумпуре прошла 2-я неофициальная встреча на высшем уровне. В этой встрече Лаос и Мьянма впервые принимали участие в качестве официальных членов Ассоциации. Важно отметить обсуждение «видения АСЕАН в 2020 г.». Было сказано, что приблизилось наступление 21 века, и возникла необходимость создания программы на ближайшие два десятилетия на основе текущей ситуации в регионе и мире. Согласно этому «видению», АСЕАН в 2020 г. будет Зоной мира, свободы и нейтралитета, а также более тесной станет экономическая интеграция среди государств-членов Ассоциации. Также на этой встрече главы государств-членов Ассоциации обратились к США, Японии и ЕС с просьбой об оказании экстренной помощи в преодолении валютно-финансового кризиса.[10]

15-16 декабря 1998 года 6-й саммит АСЕАН состоялся во вьетнамской столице Ханой. На саммите был принят ряд документов, включая "Ханойскую декларацию" и "Ханойскую программу действий", направленных на преодоление кризиса, развитие экономики стран АСЕАН, а также на содействие укреплению сотрудничества стран АСЕАН в экономической и политической областях и в сфере безопасности.[11]

С 27 по 28 ноября 1999 г. в Маниле состоялся очередной неофициальный саммит, 3-й по счету. На этом саммите было высказано намерение сотрудничать и вести более активный диалог между АСЕАН и государствами Северо-Восточной Азии, чтобы весь Восточноазиатский регион достиг более высокого уровня интеграции и сотрудничества.[12] Страны АСЕАН и партнеры по диалогу пришли к выводу, что азиатский финансовый кризис в основном преодолен, регион ждет процветание, залогом которого станет создание азиатского «общего рынка» и введение в обращение единой азиатской валюты. Как сказал на саммите премьер-министр Таиланда Сурин Питсуван, "кризис стал для нас сигналом, оповестившим, что мы не можем боль-

ше жить в изоляции". Поэтому страны АСЕАН приветствуют подключение к созданию нового регионального образования партнеров по диалогу - Китая, Южной Кореи и Японии.[13]

С 22 по 25 ноября 2000 года в Сингапуре прошел 4-й неофициальный саммит. В ходе этой встречи лидеры стран-участниц приняли решение о запуске «Инициативы интеграции АСЕАН» (ИАИ) с целью сократить разрыв в развитии стран-членов и стимулировать конкурентоспособность АСЕАН как региона. Главный упор планировалось делать на образование, развитие способностей и повышение квалификации рабочих.[14]

5-6 ноября 2001 года в брунейской столице Бандар-Сери-Бегаван прошел 7-й саммит АСЕАН и 5-й саммит АСЕАН+3. Лидеры 10 членов АСЕАН рассмотрели и приняли промежуточный доклад по "Ханойской программе действий" и определили приоритетные проекты сотрудничества по ускорению интеграции региона АСЕАН, развитию информационных и коммуникационных технологий и освоению трудовых ресурсов. С коллегами из Китая, Японии и Кореи обсуждались многие серьезные вопросы, как, например ускорение интеграционных процессов в АСЕАН, уменьшение разницы в развитии государств-членов Ассоциации, а также борьба с терроризмом в мире.[15]

4-5 ноября 2002 года 8-й саммит АСЕАН состоялся в камбоджийской столице Пномпень. Лидеры государств Ассоциации провели глубокое и широкое обсуждение проблем интеграции АСЕАН, борьбы с терроризмом и других региональных и международных вопросов, представляющих общий интерес, достигли единства мнений и подписали Соглашение о развитии туризма в рамках АСЕАН.[16]

7-8 октября 2003 года 9-й саммит АСЕАН был созван на индонезийском острове Бали. Саммит принял "Декларацию о сообществе членов АСЕАН", направленную на создание организации аналогичной Евросоюзу, а также решение о развитии АСЕАН в направлении формирования сообщества с более тесными отношениями между его членами. Лидеры государств-членов Ассоциации подписали вторую декларацию согласия, известную как «Балийское согласие-2», в которой было обозначено взаимное стремление к созданию более тесной экономи-

ческой интеграции к 2020 году. Согласно декларации, Сообщество АСЕАН должно было следовать трем направлениям, а именно – взаимодействие в области политики и безопасности, экономическое, а также социо-культурное сотрудничество,- для обеспечения долговременного мира, стабильности и экономического процветания в регионе. Также, планировалось создать в регионе к 2020 году зону свободной торговли. Более того, главы государств АСЕАН обсуждали формирование сообщества по безопасности наряду с экономическим сообществом, хоть и без формального военного союза.[17]

29-30 ноября 2004 года 10-й саммит АСЕАН прошел в лаосской столице Вьентьян. На нем были подписаны "Вьентьянская программа действий" и "Рамочное соглашение АСЕАН об интеграции в приоритетных секторах", приняты "Программа действий в рамках социально-культурного сообщества АСЕАН" и "Программа действий сообщества АСЕАН по вопросам безопасности". На саммите также было принято решение о разработке "Устава АСЕАН" в целях содействия строительству механизмов организации.[18]

12 декабря 2005 года 11-й саммит АСЕАН состоялся в малазийской столице Куала-Лумпур. Саммит принял "Куала-Лумпурскую" декларацию о разработке Устава Ассоциации в целях ускорения строительства сообщества АСЕАН.

С 9 по 15 января 2007 года в филиппинском городе Себу прошел 12-й саммит, на котором был определен план по разработке Устава АСЕАН, подписана "Себуанская декларация". Также было принято решение о создании высшей специальной группы, отвечающей за разработку Устава Ассоциации, о завершении строительства сообщества АСЕАН на 5 лет раньше срока. Кроме того, был подписан ряд документов, включая "Конвенцию АСЕАН о борьбе с терроризмом". В ходе саммита участники пришли к соглашению: 1. Содействовать социально-экономическому развитию всех групп населения, включая мигрантов; 2. Противостоять террористическим вызовам; активно содействовать освобождению Корейского полуострова от ядерного оружия; 3. Развивать энергетическую кооперацию в рамках АСЕАН, включая создание единой энергосистемы и строительство Транс-АСЕАНского газопровода. [19]

С 18 по 22 ноября 2007 года в Сингапуре был проведен 13-й саммит АСЕАН, приуроченный к 40-летию Ассоциации. Во время встречи обсуждались вопросы: энергетики, экологии, изменения климата и устойчивого развития. Был принят ряд важных документов, в том числе "Устав АСЕАН" и "Декларация о плане создания Сообщества АСЕАН". В ходе саммита был подписан План создания Экономического сообщества АСЕАН к 2015 г. Документом был предусмотрен комплекс мер по либерализации и гармонизации политики стран "десятки" в торговой, таможенно-тарифной, инвестиционной, финансовой, конкурентной, производственной сферах, а также в сфере услуг и занятости. [20]

В феврале 2009 года 14-й саммит АСЕАН состоялся в таиландском городе Хуахин. Была подписана "Декларация о разработке плана дорожной карты по строительству Сообщества АСЕАН в 2009-2015 гг.",а также планы АСЕАН по политике и безопасности, экономике и культуре и ряд других документов, имеющих стратегическое значение для развития Ассоциации, а также для построения ее сообщества.[21]

С 23 по 25 октября 2009 года в г. Хуахин, Таиланд, прошел 15-й саммит АСЕАН и ряд саммитов АСЕАН и стран-партнеров по диалогу. Лидеры 10 стран АСЕАН и 6 стран-партнеров по диалогу (КНР, Японии, Республики Корея, Австралии, Новой Зеландии и Индии) собрались для обсуждения таких важных вопросов, как финансовый кризис, продовольственная и энергетическая безопасность, климатические изменения, борьба со стихийными бедствиями и строительство Сообщества АСЕАН.

При обсуждении вопросов строительства Сообщества АСЕАН руководители 10 стран-членов Ассоциации рассмотрели ситуацию с реализацией Устава, который служит юридической основой организации, и приветствовали работу комиссии постоянных представителей и создание 3 советов при Ассоциации. Для содействия строительству сообщества участники саммита приняли Декларацию о создании межправительственной комиссии АСЕАН по правам человека и опубликовали заявление об укреплении сотрудничества в области образования в рамках Ассоциации.

По вопросу преодоления климатических изменений руководители стран-членов АСЕАН опубликовали заявление, подтвердив общую позицию Ассоциации по проблеме изменения климата. Она заключается в том, что стороны Рамочной конвенции ООН об изменении климата должны на основе равенства, согласно принципу "общей, но дифференцированной ответственности", охранять климатическую систему, исходя из реального положения и возможностей разных стран.

Что касается стихийных бедствий, которые часто происходили в последние годы в Юго-Восточной Азии, то участники саммита выразили намерение усилить борьбу с ними за счет сотрудничества внутри АСЕАН и сотрудничества между ассоциацией и ее странами-партнерами по диалогу.

В вопросах преодоления финансового кризиса и обеспечения стабильности экономики руководители 10 стран-членов АСЕАН подчеркнули необходимость продолжать реализовывать планы по внутриэкономическому стимулированию для обеспечения устойчивого роста экономики. Они поддержали заявление о реформировании международных финансовых структур, принятое на прошедшем в сентябре в американском городе Питтсбург саммите "Группы 20", полагая, что реформирование должно отражать мнение экономических субъектов с нарождающимися рынками и развивающихся стран. Они единодушно согласились с тем, что руководители председательствующих в АСЕАН стран и генсек Ассоциации должны принимать участие в саммитах "Группы 20". Они приветствовали завершение АСЕАН в этом году переговоров с 6 странами-партнерами по диалогу по соглашениям о свободной торговле и соглашениям по всестороннему экономическому партнерству, считая, что эти документы будут содействовать торговле и инвестиционной деятельности в регионе.

На 12-й встрече руководителей Китая и АСЕАН премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао отметил, что перед лицом сурового вызова со стороны международного финансового кризиса Китай и АСЕАН поддерживают друг друга, укрепляют сотрудничество, общими усилиями отражая вызовы и содействуя совместному развитию. Для дальнейшего продвижения двустороннего сотрудничества он предложил: выявлять роль зоны свобод-

ной торговли между Китаем и АСЕАН; ускорять строительство капитальных объектов; наращивать сотрудничество в сельском хозяйстве и между деревнями; содействовать поступательному развитию; активизировать общественные и культурные контакты; продвигать многоуровневое региональное сотрудничество.

На 12-м саммите "АСЕАН-Япония" японский премьер-министр Юкио Хатояма и руководители стран-членов АСЕАН обсуждали главным образом международный финансовый кризис, борьбу со стихийными бедствиями, энергетическое сотрудничество, климатические изменения и строительство Восточноазиатского сообщества. Глава японского правительства подчеркнул особое значение перспективной концепции о создании Восточноазиатского сообщества, подтвердив, что Япония будет поддерживать, как и прежде, строительство сообщества АСЕАН.

На 12-м заседании руководителей Республики Корея и АСЕАН президент государства Ли Мен Бак и руководители стран-членов АСЕАН обсудили перспективы сотрудничества в образовании, охране окружающей среды и свободной торговле с тем, чтобы поднять двусторонние связи на уровень стратегического сотрудничества и партнерства.

Достигнутые на 15-м саммите АСЕАН и ряде саммитах АСЕАН и стран-партнеров по диалогу результаты свидетельствуют об укреплении тенденции к сотрудничеству и развитию в Юго-Восточной Азии и всей Восточной Азии.[22]

С 8 по 9 апреля 2010 г. в Ханое состоялся 16-й саммит АСЕАН. На нем были приняты Совместное заявление об экономическом восстановлении и постепенном развитии и Совместное заявление о противодействии климатическим изменениям. Все члены АСЕАН выразили намерение повысить в дальнейшем эффективность, реализовать достигнутые соглашения и активно содействовать претворению Устава АСЕАН в жизнь.

Руководители стран-членов АСЕАН решили принять практические меры по активному содействию реализации плана "дорожной карты" по интеграции АСЕАН и достичь цели создания Сообщества АСЕАН к 2015 году. Что касается политики в сфере региональной экономики, то страны АСЕАН решили продолжать проводить действующую макроэкономиче-

скую политику до того момента, пока не укрепится тенденция экономического возрождения, наряду с этим усилить контроль над региональной экономикой и повысить способность предупреждения об экономическом и финансовом рисках.[23]

На переговорах министров финансов 8 апреля с рекомендациями государствам АСЕАН выступил заместитель директора-распорядителя МВФ. Правительствам этих стран было рекомендовано учитывать нестабильность внешних рынков, контролировать темпы роста иностранных инвестиций в краткосрочной перспективе и ориентироваться на повышение внутреннего спроса. По оценкам МВФ, экономический рост в странах АСЕАН по итогам 2010 года составит в среднем 5,5%. Для сравнения, темпы роста экономики развитых стран не превысят 2,5%.[24]

С 28 по 30 октября 2010 года во вьетнамской столице состоялся 17-й саммит. В рамках этого мероприятия прошел ряд двухсторонних встреч АСЕАН с диалоговыми партнерами, в том числе Второй саммит Россия - АСЕАН. Во время встреч руководителей стран АСЕАН был рассмотрен прогресс, достигнутый в процессе интеграции Ассоциации, и определены направления работы по созданию экономического сообщества, сообщества политической безопасности и социально-культурного сообщества. Также было принято решение пригласить Россию и США присоединиться к Восточноазиатскому саммиту в 2011 году, таким образом, создав новый формат «10 + 8».[25]

Участники саммита приняли комплексный план взаимных связей и взаимных обменов АСЕАН и другие документы, реализация которых станет гарантом строительства Сообщества АСЕАН в намеченный срок - к 2015 году: Декларация АСЕАН, нацеленная на освоение людских ресурсов и повышение квалификации трудящихся, Ханойская декларация, нацеленная на улучшение благосостояния женщин и детей в регионе, и др. Комплексный план включает в себя более 700 проектов и планов. Ассоциация рассчитывает, что ее члены и страны-партнеры по диалогу примут активное участие в этих проектах и планах путем инвестирования и продвинут взаимные связи и взаимные обмены внутри АСЕАН и между Ассоциацией и ее

партнерами по диалогу. Руководители организации также решили создать комиссию по координации взаимных связей и взаимных обменов АСЕАН в целях координации и контроля над процессом реализации этого документа.[26]

Премьер-министр Вьетнама, председательствующего в АСЕАН, Нгуен Тан Зунг на церемонии закрытия сказал, что Ассоциация зарекомендовала себя в качестве основной движущей силы в развитии диалога и сотрудничества на благо мира, безопасности и развития в регионе. Ей также удалось связать и гармонизировать интересы своих партнеров. В настоящее время заметно, что АСЕАН занимает ведущую позицию в развитии динамичной региональной архитектуры.[27] Он заметил, что успешное проведение последних двух саммитов АСЕАН и сконцентрированные усилия на всех уровнях в течение всего 2010 года под лозунгом «К Сообществу АСЕАН: от общего видения к конкретным действиям» привели к значительным достижениям и немало способствовали реализации планов построения Сообщества АСЕАН к 2015 году. [28]

Можно с уверенностью заявить, что проведение вышеуказанных встреч на высшем уровне будет способствовать усилению интеграционных процессов в ЮВВА, а также придаст новый стимул сотрудничеству между странами региона.

Необходимо заметить, что Азиатско-Тихоокеанский регион претендует на роль серьезного партнера в системе международных экономических отношений. Сурин Питсуван, генеральный секретарь организации, недавно высказал свое мнение, что АСЕАН и Восточная Азия «должны стать локомотивом восстановления мировой экономики».[29] Принимая во внимание все вышесказанное, можно смело утверждать, что данный регион уже стал этим "локомотивом". В настоящее время в странах-членах АСЕАН наблюдается серьезный подъем экономики и оживление экономической деятельности, которое обусловлено двумя факторами: экспортом и высоким внутренним спросом. В совокупности создается впечатление, что в азиатском регионе происходят ключевые перемены, и что они будут влиять на остальной мир. Показательным также является то, чего регион достиг за последние десятилетия: доля стран азиатского региона с формирующимся рынком в мировой торговле удвоилась, а

их доля в мировом ВВП утроилась только за прошлые два десятилетия. Кроме того, созданные странами Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии усиленные основы политики и более прочные институты, в особенности за прошедшее десятилетие, выдержали испытание экономического спада и служат прочным фундаментом на будущее. Основываясь на этом фундаменте, странам азиатского региона необходимо будет продолжить проведение реформ, направленных на решение трудных задач, которые по-прежнему стоят перед регионом как на ближайшую, так и более долгосрочную перспективу.

Время азиатского региона наступает. Его роль в мировой экономике продолжает расти как в мировой торговле и финансах, так и в экономическом развитии, и она будет только возрастать. Странами региона накоплен богатый опыт — это опыт стран, сталкивающихся с различными трудностями на отдельных этапах развития. И глобализирующаяся экономика вбирает в себя и этот богатый, накопленный в странах Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, опыт развития.[30]

---

[1] Костюнина Г.М. Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН)// Международная экономическая интеграция: учебное пособие / Под ред. Н.Н. Ливенцева. – М.: Экономистъ, 2006; стр. 227-228.

[2] The Founding of ASEAN, http: // www.aseansec.org/7071.htm

[3] ASEAN Summit, http:// www.aseansec.org/20100.htm

[4] Департамент Информации и Печати МИД РФ, http://www.extech.ru/rrscce/bio/asean_info.doc

[5] «США готовы к сотрудничеству со странами АСЕАН», http://www.lenta.kz/world/?article=127346

[6] About ASEAN: overview; http://www.aseansec.org/about_ASEAN.html

[7] Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia, Indonesia, 24 February 1976; http://www.aseansec.org/5047.htm

[8] Статья "Проблемы и задачи, стоящие перед АСЕАН в 21 веке", 15.05.2000 г.; Причины успеха Сингапура: 13 статей г-на Марка Хонга Тат Сун, посла Республики Сингапур в России и на Украине; Москва, июнь 2000 г., стр. 57-69.

[9] Чан Хьеп "История АСЕАН в 1967-2000 годах", монография / Отв. ред. А.С. Протопопов. – М.: Изд-во РУДН, 2002 г., стр. 162-182.

[10] Press Statement of the 2nd ASEAN Informal Meeting of Heads of State/Government of the Member States of ASEAN, Kuala Lumpur, Malaysia, 15 December 1997; http://www.aseansec.org/1816.htm;

Asean Vision 2020, http://www.aseansec.org/5228.htm

[11] 6th ASEAN Summit 15-16 December 1998, Hanoi, Vietnam; http://www.aseansec.org/20124.htm

[12] Chairman's Press Statement on ASEAN 3rd Informal Summit Manila, Philippines, 28 November 1999; http://www.aseansec.org/5300.htm

[13] «Маниловский проект АСЕАН. Россию пригласят в азиатский "общий рынок"», газета «Коммерсантъ» №221 от 30.11.1999 г.; http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=231563

14 Press Statement by Chairman, 4th ASEAN Informal Summit, Singapore, 25 Nov 2000; http://www.aseansec.org/5310.htm

15 Press Statement by the Chairman of the 7th ASEAN Summit and the 5th ASEAN + 3 Summit, November 5, 2001, Bandar Seri Begawan; http://www.aseansec.org/5317.htm

16 Press Statement By The Chairman Of The 8th Asean Summit, The 6th Asean + 3 Summit And The Asean-China Summit, Phnom Penh, Cambodia, 4 November, 2002; http://www.aseansec.org/13188.htm

17 Press Statement By The Chairperson Of The 9th ASEAN Summit and the 7th ASEAN + 3 Summit, Bali, Indonesia, 7 October 2003; http://www.aseansec.org/15259.htm

[18] Газета "Жэньминь жибао" он-лайн, http://russian.peopledaily.com.cn/31520/5280847.html

19Twelfth ASEAN Summit, Cebu, Philippines, 9-15 January 2007; http://www.aseansec.org/20144.htm

[20] Thirteenth ASEAN Summit, Singapore, 18-22 November 2007; http://www.aseansec.org/22649.htm

[21] Fourteenth ASEAN Summit, Thailand, 26 February - 1 March 2009; http://www.aseansec.org/22238.htm

[22] ASEAN Bulletin (October 2009), http://www.aseansec.org/23112.htm#Article-20

[23] Газета "Жэньминь жибао" он-лайн; http://russian.people.com.cn/31520/6946181.html

[24] "МВФ назвал главные задачи экономического развития стран АСЕАН"; сайт "Налоги: международные новости и информация", http://www.taxationinfonews.ru/2010/04/

[25] Агентство Синьхуа, Russian.News.Cn, http://russian.news.cn/world/2010-10/31/c_13583664.htm

[26] Газета «Женьминь жибао» онлайн, http://russian.people.com.cn/31520/7183355.html

[27] Remarks by H.E. Prime Minister Nguyen Tan Dung At the Closing Ceremony of the 17th ASEAN Summit and Related Summits, http://www.aseansec.org/25499.htm

[28] World News Daily, http://www.wnd.su/news/world/98877-sammit-asean-stal-vazhnym-shagom-k-konkretnym-delam-premer-vetnama.html

[29] "АСЕАН усилит меры по привлечению инвестиций"; сайт "Finance.ua", http://news.finance.ua/ru/~/1/0/all/2010/02/28/188788

[30] Финансы и Развитие: ежеквартальный журнал МВФ; июнь 2010, выпуск 47, номер 2; Ануп Сингх "Азия идет впереди", стр. 4-7.

© ***Другов А.Ю.***
ИВ РАН

ИНДОНЕЗИЯ в 2010 году - ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ

Выступая 16 августа 2010 г. в Совете народных представителей (парламент) с отчетом перед нацией и в связи с 65-й годовщиной независимости страны, президент Сусило Бамбанг Юдойоно сказал: «В то время, как многие демократии в мире разрушились или стали неустойчивыми, индонезийская демократия, напротив, становилась более стабильной и укоренялась еще глубже. Более того, если в других частях мира конфликты обостряются, на архипелаге упрочились мир и единство»[1]. В целом это отвечало истине, но оценка доклада была неоднозначной. Заместитель спикера парламента Прамоно Агунг счел, что президент коснулся лишь макропроблем и не ответил на насущные вопросы. «Проблемы веротерпимости затронуты лишь вскользь, не обозначены пути их решения». Примерно так же оценили доклад члены СНП от мусульманской Партии единства и развития Ирган Хайрул Махфиз и от Голкара Бамбанг Сусатьо, сказавший: «Президент говорил так, будто он все еще ведет предвыборную кампанию – одни обещания без стратегии их выполнения»[2].

К юбилею президент и его правительство подошли с существенными политическими потерями. На политическую ситуацию в стране наложили глубокий отпечаток начавшиеся годом ранее события, связанные с Bank Century. Эти события подробно освещены в статьях Г.В.Сучкова и нашей в соавторстве с М.О. Куликовой, опубликованных в выпуске XIV сборника «Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития» (2010 г.), поэтому ограничимся кратким обозначением их сути. Нового вице-президента Будионо (до 2009 г. управляющего центральным банком Индонезии) и министра финансов Сри Мульяни обвинили в том, что они в нарушение закона предоставили чрезмерно большую помощь банку Bank Century, чтобы он остался «наплаву» в период кризиса 2008 г. Попутно президенту приписали, что он использовал часть этих денег для своей предвыборной кампании (подтверждений это обвинение не нашло)[3].

Президент и его люди – а Будионо и Сри Мульяни несомненно были таковыми – не получили поддержки партнеров по парламентской коалиции, куда входили кроме президентской Партии демократов Голкар, Партия справедливости и процветания, Партия национального мандата, Партия национального возрождения, Партия единства и развития.

Сри Мульяни в интервью "Wall Street Journal" заявила, что глава Голкара Абуризал Бакри мстит ей за то, что в конце 2009 г. они разошлись во взглядах на биржевую политику (он был тогда министром-координатором по вопросам народного благосостояния). В начале 2010 г. министерство финансов расследовало случаи уклонения от налогов угольных компаний, принадлежащих семье Бакри[4].

Парламент 3 марта 2010 г. проголосовал за продолжение расследования «банковского дела», включая возможное возбуждение уголовного дела против вице-президента и министра. Решение было принято 325 голосами (против 212), включая голоса депутатов от Голкара, ПСП и ПЕР. Это означало, что президент и его партия не контролируют ситуацию. Только тогда С.Б. Юдойоно заявил, что оправдывает действия Будионо и Сри Мульяни и не будет привлекать к ответственности «лучшего сына и лучшую дочь индонезийского народа», которые заслуживают благодарности за то, что они сделали. Характерна реакция на его слова парламентария от ПЕР Ромахурмузи: «Если бы президент заявил о своей позиции раньше, мы не зашли бы так далеко»[5].

Президент действительно запоздал. Еще в январе 2010 г. более 130 представителей джакартской элиты, от бывшего главкома вооруженных сил генерала Э. Сутарто до правозащитников и ветеранов национального движения, устроили ужин в честь Сри Мульяни, где звучало плохо скрытое недовольство молчанием главы государства[6]. Но все же реакция была неоднозначной. Обвинения в адрес представителей высшей власти импонировали недовольным этой властью. Накануне обсуждения вопроса о Будионо и Сри Мульяни перед парламентом прошла антиправительственная демонстрация. По данным опросов 76,7% респондентов одобрили решение СНП[7]. Еще в январе 2010 г. в сотый день второго президентского срока С.Б. Юдойоно в стране про-

шли демонстрации с требованиями его отставки. Имели место стычки с полицией и случаи вандализма[8].

В результате этих событий:

1. Президент оказался не слишком надежным главой команды, и это прежде всего должно было сказаться на эффективности его министров, которые отныне знали, что не могут полагаться на своевременную и далеко идущую поддержку главы государства.

2. Нанесен серьезный ущерб отношениям между парламентом и правительством.

3. Вновь выявилось отсутствие единства в индонезийской элите. Интриги против Будионо и Сри Мульяни показали, что сиюминутные собственные интересы группировки в элите ставят выше национальных.

Обозреватель сингапурской газеты «Стрейтс таймс» (13.03.2010) Дж. Макбет, глубоко понимающий индонезийские дела, назвав Будионо и Сри Мульяни самыми чистыми людьми в правительстве, высказал мнение, что в результате скандала вокруг Bank Century парламент и правительство стали соперничающими центрами власти. Если президент как лидер оказался слабее, чем ожидалось, то парламент остался столь же дезорганизованным и незрелым, каким был всегда. Дж. Макбет не исключил, что пришедший в 2009 г. к руководству партией Голкар А.Бакри пытался таким образом остановить процесс утраты партией влияния в массах.

Скандал обернулся, на наш взгляд, унижением для Индонезии. Когда в начале мая 2010 г. Сри Мульяни объявила о своей отставке с поста министра финансов, ее пригласили стать одним из трех исполнительных директоров Всемирного банка, где она курирует вопросы Латинской Америки, Среднего Востока, Северной Африки, Восточной Азии Тихоокеанского региона. Говорили, что президент США Б.Обама поддерживает ее кандидатуру в качестве председателя Всемирного банка с 2012 г. В этом случае она станет первым не-американцем на этом посту[9]. В банке она получила оклад в 20 раз выше, чем в бытность министром. На прощальном обеде в ее честь известный политолог Гунаван Махамад сказал, что ее уход был результатом политического гангстеризма и это возбуждает опасения о возможности

возврата фаворитизма, которым было отмечено правление Сухарто[10]. Упреки в адрес президента со стороны некоторых аналитиков за увлечение количественным составом коалиции в ущерб ее единству[11] в целом справедливы, но сравнительная малочисленность всех парламентских фракций вряд ли оставляла ему выбор.

Президент был глубоко разочарован поведением партнеров по коалиции. Как писала газета «Стрейтс таймс» (08.05.2010), «все будут считать, что он уступил давлению со стороны А.Бакри, бизнесмена-политика и финансиста, компании которого до сих пор не уплатили налоги на сумму 200 млн. долл.». В очевидных усилиях обрести более консолидированную политическую опору, С.Б. Юдойоно в мае 2010 создал Объединенный секретариат партий коалиции для координации их действий и консультаций между ними. Официально в прерогативы Секретариата, который возглавил сам президент, поручив повседневное руководство А.Бакри, не входит принятие решений, обязательных для правительства. Президент выразил надежду, что эта мера повысит «компактность» членов коалиции в правительстве и в парламенте. По словам А.Бакри, теперь участники коалиции будут изначально в курсе мер, предпринимаемых кабинетом, и вносить свои предложения до принятия решения. Высказывались и опасения, что новый орган (внеконституционный по своему статусу) может приобрести чрезмерные полномочия[12].

Как писал джакартский журнал «Форум кеадилан», для президента Секретариат играет роль предохранительного клапана, призванного обеспечить, чтобы политики, входящие в коалицию, соблюдая политический контракт, содействовали выполнению программы правительства. По мнению журнала, нуждаясь в партнерах, которые достаточно эффективно контролировали бы ситуацию в парламенте, президент решил опереться на А.Бакри, партия которого имеет всего три места в кабинете, меньше, чем другие члены коалиции. Высказывалось предположение, что его назначение было частью сделки, в соответствии с которой Голкар смягчал свою позицию по «банковскому делу» в обмен на увольнение Сри Мульяни[13].

Эффективность Секретариата и коалиции в целом зависит от способности и готовности партнеров найти общие позиции в

подходе к проблемам страны. Генсек Голкара Идрус Мархам считает, что члены коалиции должны привлекаться к выработке политических решений во избежание ошибок, какие были совершены в деле Bank Century, иначе они не могут нести ответственность за политику. Заместитель председателя Партии демократов Ахмад Мубарок полагает, что нынешняя коалиция основывается лишь на сиюминутных интересах, а не на интересах национального развития. Она может быть создана на общности идеологии тремя крупными партиями – ПД, Голкар и Демократическая партия Индонезии (борющаяся). Однако аналитик Академии наук Индонезии Икрар Нума Бакри не без оснований полагает, что это привело бы к расколу общества по религиозной линии[14].

Оценки варьировались от констатации, что назначение А.Бакри есть не перемирие, а капитуляция, что возник новый центр власти наряду с кабинетом и в перспективе противостоящий ему, и что когда начнется президентская кампания 2014 г., выяснится, что волка (А.Бакри) пустили в курятник, до беспокойства что отныне парламент будет штамповать решения правительства, как это было при Сухарто[15]. Последний вариант представляется маловероятным, учитывая различия между партиями, представленными в Совете народных представителей.

В 2014 г. истечет второй президентский срок С.Б. Юдойоно. Пока трудно предположить, что его Партия демократов найдет достаточно перспективного кандидата, сопоставимого по авторитету с нынешним гравой государства. Без этого ПД будет неконкурентоспособна в отличие от Голкара, который ближе остальных партий страны стоит к типу современной партии, располагая более современной инфраструктурой. Выдвижение через Секретариат на политическую авансцену А.Бакри может стать прологом к его будущему участию в кампании 2014 г. Фактическое устранение из этой кампании Будионо и Сри Мульяни, которые могли бы стать вполне реальным тандемом (хотя в принципе такой поворот событий не исключается, в особенности, в применении к Сри Мульяни), отсутствие на данном этапе популярных лидеров ПД, распри в руководстве ДПИБ, все это делает весьма реальной фигуру А. Бакри, опирающегося на весьма солидный семейный капитал. Капитализация семи фирм клана

Бакри на май 2009 г. составила 70,6 трлн. рупий (более 7 млрд. долл.) или 4,7% капиталов, обращавшихся на индонезийской фондовой бирже. Группа Бакри имеет интересы в горнодобыче, прежде всего добыче угля, инфраструктуре, недвижимости, телекоммуникациях[16]. На А. Бакри будет «работать» и тот факт, что он представляет «туземный» бизнес в противовес этническим китайцам, контролирующим свыше 70% корпоративного капитала в стране.

Но у него есть уязвимые места. Он уроженец Суматры, тогда как до сих пор президентами страны были яванцы (Б.Ю. Хабиби не в счет – он заступил на пост президента в результате отставки Сухарто). Не пройдет для него бесследно «банковский» скандал, поскольку он имел корыстный интерес в смещении Сри Мульяни. А. Бакри доныне не «отмылся» от последствий событий 2006 г., когда в результате бурения на газ, которое вела компания «Лапиндо Брантас» на Центральной Яве, возникли грязевые потоки, смывшие с лица земли более 10 деревень, унесшие жизни 13 человек и оставившие без крова 36 тысяч человек[17]. Не минуют его и обвинения в коррупции: бывший служащий налоговых органов Гайус Тамбунан, обвиненный в коррупции, признал, что получил от компании А.Бакри PT Caltim Prima Coal 500 тыс. долл. за предоставление налоговых льгот[18].

Тем не менее, он имеет серьезные шансы в будущей кампании, хотя к тому времени ему исполнится 68 лет.

Ощущая угрозу своему положению, президент, как можно судить, зондировал возможность сближения с Демократической партией Индонезии (борющейся) во главе с М. Сукарнопутри. Наблюдатели усматривают (не без оснований) сходство политических перспектив обеих партий. Обе они зиждятся на преданности их сторонников фигуре вождя, которая в случае с ДПИБ дополняется харизмой первого президента страны. Элита партии разделена по вопросу о возможности блокирования с ПД. М.Сукарнопутри и некоторые ее коллеги не увлечены этой идеей, но другие, включая ее мужа, бизнесмена и главного спонсора партии Тофика Киемаса и дочь Пуан Махарани, склонны к такой коалиции. Т.Киемас заявил, что ДПИБ изучает возможность союзных отношений с партиями, которые поддерживают четыре «столпа нации» - идеологию панчасила, конституцию 1945 г.,

принцип унитаризма, девиз «Единство в многообразии»[19], но не указал конкретно, какие партии имеются в виду, хотя предложенные критерии исключают, например, блокирование с исламистскими радикалами.

На съезде Партии демократов в июне 2010 г. на пост председателя ПД претендовали спикер парламента Марзуки Али, министр по делам молодежи и спорта Анди Маларанггенг и глава парламентской фракции ПД Анас Урбанингрум. Эксперты сходились в том, что ни один из них по своему калибру даже не приближались к президенту[20]. Хотя он, по некоторым данным, делал ставку на А. Маларанггенга с прицелом на кампанию 2014 г., председателем партии стал Анас Урбанингрум (40 лет, яванец, политолог, в молодости входил в Союз студентов-мусульман, в партию демократов вступил в 2005 г., после первого избрания С.Б.Юдойоно на пост президента)[21]. Заметим, что Марзуки Али – малаец из Палембанга, а уроженец Сулавеси А. Маларанггенг принадлежит к народности буги[22]. Он проиграл, хотя в своей кампании упирал на свою близость к С.Б. Юдойоно и его семье. В течение пяти лет он был представителем президента по связям с общественностью, после чего стал членом правительства[23].

Генеральным секретарем ПД стал 28-летний сын президента Эдди Баскоро. Его кандидатуру выдвинуло руководство партии и поддержал отец на одной из пресс-конференций[24]. Прежний генсек ПД Амир Шамсуддин считает, что в 2014 г. она окажется в очень трудном положении, если не станет современной партией[25].

Заслуживает внимания созданное в середине 2010 г. Движение национальных демократов (Nasional Demokrat), во главе с медийным магнатом Сурья Палох, бывшим председателем Комитета советников партии Голкар и неудачливым соперником А.Бакри в борьбе за пост главы партии в октябре 2009 г. Среди основателей организации немало деятелей Голкара, в том числе такая знаковая, почти мистическая для яванцев фигура, как султан Джокьякарты Хаменгкубувоно X. Он возглавил Консультативный совет нацдемов. В составе руководства движения видные члены ДПИБ, Партии народной совести (Ханура) и др. Но только лидеры Голкара призвали членов своей партии воздержаться

от членства в новой организации или покинуть Голкар, поскольку закон не допускает «двойного членства» (формально НД партией не является). Сам Сурья Палох все еще считает себя членом Голкара. Не исключено, что статус партии НД обретет к выборам 2014 г. Как считают аналитики, если С. Палох хочет баллотироваться в президенты, он не может это откладывать до 2019 г.[26].

Аналитики пока невысоко оценивают шансы НД (политолог Арби Санит называет его сборищем разочарованных), но Сурья Палох с его капиталом и влиянием в Ачехе или султан, весьма популярный на Яве могут увести за собой часть электората

Возможно, в этом свете следует рассматривать трудно объяснимый для яванца промах, который совершил президент, когда в связи с обсуждением в парламенте законопроекта о процедуре назначения главы особого округа Джокьякарты заявил, что сохранение монархии в округе противоречит принципам демократии и конституции страны. Дело в том, что в особом округе Джокьякарты, центре традиционной яванской культуры, наследственный султан пользуется особыми привилегиями и, будучи окружен полумистическим поклонением населения (независимо от вероисповедания), наследственно занимает пост губернатора. Вмешательство президента было тем более несвоевременно, что все его правление отмечено природными бедствиями – цунами, наводнениями, извержениями вулканов, лесными пожарами. Суеверные яванцы толкуют это как свидетельство, что глава государства лишился благодати небес. Сотни жителей Джокьякарты вышли на улицы, протестуя против заявления С.Б.Юдойоно. Президенту пришлось оправдываться по телевидению, однако, инцидент не был исчерпан[27]. Примерно в то же время младший брат султана принц Джойокусумо в интервью журналистам сетовал на то, что власти ущемляют интересы султаната, в частности, в том, что касается обширных земель и нескольких дворцов, принадлежащих султану[28]. Из собственного опыта автора: группе иностранных гостей президента Индонезии, посетивших Джокьякарту 19-20 августа 2010 г., было сообщено об отмене включенного в официальную программу ужина с султаном со ссылкой на его болезнь.

В речи в парламенте по случаю 65-й годовщины независимости страны глава государства настойчиво напоминал, что Индонезия представляет собой президентскую республику. «Президентская система должна быть сохранена и упрочена… Поощряя децентрализацию и упрочение региональной автономии, мы должны консолидировать президентскую систему, сохранять унитарное государство»[29]. На встрече с высшими чиновниками 20 августа 2010 г. президент призвал прекратить взаимные нападки и всем политическим партиям, СМИ и другим участникам общего дела «взяться за руки», чтобы сделать страну великой[30]. Эти выступления были откликом на рост негативных настроений по отношению к власти. Опрос, проведенный аналитическим отделом газеты «Компас» (опубликовано 19.04.2010 г.), показал, что только общеполитическая ситуация в стране находит одобрение населения (58,6% опрошенных). В остальном – экономическая ситуация, результаты борьбы с коррупцией, преодоление непотизма – оценки были в целом негативными. В июле 2009 г. 85% опрошенных были удовлетворены деятельностью президента, в январе 2010 г. таковых оказалось 75%[31].

Вместе с тем, аналитик Института оборонных и стратегических исследований Индонезии Хенвир Халим полагает, что демонстрации в связи с первой годовщиной президентства С.Б.Юдойоно отражали борьбу внутри элиты, и могут быть использованы Голкаром и другими партиями внутри коалиции, чтобы добиться перераспределения мест в кабинете[32].

Невысока общественная оценка и законодателей, пользующихся дурной славой за корыстолюбие, склонность набирать себе все новые привилегии и за низкую эффективность: в 2008 г. был принят 51 закон из 81 представленного законопроекта, в 2009 г. 39 из 76, на начало августа 2010 г. – семь из 70[33].

Если одним из лозунгов антисухартовского движения в 1998 г. была борьба против кумовства (непотизма), то успехи в этом смысле не слишком значительны. Мы видели продвижение 28-летнего сына президента на пост генсека партии. С.Б.Юдойоно вызвал поток критики, когда тесть его сына, осужденный за присвоение чужих средств на три года, был досрочно освобожден из тюрьмы по решению министра юстиции и по правам человека[34]. Все чаще на местах на выборах выступают

люди, связанные семейными узами с действующими главами районов, городов и провинций[35]. На съезде Демпартии Индонезии (борющейся) в апреле 2010 г. на пост заместителя главы партии претендовали двое ее детей от разных браков[36]. В этом случае стремление сохранить родственные связи в руководстве партии можно отнести отчасти на счет яванской философии власти, в соответствии с которой благодать передается по наследству, в данном случае от основателя династии Сукарно.

Отмечается снижение уровня электорального участия на местах (в 10 районах в 2010 г.), в целом редко выше 60%. Аналитики видят несколько причин. Первая – партии не выдвигают конкретных программ, ограничиваясь благими пожеланиями. Вторая – противоестественные коалиции, в которые на местах вступают политические оппоненты. Третья – кандидаты легко меняют партийную принадлежность[37].

16 декабря 2010 г. парламент принял поправки к закону 2008 г. о политических партиях. Отныне с инициативой создания партии должны выступить не менее 30 человек в каждой из всех 33 провинций. Они не имеют права входить в другие партии. По прежнему закону партию могли основать 50 человек. Партия должна иметь свои руководящие органы во всех провинциях (ранее 60%), 75% городов и районов (кабупатенов) (ранее 50%) и на уровне кечаматанов – 50% против прежних 25%. У партии должны быть постоянные офисы в центре, на уровне провинций и городов. Партии должны иметь постоянные суды для разрешения внутренних конфликтов[38].

Как показывают исследования, проведенные Harvard Kennedy School Indonesia Program, в Индонезии углубляется социальное неравенство. После кризиса 1997-1998 гг. число лиц, живущих ниже черты бедности, как будто бы снижается – около 15% населения против 33% на Филиппинах и 16% во Вьетнаме. Но за эту черту принят один доллар США в день против 1,60 на Филиппинах. Если поднять ее хотя бы на четверть, число бедных подскочит до 53% семей. Кроме того, в Индонезии не учитываются сверхбедные слои – мигранты и обитатели трущоб. В опросах не представлен и самый богатый слой: по данным журнала Forbes состояние 40 богатейших семей составило в 2009 г. 42 млрд. долл. или 8% ВВП.

Исследования Азиатского банка развития показывают, что экономическое развитие в Индонезии не ведет к должному росту занятости, наносит чрезмерный ущерб природе и водным ресурсам. Полная незанятость, правда, снижается при росте неполной занятости. Создание рабочих мест едва удерживается на уровне роста рабочей силы. Немало индонезийцев считают, что в эпоху Сухарто прогресс был более очевидным, быстрым и равномерным. В обоих исследованиях делается вывод, что реформы проводятся в правильном направлении, но должны быть более последовательными, радикальными и вести к улучшению жизни всех граждан. По официальным данным в Индонезии в марте 2010 г. 31 млн. индонезийцев жили в нищете[39].

В свете недостаточной эффективности официальной власти и роста социального неравенства следует рассматривать дальнейшее углубление межэтнических и межконфессиональных противоречий. Президент С.Б. Юдойоно говорил 16 августа 2010 г.: «Хочу подчеркнуть, что все мы должны постоянно сохранять и укреплять дух нашего братства, гармонии и терпимости в рамках всей нации. В повседневной жизни мы постоянно находим противоположные проявления… в том, что касается религии, расовой и этнической принадлежности и происхождения»[40]. По подсчетам, проведенным Обществом умеренных мусульман (Moderate Muslim Society) и Институтом А. Вахида в 2010 г., первая из этих организаций зафиксировала 81 случай религиозной нетерпимости (+30% в сравнении с 2009 г.). а Институт А.Вахида – 199 случаев дискриминации по религиозному признаку и 133 случая религиозной нетерпимости, не связанных с насилием – рост примерно на 50% против 2009 г.[41]. По подсчетам джакартской организации Concord Consultancy, в первые девять месяцев 2010 г. имели место 626 случаев межобщинного насилия против 359 случаев за тот же период 2009 г. и 207 в 2008 г. [42].

Базирующаяся в Брюсселе Международная кризисная группа в этой связи подчеркивает, что правительству следует выработать в этом отношении более четкую стратегию, без чего господствует право толпы. Местные власти обращают внимание на тот или иной случай лишь когда ситуация выходит из-под контроля и капитулируют перед тем, кто производит больше шума. Таким

образом победителя поощряют на то, чтобы делать более высокие ставки при следующей конфронтации. Пока чиновники и законодатели рассуждают о необходимости «религиозной гармонии», возникает ощущение, что она может быть законодательно введена сверху без долговременных усилий, без проникновения в причины напряженности и осуществления программ по ее смягчению. Межконфессиональный диалог за редким исключением немногим более, чем благодушная говорильня, не предполагающая обращения к реальным проблемам[43]. Газета «Джакарта пост» писала 18 августа 2010 г.: «Хотя С.Б. Юдойоно был избран, чтобы защищать конституцию, он потворствует широко распространенным исламистским настроениям, уклоняясь от существующих проблем и сводя рост нападений на христиан к уголовным деяниям, а не к акциям, направленным против конституционных прав религиозных меньшинств в нашей стране».

Понимая опасность межрелигиозных и межэтнических противоречий в обществе и тенденций к усилению радикальных исламистских настроений, исполнительная власть не имеет достаточно прочной опоры в парламенте, чтобы противостоять радикалам, не рискуя утратить поддержку части мусульманского электората. В ряде случаев имеет место прямое заигрывание с экстремистами. Губернатор Джакарты Фаузи Боно и глава столичной полиции в августе 2010 г. присутствовали на праздновании 12-й годовщины Фронта Защитников ислама, и губернатор даже просил членов ФЗИ отслеживать соблюдение мусульманами требований поста[44]. Его не смутило, что годом ранее члены Фронта напали в Джакарте на участников митинга в защиту терпимости и плюрализма, а в конце марта избили группу правозащитников, участвовавших в заседании Конституционного суда[45].

В 2010 г. наметился процесс перемещения радикального ислама на Яву. Сравнительно новым явлением стали факты столкновения радикального ислама с традиционной яванской культурой. В октябре группа исламских экстремистов напала на артистов и зрителей теневого театра «ваянг». Это не единственный подобный инцидент[46]. В 2010 г. наиболее остро этот феномен проявился в столичном мегаполисе. В пригороде Джакарты Бекаси произошли столкновения мусульман с переселенцами-протестантами с Северной Суматры. Близ Богора толпа разгро-

мила постройку, которая, якобы, предназначалась для христианской школы. В портовом пригороде столицы Танджунгприоке погибли трое полицейских, когда население защищало от сноса мавзолей мусульманского святого. Примеры можно продолжить, но главное, что почти за всеми инцидентами стоят сугубо мирские мотивы. В Бекаси переселенцы-батаки, по натуре своей более предприимчивые, вытесняют коренных жителей из торговли и мелкого бизнеса, скупают дорогую землю в этом престижном районе. В Танджунгприоке могила находилась на земле, на которую претендует компания, владеющая портовыми сооружениями[47].

Исламские радикалы обосновывают свои действия процессом «христианизации» страны, прозелитской деятельностью церквей. Данные на этот счет противоречивы, и следует подождать результатов переписи 2010 г. Пока официальные цифры не подтверждают успехов «христианизации». С 1985 по 2005 гг. процент мусульман даже вырос с 87% до 88,6% населения, христиан (католиков и протестантов) снизился – с 9,6% до 8,9%. Правда, по данным Международной кризисной группы, ссылающейся на источники в Министерстве по делам религии Индонезии, последняя цифра достигает 12%, поскольку часть людей скрывают переход в иную веру[48].

Мусульманская политическая элита в абсолютном большинстве своем выступает за плюрализм и терпимость в сфере религии. Но процесс идет как бы в двух измерениях. Первое – элита, второе – низовые слои мусульманской общины, где радикализм развивается на почве социального неравенства, коррупции и т.п. Два выдающихся мусульманских деятеля Нурхолис Маджид и А. Вахид были символами идеи веротерпимости, но после их смерти мусульманская элита пока не выдвинула личностей, равных им по авторитету и широте мышления.

По оценке Международной кризисной группы, проблема «христианизации» может сблизить воинствующих и умеренных исламистов. До последнего времени первые, приверженные более интернационалистским задачам, как правило, действовали отдельно от местных борцов против вероотступничества. Но с исчезновением других побудительных мотивов для привлечения сторонников, в частности, с прекращением межобщинного наси-

лия на Центральном Сулавеси, проблема «христианизации» обретает большую привлекательность как объединяющий лозунг[49].

Этнические проблемы, не носящие преимущественно религиозной окраски, наиболее отчетливо проявлялись в Папуа. В основе – застарелая проблема неравномерного распределения доходов от эксплуатации природных богатств территории, навязанное центром изменение демографического баланса. В январе в районе Тимика были обстреляны автомашины, перевозившие сотрудников компании Freeport McMoran Copper and Gold (США). Девять человек были ранены[50].

В июле в Папуа прошли массовые демонстрации, участники которых утверждали, что введенный в 2001 г. статус особой автономии для провинции не дал серьезных улучшений. Половина из 2,5 млн. жителей Папуа находятся ниже черты бедности, лица, подозреваемые в сепаратизме, подвергаются пыткам и террору. Растет заболеваемость ВИЧ[51]. Идет массированное переселение в Папуа яванцев-мусульман. Так, в городе Джаяпура в 2000 г. среди коренного населения мусульмане составляли 3,3%, а христиане (96,7%, однако за счет приезжих доля мусульман превысила 45%, а христиане составили чуть более 54%[52]. В Папуа сейчас наибольший уровень этнической напряженности в стране.

В речи 16 августа 2010 г. президент говорил: «Мы понимаем, что в XX1 веке недостаточно проводить независимую и активную политику. Политика должна быть независимой, активной и восприимчивой к новому, мы должны быть более ориентированы на возможности эпохи G-20, эпохи глобализации. Настал момент, когда достижения, продукция, культура и идеи Индонезии постепенно становятся частью глобальной динамики. Мы прежде всего должны продолжать последовательную, независимую и активную внешнюю политику, неподдающуюся воздействию интересов других стран и остающуюся прочно укорененной в наших фундаментальных национальных принципах и интересах»[53].

Наметился сдвиг в индонезийско-американских отношениях, хотя эйфория, возникшая в первое время после избрания Б. Обамы, пошла на убыль. Установленную в столичном парке Ментенг статую, изображающую будущего президента США в 10-

летнем возрасте, когда он жил в Джакарте, по требованию общественности переместили в школу, где он учился[54]. Неким символом нового этапа в отношениях между двумя странами стала полная отмена эмбарго США на военно-технические сотрудничество с Индонезией. В марте представитель Пентагона по связям с общественностью заявил, что демократические реформы в последние годы позволяют восстановить прерванное в 1998 г. сотрудничество с войсками специального назначения Индонезии, «что соответствует нашим законам, нашим ценностям и интересам»[55]. О снятии запрета на сотрудничество с индонезийским спецназом объявил в Джакарте министр обороны США Роберт Гейтс 22.07.2010 г.[56]. Правозащитники в обеих странах считают, что эти войска не реформированы в достаточной мере. Эта проблема всегда была чувствительной, поскольку эти войска были причастны к многим случаям нарушений прав человека и прямых военных преступлений.

В феврале 2011 г. было объявлено о предстоящей передаче индонезийской стороне 24 истребителей F-16 в качестве гранта. Хотя эти самолеты «были в употреблении», их модернизация обойдется стране дешевле, чем приобретение новых[57]. Прибывший 16 августа 2010 г. в Джакарту новый посол США Скот Марсиль заявил, что настало время огромных возможностей и ожиданий в отношениях между двумя странами, и обещал сделать все, что в его силах для претворения в жизнь курса президента Обамы, который признает ключевую роль Индонезии в регионе. Он подчеркнул, что величайшая экономика мира намерена быть добрым другом и партнером Индонезии в свете ее многообещающего будущего[58].

Представитель президента Индонезии по связям с общественностью Дино Патти Джалал сказал, что индонезийское правительство намерено не сводить двусторонние отношения к проблеме демократии и прав человека, как было раньше, но уравновешивать их вопросами сотрудничества в сферах торговли, экономики, науки, здравоохранения и др. в качестве равных партнеров[59].

Визит Б.Обамы в Индонезию 09.11.2010 г. (после двух отсрочек) сам по себе имел скорее символическое значение, о чем писали и видный политолог Кристианто Вибисоно (Компас,

08.11.2010 г.), и обозреватель газеты «Джакарта пост» (19.11.2010 г.), который считает, что его результаты были весьма расплывчатыми и ограниченными. Было подписано соглашение о всеобъемлющем партнерстве с США в различных областях – образования, окружающей среды, безопасности, научно-технической, торгово-экономической, основных прав человека, энергетики, продовольствия, предпринимательства и др.

На обеде в честь Б. Обамы, президент Индонезии сказал: «Отношения между Индонезией и США ныне отличаются от того, что было прежде, потому что обе стороны могут внести свой вклад в мировые дела. Индонезия и США – члены G-20, вторая и третья крупнейшие демократии мира, страны, которые неуклонно следуют принципам плюрализма, мультикультурализма и терпимости, а также вносят большой вклад в дипломатические усилия в связи с изменениями мирового климата… Я верю, что и сейчас, и в будущем обе страны сыграют большую роль в расстановке сил в мире и в создании более мирного, процветающего и справедливого мира» (текст распространен Дворцом Президента Istana Negara).

Хотя обе стороны упорно отрицали это, возникла картина, что США рассматривают Индонезию в контексте растущей роли Китая в ЮВА. Незадолго до визита Б.Обамы госсекретарь США Х. Клинтон заявила, что Вашингтон будет и впредь исходить из своей руководящей роли в этом регионе, но подчеркнула, что Соединенные Штаты не намерены сдерживать Китай[60]. На пресс-конференции в Джакарте Б.Обама отрицал, что США стараются препятствовать росту влияния Китая в ЮВА. Президент С.Б.Юдойоно сказал, что не разделяет теорию, будто одна держава должна уравновешивать другую. Все игроки здесь могут играть свою роль в поддержании стабильности и порядка. «Индонезия тоже надеется, что отношения между Китаем и США останутся добрыми, потому что в противном случае результаты ощутят и Азия, и весь мир»[61].

Всего за день до визита Б.Обамы Индонезию посетила делегация КНР на высоком уровне. Было подписано соглашение об экономическом и торговом сотрудничестве на общую сумму 6,6 млрд. долл. в сферах финансов, энергетики и сельского хозяйства. Китайская сторона выразила намерение довести объем дву-

сторонней торговли к 2014 г. до 50 млрд. долл. Китай предоставил гуманитарную помощь в 10 млн. юаней для жертв природных бедствий[62]. Об инвестициях КНР в Индонезии газета «Стрейтс таймс» писала 13.11.2010 г.: «Г-н Обама может говорить все, что ему угодно о демократии, а за Пекин говорят наличные в твердой валюте».

Для справки: в 2009 г. объем торговли Индонезии и КНР составил 30 млрд. долл., а с США – 20 млрд. долл. Индонезия – четвертый торговый партнер Китая в АСЕАН (общий объем торговли Китай – АСЕАН составлял 193 млрд. долл.). Торговля Индонезии с Китаем без нефти и нефтепродуктов в 2009 г. составил 10,46 млрд. долл. против 12,53 млрд. годом раньше; с США соответственно 7,04 млрд. и 7,7 млрд.[63].

Индонезия стремится к сохранению баланса сил в регионе. Еще в сентябре 2010 г. министр иностранных дел Марти Наталегава, выступая в Вашингтоне, сказал, что Индонезия хочет динамического равновесия в АТР без доминирования одной державы. Он напомнил, что Индонезия одной из первых призвала Китай отказаться от притязаний в Южно-Китайском море, а в июле было направлено письмо Генеральному секретарю ООН, где говорилось, что притязания Китая лишены правовых оснований и могут подорвать конвенцию ООН по морскому праву[64]. Китай воспринимается в Джакарте как более серьезный потенциальный источник угрозы для интересов страны, но США не могут стать реальным противовесом вследствие «отторжения» со стороны мусульманского населения.

По оценке лондонского Международного института стратегических исследований, Индонезия, Ю.Корея и Австралия обеспокоены явным усилением позиций Китая в Азии на фоне трудностей, которые испытывает Запад, еще не преодолевший последствия финансового кризиса, отягченный вовлеченностью в Афганистане. «Эта тенденция обозначилась в Азии, но столь же очевидна повсюду… . Растут осознание непрерывного роста экономической и военной мощи Китая и ощущение, что КНР укрепляет свое влияние в регионе. Австралия, Индонезия и Ю. Корея в каких-то формах ведут консультации между средними державами (middle powers), чтобы обеспечить соблюдение своих интересов в мультиполярной Азии»[65].

Привлекают внимание некоторые документы, просочившиеся в рамках Wikileaks. Посольство США в Пекине предлагало китайской стороне оказать давление на индонезийское правительство, чтобы повысить качество управления в этой стране и добиться прозрачности в деятельности вооруженных сил страны. Предлагалось добиваться изменений в трудовом законодательстве и законах об инвестициях. В 2007 г. представители США сообщили китайской стороне, что Китай мог бы воздействовать на общее развитие событий в Индонезии, однако, учитывая такой чувствительный момент, как наличие значительной китайской диаспоры в стране. МИД Индонезии отказался комментировать эти сообщения, а представитель вооруженных сил сказал, что реформы в армии идут без давления извне[66].

Остаются тревожащим моментом отношения между Индонезией и Малайзией. В середине августа произошел очередной конфликт в связи с задержанием индонезийским патрулем малайзийских рыбаков в спорных водах близ острова Бинтан. Инцидент сопровождался взаимными захватами – индонезийцы арестовали часть браконьеров, а подоспевшая малайзийская полиция – троих индонезийских патрульных. Последний факт возбудил острые антималайзийские настроения. Как мы видели в предыдущие годы, такие настроения подспудно всегда присутствуют в индонезийском обществе при этнической и религиозной близости коренных народов двух стран.

Хотя все задержанные были вскоре отпущены и официальные представители обеих сторон заверяли, что инцидент не нарушает добрые отношения, его последствия были достаточно негативными. Министр иностранных дел Марти Наталегава направил Малайзии ноту протеста, но и в парламенте, и в молодежных кругах сочли эту позицию слишком мягкой. По Джакарте прокатилась серия демонстраций под лозунгом сукарновской поры «Сокрушим Малайзию!», с сожжением национального флага этой страны, забрасыванием территории посольства экскрементами, нападениями на граждан Малайзии и принадлежащие им банки. Газета «Компас» 18 августа сообщила об этих событиях под заголовком «Конфликт пробуждает тоску по величию Сукарно».

Заместитель спикера парламента от Голкара Прийо Буди Сантосо считает, что правительство постоянно проявляет чрезмерную мягкотелость по отношению к Малайзии. Ни один министр обороны не проявил решимость в защите территориальной целостности страны, включая конфликт вокруг островов Сипадан и Лигитан[67]. Демпартия Индонезии (борющаяся) упрекнула правительство за сокращение расходов на оборону[68].

На этом фоне высшие лидеры обеих стран, президент С.Б.Юдойоно и премьер-министр Наджиб Абдул Разак, отдавая дань общественным настроениям, исходили из стратегической необходимости поддерживать отношения между странами на надлежащем уровне Выступая на заседании кабинета министров 23 августа, президент Индонезии сказал, что наивысший принцип заключается в сохранении добрых отношений[69].

Эти выплески враждебности, происходящие с пугающей регулярностью[70], заслуживают внимания в двух аспектах - как фактор негативного воздействия на ситуацию в АСЕАН и как отражение подавленной агрессивности части человеческого общества, которая ищет своего выхода. За предыдущие пять лет малайзийцы инвестировали в Индонезии 1,2 млрд. долл. (Индонезия в Малайзии за тот же период 534 млн. долл.). В Малайзии обучаются 13 000 индонезийских студентов, в Индонезии 6 000 малайзийцев. До двух миллионов индонезийцев работают в Малайзии, в основном, в качестве неквалифицированной рабочей силы[71]. Это причина частых конфликтов – среди мигрантов выше уровень преступности (на июль 2010 г. в Малайзии находилось 177 индонезийцев, приговоренных к уголовному наказанию, в том числе трое – к повешению за торговлю наркотиками[72]). Ситуация для индонезийцев с их великодержавной националистической самооценкой почти безвыходная. Невозможно прекратить выезд своих граждан в Малайзию. По данным Центрального банка Индонезии (Bank Indonesia), индонезийцы, работающие за границей, в 2005 г. перевели на родину 5,3 млрд. долл., в 2006 г. – 5,6 млрд., в 2007 г. – 6 млрд., в 2008 г. – 6,6 млрд., в 2009 г. – 6 млрд., в первом полугодии 2010 г. – 3,3 млрд. долл. или 4,4% валютного ресурса страны[73]. Малайзия в этом отношении стоит для Индонезии на первом месте (на втором Саудовская Аравия). Миллиарды долларов, поступающие семь-

ям уехавших, повышают покупательную способность беднейших слоев, а, следовательно, спрос преимущественно на товары местного производства, тем самым способствуя росту ВВП. В то же время ситуация, повторимся, в чем-то унизительна для индонезийцев – больше людей едут учиться и зарабатывать за пределы страны, чем в Индонезию.

Источником напряженности остается положение индонезийских рабочих в Малайзии, в особенности, женщин, работающих в качестве домашней прислуги, которых, по всеобщему убеждению, в Малайзии унижают. Газета «Компас» писала даже 19.08.2010 г., что, как свидетельствует обращение с индонезийцами в Малайзии, индонезийцы стали нацией кули. Положение индонезийской прислуги стало одной из острых тем, обсуждавшихся во время визита С.Б.Юдойоно в Куала-Лумпур в мае 2010 г. Их заработная плата составляла от 110 до 160 ам. долл.[74]. Но правозащитники в Индонезии утверждают, что положение работающих женщин в их собственной стране, по крайней мере, не лучше[75].

Как отмечает декан сингапурской Школы международных исследований имени С.Раджаратнама Барри Дескер, в Индонезии сейчас отчетливо просматриваются, в особенности, в партийных и парламентских кругах, стремление «вырваться» за пределы обязательств, вытекающих из членства в АСЕАН. Так, известные политологи Ю.Вананди и Р.Сукма полагают, что Ассоциация оказалась неспособной приспособиться к новым тенденциям в мире и сохранила приверженность к авторитаризму. По мнению этих либерально настроенных аналитиков, Индонезия стала чуть ли не чужаком в АСЕАН. Как считает Р.Сукма, «Индонезия должна освободиться от ненужных обязательств следовать желаниям других государств или группы стран, включая АСЕАН, если таким образом мы приносим в жертву свои национальные интересы».

По мнению Б.Дескера, влиятельные круги в Индонезии видят две тенденции в АСЕАН. Страны, принятые позже прочих, - Мьянма, Лаос, Камбоджа и Вьетнам – делают упор на государственный суверенитет и невмешательство во внутренние дела, с некоторым сомнением относясь к проблемам прав человека и демократии. «Старые» члены АСЕАН более позитивно относят-

ся к этим проблемам, но не столь активно, как Индонезия, настаивали на их включении в хартию АСЕАН[76]. Заметим, что в обращении к нации 16 августа президент ограничился констатацией, что «в качестве члена большой семьи АСЕАН мы (Индонезия) извлекаем для себя пользу из стабильности, мира и процветания в ЮВА и АТР» [77].

Отдельного рассмотрения заслуживает в пределах имеющейся информации реакция в Индонезии на события на Ближнем Востоке. Газета «Суара Мердека» писала 17 февраля 2010 г., что в судьбе президента Египта Х.Мубарака вновь проявилась специфика политики США, у которых нет постоянных союзников, а есть лишь собственные интересы, и Вашингтон готов оставить своих друзей, когда найдет это для себя выгодным. Газета напомнила в этой связи о судьбе бывшего президента Индонезии Сухарто.

Официальная позиция индонезийского правительства по ситуации в Ливии была обозначена в заявлении министра иностранных дел Марти Наталегава, который 25 марта 2011 г. в интервью джакартской газете призвал отказаться от использования силы и военных средств и решать проблему путем переговоров, Он весьма нейтрально комментировал действия сил коалиции, указав, что правительство Индонезии еще до принятия резолюции №1973 СБ ООН призвало обеспечить защиту мирного населения Ливии в соответствии с международным правом и Уставом ООН[78]. Через три дня, выступая в первой комиссии парламента, он был более категоричен, заявив, что Индонезия безоговорочно отвергает использование силы в Ливии и предлагает направить туда миротворческие силы ООН[79].

Президент С.Б.Юдойоно 29 марта подверг критике выполнение резолюции СБ ООН, которое привело к жертвам среди населения, и призвал ООН и мировое сообщество принять меры к мирному урегулированию. Он предложил направить в Ливию миротворческие силы и заявил о готовности Индонезии принять в них участие[80].

Особого внимания заслуживает позиция одной из самых влиятельных мусульманский организаций страны – Партии справедливости и процветания. Ее лидер Хидаят Нур Вахид заявил, что, извращая смысл резолюции №1973 и нанося удары по

Ливии, Запад стремится преодолеть экономический спад за счет ливийской нефти и роста продаж вооружений[81]. В том же духе высказывались и другие ведущие деятели ПСП.

Можно с достаточной степенью вероятности предположить, что безотносительно к судьбе режима М.Каддафи, вооруженное вмешательство НАТО в пользу одной из сторон ведет к росту антизападных, в частности, антиамериканских настроений и соответственно усилению исламистского элемента в политической жизни страны.

15 октября 2010 г. состоялся официальный визит в Россию министра иностранных дел Индонезии М.Наталегава. По сообщению пресс-службы МИД РФ, в центре переговоров были вопросы дальнейшего укрепления и диверсификации российско-индонезийского сотрудничества. Обмен мнениями по международной проблематике подтвердил близость видения Россией и Индонезией проблем современного развития и путей их решения. М.Наталегава приветствовал последовательную активизацию политики России в АТР, акцентировал готовность индонезийской стороны к углублению двустороннего сотрудничества в этом контексте. Он с интересом воспринял информацию о совместной инициативе руководителей России и Китая по укреплению безопасности в АТР на основе отказа от военно-политического соперничества, развития доверия и транспарентности, соблюдения норм и принципов международного права. Это открывает дополнительные возможности для российско-индонезийского сотрудничества в решении актуальных проблем АТР[82].

---

[1] State Address by the President of the Republic of Indonesia on the Occasion of the Proclamation of Independence of the RI before the Joint Plenary Session of the House of Representatives of the RI and Regional Representatives Council of the RI, Jakarta, 16 August 2010. Secretariat of the RI. P. 13.

[2] Kompas (Jakarta), 18.08.2010.

[3] Kompas, 02.12.2009; Antara News (Jakarta), 06.12.2009; The Straits Times (Singapore), 22.01.2010.

[4] The Straits Times, 19.01.2010.

[5] The Straits Times, 05.03.2010.

[6] The Straits Times, 23.01.2010.

[7] The Straits Times, 03.03.2010; Kompas, 08.03.2010.
[8] Koran Jakarta, 01.02.2010.
[9] Gatra (Jakarta), No 26, 12.05.2010. Hal. 12A-12.D; The Straits Times, 08.05.2010.
[10] The Straits Times, 27.05.2010.
[11] Kompas, 13.04.2010
[12] Gatra (Jakarta), No 28, 26.05.2010. Hal. 34-35. О создании Секретариата см. Сучков Г.В., Голкар после выборов 2009 г.//ЮВА: Актуальные проблемы развития. Вып. XIV. М., 2010.
[13] Forum Keadilan (Jakarta), No. 04, 23.05.2010. Hal. 86.
[14] Kompas, 03.04.2010.
[15] Suara Pembaruan (Jakarta), 23.08.2010; The Straits Times, 15.05.2010; 27.05.2010.
[16] Koran Jakarta, 22.05.2009; The Straits Times, 28.10.2008.
[17] The Straits Times, 04.12.2008.
[18] The Jakarta Post, 05.06.2010.
[19] Kompas, 20.03.2010; 22.03.2010.
[20] The Jakarta Globe, 02.04.2010.
[21] The Jakarta Globe, 28.03.2010.
[22] The Straits Times, 24.05.2010.
[23] The Jakarta Globe, 28.03.2010; Kompas, 29.03.2010
[24] The Jakarta Globe, 30.03.2010.
[25] Kompas, 26.04.2010.
[26] Gatra, No 34, 07.07.2010. Hal. 88-91; Suara Pembaruan, 17.12.2010.
[27] The Straits Times, 03.12.2010; The Jakarta Post, 16.12.2010.
[28] Suara pembaruan, 17.12.2010.
[29] State Address… . Hal. 22-23.
[30] The Jakarta Post, 21.08.2010.
[31] The Straits Times, 28.01.2010.
[32] The Straits Times, 21.10.2010.
[33] The Straits Times, 07.08.2010.
[34] The Straits Times, 24.08.2010; Kompas, 21.08.2010.
[35] The Straits Times, 24.04.2010.
[36] The Jakarta Globe, 06.o4.2010.
[37] The Straits Times, 26.11.2010.
[38] Suara pembaruan, 17,12,2010.
[39] The Straits Times, 14.08.2010; The Jakarta Post, 16.08.2010.

[40] State Address… . P.25
[41] Asia Sentinel. Religious Intolerance in Indonesia. 26.01.2011.
[42] The Straits Times, 28.10.2010.
[43] International Crisis Group Policy Briefing. Asia Briefing No 114. Jakarta/Brussels, 24.11.2010. P.1
[44] The Jakarta Post, 16.08.2010.
[45] Tempo, o4.04.2010. Hal. 25.
[46] The Straits Times, 18.03.2010.
[47] The Straits Times, 15.10.2010. В Ачехе местные исламисты запретили буддистам провести религиозную церемонию в память о жертвах цунами 2004 г. под предлогом, что она может привести к конфликтам. (The Jakarta Globe, 21.12.2010).
[48] Laporan Tahunan Kehidupan Beragama di Indonesia. Universitas Gajah Mada, Yogyakarta, 2010. Hal. 54.
[49] International Crisis Group… No 114. P. 1, 2.
[50] The Straits Times, 25.01.2010.
[51] The Straits Times, 10.07.2010.
[52] Laporan Tahunan… . Hal. 14-15.
[53] State Address… . P28.
[54] The Jakarta Post, 15.02.2010.
[55] The Straits Times, 15.03.2010.
[56] International Herald Tribune, 23.07.2010.
[57] http//lenta.ru/news/2011/02/28/f16
[58] The Straits Times, 18.08.2010.
[59] The Straits Times, 03.02.2010.
[60] The Straits Times, 30.10.2010.
[61] The Straits Times, 10.11.2010.
[62] The Straits Times, 09.11.2010.
[63] The Straits Times, 22.03.2010.
[64] The Straits Times, 08.10.2010.
[65] The Straits Times, 08.09.2010.
[66] The Jakarta Post, 16.12.2010.
[67] The Jakarta Globe, 21/22.08.2010
[68] The Jakarta Post, 18.08.2010.
[69] The Jakarta Globe, 24.08.2010.
[70] Подробнее см.: Урляпов В.Ф. Индонезия – Малайзия: осложнение отношений // Ежегодник Север – Юг – Россия, 2009. ИМЭМО РАН, М., 2010. С.143-148

[71] The Straits Times, 02.09.2010.
[72] The Straits Times, 23.07.2010.
[73] Forum Keadilan, No 22, 03.10.2010. Hal. 79
[74] The Straits Times, 19.05.2010.
[75] The Straits Times, 31.08.2010.
[76] The Straits Times, 29.09.2010.
[77] State Address… . P.26.
[78] The Jakarta Post, 26.03.2011.
[79] Bisnis Inndonesia (Jakarta), 28.03.2011.
[80] The Jakarta Post, 30.03.2011.
[81] The Jakarta Post, 27.03.2011.
[82] http://www.parlcom.ru/index.php?p=MC83&id=34848

© ***Попов А.В.***
ИВ РАН

ВОСТОЧНАЯ ЯВА

Восточная Ява известна как одна из колыбелей человечества – останки древнего человека, возраст которых был определен в 1 млн. лет, обнаружены в 1936 г. в районе Моджокерто, а именно на склоне горы Кенденг, недалеко от селения Пернинг. Моджокертский человек был отнесен к типу питекантропа. Кроме того, в районе горы Вилис, рядом с селением Чампурдарат, позднее были найдены останки человека, названного Homo Wajakensis, который был отнесен уже к типу Хомо Сапиенс. В районе горы Пачитан были найдены каменные орудия труда, которыми пользовался уже питекантроп эректус.

Люди периода неолита уже умели здесь выплавлять метал и изготавливать из него орудия труда и украшения. Эти навыки скорее всего были привнесены на Яву переселенцами с материка, которые начали расселяться в этом регионе примерно 4 тыс. лет назад.

Первые государственные образования на Восточной Яве относятся к 8-му веку н.э. по прасасти Диноё, или Канджурухан, которое отрносится к 760 г. Прасасти написано на санскрите с использованием древнеяванского алфавита кави и описывает политические события в государстве Канджурухан. Важнейшим событием в истории Восточной Явы стало перенесение центра древнего Матарама с Центральной на Восточную Яву при радже Ракей Синдоке, который основал здесь новую династию, правившую около 300 лет в долине реки Брантас. Его потомками было основано на Восточной Яве и сильное морское государство Кедири, которое в 12 веке контролировало значительную часть восточных районов современной Индонезии. На смену Кедири в 13-м веке пришло мощное государство Сингосари, которое при радже Кертанегара (1268 – 1292 гг) стремилось подчинить своему влиянию всю территорию Нусантары, т.е.индонезийского архипелага. В

этот период яванцы ведут и активные боевые действия против войск монгольского правителя Хубила Хана, который безуспешно пытался подчинить своему влиянию Восточную Яву. Именно после разгрома монголов здесь возникает государство Маджапахит, которое в 14-м веке при великом Патихе (визире) Гаджа Маде фактически объединяет под своей властью территорию современной Индонезии. Впоследствии на Яве происходит усиление исламских государств, и начинается экспансия европейских колониальных держав, что, в конечном итоге, приводит к закату Маджапахита. В первой четверти 17-го века основные районы Восточной Явы оказываются уже под властью исламского государства Матарам, однако уже в середине 18-го века в этом регионе господствуют голландские колониальные власти. Последними в 19-м веке была создана система резиденств (областей), и Восточная Ява была, в частности, поделена на резиденства Сурабая, Пасуруан, Баньюванги и Мадура.

После провозглашения независимости Индонезии 17 августа 1945 г. Восточная Ява должна была стать одной из 8 провинций, на которые страна была поделена Комиссией по подготовке независимости, однако 10 ноября 1945 г. голландцы при поддержке войск союзников начали наступление на Сурабаю с использованием авиации и танков и, несмотря на героическое сопротивление ее защитников, вскоре оккупировали и сам город, и основную часть Восточной Явы. В результате, лишь после фактического признания Нидерландами в ноябре 1949 г. независимости Индонезии 4 марта 1950 г. была образована провинция Восточная Ява в составе Республики Индонезия.

В настоящее время площадь провинции - 47,9 тыс.кв км, что составляет примерно 3% площади всей Индонезии. В административном отношении провинция делится на 37 районов второго уровня, т.е. крупных городов («кота мадья») и кабупатенов, крупнейшими из которых являются Баньюванги, Маланг и Боджонегоро. Наиболее крупными городами провинции являются Сурабая и Маланг.

Примерно 2/3 территории Восточной Явы занимают горы и возвышенности. Низменности преимущественно расположены вдоль морского побережья и по руслам рек. На севере провинции низменности разбросаны от Тубана до Гресика и далее тянутся до восточного побережья в районе Сидоарджо, Пасуруана и далее к Проболингго. По руслу реки Брантас низменности охватывают районы Тулунг Агунг, Кедири, Джомбанг, Моджокерто и Сидоарджо вплоть до Сурабаи. Вдоль же русла Бенгаван Соло низменности простираются от Нгави на север через район Боджонегоро до северного побережья. На Мадуре низменности также располагаются в прибрежных районах, а вокруг г.Сампанг находятся и заболоченные районы. Гораздо большее значение в провинции имеют горы (их на Восточной Яве насчитывается 48) и возвышенности, которые в наибольшей степени сосредоточены в ее центральной и южной частях. Среди наиболее крупных гор можно отметить вершину Аргопуро (3088 м) в районе Проболингго, Арджуно (3231 м) – в районе Маланга, Лаву (3265 м) – в районе Нгави, Раунг (3332 м) – в районе Бондовосо и, конечно, Махамеру (3637 м) – в районе Лумаджанг. Среди горных вершин Восточной Явы немало и действующих вулканов, причем наибольшей активностью отличается самая крупная гора Явы, Семеру (3676 м), которая только с 1818 г по середину 70-х годов прошлого века извергалась 66 раз. Среди других вулканов выделяются Бромо в районе Проболингго, Ламонган – в районе Лумаджанг, вулкан Раунг, а также Келуд – в районе Кедири.

Следует отметить, что, хотя вулканическая деятельность ведет к повышению плодородия почв, особенно на склонах вулканов, одновременно продукты этой деятельности серьезно осложняют жизнь близлежащих селений, угрожая им селевыми потоками и наводнениями. С гор стекают многочисленные речки (их более 80), которые впадают в Индийские океан, Яванское море, Балийский и Мадурские проливы, а также становятся притоками более крупных рек, как, например, Бенгаван Соло, которая частично протекает на Воточной Яве или река Брантас, которая имеет протяженность 320 км. Большинство же речушек совсем ко-

роткие и переполнение их русла лавой и прочими продуктами вулканической деятельности приводит к тому, что речки выходят из берегов или прокладывают себе новые русла и сносят находящиеся на их пути селения. Так, в 2002 г. десятки кубометров песка, гравия и камней, выброшенных из жерла Семеру скопились в речках Глидик, Реджали и Бесук Сат, а также в десятках их притоков. Нередко селения на склонах вулканов буквально сносятся потоками воды, как, например, произошло с лесами Джугосари и Гундорусо в кечаматане Пронодживо, которые были смыты новым течением реки когда старое русло было полностью заполнено продуктами извержения вулкана. Некоторые речки, русла которых служили местом схода лавы, оказались полностью заполнены ею. Такая участь постигла, например, реки Бесук Семут и Панчинг[1].

Ситуация также усугубляется вырубкой лесов на склонах гор, где на смену сосновым лесам приходят заливные и суходольные поля. В результате сведения лесов происходит эрозия почвы, что в еще большей степени загрязняет речки, а также облегчает сход каменных лавин. Крупномасштабная же вырубка лесов на склонах Семеру и других вулканов началась с 1997 г.

Нередко кратеры действующих вулканов на Восточной Яве становятся источником повышенной кислотности воды рек, стекающих по их склонам, что оказывает пагубное воздействие на сельское хозяйство, если эта вода используется для орошения полей. Такая ситуация, например, наблюдается в зоне орошения водами реки Баньюпахит-Баньюпутих, где из-за повышенной кислотности крестьяне района Асембагус теряют до 70% урожая риса. Кроме того, воды реки используются населением Асембагуса, а это около 50 тыс.человек, и как источник питьевой воды, что, при повышенном содержании фтора в этой воде, ведет к его вымыванию из костной ткани и зубов местных жителей[2].

Климат на Восточной Яве ярко выраженный тропический, который характерен достаточно высокой температурой в течение всего года (свыше 30 градусов) и наличием двух основных сезонов: сезона дождей (с ноября по апрель) и сухого сезона (с мая по

октябрь). При этом, самыми жаркими месяцами являются октябрь-декабрь, когда температура достигает 36˚ по Цельсию.

Восточно-яванские земли с точки зрения плодородия делятся на три категории: северная часть охватывает известняковые горы вплоть до острова Мадура и является наименее плодородной; средняя часть провинции, начиная от кабупатена Нгави до восточного побережья представляет собой долины рек Брантас, Мадиун, Конто и др. и характерна наиболее плодородными землями, пригодными для заливного рисоводства, и, наконец, южная часть провинции также малоплодородна и представляет собой продолжение известняковых гор, которые тянутся от горной гряды Кидул в районе Джокъякарты до Маланга.

Из 4,79 млн.га площади провинции активно используется 3,22 млн.га, в том числе 1, 65 млн.га – для орошаемого земледелия и 2,06 млн.га – суходольного, включая более 1 млн.га, занятых под плантации, сады и богарные поля.

Омывающие провинцию моря не только обеспечивают население морепродуктами, но и являются важнейшим источником добычи соли, которая издавна осуществляется здесь на северо-восточном побережье и на Мадуре, причем площадь используемая для выпаривания соли превышает 7 тыс.га.

Сохранению богатой флоры и фауны Восточной Явы способствуют местные заповедники, или Национальные парки. Так, заповедник Балуран, расположенный в кабупатене Ситубондо на площади в 25 тыс.га, обеспечивает выживание нескольких сотен голов диких буйволов. Заповедник Меру Бетири, основанный еще голландцами в 1931 г, раскинулся на площади в 50 тыс. га в кабупатенах Баньюванги и Джембер, на южном побережье Восточной Явы. Среди редких животных здесь обитают леопарды и черные пантеры, кабаны и буйволы, антилопы и олени, а также многочисленные обезьяны и вараны. Еще одним Национальным парком является Бромо-Теггер-Семеру, который раскинулся на площади в 58 тыс.га и представляет собой горную цепь в районе Проболингго, Маланга, Пасуруана и Лумаджанга. Здесь сохранились многие виды флоры, характерной для плоскогорья, в частности,

доминирующей является казуарина (Casuarina Junghuhniana), произрастают сосны и акации, древние папоротники. Из животных встречаются леопарды, олени и антилопы.

По данным переписи 2000 г., население провинции составляло 34,8 млн. человек, из которых 79% приходилось на яванцев и 18% – на мадурцев.

Преобладающим в регионе этносом является, конечно, яванский, однако в ряде районов, прежде всего в Баньюванги, присутствует и суб-этнос, а именно яванцы-осинг, которые изъясняются также на диалекте яванского языка, именуемом «осинг», что представляет собой смесь яванского, мадурского и балийского языков, причем основой их яванского является вариант «нгоко», т.е. древне-яванского. Центр яванцев-осингцев – г.Баньюванги был столицей государства Бламбанган, последнего индуистского государства на Яве. В культуре местных яванцев сильно влияние Бали, при этом они известны как люди гостеприимные, доброжелательные и вежливые. Большое распространение у них имеет организация званных обедов для большого количества родственников и соседей «selamatan», которые устраиваются по поводу различных мусульманских и семейных праздников или церемоний. Славятся осингцы и своими батиками ручной работы, которые еще в эпоху империи Маджапахит считались ценным подарком для местных раджей. В последнее время, однако, численность ремесленников, изготовляющих дорогие рукописные батики, которые пользуются большой популярностью у местных и иностранных коллекционеров, неуклонно сокращается: в кабупатене Баньюванги их насчитывается всего около 100 человек, которые работают по заказу трех предпринимателей в селениях Тампо и Сидореджо кечаматана Пурвохарджо и в селении Теменгунган кечаматана Баньюванги. Численность этого суб-этноса к 2000 г. составляла примерно 350 тыс. человек.

Большое распространение на собственно Восточной Яве имеет и мадурский язык, на котором говорят выходцы с этого острова, главным образом на северном побережье, в районах Пасуруана, Проблорлинго, Сидоарджо, Ситубондо, Бесуки, Бондо-

восо и Джембера. Как собственно и яванский, а также Балийский языки, мадурский язык имеет несколько уровней общения: высокий (Enja'iya), Средний (Enghi-enten) и грубый (Enghi-bhunten). При этом, мадурцы являются третьим по численности этносом Индонезии, составляя примерно 7% всего населения страны, т.е. в настоящее время примерно 16 млн.человек, из которых около 4 млн.человек населяют сам остров Мадура и близлежащие острова Кангеан и Масалембу, а остальные живут на Яве и в других частях Индонезии. В Мадурском языке помимо трех уровней общения известно и несколько диалектов: Бангкалан – в кабупатенах Бангкалан и Сампанг, Памекасан – в одноименном кабупатене и центральной части острова, Суменеп – соответственно, в кабупатене Суменеп, а также имеющие меньшее распространение диалекты Гирпапас и Кангеан. Мадурцы известны своим сильным характером, что, очевидно, связано со сложными природными условиями острова, желанием много работать и не уступать обстоятельствам. Для мадурцев характерно восприятие себя, как члена большой семьи, или клана, в котором необходимо поддерживать близкие отношения даже с самыми дальними родственниками. Вероятно, такое отношение сложилось в силу того, что на протяжении многих веков мадурцы были вынуждены мигрировать с острова в другие части архипелага, где особенно была ценна любая помощь соплеменника. Интересно, что, хотя мадурцы известны в Индонезии, как весьма набожные мусульмане, многие из них не прочь воспользоваться услугами потусторонних сил – добрых и злых духов – для достижения собственных целей.

Еще одним суб-этносом, населяющим Восточную Яву является «Пендалунган», который фактически представляет собой потомков смешанных браков яванцев и мадурцев. Считается, что данный суб-этнос состоит из двух основных групп: яванцев, выросших в мадурских деревнях и говорящих поэтому на мадурском языке, а также собственно яванцев-пендалунган, которые произошли от смешанных браков яванцев с мадурцами, начало которым было положено в 1671 г., когда мадурский принц Труноджоё подарил яванским воинам мадурских девушек в знак благодарно-

сти за совместные боевые действия против раджи Мангкурата I. В повседневной жизни пендалунган общаются на мадурском языке и сурабайском диалекте нгоко. Также как и мадурцы являясь правоверными мусульманами, пендалунган в повседневной жизни охотно пользуются услугами традиционных знахарей – дукунов, в том числе и для защиты от злых духов. Численность этого субэтноса в настоящее время может составлять 7,7 млн. человек.

Уникально положение тенгеров, населяющих предгорья вулкана Бромо. Это – последний на Яве оплот индуизма, где он сохранился в значительной мере благодаря физической изолированности региона и суровых здесь климатических условиях. Численность тенгеров не превышает нескольких десятков тысяч человек.

Проживает на территории Восточной Явы и еще один небольшой этнос – бавеан, населяющий одноименный остров площадью всего 200 кв.км, который расположен в 120 км к северу от Сурабаи. В Индонезии этот остров известен как «Женский остров», поскольку мужское его население, как правило, отправляется на заработки на другие острова Индонезии, а также за ее пределы. На самом острове полагают, что человек не может считаться взрослым, пока он не побывал за пределами Бавеана. Большое количество его жителей проживает, например, в Малайзии, где численность бавеанцев, видимо, превышает население самого острова, которое в настоящее время составляет около 70 тыс.человек. Значительное их количество проживает также в Сингапуре, где их называют «orang boyan», а также в австралийском Перте. Остающееся на острове население занимается сельским хозяйством, рыболовством, а также плетением циновок из пандануса. Население исповедует ислам, который пришел сюда в 1601 г. Мальчики по достижении ими возраста 6-7 лет начинают изучать ислам в общинном молельном доме. Девочки проходят религиозное обучение, а также могут оставаться на проживание в доме женщины-богослова, кьяи.

Мусульмане, действительно, в настоящее время составляют подавляющее большинство населения Восточной Явы: примерно 97%, еще 2% приходится на христиан и еще примерно по 0,5%; -

на индуистов и буддистов. Следует при этом отметить, что среди восточноявански мусульман лишь часть составляют истинные приверженцы ислама, именуемые здесь «сантри», тогда как значительное количество местных мусульман являются приверженцами так называемого «яванского ислама, или islam kejawen), в котором большое место занимают традиционные верования яванцев, связанные с буддизмом и индуизмом, а также вера в духов предков, анимистические верования и т.п. Такие мусульмане именуются здесь «абанган».

Распространение ислама на Яве связано с деятельностью исламских проповедников – «вали». В период распространения ислама получили 9 таких проповедников, именуемых теперь «Wali Songo» – (Songo – девять). На Восточной Яве наиболее известным из них был Раден Рахмад, именуемый также «Sunan Ampel», основавший медресе в деревне Дента, в Сурабае. Из его стен вышли многие известные на Яве деятели ислама, включая Радена Патаха, первого правителя исламского государства Демак.

Следует отметить, что, как и в других регионах острова, на Восточной Яве ислам тесно переплетается с традиционными, доисламскими верованиями местного населения. Так, у тех же осингцев мы наблюдаем весьма далёкую от ислама церемонию подношения даров духам морей с целью их задабривания и предотвращения цунами. Церемония, именуемая «петик лаут», заключается в том, что на жертвенной лодке в открытое море вывозятся разукрашенные головы быка и барана, а также другие подарки типа отрезов батика, домашней утвари и жертвенного петуха, которые предназначены властелину южных морей Ньи Роро Кидулу. Иногда огромные волны, которые совсем не являются редкостью в проливе между Явой и Бали, поглощают подарки еще до того, как рыбаки успевают вывезти их в открытое море, что, конечно, считается добрым знаком. Интересно отметить, что в таких церемониях, которые, кстати, проводятся только в последние 30 с небольшим лет, участвуют и официальные лица на уровне руководителя кабупатена Баньюванги, главного центра яванцев-осингцев.

Наряду с религиозными обычаями в различных районах провинции преобладают те или иные культурные традиции, характерные и для других регионов. Так, в районах Джембера, Бондовосо и Ситубондо наблюдается сильное влияние культуры Мадуры в связи со значительным количеством переселенцев здесь с этого острова. Наоборот, в районе Маланга велико воздействие культуры, формировавшейся в Джокъякарте и Суракарте, и именуемой здесь«kulonan, т.е « пришедшей с запада», поскольку оба этих культурных центра Явы находятся к западу от Маланга). В противовес этому в самой восточной части провинции, наоборот, преобладает так называемая восточно-яванская суб-культура с центром, естественно, в Сурабае.

Собственно яванцы в повседневной жизни используют грубый яванский язык – нгоко, те же, кто живет ближе к Джокъякарте используют в повседневной жизни разноуровневый яванский язык (также язык среднего уровня – мадья и высокий стиль – крама). В то же время, в Маланге, как и в других крупных городах молодежь общается на местном слэнге – «bahasa prokem», особенностью которого является игра слогами в словах, их перестановка: например, pulang меняется на ngalup , tidak превращается в kadit и т.п. Восточные яванцы известны как достаточно грубые в языке люди, что, видимо, связано с мадурским влиянием, однако, как считается, у них открытый и решительный характер.

Следует отметить, что в Индонезии сложился устойчивый образ мадурца, как грубого и хамоватого проходимца, который к тому же явно переоценивает собственную личность. Некоторые исследователи, в том числе и мадурского происхождения, связывают жёсткий и грубоватый характер мадурцев с их ориентацией на море, где они вынуждены добывать себе пропитание в условиях крайне засушливого климата своего острова. Якобы постоянное противоборство с морскими вызовами и сформировало такой жесткий характер мадурцев, для которых свойственно крайне высокая степень собственного достоинства и самооценки. Этот характер, однако, вызывает резкое неприятие у других этносов Индонезии, которым наоборот свойственна природная скромность и

деликатность. В результате, у мадурцев сформировался в современной Индонезии явно негативный имидж, от которого нередко пытаются избавиться те представители этого этноса, которые достигли определенных высот в обществе, находясь за пределами Мадуры. Они порой отказываются от родного языка и щеголяют своим знанием яванского, а также просто скрывают свою этническую принадлежность. В результате, с 1930 по 2000 г. официальная численность мадурцев выросла всего с 4,3 до 6,7 млн. человек[3]. Сильнейшее влияние в мадурском обществе имеет ислам, который в буквальном смысле вошел в плоть и кровь жителей острова, которые считаются в Индонезии правоверными мусульманами, что, правда, плохо корелируется с некоторыми характеристиками, которыми мадурцев награждают остальные индонезийцы.

Между тем, многие мадурцы расселились по всей территории Индонезии, что в немалой степени связано с тем, что в условиях крайне засушливого климата острова многие его жители связывают свою судьбу с морем, что и способствует их переселению на другие острова. Способствовали этому процессу и некоторые исторические события. В частности, еще в средние века, в эпоху исламского государства Матарам покорение Мадуры султаном Агунгом привело к гибели большого количества островитян и переселению 40 тыс.на Яву, в район Гресика. Кроме того, уже колониальными властями в 1831 г. из мадурцев было создано особое подразделение – Korps Barisan Madura, которое на стороне голландцев участвовало в боестолкновениях на Яве, Бали и в Аче. Естественно, что значительная часть мадурских солдат впоследствии осталась в районах своей дислокации. Многие из них нашли свою нишу в неформальном секторе, специализируясь на продаже традиционных шашлычков «сате» и знаменитого мадурского супа «сото Мадура».

В повседневной жизни, особенно в сельской местности, население придерживается принципов готонг-роёнга. В структуре управления десой присутствуют следующие административные единицы:

1. Глава десы (лурах), именуемый на Восточной Яве «Kalebun»;

2. Сельский писец – «carek», который также непосредственно занимается вопросами управления десой;

3. Священнослужитель – «Modin», который занимается оформлением всех дел, имеющих отношение к религии, а именно свадеб, разводов, примирений (rujuk), погребения и т.п.

4. Деревенский староста – «Apel», который занимается всеми вопросами жизнедеятельности каждой деревни (кампунга), входящей в состав десы.

На Восточной Яве у населения есть определенные элементы одежды, которые считаются традиционными и устанавливаются адатом. Яванцы-мужчины должны одевать surjan – рубашку с длинными рукавами и стоячим воротником (считается традиционной одеждой Джокъякарты), blangkon (головной платок в форме шапки), батиковый kain, или кусок ткани, который обертывается вокруг бедер в виде юбки, с поясом, за который вставляется крис. Традиционная одежда яванок состоит из длинной кофты – kebaya, того же батикового каина с поясом на талии (stagen), волосы при этом собираются в пучок. Мадурские мужчины повязывают на голову платок типа чалмы (destar), одевают рубашку с длинными рукавами без горла, а вниз майку. Через плечо носится кусок ткани. Штаны доходят до уровня колен и подвязываются большим поясом. Мадурские женщины одевают короткие кофты «kebaya» и каин до уровня колен. Из украшений используются бусы, а на ногах браслеты, называемые «bingel».

Основой экономики Восточной Явы является, естественно, сельское хозяйство.

В ряде районов в последние годы все большее применение находит использование органических удобрений, которые обеспечивают в 1,5 раза большую урожайность по сравнению с химическими. При этом, цена сельхозпродукции, выращенной на органике, в 2 раза выше. Однако использование органики в первую очередь возможно на тех землях, которые не загрязнены химическими удобрениями и инсектицидами. Такими землями в первую

очередь могут стать на Восточной Яве склоны многочисленных здесь гор. Так, в 2002 г. в кабупатене Блитар насчитывалось 47 тыс. га заливных полей, из которых лишь на 5 га применялась органика. В этот период численность крестьян в кабупатене составляла 270 тыс.человек, производство риса – 140,5 тыс.тонн[4].

Восточная Ява является одним из центров мясного животноводства Индонезии. В 2002 г только в одном кабупатене Баньюванги численность крупного рогатого скота составляла около 90 тыс.голов, тогда как потребность самого кабупатена составляла всего 13 тыс.голов. При этом, Баньюванги, имеющий площадь в 5,5 тыс. кв км и обширные пастбища, способен прокормить до 200 тыс.голов скота[5].

Следует отметить, что сельское хозяйство Восточной Явы зачастую страдает от засухи, что приводит к резкому понижению уровня жизни местных крестьян, многие из которых находят выход в иммиграции в поисках работы. Так, в результате продолжительной засухи в июне-августе 2006 г., только официальная численность иммигрантов из кабупатена Блитар возросла с 724 человек в 2005 г до 2885 человек – в начале августа 2006 г.[6]. Очевидным показателем падения жизненного уровня восточнояванских крестьян в период засухи является их переход от потребления риса, который становится слишком дорогим, к другому традиционному пролукту питания – тивулу, который представляет собой кушанье из сушеного маниока. Иногда тивул полностью заменяет рис, иногда его смешивают с рисом. Город Тренгалек местные жители в шутку даже называют город «гаплек», что, собственно, и означает «город сушеного маниока».

Огромное значение в экономике Восточной Явы играет рыболовство, причем главная роль принадлежит морскому рыболовству: в 2002 г. только в кабупатене Баньюванги в море было добыто 36,3 тыс.тонн рыбы, тогда как улов пресноводной рыбы составил в кабупатене всего 321 тонну. Около 80% всей добытой морской рыбы приходится на лемуру, тогда как на тунца и летучих рыб приходится по 10% на каждый вид. Кроме того, вылавливаются также акулы, скаты, керапу и полосатые тунцы. Основ-

ной улов в кабупатене ведется в Балийском проливе, и любое ухудшение здесь погоды приводит к падению уловов. Преобладание в улове лемуру над тунцом связано также со слабостью рыболовецкого флота, большинство судов которого не способно удаляться от берега на расстояние, превышающее 6-7 км.

Крупнейшим же производителем морепродуктов в провинции является кабупатен Ламонган, где действует специальный порт для рыболовецких судов Брондонг. Ежегодно в Ламонгане добывается более 32 тыс.тонн рыбы в искусственных водоемах и садках и около 64 тыс.тонн рыбы вылавливается в море. Интересно отметить, что областная администрация для повышения добычи морской рыбы на протяжении 47 км береговой линии соорудила 42 искусственных коралловых рифа, а на площади в 25 га высадила мангровые деревья[7].

В прибрежных районах население занимается также поиском устриц в расщелинах коралловых рифов, однако обычно это делается с опаской в связи с угрозой цунами, которое, например, имело место в 1994 г. на побережье Паянган кабупатена Джембер.

Следует отметить, что в целом нередко рыболовству препятствуют сложные условия мореплавания, в частности, высокие волны, что стало особенно очевидно после цунами 2005 г., когда местные рыбаки стали просто бояться выходить в море при сильном волнении. Такая ситуация в период после цунами, например, наблюдалась в прибрежных районах Пангул, Приги, Каранггонгсо, Мунджунган и Сидем.

На Восточной Яве присутствуют некоторые виды полезных ископаемых: мрамор добывается в районе Тулунгагунг, кварцевый песок – практически на всем северном побережье, сера – в районе гор Велиранг и Виджен, гипс в больших количествах присутствует в кабупатенах Понорого, Памекасан и Суменеп, каолиновые глины найдены в районе Блитара и Бангкалана, на Мадуре. Следует отметить, что некоторые виды полезных ископаемых до сих пор добываются на Восточной Яве кустарным способом. Речь, например, идет о добыче серы, которой сотни старателей с риском для жизни занимаются на склонах многочисленных вул-

канов. Без всякой, естественно, страховки под палящими лучами солнца, зачастую в непосредственной близости от ядовитых сероводородных источников они кирками выламывают глыбы серосодержащей породы и в плетеных корзинах спускают свою добычу в долину.

Восточная Ява богата нефтью, которая добывается в районе Чепу еще с 1928 г., и в настоящее время ее многочисленные месторождения находятся в кабупатенах Боджонегоро, Тубан, Сидоарджо и на Мадуре. В одном только кабупатене Боджонегоро насчитывается 14 ее месторождений. Добыча нефти в Боджонегоро, например, в марте – мае 2002 г. составила 190,9 тыс. баррелей, что, при цене нефти в 23,5 долл. за баррель, обеспечило валовый доход в 4,5 млн.долларов. В соответствии с Законом №22 1999 г., 85% от суммы, полученной в результате добычи и продажи полезных ископаемых, идёт в центральный бюджет, а 15% – остаётся в соответствующей провинции (ст.12, пункт 2). В дальнейшем эта сумма делится следующим образом: 3% идёт в бюджет провинции, 6% - в бюджет соответствующего кабупатена или города, где осуществляется данная добыча, а оставшиеся 6% распределяются между прочими административными единицами второго уровня соответствующей провинции[8].

Между тем, Боджонегоро имеет довольно неплохой «нефтяной» потенциал: Только в селении Моджоделик кечаматана Нгасем запасы нефти и газа оцениваются в 734 млн. баррелей, а всего в этом кабупатене насчитывается 7 месторождений, входящих в так называемый блок Чепу, общие запасы нефти в котором оцениаются до 1,2 – 2 млрд. баррелей. Еще одно месторождение блока Чепу относится к кабупатену Блора, Центральная Ява, однако на Боджонегоро приходится до 96% его запасов.

Интересно отметить, что история добычи здесь нефти началась еще при голландцах, когда нефть в регионе обнаружил инженер ВанДейк, и колонизаторы качали нефть из Чепу в течение 56 лет, после чего за него взялись японские оккупанты. По достижении независимости эксплуатация месторождений здесь перешла к национальным компаниям, причем нефть качалась лишь

из тех скважин, что уже эксплуатировались при голландцах и японцах. В 1990 г. права на Чепу получила индонезийская компания ПТ. Хумпус Патра Гас (ХПГ), которой была предоставлена концессия на 20 лет на добычу нефти и газа на тех месторождениях, которые находились за пределами юрисдикции Пертамины в районе Чепу. Это предприятие и воспользовалось своими эксклюзивными правами на разработку района, который впоследствии получил наименование Блок Чепу. В 1996 г., однако, 49% акций ХПГ было продано сингапурской фирме Амполекс, а оставшиеся 51% позднее перешли к Эксон-Мобил, причем по согласованию с правительством и Пертаминой. Была образована компания Мобил Чепу Лимитед (МЧЛ), которая в 2001 г. выкупила акции Амполекса, в результате чего американский гигант стал 100% владельцем блока Чепу. Между тем, концессия должна была закончиться уже в 2010 г., и американцы запросили продление ее еще на 20 лет, полагая, что делать крупные инвестиции целесообразно лишь при длительном сроке эксплуатации. В течение 5 лет шли переговоры по данному вопросу, и только 15 марта 2006 г. Пертамина и Эксон-Мобил подписали соглашение об эксплуатации блока Чепу, которая должна была начаться в конце 2008 г., причем с участием и Пертамины, и специально создаваемых региональных госпредприятий[9]. Так, на Восточной Яве были созданы ПТ. Асри Дхарма Седжахтера от кабупатена Боджонегоро и ПТ.Петрогас Джатум Утама Чендана – от правительства Восточной Явы. Вместе с тем, после подписания соглашения обострилась проблема освобождения земель, необходимых для осуществления добычи на новых месторождениях. Местные спекулянты моментально прибрали к рукам соответствующие участки и вздули цены. В результате к декабрю 2008 г объем добычи должен был составить лишь 20 тыс. баррелей в день, тогда как планируется довести его до 165 тыс. барр. Доказанные запасы нефти составляют здесь 352 млн. барр., а еще 325 млн. барр. относятся к потенциальным[10]. Реально добыча была начата лишь 31 августа 2009 г с уровня 5 тыс. барр./день с месторождения Банью Урип, но уже на начальной стадии добычи МЧЛ сталкивается с многочисленными проблема-

ми. Так, в феврале 2010 г. на газо-сепараторной станции в деревне Гаям кечаматана Нгасем произошло несколько выбросов продуктов горения попутного газа, в результате чего были многочисленные случаи отравления среди местного населения в самой десе Гаям, а также десах Брабохан и Бегадон. Поскольку руководство МЧЛ не спешило с предоставлением компенсации местным жителям, последние устроили блокаду подъездных путей к самой станции и месторождению.

Для выхода на проектную мощность добычи в 165 тыс. баррелей нефти в день потребуется освобождение не менее 100 га земли. Так, в настоящее время газо-сепараторные станции в селениях Гаям и Брабован, мощности которых достаточны для обработки 20 тыс. барр. в день, занимают площадь 22 га. Кроме того, для максимальной добычи на месторождении Банью Урип потребуется пробурить 36 скважин для добычи нефти и еще 13 скважин для закачки воды и газа. В конце же 2009 г. добыча здесь 13 тыс. барр. в день велась из четырех скважин. Нефтепереработка сейчас осуществляется на небольшом предприятии в деревне Суменго кечаматана Калитиду мощностью 6 тыс. барр. в день, тогда как нефть в объеме до 12 тыс. барр в день должна направляться от газо-сепаратной станции на месторождение Муди в деревне Рахаю кечаматана Соко кабупатена Тубан. Между тем, добыча нефти, которая совместно осуществляется Пертаминой и ПТ Петрочина Ист Джава на блоке месторождений Тубан, достигло 47,6 тыс. барр в день. Добыча здесь осуществляется из 14 скважин, расположенных, в частности, в местечке Муди селения Рахаю кечаматана Соко в кабупатене Тубан, а также в селении Чампуреджо кечаматана Кота в кабупатене Боджонегоро[11].

При этом, данный кабупатен довольно слабо развит. Его административный центр, г. Боджонегоро, с населением в 1,2 млн.человек, расположенный всего в 200 км к западу от Сурабаи, не имеет со столицей провинции даже прямого автобусного сообщения. Помимо нефти основными его экспортными продуктами являются рис, табак и тиковая древесина. Поэтому в настоящее время основная надежда в кабупатене возлагается именно на

нефть. Только месторождение Банью Урип дает уже 170.тыс. баррелей в день, вторым крупным месторождением является Джамбаран – оба месторождения входят в блок Чепу Большие надежды в развитии кабупатена связываются со строительством здесь участка Южной яванской магистрали протяженностью 112 км, который должен пройти от кечаматана Баурено до Падангана, находящийся на границе с Центральной Явой.

С нефтегазовой отраслью связана и крупнейшая на Восточной Яве экологическая катастрофа, которая произошла 29 мая 2006 г., когда из буровой скважины компании Лапиндо Брантас, которая вела разведку и разработку газовых месторождений, вместо газа забил фонтан горячей грязи. По сути дела, это был вулканический выброс грязи, достигший огромных масштабов – ежедневно на поверхность земли выбрасывалось до 150 тыс. куб м грязи, которой оказались покрыты огромные площади населенных пунктов, промышленных предприятий и сельхозугодий. Десятки тысяч людей стали беженцами, 13 человек погибло. Извержение началось на скважине Баджар Панджи-1 в районе селения Ренокенонго кечаматана Поронг, и данная деса, а также деса Джатиреджо в Поронге и деса Кедунгбендо в кечаматане Тангунагин стали первыми жертвами этого извержения – они были полностью затоплены грязью. Местные власти, пытаясь предотвратить дальнейшее распространение грязи, соорудили дамбу, которая, однако, 10 августа была прорвана в районе селения Сиринг, в результате чего было временно приостановлено движение поездов на участке железной дороги Сурабая-Маланг и Сурабая-Баньюванги, а также закрыто шоссе Поронг – основная магистраль от Сурабаи до Маланга. В дальнейшем движение здесь было восстановлено, однако его пропускная способность сократилась вдвое из-за автомобильных пробок: с 40 тыс. до 20 тыс. автомобилей в день. Граница дамбы проходит вдоль этого важнейшего для Восточной Явы шоссе. Следует отметить, что этот выброс произошел буквально спустя 2 дня после страшного землетрясения в Джокъякарте, и руководство Лапиндо пыталось свалить всю вину за произошедшее на природный катаклизм, однако боль-

шинство специалистов сошлось во мнении, что причиной катастрофы стали грубейшие ошибки при бурении, которое осуществлялось на глубине в 3000 м.

Лапиндо, правда, уже в первые дни после трагедии стало выплачивать денежные компенсации беженцам, а их число только из первых трех селений составило более 7400 человек. В течение 6 месяцев каждый человек должен был получать по 300 тыс. рупий ежемесячно на питание, а каждая семья получала по 5 млн.рупий на 2 года на аренду жилья и по 500 тыс. рупий на переезд. Деньги для Восточной Явы, надо сказать, весьма немаленькие. Однако это были только «цветочки». В конечном итоге затопленными оказались селения, где проживало примерно 12 тыс. семей, и Лапиндо была вынуждена пойти на выплату соответствующих компенсаций. Последние, конечно, варьировались в зависимости от ситуации, однако порядок цифр был примерно следующим: в селении Педжарахан, находящимся по обе стороны от дамбы, семьи получали по 1,5 млн. рупий за каждый квадратный метр строений и по 1 млн. рупий – за квадратный метр земли. Таким образом, сотка затопленной земли обошлась группе Бакри, которая является владельцем Лапиндо, примерно в 10 тыс. долларов. Те семьи, которые находились на территории еще не затопленной грязью, получив 50% положенной компенсации, отказывались покинуть свои дома до получения всего остатка, прекрасно понимая, что их могут обмануть. Тем более, что примеров этого было предостаточно. Так, в феврале 2009 г. группа Бакри обещала выплачивать ежемесячно по 15 млн. рупий по каждому делу о затоплении, однако благополучно забыла об этом. Между тем, проживание в непосредственной близости от зоны затопления крайне опасно для здоровья: в воздухе содержание углекислого газа намного превышает допустимые нормы, источники питьевой воды, как правило, отравлены, и вода содержит атомы тяжелых металлов, периодически происходят выбросы природного газа с большим содержанием метана и т.д. В результате, среди местного населения, особенно среди детей, многочисленные случаи отравления и тяжелых болезней.

В дальнейшем во многих местах кабупатена Сидоарджо наблюдались многочисленные выбросы метана через трещины в почве, что приводило к отравлениям местных жителей[12]. В 2008 г. в келурахане Сиринг трое жителей умерли, отравившись этими выбросами[13].

В настоящее время выбросы грязи продолжаются, хотя и с меньшей интенсивностью, а власти, видимо, рассчитывают на их естественное прекращение. В 2009 г. на основе Постановления президента №40 вся ответственность за ситуацию в районе выброса была переложена с Лапиндо на специально созданный орган – Совет по преодолению последствий грязевого выброса в Сидоарджо (БПЛС). С тех пор решением данной проблемы практически никто не занимается. Между тем, население к западу и северу от места извержения, а именно в кечаматанах Тангулангин, Поронг, Чанди и городе Сидоарджо, испытывает нарастающую тревогу, поскольку из-за понижающего рельефа местности грязь распространяется в этом направлении. Излишне говорить, что любые инвестиции в этом районе практически сошли на нет. Кроме того, резко снизились инвестиции и в районах, куда путь идет через Сидоарджо, т.е. в Маланге, Пасуруане и Проболинго. В самом Сидоарджо резко снизились цены на недвижимость, тогда как ранее именно этот район считался наиболее привлекательным, как промышленное предместье Сурабаи.

Важной частью провинции Восточная Ява является остров Мадура, площадь которого составляет 5,3 тыс. кв км, а население 3,6 млн.человек[14]. Мадурская экономика преимущественно имеет сельскохозяйственную специализацию. Так, кабупатены Памекасан и Суменеп являются крупными производителями табака, обеспечив в 2008 г. производство в 10.620 и 8.834 тонн соответственно, что превысило наивысший показатель в яванской части провинции (кабупатен Джембер – 8152 тонны). При этом, мадурский табак обладает специфическим ароматом и охотно закупается фабриками по производству сигарет кретек.

Лидирует Мадура на Восточной Яве и по производству кукурузы, наибольший объем которой в 2008 г. был собран в кабу-

патене Суменеп – 295.735 тонн. В этом же кабупатене и наибольшее в провинции численность крупного рогатого скота – свыше 226 тыс. голов в 2008 г., хотя он относительно в меньшей степени используется для производства мяса, а преимущественно для возделывания полей и традиционных мадурских гонок на быках.

Добывается в районе Мадуры и нефть – на острове Пакерунган Бесар ее ежедневное производство вместе с конденсатом составляет до 11,7 быррелей. Кроме того, на этом острове, который входит в состав архипелага Суменеп, ежедневно добывается и почти 950 млн. куб.м. газа, который преимущественно потребляется промышленными предприятиями Восточной Явы в Сурабае, Сидоарджо и Гресике, куда он поставляется по подводному газопроводу.

Славится Мадура и своими своеобразными батиками, в производстве которых на острове лидирует кабупатен Памекасан. Здесь в одном только селении Клампар два входящих в него дусуна Баньюмас и Батубаджа являются местом работы 80 небольших батиковых предприятий, на которых в среднем занято по 12 человек. Между тем, каждую неделю отсюда отправляется более 5 тыс. батиковых отрезов, которые расходятся по всей Индонезии. Другими батиковыми центрами острова являются селения Пекандангган и Праган в кабупатене Суменеп, а также Танджунг Буми в кабупатене Бангкалан. В последнем, кстати, изготавливается самый дорогой и известный на Мадуре вид батика – «гентонган», который славится тем, что с годами его краски становятся все более яркими[15].

Следует подчеркнуть, что естественную изолированность Мадуры от основной части провинции призван ликвидировать мост Сурамаду, который вступил в строй 12 июня 2009 г. Хотя на самой Мадуре строительство этого моста и планы индустриализации острова, которые увязываются с этим мостом, рассматриваются как внешне навязанные мадурцам, его наличие, несомненно, должно способствовать интеграции острова с Восточной Явой.

Другим крупным проектом инфраструктуры на Восточной Яве является Южная магистраль протяженностью 618,8 км окон-

чание строительства которой намечено на 2013 г. Общий объем инвестиций в этот проект из национального и провинциального бюджетов должен составить 6 трл. рупий (т.е. более 600 млн. долларов), однако, на данный момент из этой суммы из обоих бюджетов выделено лишь 10% указанной суммы.

Территория Восточной Явы, как центра многих средневековых индуистских государств, является сосредоточием огромного количества древних храмов, значительная часть которых находится в плачевном состоянии. Одним из таких полузабытых памятников является чанди Сингосари, которое находится в селении Чандиренго кабупатена Маланг. Этот древний храм, по форме напоминающий башню, относится к эпохе государства Сингосари и, по данным хроник Негаракертагама, является пристанищем праха раджи Кертанегара (1268-1292). В чанди собрано большое количество артефактов, в частности, каменных статуэток и изваяний, которые, однако, зачастую находятся просто под открытым небом и должным образом не защищены как от непогоды, так и от внешнего посягательства. Хотя основная угроза древнему памятнику таится все же среди местного населения, которое не испытывая ни малейшего пиетета к своему индуистскому прошлому, постепенно захватывает земли храмового комплекса под строительство жилья, что, видимо, не встречает должного сопротивления со стороны местной администрации. Так, в настоящее время здесь практически исчезли руины дворца раджи, который находился в непосредственной близости от чанди. О его существовании напоминают лишь гигантские каменные изваяния (3,7 м в высоту каждое) двух стражей дворцовых ворот, Дварапала, которые обычно устанавливались в западной части дворцовых построек[16].

При недостаточном внимании к древним религиозным памятникам на Восточной Яве в настоящее время возникают современные храмы, сопоставимые по своей грандиозности с древними культовыми сооружениями. Так, в восточной части Сурабаи, в парке Кенджеран с конца 90-х гг.прошлого века действует большой храмовый комплекс «Сангар Агунг», рассчитанный преимущественно на местную китайскую диаспору, представители кото-

рой нередко являются одновременно последователями буддизма, конфуцианства и учения Дао. При этом в архитектурном стиле комплекса явственно прослеживаются балийские мотивы с множеством резных украшений. На заднем дворе комплекса установлена 20-метровая фигура китайской богини Кван Им Поу Сат, почитаемой как в буддизме, так и в даосизме. Центральным же элементом комплекса является крупнейшая в Индонезии 9-метровая статуя Будды, установленная на 27-метровом постаменте. Четыре белых слона поддерживают статую четырехликового Будды, что должно символизировать четыре основных принципа добродетели в буддизме, а именно: сострадание, щедрость, справедливость и медитацию.

---

[1] Компас 28.11.02.
[2] Компас, Джакарта – 11.08.2006.
[3] Компас, Джакарта – 24.09.2004.
[4] Компас, Джакарта – 26.03.2003.
[5] Компас, Джакарта – 19.03.2003.
[6] Медиа Индонесия, Джакарта – 08.08.2006.
[7] Компас, Джакарта – 06.04.2010.
[8] Компас 10.02.2003.
[9] Компас 27.03.06.
[10] Суара Пембаруан 16.05.08.
[11] Брита Кадин Джава Тимур, Сурабая – 18.02.2010.
[12] Компас, Джакарта – 11.08.2006.
[13] Портал Корбан Лапиндо – 12.04.2010.
[14] Компас, Джакарта – 11.04.2010.
[15] Компас, Джакарта – 06.04.2010.
[16] Медиа Индонесия, Джакарта – 01.08.2006.

© ***Воронин А.С.***
ИДВ РАН

НОВАЯ ПАРАДИГМА РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКИХ ОТНОШЕНИЙ

1 марта 2001 года – знаменательная дата в летописи российско-вьетнамских отношений. В этот день в Ханое президенты России и Вьетнама, В.В. Путин и Чан Дык Лыонг, подписали Декларацию о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам. Этому документу было суждено стать основой новой, работающей и сегодня модели отношений между нашими странами, отвечающей требованиям самой жизни.

В документе стороны сформулировали принципы сотрудничества на основе стратегического партнерства. Не являясь международно-правовым документом, Декларация, тем не менее, заложила новую основу сотрудничества. Она стала долгосрочной программой действий двух государств в политической, экономической, научно-технической, гуманитарной сферах, в области обороны и безопасности.

Визит президента России В.В. Путина в Ханой в феврале-марте 2001 г., подписание Декларации о стратегическом партнерстве, а также других документов стали мощной демонстрацией решимости лидеров двух стран строить продуктивное сотрудничество на долгосрочной и стабильной основе, руководствуясь не идеологическими догмами и схемам прошлого, а на платформе общепринятых принципов международного права, в духе уважения выбора пути политического, экономического, социального и культурного развития, сделанного народами России и Вьетнама в соответствии с внутренними условиями обеих стран.

Декларация имела существенное стимулирующее значение. Она оздоровили политический климат российско-вьетнамских отношений, задала устойчиво восходящий тренд всему комплексу российско-вьетнамских отношений, придала

им свою собственную внутреннюю логику и динамичный алгоритм.

Первый официальный визит Президента Российской Федерации в Социалистическую Республику Вьетнам проходил в особых для России исторических условиях. Всего несколько месяцев прошло со дня инаугурации В.В. Путина. Тогда, после десятилетия глубокого системного кризиса, в котором пребывала Россия, только начала формироваться её новая концепция внешней политики, как результат переосмысления приоритетов на основе её экономического возрождения и укрепления позиций на международной арене.

Визит В.В. Путина во Вьетнам весной 2001 г. был воспринят в Ханое, как знак, свидетельствующий о «возвращении» России в Юго-Восточную Азию, как её намерение играть активную и действенную роль в АТР. Новый курс, провозглашенный российским президентом, полностью отвечал коренным интересам Вьетнама, других партнеров России в регионе. В наращивании действенного и конструктивного присутствия России в Юго-Восточной Азии они видели важный фактор стратегической стабильности в регионе, без чего трудно рассчитывать на успешную реализацию долгосрочных планов устойчивого и динамичного социально-экономического развития в сложных и постоянно меняющихся условиях глобализации.

Сегодня у России добрые отношения со всеми странами Юго-Восточной Азии. Это было вновь продемонстрировано во время Второго саммита Россия–АСЕАН, прошедшего в октября 2010 г. в Ханое. В итоге работы саммита был подписан целый пакет документов, как в многостороннем, так и в двустороннем форматах. Достигнуты крупные договоренности по активизации сотрудничества по целому ряду направлений.

И, все же, особенность ситуации состоит в том, что из всех стран Юго-Восточной Азии только с Вьетнамом нашу страну связывают отношения стратегического партнерства. Эта особенность нашла своё отражение в новой Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом Д.А. Медведевым в июле 2008 г. Напомню, что в этом документе в контексте внешнеполитических задач российской дипломатии в динамично развивающемся Азиатско-

Тихоокеанском регионе и с прицелом на ускоренный подъем производительных сил Дальнего Востока сформулирована установка на «наращивание позитивной динамики отношений с государствами Юго-Восточной Азии, прежде всего на развитие стратегического партнерства с Вьетнамом».

Итак, можно смело утверждать, что исходной точкой нового типа российско-вьетнамских отношений стал визит В.В. Путина во Вьетнам весной 2001 г. И вот почему.

Не секрет, что начало 90-х г.г. прошлого столетия для российско-вьетнамских отношений было не самым лучшим периодом. Резкий спад наблюдался по большинству направлений, определяющих сам вектор и алгоритм связей. Политические контакты на высшем уровне носили ограниченный характер. Резко сократились торгово-экономические, научно-технические, гуманитарные, культурные связи, военно-техническое сотрудничество. Накапливалась взаимная отчужденность.

Этот «сон разума», иррациональность и, в конечном счете, опасность такого рукотворного тупика становились все более очевидными. Россия теряла во Вьетнаме одну позицию за другой. Мощнейший потенциал дружбы и сотрудничества, с таким трудом созданный несколькими поколениями россиян и вьетнамцев, использовался крайне не рационально, а в целом ряде случаев оказался и вовсе не востребованным. Это был самый глубокий кризис межгосударственных отношений за всю их историю, уроки, из которых обе стороны, как представляется, пока, к сожалению, в полной мере не извлекли и исчерпывающих мер к его неповторению пока не приняли.

Конечно, отдельные попытки изменить положение вещей предпринимались. Активность в этом плане шла, прежде всего, с вьетнамской стороны. В этом плане выделяется визит в Москву в июне 1994 г. вьетнамского премьера Во Ван Кьета. Тогда по итогам переговоров в Кремле 16 июня 1994 г. удалось подписать Договор об основах дружественных отношений между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам. В нем провозглашалось, что «со дня вступления в силу настоящего договора прекратит своё действие договор о дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социали-

стических Республик и Социалистической Республикой Вьетнам, подписанный 3 ноября 1978 г. Договаривающиеся стороны будут прилагать усилия к обновлению и совершенствованию ранее заключенных договоров, соглашений и других актов» (ст. 10)[1]. Таким образом, де-юре был положен конец межгосударственным отношениям, построенным на принципах социалистического интернационализма (ст.1 договора от 1978 г.), которые брали на себя обязательство «бороться за дальнейшее укрепление братских отношений, единства и солидарности между социалистическими странами на основе марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма» (ст.4 договора.)[2].

В то же время новой программы долгосрочного сотрудничества договор 1994 г. не содержал. В нем, тем более, не шла речь об установлении между Россией и Вьетнамом отношений стратегического партнерства. Для этого нужно было время, осмысление обеими сторонами новых вызовов и угроз, их добрая политическая воля, расширение зоны совпадающих национальных интересов, готовность двигаться навстречу друг другу и неустанная практическая деятельность на всех направлениях двусторонних отношений.

Таким образом, кардинального поворота в российско-вьетнамских отношениях в 90-е г.г. не произошло. Тем не менее, стороны смогли очертить международно-правовое поле, внутри которого создавалось пространство для построения нового здания двусторонних отношений. В статье 1 договора от 1994 г. провозглашалось намерение «и впредь поддерживать и развивать дружественные отношения, основанные на принципах уважения государственного суверенитета и независимости, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды и других общепризнанных нормах международного права». По существу, тогда речь шла о декларировании отношений на принципах мирного сосуществования.

Заслуга пришедших к власти в самом начале 21-го века высших руководителей России и Вьетнама состоит в том, что они смогли остановить кризис российско-вьетнамских отношений и переломить ситуацию. Им хватило политической воли, чтобы, сообразуясь с новыми международными реалиями, со-

вместными усилиями начать расчищать завалы, образовавшиеся в двусторонних отношениях, строить их новую, продуктивную, рациональную модель. Свою роль сыграли и традиции дружбы между народами двух стран, активная поддержка усилий политического руководства со стороны политического класса, гражданского общества обеих стран.

Думается, наиболее точно об исторической значимости решения этой масштабной задачи сказал сам В.В. Путин на встрече с вьетнамскими выпускниками советских и российских вузов в марте 2001 г. Вот его слова: «Считаю, что сегодняшняя наша встреча глубоко символична. Многие из присутствующих здесь стояли у истоков нашего сотрудничества. Закладывали крепкие традиции союза и дружбы между нашими народами. А представителям более молодого поколения предстоит достойно продолжать эту замечательную эстафету. Надёжно сохранять всё то лучшее, что нас объединяет и сближает. Не растерять и не придать забвению честно заработанный и дорогой ценой доставшийся нам общий позитивный капитал»[3]. В этих словах вся суть новой парадигмы российско-вьетнамских отношений.

У новой модели отношений России и Вьетнама есть ряд существенных особенностей, принципиально выделяющих их из всей системы отношений России с другими государствами Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона.

Во-первых, их отличает высокий уровень доверительности. Для поддержания такого характера отношений создан и совершенствуется механизм регулярных консультаций политического руководства обеих стран. В этот механизм постоянно встраиваются новые звенья и элементы. Эти консультации охватывают самый широкий спектр стратегически важных вопросов.

Во-вторых, развитие этих отношений рассчитано на долгосрочную перспективу, что создает широкие возможности для реализации крупномасштабных, стратегически значимых проектов, позволяет более смело и уверенно маневрировать материальными и финансовыми ресурсами, необходимыми для поддержания высокой динамики и устойчивости развития всего комплекса отношений.

В-третьих, отношения между Россией и Вьетнамом работают, прежде всего, на долгосрочные общенациональные задачи и интересы обеих сторон и, таким образом, создают синергетический эффект. Стратегия российско-вьетнамского стратегического партнерства увязана с долгосрочной стратегией социально-экономического развития двух государств, предусматривающей всестороннюю модернизацию России и Вьетнама, их активное участие в региональной интеграции, и, как результат, упрочение международных позиций в АТР.

В-четвертых, отношения стратегического партнерства двух государств–это отношения, строящиеся на основе невступления в политические союзы или военные блоки, неконфронтационности и ненаправленности против третьих стран.

Поддержание такого характера отношений предполагает взаимное уважение интересов и озабоченностей друг друга, взаимовыгоду, взаимоблагоприятствование, взаимную поддержку, обмен опытом, готовность вести взаимоуважительный диалог.

Новая модель российско-вьетнамских отношений - это долговременное, траспарентное, взаимовыгодное партнерство, целью которого является обеспечение совпадающих или сходных внешнеполитических приоритетов и потребностей социально-экономического развития обеих сторон.

Прошло десять лет со времени, когда отношениям между Россией и Вьетнамом была задана новая парадигма, сделан новый исторический выбор. Закономерно задать вопрос: как далеко за это время две страны продвинулись в реализации курса на стратегическое партнерство.

Пожалуй, наиболее очевиден успех в политической сфере. За последние десять лет изменился сам климат отношений между российскими и вьетнамскими лидерами. Их переговоры приобрели откровенный, доверительный характер. Этот диалог сегодня отличают равноправие и взаимное уважение, твердая нацеленность на неуклонное углубление поступательного развития всестороннего сотрудничества с расчетом на долгосрочную стратегическую перспективу, готовность к поиску взаимоприемлемых договоренностей и развязок по всем возникающим в повседневной практической жизни проблемам.

Ставшие регулярными взаимные государственные визиты руководителей двух стран, как правило, заканчиваются подписанием целого пакета соглашений, каждое из которых дает мощный импульс развитию отношений в той или иной отрасли, по той или иной крупной проблеме на долгие годы вперед. Ценность таких контактов состоит ещё и в том, что они позволяют своевременно преодолевать объективные трудности и препоны, чинимые бюрократией, гарантируя тем самым созидательную направленность и высокий динамизм развития всего комплекса российско-вьетнамского стратегического партнёрства.

Только в 2010г. Российскую Федерацию посетили и имели встречи с российским руководством Генеральный секретарь ЦК КПВ Нонг Дык Мань и Президент СРВ Нгуен Минь Чьет. Чуть ранее, в декабре 2009 г., в Москве с рабочим визитом находился премьер-министр правительства СРВ Нгуен Тан Зунг. Важнейшее значение для российско-вьетнамских отношений стратегического партнерства имели официальный визит в СРВ в октябре 2010 г. Президента Российской Федерации Д.А. Медведева, его насыщенные переговоры с вьетнамским руководством, встречи с вьетнамской общественностью, договоренности и соглашения по вопросам торговли, энергетики, культуры, образования, внешней политики.

Подписание Декларации о стратегическом партнерстве в 2001 г. привело к ускорению процесса формирования и совершенствования новой правовой базы российско-вьетнамских отношений. К началу 2010 г. заключено уже более 50 соглашений, охватывающих различные сферы сотрудничества наших стран[4]. В ходе работы по формированию и упрочению правовой основы отношений, адекватной реалиям современной международной жизни, были созданы необходимые правовые инструменты и механизмы стратегического взаимодействия, отрегулированы вопросы, остававшиеся от «советского периода».

Сегодня российско-вьетнамские отношения не отягощены грузом застарелых, нерешенных проблем. Это, конечно, не отменяет огромную значимость дальнейших усилий по укреплению и совершенствованию договорно-правовой базы отношений дружбы, всестороннего сотрудничества и стратегического

партнерства, чему призваны служить регулярные контакты между Федеральным собранием Российской Федерации и Национальным собранием Социалистической Республики Вьетнам, повышение роли механизмов межпарламентского сотрудничества.

Стратегический диалог приобрел глубоко структурированный, многоуровневый характер. В нем участвуют представители как исполнительных, так и законодательных органов двух государств. Он охватывает широкий диапазон, как двусторонних проблем, так и проблем глобального и регионального характера.

В формате стратегического диалога на плановой основе ведутся регулярные встречи министров иностранных дел двух стран. Главная цель межминистерского диалога состоит в поиске путей активизации и укрепления стратегического партнерства не только по внешнеполитическим вопросам, но и по вопросам двусторонних отношений.

Помимо регулярных и разнообразных по форме контактов между министрами иностранных дел, с 2008 г. действует также механизм консультаций на уровне первых заместителей министров иностранных дел. Для этого формата характерны обмен мнениями по широкому кругу вопросов мировой политики, выработка согласованных подходов к решению актуальных проблем глобального характера, координация действий в рамках подготовки к совместным внешнеполитическим мероприятиям.

Руководствуясь договоренностью, зафиксированной в Декларации о стратегическом партнерстве (п.11), стороны взаимодействуют «в целях повышения эффективности деятельности ООН в решении глобальных проблем и развития международного сотрудничества в политической, экономической, социальной, научно-технической, экологической, гуманитарной и других сферах в соответствии с решениями Саммита тысячелетия ООН и декларацией тысячелетия Организации Объединенных Наций».

Регулярные консультации в формате стратегического диалога подтверждают, что подходы двух стран к важнейшим вопросам мировой политики во многом совпадают. Россия и

Вьетнам последовательно ведут работу по укреплению позитивных тенденций мирового развития, по формированию миропорядка, основанного на справедливости и равноправии, взаимовыгодного сотрудничества между государствами.

Упрочению концептуальных, мировоззренческих основ российско-вьетнамского стратегического партнёрства содействует тот факт, что обе страны твёрдо выступают за построение многополярного мира, против попыток навязывания односторонних подходов к международным делам. Стороны едины в необходимости претворять в жизнь принципы коллективного решения любых кризисных и конфликтных ситуаций. Они исходят из того, что в условиях формирующегося многополярного мира только сообща можно эффективно реагировать на такие угрозы, как опасность распространения оружия массового поражения, международный терроризм, региональные конфликты, организованная преступность, политический и религиозный экстремизм, наркотрафик, пиратство. То же самое относится и к вопросам развития, экологии, дефицита природных ресурсов. Наши страны также тесно сотрудничают и по таким чувствительным проблемам, как права человека, демократия.

Россия и Вьетнама, занимающие важные позиции в системе международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, уделяют приоритетное внимание проблемам обеспечения мира, стабильности и безопасности в АТР. Стороны оказывают взаимную поддержку и координируют свои действия по широкому спектру вопросов, включаемых в повестку дня Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ), форума «Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества» (АТЭС), других многосторонних механизмов сотрудничества.

Наши страны ведут интенсивный и плодотворный диалог по широкому спектру проблем, связанных с ситуацией в Юго-Восточной Азии, в том числе по проблемам региональной безопасности, интеграции, развития, сотрудничества с АСЕАН. В этой связи важно отметить, что само по себе развитие стратегического партнерства России и Вьетнама стало стимулирующим фактором ускорения диалогового партнёрства между Россией и АСЕАН, наполнения его субстанциональным содержанием. Подтверждением тому стала практика проведения сам-

митов Россия–АСЕАН, создание механизма диалогового партнёрства между ними.

Одной из наиболее важных задач в области двусторонних отношений, подчеркивается в Декларации о стратегическом партнерстве 2001 г., стороны считают «наращивание торгово-экономического, научно-технического и инвестиционного сотрудничества на основе всестороннего использования за предшествующие десятилетия потенциала и опыта взаимодействия» (п.4). Какие же количественные и качественные перемены произошли в этих сферах за прошедшие десять лет?

Прогресс, особенно в самые последние годы, налицо, хотя, конечно, в целом наше экономическое сотрудничество с Вьетнамом сильно отстает в сравнении с такими его партнерами, как Китай, США, Япония.

Остановлюсь на проблемах торговли**.** В 2009 г., впервые за годы сотрудничества, товарооборот между Россией и Вьетнамом превысил 1.8 млрд. долл.[5] Это, конечно, успех, особенно, если учесть, что рост проходил в условиях финансово-экономического кризиса, приведшего к значительному падению товарооборота России со странами-членами АСЕАН и другими соседями по Восточной Азии.

Но обольщаться достигнутыми успехами не приходится. Объёмы и качественные характеристики нашей торговли с Вьетнамом пока ещё серьезно отстают от масштабов сотрудничества в политической и других сферах. Не отвечают они и постоянно растущему и по многим параметрам взаимодополняемому экономическому потенциалу наших стран. Напомню в связи с этим, что 28 октября 2008 г. на переговорах в Кремле российский и вьетнамский президенты договорились вести дело к тому, чтобы к 2020 г выйти во взаимной торговле на рубеж 10 млрд. долл., в том числе в 2010г- 3 млрд. долл.[6] Статистические данные по внешней торговле за 2010г. пока не публиковались. Но есть обоснованные сомнения, что российским и вьетнамским партнерам удалось выйти на этот рубеж. А, стало быть, им будет всё более сложно гарантировать успешную реализацию конечной цели, поставленной двумя президентами – 10 млрд. долл. в 2020г.

Что тормозит развитие экономического сотрудничества? За счет реализации каких проектов можно придать ему новую динамику и новое качество? Это, конечно, должно стать предметом специального, большого разговора. Такой разговор, не келейный, внутриведомственный, а открытый и гласный, системный и комплексный, назрел. Парламенты двух стран, российская Государственная дума и Национальное собрание СРВ, могли бы стать, как представляется, наиболее удобной площадкой для такой дискуссии.

Думается, что энергетика в самом широком смысле этого слова, начиная от подготовки высококвалифицированных кадров, создания генерирующих мощностей на основе гидро- и теплоресурсов, нефти и газа, ядерной энергии, других, источников, и вплоть до создания трубопроводов и распределительных сетей, призвана и впредь оставаться «мотором» сотрудничества. В пользу этого говорят возрастающие потребности СРВ в энергоресурсах для поддержания высоких темпов развития экономики, богатый и плодотворный опыт российско-вьетнамского сотрудничества в этой сфере. Во Вьетнаме высказывают удовлетворение высокой эффективностью сотрудничества с Россией в этой сфере. Благодаря содействию нашей страны во Вьетнаме практически с «нуля» была создана вся инфраструктура отрасли. Построены гидро- и теплоэлектростанции общей мощностью более 4000 МВт. Созданное совместными усилиями СП «Вьетсовпетро» является самым крупным донором вьетнамского государственного бюджета, наиболее технологически передовым предприятием вьетнамской экономики, по своей эффективности входящее в первую десятку мира подобного рода предприятий[7].

В свою очередь, начиная с 1986г., когда предприятие добыло первую тонну нефти, российский бюджет получил от его российского участника более 8 млрд. долл. Только в 2009 г. его прибыль составила более 400 млн. долл.[8] Нельзя также скидывать со счетов и перспективность взятого курса на создание совместных энергетических объектов на территории России, а также в третьих странах, в том числе в ЮВА.

Но сегодня очевидна необходимость диверсифицировать российско-вьетнамские экономические связи. Об этом ученые

двух стран говорили на международной конференции, посвященной 60-летию со дня установления дипломатических отношений между СССР и ДРВ, состоявшейся в Ханое в марте 2010 г. Отмечалась, в частности, необходимость преодолеть узость номенклатуры взаимопоставляемых товаров и услуг, резко увеличить в товарообороте удельный вес изделий с высоким уровнем добавленной стоимости, повысить качество взаимопоставляемой продукции. Пока многие товары, поставляемые из Вьетнама в Россию, неконкурентоспособны. Здесь, конечно, сказывается «китайский фактор», особенно в сфере товаров широкого потребления, слабость транспортного «плеча», отсутствие должной стабильности во взаиморасчетах. Вьетнамские коллеги говорили и о несовершенстве законодательства, отсутствии должных страховочных механизмов, двуязычной базы деловой информации, недостатке внимания государства к деятельности бизнеса, прежде всего среднего и малого.

Говорилось и том, что стороны пока слабо используют возможности, заложенные в развитии межрегиональных связей России и Вьетнама, хотя в Декларации о стратегическом партнерстве специально подчеркивалась необходимость «способствовать развитию экономического, научно-технического и культурного сотрудничества между субъектами Российской Федерации и провинциями Социалистической Республики Вьетнам при координирующей роли внешнеполитических ведомств на основе межправительственного соглашения от 11 сентября 2000 года.» (п.7).

В нынешних условиях, когда перед Россией остро стоит задача ускоренного подъема производительных сил Дальнего Востока, особое значение приобретает наращивание сотрудничества вьетнамских провинций с восточной часть России. В этом контексте было бы целесообразно вернуться к идее, высказанной вьетнамским президентом Нгуен Минь Чиетом в беседе с Д.А. Медведевым 27 октября 2008 г, о принятии на уровне правительств программы межрегионального сотрудничества между Дальневосточным регионом и провинциями Вьетнама[9].

Со своей стороны добавлю, что кардинальным образом изменить положение дел в экономическом сотрудничестве вряд

ли удастся без резкого расширения инвестиционного сотрудничества. С этой проблемой наши страны уже сталкивались в «советское время», пусть на иной основе и в иных исторических обстоятельствах. И уже тогда, в восьмидесятые годы прошлого столетия, зародились, теперь можно уверенно сказать, эффективные формы инвестиционного сотрудничества. Среди них - совместные предприятия. Этот опыт следует максимально тиражировать при реализации совместных проектов, которые в соответствии с Декларацией о стратегическом партнерстве, стороны намерены реализовать в электроэнергетике, нефтегазовой, химической промышленности, машиностроении, металлургии, электронике, сельском хозяйстве, связи, а также в других областях, включая машиностроение, судостроение, транспорт, при создании метрополитена в Ханое, Хошимине и других крупных городах Вьетнама.

Причем, не только на территории Вьетнама, но и, в России. И вот почему. Сегодня инвестиционное сотрудничество носит явно несбалансированный характер. Капиталовложения России во Вьетнаме, по данным МИД СРВ на июль 2010 г, составляют 370 млн. долл. Российская сторона реализует во Вьетнаме 59 проектов. Вьетнамские капиталовложения в России составляют порядка 78 млн. долл.[10] Более широкое присутствие в России вьетнамского капитала, особенно в сфере производства, придало бы российско-вьетнамскому экономическому сотрудничеству более устойчивый, взаимовыгодный характер, способствовало бы лучшему пониманию и адаптации партнеров к экономическим и социально-политическим реалиям друг друга. Следовало бы шире использовать и другие организационно-правовые формы, в том числе подрядный метод, поддерживая создание и функционирование предприятий через предоставление им государственных кредитов, налоговых преференций.

Сегодня Вьетнам обладает значительными инвестиционными возможностями. Имеются примеры его успешного инвестиционного присутствия в России. В нашей стране сегодня работает около 300 вьетнамских компаний[11]. Правда, это, главным образом, мелкие предприятия. Основная сфера их деятельности – торговля, пищевая промышленность, производство

строительных материалов. Но здесь намечается определенное движение. В последние годы было осуществлено три крупных инвестиционных проекта: СП по добыче нефти в Ямало-Ненецком автономном округе «Русьвьетпетро», предприятие по производству азотных удобрений в Калмыкии, торгово-культурный центр в Москве[12].

Следует признать, что не все совместно решаемые долгосрочные и масштабные задачи сотрудничества нашли свое отражение в Декларации, подписанной в марте 2001г. Назовем некоторые, наиболее крупные проблемы, которые требуют повышенного внимания к себе со стороны государственных органов двух стран. Речь, в первую очередь, идёт о сотрудничестве в сфере инноваций. Это направление-вопрос не одного года, и даже не одного десятилетия. Как представляется, стороны должны согласовать совместную программу действий в данной сфере. Здесь будет полезно обратиться к историческому опыту, использовать то положительное, что было накоплено в ходе реализации Долгосрочной программы сотрудничества по науке и технике, принятой в ноябре 1983 г.

Предварительный анализ показывает, что по ряду инновационных направлений интересы сторон не просто совпадают. Они в значительной степени переплетаются. Речь идет, например, о возможности серьезного расширения сотрудничества в создании новых материалов, в сфере биотехнологий, информационных технологий, в мирном исследовании атома, космического пространства. Важно придать проводимым работам больший масштаб и обеспечить прагматическую направленность.

Сегодня, когда наши страны вступили на путь глубокой модернизации, когда решаются задачи их превращения в передовые государства, гражданам которых обеспечен высокий уровень и достойное качество жизни, а нашим странам прочные конкурентоспособные позиции в мире, роль взаимовыгодного сотрудничества в области науки и инноваций возрастает стократно. Без инновационного рывка трудно рассчитывать на значительное расширение масштабов сотрудничества и удержание конкурентоспособных позиций.

Для этого наши государства имеют немалый креативный, организационный, кадровый потенциал. Россия и Вьетнам наработали блестящие образцы высокой эффективности научно-технического сотрудничества. В качестве примера назову лишь российско-вьетнамский Тропический центр. На его базе решается важнейшая технологическая проблема – тропикализация российской техники и материалов, идущих на экспорт в страны с тропическим климатом. В Центре проводятся уникальные исследования в области изучения тропических экологических систем и их биоразнообразия, экологических и медицинских последствий химической войны США во Вьетнаме. В работе Центра принимают участие несколько тысяч российских и вьетнамских специалистов, включая академиков и членов-корреспондентов РАН и РАМН, докторов и кандидатов наук. Ими сделаны открытия мирового уровня[13].

Вьетнам традиционно ориентировался на сотрудничество с наукой и высшим образованием нашей страны. Для СРВ в российских вузах подготовлено около 52 тысяч специалистов с высшим образованием, несколько тысяч кандидатов и докторов наук практически по всем отраслям экономики, науки, техники[14]. Эти люди владеют ситуацией в российской науке, хорошо знают её огромный потенциал. Так что «стыковочный механизм» в практическом плане здесь уже создан. В новых экономических условиях нужно побольше предприимчивости, регулируемой законом, участия в инновационном процессе не только государства, но и частного бизнеса. Стало быть, правительства двух стран должны выработать стимулы, которые способны заинтересовать бизнес в решении важнейшей государственной задачи, какой является придание экономике инновационного характера. Немаловажное значение имеет укрепление режима защиты интеллектуальной собственности, в том числе авторских и смежных прав.

Отдельно следует сказать о сотрудничестве наших обществоведов, специалистов в области экономики, права, информатики, политологии, социологии, международных отношений. В последние годы сотрудничество в этой сфере оживилось. Стали проводиться совместные конференции и научные встречи по наиболее актуальным проблемам российско-вьетнамских от-

ношений. Выпущен ряд совместных монографий по проблемам Юго-Восточной и Восточной Азии, по истории международных отношений. Ведутся совместные исследования по филологии, демографическим, миграционным процессам.

В условиях динамичного подъема российско-вьетнамского стратегического партнерства, появления всё новых сфер и программ взаимодействия потребности в опережающем создании и развитии современной научно-выверенной информационной платформы, в оперативном и планомерном появлении фундаментальных научных исследований и прогнозов с высоким социальным и экономическим эффектом, будут только возрастать. И, следовательно, должны возрастать масштабы сотрудничества обществоведов двух стран, повышаться качество совместных исследований, их ориентированность на практические потребности, появляться новые, гибкие организационные формы совместной работы, укрепляться финансовые основы сотрудничества.

Повышенное внимание целесообразно уделить своевременному научному обеспечению сравнительно новых для российско-вьетнамского сотрудничества направлений и проектов, как глобального характера, так из сферы двусторонних отношений. Речь идет, в частности, о ядерной энергетике, космической, авиационной областях, информационных технологиях, защите и улучшении состояния окружающей среды, живых ресурсов Мирового океана, защите редких видов флоры и фауны, предупреждении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и ликвидации их последствий. Совместные исследования нужны и по проблемам безопасности, в том числе по проблемам информационной безопасности, борьбы с терроризмом, экстремизмом, организованной преступностью.

В начале любых научных и бизнес - проектов стоит образование. Эта очевидная истина всегда служила одним из фундаментальных опор советско-вьетнамского, а затем российско-вьетнамского сотрудничества. Одна из причин сегодняшних высоких темпов экономического развития Вьетнама кроется в том, что под развитие всех ведущих отраслей экономики вьетнамскому правительству главным образом при советском со-

действии удалось своевременно создать необходимый «костяк» опытных, высоко квалифицированных специалистов.

Вьетнам и сегодня занимает одно из ведущих мест по количеству своих граждан, обучающихся в России. Постоянно увеличивается число вьетнамских студентов, аспирантов, стажеров, научно-педагогических работников, направляемых в нашу страну. Всего в настоящее время в России обучаются свыше 5 тысяч вьетнамских граждан[15].

Представляется, что для обеспечения даже только перечисленных выше направлений сотрудничества количество вьетнамских специалистов, проходящих подготовку в российских вузах, должно быть увеличено как минимум в два-три раза. А на направлениях сотрудничества, обеспечивающих его инновационный трек, это увеличение должно быть еще больше.

Еще одна тема долгосрочного, стратегического характера. Речь идет о сотрудничестве в сфере миграции**.** Кстати, эта тема и согласованные двумя государствами подходы к ней также не были зафиксированы в 2001 г. в Декларации о стратегическом партнёрстве, хотя масштабы сотрудничества в этой сфере внушительны. «Закрывать глаза» на существующие здесь проблемы было бы легкомысленно. Как показывает опыт США и Западной Европы, в ряде случаев при недостаточном внимании или не вполне адекватном подходе государства к проблеме она может стать источником не только серьезных трений между странами, но и приводить к серьезным социальным кризисам и вспышкам насилия внутри самих государств.

В 2010 г. число вьетнамских граждан, по разным причинам находящихся в России, составляло, по данным МИД СРВ, 60-80 тысяч человек[16]. В последние несколько лет миграционные службы и органы внутренних дел России и Вьетнама проделали большую работу по укреплению законодательной базы миграционных процессов. Подписание в октябре 2008 г двусторонних соглашений, регулирующих российско-вьетнамские отношения в сфере борьбы с незаконной миграцией, по вопросам реадмиссии, а также временной трудовой деятельности граждан обеих стран, привело к существенному оздоровлению ситуации в сфере миграционных процессов.

Тем не менее, остается ряд вопросов, требующих повышенного внимания со стороны государственных органов и организаций гражданского общества. Речь идет о совершенствовании политики социально-культурной адаптации трудовых мигрантов. Сложность проблемы, как представляется, связана с отсутствием заинтересованности работодателей, вкладывать ресурсы в решение проблемы. Из бесед с мигрантами и работодателями складывается впечатление, что без принятия законодательных актов, регулирующих вопросы языковой адаптации, предусматривающих не только стимулирование мигрантов и их работодателей, но и некоторые обязательные предписания на этот счёт, здесь, видимо, не обойтись.

В целом же главная задача состоит в повышении качества государственного управления миграционными в его обеспечении большего соответствия демографической ситуации, требованиям социально-экономического развития наших стран, ситуации в отдельных регионах. Речь, в частности, идет о наращивании сотрудничества Вьетнама в сфере трудовых ресурсов с дальневосточными регионами России, о более широком привлечении квалифицированной вьетнамской рабочей силы на строительные и производственные объекты Хабаровска, Владивостока, Благовещенска, Иркутска, Сахалина.

Прогнозы указывают, что произошедшее в период мирового экономического кризиса сокращение приема иностранных рабочих закончится, как только возобновится рост российской экономики. В миграционном сотрудничестве появятся новые моменты. Новые законодательные и управленческие инструменты нужны будут, в частности, в отношении мигрантов, длительное время проживающих в России. Потребуется усиление правового регулирования условий въезда и проживания высококвалифицированных рабочих, специалистов, занятых в совместных предприятиях, подрядных организациях. Искать правовое решение этих вопросов требуется уже сегодня.

Наращивание экономического сотрудничества можно обеспечить лишь на базе усиления внимания к его инфраструктурной составляющей, решения проблем транспорта, связи, логистики, информационных коммуникаций, укрепления его финансово-банковской, страховой, арбитражной компоненты,

расширения возможностей взаимного кредитования, активизации рекламно-выставочной деятельности, обеспечения субъектов экономической деятельности двуязычной, вьетнамо-русской оперативной, деловой информацией, прежде всего в цифровом формате. Пока недостаточная развитость инфраструктуры продолжает весьма негативно сказываться на масштабах и экономической эффективности сотрудничества, ведет к снижению его эффективности.

В последние годы стороны предприняли определенные меры по совершенствованию и упрощению банковских взаиморасчетов, в том числе и прямых взаиморасчетов между банками двух стран, улучшению качества финансовых услуг. Реализации российско-вьетнамских проектов в сфере добычи нефти и газа, энергетики, металлургии, химии, других отраслей промышленности, транспорта, торговли, связи, сельского хозяйства финансовое содействие призвано оказать создание в 2006 г. совместного российско-вьетнамского Банка, соучредителями которого стали со стороны России ВТБ, а со стороны СРВ – «Банк инвестиций и развития Вьетнама»[17].

Специальный разговор должен также состояться о налаживании обмена информацией между деловыми партнёрами, о создании и поддержании единой двуязычной платформы оперативной деловой и общественно-политической информации. Пока хозяйствующие субъекты сторон слабо знают потребности, возможности и потенциал друг друга, не владеют в должной мере правовой базой, регулирующей предпринимательскую деятельность. Меры, предпринимаемые на данном направлении, носят кустарный, а нередко, непрофессиональный характер. Не в этом ли кроится одна из причин, почему малый и средний бизнес двух стран пока проявляет слабую активность на рынках двух стран? Ведь сам по себе он не в состоянии создать достаточно мощную информационную платформу. Здесь большой пласт работы. Без налаживания партнерства между государством и бизнесом, объединения усилий, в том числе и финансовых, эту проблему не решить. А без этого сложно рассчитывать на новую динамику делового сотрудничества.

Важная, характерная особенность российско-вьетнамского стратегического партнерства, берущая своё начало еще в пери-

од войны Вьетнама против агрессии США, состоит в высоком уровне многоплановых связей в сфере обороны и безопасности. Опираясь на помощь и поддержку Советского Союза, Демократическая Республика Вьетнам, в шестидесятые-семидесятые годы прошлого столетия смогла создать одну из наиболее современных, хорошо вооруженных и боеспособных армий мира.

ВНА и сегодня является надежным гарантом независимости и суверенитета единого Вьетнама. А Россия остаётся крупнейшим партнером СРВ в оборонной и в военно-технической сферах. Эта особенность российско-вьетнамского сотрудничества зафиксирована в Декларации о стратегическом партнерстве между нашими странами. В ней на этот счет говорится: «Стороны будут укреплять сотрудничество в оборонной сфере в интересах безопасности России и Вьетнама. Это сотрудничество не направлено против третьих стран» (п.8).

Сегодня стороны активно сотрудничают в укреплении военного потенциала СРВ, модернизации Вооруженных Сил и сил безопасности Вьетнама, в их оснащении необходимыми новейшими техническими средствами и вооружением.

Военно-техническое сотрудничество строится на взаимовыгодной и долгосрочной основе. В октябре 2008 г. во время визита в Россию вьетнамского президента Нгуен Минь Чиета был подписан межправительственный меморандум о стратегии военно-технического сотрудничества на период до 2020года. г. Характерной чертой сотрудничества является устойчивый рост объемов закупок Вьетнамом российской продукции военного назначения, включая танки, бронированные машины, артсистемы, средства ПВО. Так, если в 2008 г. объем подписанных российско-вьетнамских контрактов превысил 1 млрд. долл., то в 2009 г. – 3,5 млрд. долл., а в первом квартале 2010 г. – более 1 млрд. долл. Подписаны контракты на поставку вооружений для ВВС, ПВО и военно-морских сил Вьетнама. Возобновлен заход российских военных судов в порты СРВ. Осуществляется подготовка вьетнамских военных специалистов в военных вузах России. Прорабатываются вопросы поставки запчастей, ремонта вооружений и военной техники советского производства, создания соответствующих ремонтных предприятий во Вьетнаме, повышения технологического уровня поставляемой в

СРВ наукоемкой продукции, создания во Вьетнаме новых военных производств. Идет работа над соглашениями о сотрудничестве в военно-технической сфере на период до 2020 г. Большая координирующая и организационная роль по всем этим направлениям принадлежит созданной в 1999 г. Межправительственной комиссии по военно-техническому сотрудничеству[18].

В целом, как считают эксперты, по своим масштабам и качественным характеристикам российско-вьетнамское стратегическое партнерство в военно-технической сфере вышло на одно из лидирующих мест в АТР. Достигнутый уровень стратегического партнерства в военной и военно-технической сфере – это один из важнейших факторов поддержания высокого уровня доверительности в политической сфере

В Декларации о стратегическом партнёрстве, принятой в марте 2001 г., зафиксирована также договоренность сторон «расширять сотрудничество и обмены между общественно-политическими организациями двух стран, в том числе по линии обществ российско-вьетнамской и вьетнамо-российской дружбы» (п.3). Представляется, что эта договорённость имеет принципиальное значение. Нельзя допускать, чтобы все двусторонние связи двух стран сводились лишь к чиновничьим контактам. Имеется не мало примеров, когда «обюрокрачивание», «окостенелость» связей ведет прямо-таки к парадоксальным ситуациям, а порою и к откровенным ошибкам. Важно, чтобы чиновничий аппарат находился под неусыпным контролем со стороны парламентов, средств массовой информации, обществ дружбы, других общественных объединений и организаций.

Интенсивное развитие сотрудничества в гуманитарной сфере имеет важное значение для углубления взаимного политического доверия, укрепления социальной базы российско-вьетнамских отношений стратегического партнерства. Между тем, эта сфера оказалась среди тех направлений сотрудничества, которые наиболее сильно пострадали в 90-е годы. Их восстановление находится, строго говоря, на начальном этапе. Для реализации имеющихся проектов не хватает финансовых ресурсов. Сказываются отсутствие должного опыта работы в ры-

ночных условиях, резко возросшая международная конкуренция. Однако эти проблемы не снимают всей актуальности работы по обеспечению духовного сближения двух народов, расширения их связей в сфере культуры.

Благоприятным фактором для этой работы является тот факт, что потрясения 90-х гг. прошлого столетия не привели к возникновению вьетнамских антирусских и русских антивьетнамских фобий. Во Вьетнаме и сегодня неизменным успехом пользуются выступления российских балетных трупп, симфонических оркестров, художественных коллективов различных жанров. Особа популярна русская и советская песня, особенно времен Великой отечественной войны. В последние годы наметилось оживление контактов по линии министерств культуры. На взаимной основе проводятся фестивали культуры. Реализуются совместные культурные проекты, в том числе в области телевидения, кинематографа.

В обмены вовлекается широкая общественность двух стран. Важную работу по укреплению дружбы между нашими народами проводят Общество Российско-вьетнамской дружбы и Общество вьетнамо-российской дружбы. Их деятельность пользуется признанием и поддержкой со стороны политического руководства России и Вьетнама, о чём говорит, в том числе, и недавнее награждение активистов обществ государственными наградами двух стран.

Ширится изучение русского языка во Вьетнаме и вьетнамского языка в России. По данным российсского МИДа в настоящее время во Вьетнаме русским языком владеет более 550 тысяч человек[19]. В стране укоренились симпатии и интерес к русской культуре, русскому языку. Об этом ярко говорил Генеральный секретарь ЦК КПВ Нонг Дык Мань при вручении ему медали А.С. Пушкина во время встречи 9 июля с.г. в Кремле с российским Президентом Д.А. Медведевым.

В условиях нарастающего сближения наших стран предстоит усилить правовую, финансовую, организационную поддержку процессам духовного сближения двух народов. Думается, эти процессы должны идти не только по линии активизации сотрудничества соответствующих государственных органов и институтов, но и спонсироваться российским и вьетнамским

бизнесом, поддерживаться авторитетными представителями культуры и науки, видными публичными политиками, общественными деятелями обеих стран.

Следует отдать должное руководителям Вьетнама, которые многое делали и делают, чтобы сохранить в сознании вьетнамского народа образ Советского Союза и России как дружественной страны. Благодаря этому в СРВ хорошо знают, что Россия – единственная из всех великих держав, которая на протяжении всей истории освободительной борьбы вьетнамского народа несла ему не кровь и угнетение, а всестороннюю поддержку в его стремлении к прогрессу и развитию. Вьетнамцы высоко ценят роль победы Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. в деле освобождения Вьетнама от почти столетнего колониального ига. С особой признательностью они говорят о помощи СССР в отражении американской агрессии, в экономическом строительстве СРВ в послевоенный период. Во Вьетнаме не рушат, а бережно сохраняют и создают новые памятники-свидетельства советско-российско-вьетнамской дружбы.

Особо важная роль в популяризации знаний о наших странах, их богатой культуре, истории, традициях принадлежит средствам массовой информации. Чем больше народы наших стран будут знать друг о друге, о богатых и разнообразных традициях, древней культуре, истории двух стран, их современной социально-экономической жизни, тем легче им будет сотрудничать в различных областях, тем глубже будет взаимопонимание и крепче дружба. Недостаток такого рода знаний наиболее остро ощущается среди молодёжи наших стран. Молодым российским журналистам, работающим на вьетнамской ниве, есть на кого равняться. Вьетнамская тема дала России целую плеяду блестящих, талантливых журналистов-международников, составляющих гордость страны. Они сыграли огромную роль в укреплении дружбы между нашими народами, в увековечении подвига Вьетнама.

Подводя итоги сказанному, можно заключить, что в первом десятилетии 21-го века сформировалась новая, весьма продуктивная и устойчивая модель российско-вьетнамских отношений, получившая название «стратегическое партнерство».

Конечно, она требует своего дальнейшего развития и совершенствования. Но самое ценное в ней – это то, что она – не плод чиновничьих «прожектов» или художественного мастерства журналистов. Она рождена самой жизнью. Это вполне ощутимый, проверенный на практике результат целенаправленной работы обеих сторон. Стратегическое партнерство- это концентрированное выражение действенности политической воли двух государств, направленной на упрочение и наращивание в новых исторических условиях, на новой политической, экономической и правовой основе мощного потенциала дружбы и сотрудничества, созданного нелегкими трудами многих поколений вьетнамцев и россиян.

Эта модель политически открытая и прозрачная. Она обеспечивает стабильный, предсказуемый характер межгосударственных отношений, поступательную динамику сотрудничества. Она обладает надежным запасом прочности, позволяет успешно решать даже самые непростые задачи в быстро меняющихся обстоятельствах. Время подтвердило её адекватность реалиям современной эпохи, специфике переживаемого нашими странами этапа развития.

Основанные на взаимном понимании и тщательном учете национальных интересов друг друга, отношения стратегического партнерства между нашими странами приобретают всё большую динамику. Они играют действенную роль в системе международных отношений в Юго-Восточной Азии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. За этими отношениями - будущее. И это, в конечном счете, главное.

---

[1] Это незабываемое слово «Льенсо», М. 2006 г. С.408.

[2] Там же, стр. 403.

[3] «Нян Зан», 2001 г, 2 марта.

[4] htpp:|/www.mofa.gov.vn/vi/cn

[5] Там же.

[6] ВВП. Москва.2008.№10 С.18-19

[7] Российско-вьетнамские отношения: проблемы и перспективы. М., 2006.С.46.

[8] Взгляд. Ру, 2010 г., 9 июля.

[9] Российская Федерация сегодня. М.2008 г. №21.

[10] www.mid.ru
[11] Российская Бизнес-газета. 2010 г., №766, 7 сентября.
[12] Там же.
[13] www.mid.ru
[14] «Нян Зан», 2010 г.,31 января.
[15] Там же.
[16] htpp:/|/www.mofa.gov.vn/vi/cn
[17] «Энергия успеха», 2008 г., №13.
[18] «Независимая», 2010 г., 24 марта.
[19] www.mid.ru

© ***Соколов А.А.***
ИВ РАН

СОВРЕМЕННОЕ ВЬЕТНАМСКОЕ КИНО: СОБЫТИЯ И ТЕНДЕНЦИИ

Наступивший 2010 год отмечен важными для вьетнамской кинематографии событиями. В их числе – награждение лучших фильмов премиями «Золотой бумажный змей» (своеобразными национальными «Оскарами»), конференция о проблемах интеграции вьетнамского кинематографа в мировое киносообщество, Международный кинофестиваль спортивных и туристических фильмов и очередной, VII съезд кинематографистов Вьетнама. Все эти по своей сути сугубо профессиональные мероприятия не только наглядно продемонстрировали нынешние достижения современного вьетнамского кинематографа, определили состояние и основные тенденции творческого процесса, но также ознаменовали завершение определённого этапа в развитии этой сферы национальной культуры.

Несомненным фаворитом минувшего года стал фильм «Опалённые страницы», удостоенный многочисленных наград на различных кинофестивалях. Его снял известный вьетнамский режиссер Данг Нят Минь, автор уже многих ставших национальной киноклассикой лент и лауреат Премии Хо Ши Мина. В основу его новой картины были положены дневники героически погибшей в годы войны против американской агрессии молодой женщины врача Данг Тхюи Чанг. Присуждение главного вьетнамского «Оскара» этому фильму ещё раз подтвердило неизменную приверженность вьетнамского искусства в целом и кинематографа в особенности патриотическим идеалам, стремление сохранить память о славном прошлом своей страны.

Лауреатами вьетнамских «Оскаров» также стали психологическая мелодрама «По воле волн» и комедия «Двухнедельный отпуск», которые, в свою очередь, подтвердили, что коммерческое, развлекательное направление набирает всё большое распространение во вьетнамском кино, чему в немалой степени способствует деятельность частных компаний, вступивших в

реальную конкуренцию с государственными киностудиями. Показательный факт: на смотр жюри «Золотого бумажного змея» были представлены 4 картины, снятые именно частными компаниями.

1. Общая ситуация в киноотрасли

В настоящее время кинопроизводство в СРВ осуществляется как государственными, так и частными киностудиями. Государственная «часть» представлена расположенными в Ханое Киностудией художественных фильмов «Вьетнам», Центральной студией хроникально-документальных фильмов, Киностудией Народной армии, Студией анимационных фильмов и Объединенной киностудией «Освобождение» в г. Хошимине[1]. Все они сегодня существуют главным образом на бюджетные деньги, а не на доходы от выпущенных ими фильмов, которые минимальны и практически полностью уходят на зарплату сотрудникам[2]. Из-за нехватки средств работа над картинами часто затягивается на многие годы[3].

Ежегодно государственными киностудиями Вьетнама производится около 10 художественных, 20 документальных и 10 анимационных фильмов. С таким количеством фильмов весьма сложно интегрироваться в мировой кинорынок, что признают и сами кинематографисты СРВ[4]. Вьетнамские ленты участвуют в международных киносмотрах, как правило, периферийных и региональных. Правда, в этом году вьетнамская художественная лента «Не бойся, Би» была официально приглашена в Программу «Неделя критики» на Каннском кинофестивале и даже была отмечена двумя премиями. Долгожданная победа на таком престижном форуме стала большим и вдохновляющим событием для кинематографистов страны. Но пока это только единичный пример, а для реального присутствия в мире вьетнамским кинематографистам надо увеличивать число фильмов и повышать их качество.

Снятые отечественные фильмы нередко имеют весьма скромную прокатную судьбу, так как современный вьетнамский зритель предпочитает им зарубежные фильмы или коммерческие ленты, снятые в СРВ на частных киностудиях.

Основная тематика вьетнамских фильмов, снимаемых на государственных киностудиях, – военная. О сражениях на фронте и жизни тыла вьетнамские кинематографисты сняли много лент и разрабатывают эту тему давно, поэтому этим картинам сегодня уже приходится бороться за зрителя. У них хорошее финансирование, однако художественный результат и зрительский успех часто оказываются весьма скромными. Немало художественных картин о войне, снятых по государственному заказу, очень быстро были забыты зрителями. Надо признать, что их короткая судьба в немалой степени была предопределена и слабой работой отечественного кинопроката. Тем не менее появляются и успешные картины, такие как, например, уже упоминавшая лента «Опалённые страницы». И всё-таки тема освободительной войны против французских колонизаторов и американских агрессоров была и будет главной для вьетнамского национального киноискусства, поскольку именно тогда была завоёвана свобода и независимость для сегодня живущих поколений вьетнамцев. Было бы странно, если бы вьетнамцы узнавали историю своей героической борьбы из американских боевиков. Очевидно, что проблема не только в содержании картины, но и в том, как она снята, как связана с современностью, какие технические средства и какой киноязык использовали её создатели.

В последние годы всё более распространённой становится практика коопродукции – создания совместных фильмов с зарубежными странами (в том числе и при финансовой поддержке международных киноорганизаций, различных фондов), а также оказание услуг иностранным киногруппам. Наиболее успешными примерами такого сотрудничества стали картины «Тихий американец», «Эхо далёких времен», «Сезон выпаса буйволов» и другие.

Документальные фильмы в СРВ выпускают Центральная студия хроникально-документальных фильмов и Объединённая киностудия «Освобождение», их создание полностью финансируются из госбюджета. При этом большинство картин фактически не выходят в широкий прокат: их показывают приёмной комиссии и изредка на телевидении[5]. Есть, конечно, и успехи, правда, немногочисленные, премиями на национальных и меж-

дународных кинофестивалях были отмечены документальные ленты «Звуки скрипки в Милае», «Жизнь в заповеднике Кукфыонг» и др.

В СРВ сегодня действует только одна студия анимационных фильмов. И как грустно пошутил один вьетнамский кинокритик, уже много лет отечественная анимация соревнуется сама с собой. Даже те картины, которые получили на родине положительные отклики критики и зрителей, не выдерживают конкуренции на региональном уровне, не говоря уже о международном. Уже несколько десятилетий (!) вьетнамские анимационные фильмы не получали наград на международных киносмотрах. Среди причин такого отставания вьетнамского анимационного кино – устаревшие художественные приёмы и архаичная дидактика, с трудом воспринимаемая современным молодым поколением, и, конечно, ограниченные технические возможности. Определённые надежды у вьетнамской анимации связаны с телевидением, которое, бурно развиваясь, всё больше и больше востребует этот вид кинематографического искусства.

2. Кинопрокат и кинофикация

Согласно оценке вьетнамских специалистов, нынешняя ситуация в киноотрасли – весьма сложная, что обусловлено слабостью производства и проката отечественных фильмов. Об этом достаточно откровенно сказал начальник Киноуправления СРВ Лай Ван Шинь: «Затраты на производство отечественных фильмов велики, тогда как на покупку одного зарубежного художественного фильма тратится несколько десятков тысяч долларов, что привело к созданию неравных условий между кинопроизводством и кинопрокатом. Эта ситуация осложнилась после вступления Вьетнама в ВТО, так как теперь надо выполнять определенные правила по регистрации импортируемых фильмов.

Помочь национальному кинематографу сегодня мог бы контроль за долей иностранных фильмов во всей системе кинотеатров и на телевидении страны. Но самый лучший способ сократить количество зарубежных фильмов в прокате – выпускать хорошие, качественные вьетнамские картины»[6].

Ежегодно в СРВ импортируется от 100 до 150 художественных картин. При этом вьетнамские фильмы в репертуаре кинотеатрах составляют менее 10%, тогда как эта цифра, по мнению специалистов, должна быть увеличена хотя бы вдвое[7]. Это – трудная задача, в кинопрокате по-прежнему существует сильный разрыв между отечественными и зарубежными фильмами. Ситуацию усугубляет слабая кинофикация страны: кинотеатров – особенно современных – не хватает даже в крупных городах страны, не говоря уже об уездных центрах. А ведь за счет их увеличения мог бы значительно вырасти внутренний кинорынок и – соответственно – производство отечественных фильмов.

Финансовое благополучие отрасли во многом зависит от работы кинофикации, то есть от кинотеатров, в которых реализуются входные билеты. Согласно данным вьетнамской прессы, эффективно работают только кинотеатры в Хошимине и в Ханое, во всех остальных городах и провинциях страны кинопрокат не приносит прибыли и даже убыточен[8]. После вступления в силу 1 января 2007 г. Закона о кино ситуация в этой отрасли стала меняться, в том числе и в кинопрокате. Недавно созданные частные компании, помимо производства фильмов, также занимаются закупкой и прокатом зарубежных картин. Если раньше монопольным правом на экспорт и импорт зарубежных фильмов владела государственная компания Fafim (до 60-70% проката зарубежных на вьетнамском рынке[9]), то теперь её доля в этой сфере существенно сократилась, возникла реальная конкуренция со стороны частных компаний. Сегодня одним из основных направлений развития вьетнамского национального кинематографа является кинофикация: без кинотеатров нет фильмов, отсюда прямая связь с производством и импортом фильмов.

В настоящее время в СРВ нет регламентирующего документа, согласно которому отечественные картины после их официального выпуска должны в обязательном порядке демонстрироваться в кинотеатрах страны. В результате, прокат вьетнамских фильмов, выпущенных на государственных киностудиях, фактически был пущен на самотёк. Обычно вьетнамские фильмы показывают в дни официальных праздников или по

случаю каких-то памятных дат, а поклонники национального кино всегда могут их посмотреть в Национальном киноцентре в Ханое.

Постепенно ситуация с прокатом отечественных фильмов начала меняться в лучшую сторону, и такие надежды связаны с совершенствованием работа кинопроката, строительством новых кинотеатров в крупных городах страны. Теперь в Ханое, Хошимине, популярных туристических центрах вьетнамцы могут смотреть зарубежные киноновинки одновременно со зрителями многих других стран.

Создание современных кинотеатров во Вьетнаме – стратегическое направление вьетнамского кинобизнеса, ведь сегодня в стране насчитывается чуть более 50 кинотеатров[10]. При этом заметим, что население страны уже приближается к 90 млн. человек.

В настоящее время в СРВ функционирует система Cineplex – результат сотрудничества компании MegaStar Media и Генеральной компании по культуре Phuong Nam. Это – 8 комфортабельных кинозалов, оснащенных современной техникой. Именно в таких кинотеатрах демонстрировался американский блокбастер «Аватар» в формате 3D, который, по данным вьетнамской прессы, стал чемпионом по кассовым сборам за всю историю национальной киноотрасли – 2 млн. долларов за три месяца проката[11]. Успех этой картины вдохновил режиссера Ле Бао Чунга, автора успешной коммерческой комедии «Родить по заказу», приступить к съемкам первого вьетнамского триллера в формате 3D «Покушение на призрак». Для овладения этой новой технологией он прошёл обучение на краткосрочных режиссёрских курсах в Гонконге[12].

Владельцы кинотеатров стараются активно использовать современную технику, чтобы удовлетворять запросы кинозрителей. В Ханое действует современный кинокомплекс Vincom, принадлежащий компании MegaStar, а в Хошимине – кинотеатр Diamond, принадлежащий частной компании Thien ngan. На вьетнамский рынок вышла и другая крупная фирма Galaxy Media, создавшая сеть компактных кинозалов, главным образом в г. Хошимине. Их фактическим владельцем является компания Thien ngan. Недавно свой собственный кинотеатр открыла ки-

ностудия «Освобождение» (г. Хошимин), подобный проект сейчас прорабатывается на Ханойской киностудии художественных фильмов «Вьетнам». По данным прессы, известная американская компании Warner Brothers изучает ситуацию во Вьетнаме с целью открытия сети современных кинотеатров в сотрудничестве с компанией Thien ngan[13].

3. Основные тенденции в современном вьетнамском кинематографе

Вьетнамская пресса неоднократно отмечала, что национальная кинематография – особенно производство фильмов всех жанров – может существовать и развиваться прежде всего при активной государственной поддержке[14]. Следует отметить, что последние годы правительство СРВ последовательно проводит курс на увеличение инвестиций в эту отрасль, реализацию различных проектов и программ по социализации кино. Всё более активно действует недавно принятый Закон о кино, который, однако, уже нуждается в определённых поправках и дополнениях, чтобы оперативно реагировать на требования сегодняшнего дня.

Благодаря этим и другим мерам вьетнамское кино стало меняться, «проснувшись после долгой спячки»[15]. И первые результаты налицо: в массовом порядке стали создаваться частные киностудии, возросло количество выпускаемых фильмов. На вьетнамском кинорынке появилась конкуренция, он стал более динамичным, а это хороший знак и для всей отрасли, и для кинематографистов. Стали более чётко оформляться основные тенденции дальнейшего развития национального кинематографа.

В начале 2000-х годов во вьетнамском кино начинают появляться картины развлекательного жанра, ориентированные на массовую аудиторию. Одним из родоначальников коммерческого направления во вьетнамском кино стал режиссер Ле Хоанг, снявший в 2003 году мелодраму «Девушка из бара», которая, несомненно, создавалась под впечатлением автора от картины российского режиссера Петра Тодоровского «Интердевочка», имевшей большой успех во Вьетнаме. Своим содержанием фильм Ле Хоанга резко контрастировал всему предыду-

щему вьетнамскому художественному кино остротой показанных социальных проблем, чёткой гражданской позицией и искренним человеческим сочувствием к своим маргинальным героям. Фильм «Девушка из бара» стал самым кассовым вьетнамским фильмом за все предшествующие годы: только в первый месяц показа картины кассовые сборы составили 1,2 млрд. донгов, тогда как популярный американский фильм собрал тогда около 700 млн. донгов.

Картина Ле Хоанга совершила подлинную революцию, заставив вьетнамских зрителей вернуться в кинозалы именно тогда, когда они стали терять интерес к отечественному кино. Более того, она открыла дорогу национальному коммерческому кинематографу. Вьетнамские режиссеры стали активно снимать ленты развлекательного жанра – мелодрамы и комедии, в которых играли популярные артисты, а действие происходило в модных интерьерах или на фоне красивых пейзажей. Такие картины особенно нравятся молодежи, которая во Вьетнаме, как и повсюду в мире, составляет основную часть кинозрителей. Хотя их авторы и заявляли, что «стремились обращаться к различным проблемам современного вьетнамского общества», такие картины уже отличались от фильма Ле Хоанга. Постепенно нивелировался и социальный контекст, столь важный для отображения жизни вьетнамцев в период утверждения рыночных отношений в стране. Документальность и тщательная психологическая проработка образов героев уступили место простой фиксации событий и доминированию клипового стиля. Современный вьетнамский зритель хотел смотреть картины, не отягощённые серьёзным социальным смыслом, ему нужны были легкие, развлекательные, коммерчески успешные фильмы. И они довольно скоро появились – «Девушки с длинными ногами», «Родить по заказу», «Атаманша», «Золушка с нашей улицы» и другие. О содержании этих картин можно судить уже по названиям, их выходу в прокат всегда сопутствует шумная реклама, которая и является главным фактором продвижения на рынке таких кинопроизведений.

Как отмечала вьетнамская кинокритика, авторы этих картин, составивших целое направление нового вьетнамского коммерческого кино, своим главным творческим кредо «сдела-

ли охоту на зрителя и кассовый успех»[16]. Поэтому эти фильмы изобилуют многочисленными техническими трюками, эпизодами драк, эротическими сценами. Основная ставка делается на молодых и красивых артистов, поэтому сегодня во вьетнамском кино активно снимаются популярные эстрадные певцы, победительницы конкурсов красоты, фотомодели. Своими яркими нарядами и стилем жизни они старательно копируют зарубежных кинозвезд, прежде всего Южной Кореи. В результате на экраны СРВ выходят весьма средние коммерческие фильмы, вторичные по своим художественным достижениям, но привлекательные для массового, как правило, с невысокими эстетическими запросами зрителя. Определённый вклад в развитие развлекательного коммерческого кино сделали и кинематографисты вьетнамского зарубежья, о чём будет сказано ниже.

Сегодня во вьетнамском кинематографе нет очевидного мейнстрима, при этом в нём представлены все основные направления и тенденции, включая государственное, коммерческое и авторское (или арт-хаусное) кино. Примером последнего могут служить такие фильмы, как «История Пао» (реж. Нго Куанг Хай) и «Жизнь в страхе» (реж. Буй Тхак Тюен), показанные на различных международных кинофестивалях и снискавших признание критики и зрителей.

Фильм «История Пао» рассказывает о молодой девушке из народности хмонг, у которой две матери – родная и приёмная. Родная мать бросила Пао и её брата ещё в младенчестве, и они воспитывались в чужой семье. После конфликта со своими родственниками девушка покидает дом и отправляется искать свою настоящую мать. В пути она встретилась с разными людьми, которые помогли ей понять истинный смысл таких простых и одновременно сложных понятий, как семья, любовь, верность. Ленту отличает замечательная работа оператора Чан Хунга, снявшего необычные по красоте горные пейзажи северного Вьетнама, экзотический быт малых народов. Главную роль успешно исполнила актриса До Тхи Хай Иен, до этого уже снявшаяся в фильме «Тихий американец». Картина «История Пао» была показана во многих странах мира, а в университетах США стала предметом дискуссии о судьбе женщины в современном обществе.

Другой пример авторского кинематографа – фильм «Жизнь в страхе». Главный герой картины – бывший солдат Тай после войны вместе с женой и маленьким ребёнком приезжает на новое место жительства. Так он пытается убежать из своего недавнего прошлого, в котором у него осталась первая жена и двое детей. Однако очень скоро в жизни Тая возникают вновь его первая жена и её брат, воевавший по ту сторону баррикад. Былые воспоминания, нищета, страх перед новой властью гнетут его, но Тай вынужден противостоять всем этим испытаниям, чтобы защитить свою семью.

Вкусы западного и вьетнамского зрителя в отношении фильмов, созданных в СРВ, существенно различаются. «История Пао» и «Жизнь в страхе» имели большой успех на международных кинофестивалях, но не нашли ярых поклонников во Вьетнаме. Деревенские мелодрамы находят отклик в сердцах зарубежного зрителя, но не вьетнамского. Тем не менее, такие авторские фильмы воспринимаются как ещё одна надежда для того, чтобы вьетнамское кино могло предстать в мире как самобытное и современное искусство.

Новый стимул для развития этого направления, несомненно, даст картина молодого режиссера Фан Данг Зи «Не бойся, Би», порадовавшая отечественных кинематографистов и любителей кино двумя наградами на кинофестивале в Каннах в Программе «Неделя критики» – премией Ассоциации драматургов и композиторов (SACD) за лучший сценарий и премией Главного фонда общественной деятельности и Ассоциации независимого кинематографа и его распространения (ACID/CCAS).

Фильм повествует об одной современной ханойской семьи, между членами которой исчезает взаимопонимание и рушатся уже привычные родственные связи. Эта история показана через образ главного героя – маленького мальчика по имени Би. Ещё раньше сценарий этой картины, который написал сам Фан Данг Зи, был награжден на Международном кинофестивале в южнокорейском городе Пусане в 2007 году и получил финансовую поддержку различных кинематографических фондов, включая Cinefondation в Каннах.

Биография Фан Данг Зи пока ещё коротка: он родился в 1976 году в Ханое, там же в 2000-м окончил Институт театра и

кино. В 2001-2007 годах работал в Киноуправлении СРВ. В настоящее время преподает курс сценарного мастерства в Ханойском гуманитарном университете – в рамках Проекта подготовки кинематографистов. Фан Данг Зи позиционирует себя как независимый кинематографист[17]. И сам режиссер, и его творчество в определённом смысле знаменуют наступление нового этапа во вьетнамском кинематографе – создание картин, ориентированных на международный кинорынок. Творческие амбиции художников, особенно молодых – очевидны. И им ещё предстоит пройти путь от желания угодить западным интеллектуалам до понимания того, что главный успех фильма – это признание у своего зрителя.

4. Кинозрители

Понять ситуацию в кино помогает самый чуткий барометр – зритель. Привлечь его, вернуть в кинотеатры, побудить смотреть вьетнамские фильмы – важная задача не только для продюсеров, кинематографистов, но и для прокатчиков при выборе фильмов для показа их в кинотеатрах.

Попытку разобраться, кто сегодня ходит в кинотеатры страны и на какие фильмы, предпринял журналист и кинокритик Ту Кхой, проанализировавший результаты анкетирования зрителей в Национальном киноцентре в Ханое. Именно там часто демонстрируются вьетнамские фильмы, а также новинки зарубежного кино, проходят недели зарубежного кино, кинофестивали. А вот как ответили зрители на заданные им вопросы:

«*Когда вы приходите в кинотеатр, вы выбираете для просмотра вьетнамский фильм?*

– Постоянно – 4,86%,

– иногда – 69,29%,

– никогда – 20,34%.

По какой причине вы редко или вообще не обращаете внимания на вьетнамский фильм?

– Нет информации о показе вьетнамского фильма – 25,72%,

– знаем, но не любим смотреть – 34,9%,

– затрудняюсь с ответом – 39,37%.

Почему вы не интересуетесь вьетнамскими фильмами?

– У них низкий художественный уровень – 43,24%,

– они не интересны и не предназначены для развлечения – 49,34%,

– эти фильмы не говорят о важных для зрителей проблемах – 25,20%.

О чем должно быть содержание отечественных фильмов, чтобы их стремились смотреть наши зрители?

– О повседневной жизни – 45,47%,

– о жизни молодежи, студентов – 38,85%,

– о любви – 36,81%,

– о негативных социальных явлениях – 33,92%,

– о рыночной экономике – 25,39%,

– о войне – 13, 25%,

– о жизни тыла в годы войны – 5,91»[18].

Хотя журналист не указывает возраст респондентов, тем не менее можно предположить, что опрос проводился главным образом среди молодежной аудитории.

Спустя три года во Вьетнаме был проведён ещё один подобный опрос. На этот раз объектом исследования стали зрители трёх больших городов – Ханоя (Национальный киноцентр и кинокомплекс MegaStar), Хайфона (кинотеатр «1/5» и кинокомплекс MegaStar), Куангниня (кинотеатр На Long)[19]. Результаты этой работы, которая продолжалась 1 месяц в Ханое и 9 дней в Хайфоне и Куангнине, не стали большой неожиданностью и в основном подтвердили уже наметившиеся ранее тенденции.

Сегодня самая многочисленная часть посетителей кинотеатров – это молодёжь от 15 до 25 лет, что составляет 65,91% от общего числа зрителей, причём женщин больше, чем мужчин. Возрастная категория от 25 до 45 лет находится на втором месте и составляет 27%.

Для молодёжной аудитории подходят именно развлекательные фильмы, такие как «Девушка из бара», «Родить по заказу», «Девушки с длинными ногами» и др. Они очень выгодны кинопрокатчикам, потому что дают большие кассовые сборы (особенно в дни новогодних праздников по лунному календарю), тогда как авторские фильмы, например, «Жизнь в страхе»,

«История Пао», получившие высокую оценку специалистов и международное признание, во Вьетнаме демонстрировались в пустых залах.

В молодёжной категории зрителей больше половины составляют студенты вузов и учащиеся – 58,73%, а рабочие и служащие (из которых 57% имеют высшее образование) – 30%. Это свидетельствует о том, что образовательный уровень и эстетические вкусы современных зрителей нельзя считать низкими. 65,54% зрителей приходят в кинотеатры, чтобы развлечься, предпочитая кино телевидению, играм, музыкальным шоу или концертам. 42,7% зрителей ходят в кинотеатры 2-3 раза в месяц, 34,8% – 1 раз в месяц, 21% – 3-4 раза в год. 58% зрителей молодежной аудитории предпочитают смотреть боевики, 49% – комедии, 36% – фильмы ужасов, 35% – мелодрамы. И только 11, 92% зрителей хотят смотреть фильмы о войне, на создание которых выделяются значительные государственные средства.

Наибольшей популярностью у вьетнамских зрителей (прежде всего молодежной аудитории) пользуются фильмы США, Китая (КНР), Южной Кореи и Гонконга (перечислены в порядке приоритетности). Из 3732 заполненных бюллетеней только в 650-ти было высказано желание смотреть вьетнамские фильмы, то есть так ответили всего лишь 17% всех респондентов. На вопрос: «Если вы пришли в кинотеатр и узнали, что там демонстрируется вьетнамский фильм, то как поступите в этой ситуации – останетесь и будете смотреть, или же уйдёте?» были даны такие ответы: (1) да, останемся и будем смотреть – 47%, (2) нет, уйдём – 51,4%.

Так почему же большинство зрителей Вьетнама любят смотреть зарубежные фильмы. Прежде всего, потому что, во-первых, отечественных фильмов производится мало, во-вторых, по художественному и техническому уровню они значительно уступают иностранным лентам. Ещё одна причина – плохая реклама отечественного кино и слабая работа кинопроката, но, кажется, ситуация в этой сфере начинает постепенно улучшаться.

Современные вьетнамские зрители (а это прежде всего молодёжь) хотят смотреть увлекательные, зрелищные фильмы, в которых играют известные и – обязательно – красивые актё-

ры. Отечественных фильмов, которые бы удовлетворяли всем этим требованиям, очень мало. Поэтому вьетнамцы с удовольствием смотрят южнокорейские мелодрамы, американские комедии, гонконгские боевики.

Иностранные журналисты провели опрос молодых зрителей, проживающих в различных городах Вьетнама, касающийся их отношения к отечественным и зарубежным фильмам. Вкратце их впечатления можно кратко суммировать следующим образом:

«Вьетнамские фильмы очень искусственны и схематичны. В них много театральности, поэтому кинематографическое действие часто воспринимается как пьеса. Диалоги персонажей длинные и абстрактные, совсем не похожи на живую речь. Вместо познавательности – дидактика.

Вьетнамские артисты играют нереалистично, стараются копировать южнокорейских и китайских кинозвёзд, и не всегда это получается удачно.

Зарубежные картины привлекают увлекательным сюжетом, хорошей игрой артистов, техническими трюками и музыкой.

Во Вьетнаме есть талантливые режиссеры и актеры, но часто они только копируют успешные зарубежные картины, а в результате получается, что в отечественных фильмах нет кино»[20].

Понятно, что в ситуации, когда цена билета на иностранный и вьетнамский фильм примерно одинакова, то вьетнамский зритель, скорее всего, предпочтет смотреть картину с увлекательным сюжетом, красивыми съемками и хорошей игрой артистов, то есть южнокорейскую, китайскую или американскую.

5. Частные киностудии

Новым явлением в кинематографической жизни Вьетнама стали частные (негосударственные) киностудии, история которых насчитывает не более десяти лет. Сегодня наиболее известны Phuoc Sang, Thien ngan, Chanh Tin Film, и другие[21]. Такие студии создают как отдельные артисты и режиссеры (Нгуен Тянь Тин, Ли Хюинь и др.), так и творческие организации (киностудия Hoda Film при Союзе писателей Вьетнама и др.). Со-

гласно вьетнамским источникам, к началу 2010 года было зарегистрировано около 40 таких студий, большинство из них действуют на Юге страны. Часть из них работает в полном производственном цикле, другие же – в кооперации с различными творческими и производственными организациями. Некоторые студии, прежде всего небольшие, даже не имеют своих съемочных павильонов.

Весьма устойчивые позиции в современной кинематографической жизни Вьетнама занимает студия Phuoc Sang, на которой были сняты такие успешные коммерческие фильмы, как мелодрама «Белое шёлковое платье» и комедия «Родить по заказу». На ней был также создан и первый вьетнамский триллер «Десять», в основу которого положена мистическая легенда, связанная с художественным портретом. Картина была снята совместно с южнокорейскими кинематографистами; автор сценария и режиссер Ким Тэй Ёнг, в послужном списке которого известная лента «Привидение».

Студия Thien Ngan ориентируется преимущественно на молодёжную аудиторию. Именно на ней была снята картина «Девушки с длинными ногами», которая во Вьетнаме собирала полные залы. В то же время другой фильм этой студии – «Юноша из бара» – не оправдал возлагавшихся на него ожиданий. Для режиссёра Ле Хоанга, который попытался повторить успех своей предыдущей картины «Девушка из бара», «мужская версия» оказалась творческой неудачей.

Владелец студии Chanh Tin Film – известный артист Нгуен Тянь Тин, на счету которого много ярких и запоминающихся ролей во вьетнамских фильмах. Студия была создана в 2004 году и очень скоро успешно дебютировала картиной «Героическая кровь»[22].

О деятельности других частных киностудий пока можно судить, в основном, по их творческим намерениям. Так, студия Sena Film собирается снимать фильмы в Индии по мотивам вьетнамских средневековых новелл и легенд. А в планах студии Viet Cast – триллеры «Гостиница без огней» и «Вздохи в полночь», а также картина для тинейджеров «Когда пробуждается весна»[23].

Режиссер Нгуен Фан Куанг Бинь и одновременно владелец частной студии Phim Viet экранизировал рассказ «Бескрайние поля», принадлежащей перу молодой, но уже известной писательницы Нгуен Нгок Ты, творчество которой посвящено, главным образом, современной южновьетнамской деревне. В октябре 2010 года этот фильм с успехом был показан в официальной программе XV Международном кинофестивале в Пусане.

Его коллега режиссер Ты Зюи тоже недавно открыл свою частную киностудию и собирается снимать картины об известных деятелях национальной культуры и истории, например, о поэте Тан Да[24] и др.

6. Кинематограф вьет киеу

В современном вьетнамском кино всё более отчётливо проявляется новое творческое течение, связанное с деятельностью кинематографистов из вьетнамского зарубежья – *вьет кьеу*. Они снимают свои фильмы как во Вьетнаме, так и за его пределами. В мировом кинематографе вьетнамская тема разрабатывается с 1970-х годов, спустя некоторое время и вьетнамцы-эмигранты стали создавать фильмы о своей исторической родине. В последние годы такие картины стали снимать на вьетнамском языке и в самом Вьетнаме.

Считается, что пионером этого направления стал режиссер Ле Лам, который в 1980 году снял во Франции короткометражный фильм «Народный праздник Лонг ван» и тогда же представил эту картину на Каннском кинофестивале в Программе «Перспективы французского кино»[25].

Режиссёров вьетнамского зарубежья, снимавших картины о Вьетнаме в последние годы, можно разделить на три направления. К первому относятся фильмы франко-вьетнамского режиссера Чан Ань Хунга («Аромат зелёной папайи», «Вертикальный луч солнца», «Велорикша») и американо-вьетнамского режиссера Тони Буя («Три сезона»). Их отличает высокий профессиональный уровень и несомненные художественные достоинства. Эти картины стали заметным явлением мирового кинематографа, были заслуженно премированы на различных кинофестивалях. Во Вьетнаме они показывались мало, главным

образом в рамках различных культурных мероприятий или учебных программ.

Ко второму направлению принадлежат картины, созданные режиссерами-эмигрантами при активном участии своих коллег в СРВ. Это такие художественные ленты, как «Далёкие времена» (реж. Хо Куанг Минь), «Время выпаса буйволов» (реж. Нгуен Во Нгием Минь), «Бесконечный дождь» (реж. Доан Минь Фыонг и Доан Тхань Нгиа). Их создатели работали с большим энтузиазмом, стремились реалистично показывать жизнь, культуру, историю Вьетнама. Их также отличают поиски нового киноязыка и собственного стиля, хотя по профессиональному уровню и художественным результатам они уступают работам Чан Ань Хунга и Тони Буя. Однако следует признать, что эти фильмы пользовались скромным успехом у вьетнамских зрителей.

Третье направление составили снятые во Вьетнаме во второй половине 2000-х годов коммерческие ленты, которые представляют собой типичные образцы массовой культуры. Наиболее известны три фильма – «Героическая кровь» (реж. Чарли Чук Нгуен), «Белое шёлковое платье» (реж. Лыу Хюинь) и «Сайгонское затмение» (реж. Отелло Кхань). Именно они помогают в определённой мере понять феномен кинематографа режиссёров из вьетнамского зарубежья[26].

С самых первых дней работы над этими фильмами во вьетнамских СМИ шла активная рекламная кампания, акцентирующая внимание, главным образом, на финансовых аспектах съемочного процесса. Так, частная киностудия Chanh Phuong вложила в картину «Героическая кровь» 800 тыс. долларов, примерно такую же сумму на съемки картины «Сайгонское затмение» выделили Первое творческое объединение художественных фильмов студии «Вьетнам», студия Crea TV и компания Saigon Eclipse. Частные киностудии Phuoc Sang и Anh Viet вложили около 1 млн. долларов в картину «Белое шёлковое платье». Это беспрецедентные во вьетнамском кино расходы на производство художественных лент.

Картина «Героическая кровь» по жанру – историческая мелодрама с многочисленными эпизодами восточных единоборств. В ней рассказана романтическая история, случившаяся

в 30-40-е годы прошлого века, когда Вьетнам находился под игом французских колонизаторов. Любовь, патриотическое движение, освободительная борьба – таковы основные слагаемые успеха этого фильма. И, конечно же, известные артисты. Например, исполнитель главной мужской роли Джонни Чи Нгуен уже «засветился» в Голливуде и участвовал как каскадер в фильме «Человек-паук» и его сиквеле «Человек-паук 2».

Фильм «Героическая кровь» изначально задумывался и для проката за рубежом, поэтому его создателям требовалось соответствовать определённым международным стандартам в техническом плане. Так, проявка плёнки осуществлялась в Таиланде, а запись звуковых эффектов в США – на студии Capital Recording, на которой аналогичная работа проводилась для известного американского блокбастера «Миссия невыполнима».

Над лентой «Белое шёлковое платье» режиссер Лыу Хюинь работал почти два года. В ней рассказано о судьбу одной простой вьетнамской семьи на широком историческом фоне двух национальных войн Сопротивления – против французских колонизаторов и американских агрессоров. Фильм назван так потому, что молодой человек подарил девушке белое платье *ао зай* – символ простой вьетнамской женщины, способной вынести все трудности и испытания, сохранить в себе лучшие качества, остаться верной мужу и детям.

Картина пользовалась успехом во Вьетнаме, была показана на нескольких кинофестивалях. Такому вниманию публики в немалой степени способствовало участие молодых и красивых артистов (Чыонг Нгок Ань, Ха Киеу Ань, Ким Тхы), а также использование различных технических трюков. Так, в этом фильме впервые во вьетнамском кино была использована технология «летающей камеры» (flying camera), с помощью которой были сняты удивительные по красоте пейзажи в провинции Ниньбинь. Конечно, такое зрелищное кино, несомненно, произвело большое впечатление на зрителей. В 2008 году Вьетнам выдвигал фильм «Белое шёлковое платье» для участия в предварительном отборе на американскую кинопремию «Оскар».

В создании ленты «Сайгонское затмение» принимал участие многонациональный коллектив: из Франции – режиссер

Отелло Кхань и актриса Мажолэн Буй, из США – артисты Дастин Нгуен и Джонни Нгуен, из Гонконга – артисты Эдмунд Чэн и Чанг Чэнь, из Канады – технические специалисты. В 2007 году фильм был отмечен призом на Международном кинофестивале в Хьюстоне, в котором проживает большая вьетнамская диаспора.

Режиссер Отелло Кхань переосмыслил известную средневековую поэму классика вьетнамской литературы Нгуен Зу «Киеу» («История истерзанной души») и перенёс её героев в современные условия: события происходят в Сайгоне во вторую половину XX века и по сегодняшний день. В фильме много исторических наслоений и аллюзий, причем случайных и ничем не мотивированных.

После успеха фильмов «Белое шёлковое платье» и «Героическая кровь» вьетнамские зрители возлагали большие надежды и на картину «Сайгонское затмение». Но их постигло большое разочарование, и более того, они не согласились с такой радикальной переработкой известного литературного произведения. В одной рецензии на этот фильм было справедливо замечено: «Трудно понять такой односторонний взгляд человека (т.е. режиссёра Отелло Кханя), который 12 лет жил и работал во Вьетнаме»[27].

Эта картина создавалась с участием кинематографистов и студий СРВ. Так, режиссёр Тат Бинь, руководитель Первого творческого объединения (киностудия художественных фильмов «Ханой») заявил: «После первого прочтения сценария фильма «Сайгонское затмение» мы многое исправили. И хотя авторы фильма любят Вьетнам, но живут далеко от него, поэтому не могут в полной мере понимать вьетнамскую культуру и историю. По этой причине в фильме возникают различные несуразности, которые не нравятся зрителям»[28]. Фильм не был принят и многими вьетнамскими кинодеятелями.

Вьетнамская пресса неоднократно подчеркивала, что «режиссеры-эмигранты сознательно используют элементы национальной культуры в своих картинах, что даёт им возможность показывать свои картины за пределами СРВ, прежде всего в США и странах Европы[29]. Во Вьетнаме эти фильмы критикуют за схематизм, использование банальных кинематографических

приёмов, за стремление авторов «отображать жизнь Вьетнама слишком отстранённо, через призму красивости и даже слишком по-западному». Случается, что в этих фильмах допускаются фактические и исторические ошибки, которые искажают обычаи и традиции вьетнамцев. Так, в фильме «Белое шёлковое платье» показаны живущие в деревне маленькие девочки, которые ходят в школу в белых платьях *ао зай*, но так одеваются только городские школьницы. Есть конкретные претензии и к картине «Время выпаса буйволов», которые связаны с непониманием вьетнамского менталитета создателями картины. И в результате возникают придуманные, далёкие от реальной жизни образы и сюжетные конструкции[30]. Можно даже сказать, что режиссёры-эмигранты снимают своеобразное этнокультурное кино, пытаются решать далёкие от них проблемы, плохо понимая или не зная вообще исторический и культурный контекст. Однако было бы, видимо, чрезмерным требовать от них досконального знания Вьетнама, его истории и культуры, ведь они давно покинули эту страну или родились за её пределами[31].

Учитывая возрастающий интерес к этим фильмов в художественно-эстетическом и идеологическом плане, в Ханое в 2007 году под эгидой Национального киноархива и Союза кинематографистов был организован специальный симпозиум «Вьетнам в художественных фильмах режиссеров-эмигрантов», в котором приняли участие ведущие кинематографисты, критики, писатели, журналисты страны. О содержании состоявшейся дискуссии наглядно говорят представленные ниже фрагменты выступлений участников.

По мнению До Лай Тхюи, кинокритика и заместителя главного редактора журнала «Ван хоа нге тхуат» («Культура и искусство»), режиссеры-эмигранты смотрят на Вьетнам глазами стороннего человека, наблюдателя, глазами иностранца. Главный импульс их творчества – воспоминания, ностальгия по родине. И именно это чувство создаёт в их фильмах своеобразную атмосферу печали и красоты[32]. С такой оценкой солидарен и ректор Государственного института театра и кино Чан Тхань Хиеп, который полагает, что большинство их фильмов можно объединить одной идеей – поиски своих вьетнамских корней, прежде всего в воспоминаниях детства.

Фильмы режиссеров-эмигрантов должны быть ближе к реальной жизни вьетнамцев – такое мнение высказал сценарист Чинь Тхань Ня: в силу географической удалённости авторов картин от исторической родины «в их фильмах расплываются, утрачиваются некоторые тонкие черты и линии национальной культуры». И в этом, очевидно, одна из причин сложившейся ситуации: картины этих режиссёров редко находят понимание у зрителей внутри страны. Весьма показательный пример – фильм «Аромат зелёной папайи» режиссера Чан Ань Хунга. Эта лента, как писала вьетнамская пресса, «вызвала аллергию у зрителей формальными приёмами (например, манерой говорить персонажей), а также тем, как режиссёром были использованы культурные факторы в картине».

Известный критик и сценарист Доан Туан высказал свою озабоченность по поводу кинематографической культуры этих режиссеров и даже усматривает определённую склонность к созданию «китайского колорита» в их фильмах.

С другой стороны, нельзя не учитывать новаторских идей, которые привносятся во вьетнамский национальный кинематограф режиссерами-эмигрантами. Так, журналист Чыонг Кхань рассматривает их как художников, обладающих своеобразным видением современного мира и искусства, создающих сложные для массовой аудитории фильмы. Их творческий стиль проявляется в эстетическом конструировании кинопроизведения, построении композиции, строгом контроле за каждой деталью. Поэтому очень важны сотрудничество и обмен опытом между ними и кинематографистами СРВ. Чыонг Кхань также отметил, что до сих пор нет признаков того, что отечественные режиссеры будут снимать такие же фильмы, как и режиссеры-эмигранты. И будет ли меняться ситуация в этом плане – не ясно. По мнению журналиста, у отечественных режиссеров и их коллег-эмигрантов разные цели в творческом процессе: первые интересуются актуальными социальными проблемами, а вторые – этнокультурным колоритом Вьетнама.

Примерно такую же оценку творчеству режиссеров-эмигрантов дала известный вьетнамский кинокритик Нго Фыонг Лан, особо отметив их знание вкусов зарубежных кинозрителей и высокий профессиональный уровень созданных ими

картин. Эти два фактора могут помочь вьетнамскому кинематографу через картины режиссеров-эмигрантов быстрее интегрироваться в мировое кино.

Итоги прошедшей дискуссии подвёл режиссер и директор киностудии «Освобождение» Ле Дык Тиен, который выделил в кинематографе режиссёров-эмигрантов следующие основные признаки: (1) это авторские фильмы, (2) их отличает высокий профессиональный уровень, (3) они свободны от цензуры[33], (4) их творческие задачи ориентируются главным образом на зарубежную киноаудиторию[34].

***

Сегодня вьетнамский кинематограф представляет собой более менее слаженную структуру, которая постепенно встраивается в систему рыночной экономики. Это нелёгкая задача, и для её решения потребуется немало времени. Такая ситуация предопределяет и пути дальнейшего развития национального кино – традиционно-национальное, базирующееся на государственной поддержке, и коммерческое, развиваемое частными студиями и совместными с зарубежными странами проектами. При этом возможны «союзы» и «пересечения» этих двух направлений. На первое возлагаются определённые идеологические задачи и производство картин, имеющих национальную значимость, функционирование в рамках государственного контроля. Второе направление будет существовать по условиям рыночной экономики (которая уже вполне утвердилась в СРВ), будет создавать коммерческие фильмы, ориентированные на кассовый успех и соответственно – на массовую аудиторию. Ещё совсем недавно во Вьетнаме съёмка производилась на плохой плёнке, с несовершенной аппаратурой и при этом создавались хорошие фильмы, которые любил зритель. Сегодня же, в условиях невероятного технологического прорыва, главная ставка авторов фильмов – на внешние эффекты. В результате кинематограф превращается в зрелищный аттракцион (entertainment), где формальные поиски потеснили драматургию. Сегодня в мировом кино, включая Вьетнам, главным в кино становится продюсер, а не режиссёр, как это было до сих пор.

Накануне VII съезда кинематографистов Вьетнама в национальной печати было опубликовано интервью Чан Луан

Кима – известного кинокритика и уже экс-главы этой творческой организации. Он с грустью признал, что «сегодня в стране нет людей, способных снимать фильмы, которые смогли бы увлечь зрителей; это под силу профессионалам высокого уровня»[35]. Среди различных задач, призванных вывести национальный кинематограф из нынешней ситуации, он выделил следующие три: направление студентов на учебу за границу (примерно 300 человек, и в этом направлении уже ведётся активная работа), увеличение производства фильмов, укрепление связи кино и телевидения.

Примечательно, что задачу подготовки кадров Чан Луан Ким поставил на первое место. В годы его пребывания на посту генерального секретаря Союзе кинематографистов Вьетнама был создан Центр помощи и поддержки молодым кинематографистам, который существует уже 5 лет. Он оказывает помощь, главным образом, в создании короткометражных фильмов. И именно здесь совершенствовался в кинематографической профессии первый вьетнамский призёр Каннского кинофестиваля Фан Данг Зи. Но усилий одного такого центра явно недостаточно для современного Вьетнама.

Во вьетнамском кинематографе происходит не только смена поколений, но и идейно-художественных ориентиров. Кадры, подготовленные во второй половине XX века в СССР и других социалистических странах, теперь уступают место кинематографистам, которые учились за рубежом (например, *вьет киеу*). И этот процесс будет продолжаться и нарастать, ибо для полноценной интеграции в мировое кино вьетнамский кинематограф должен быть оснащён передовыми технологиями и новыми идеями. Но очень важно при этом движении вперёд не потерять своё национальное лицо и не раствориться в глобальной массовой культуре.

---

[1] В стране также действуют студии телевизионных фильмов, которые выпускают художественные сериалы и отдельные картины.

[2] Например, киностудия «Освобождение» завершила 2005 год с убытками в 1,7 млрд. донгов (по курсу тех лет 1 доллар США был равен 16 000 донгов СРВ). См.: Hang phim nha nuoc??? // Van nghe tre. 29.10.2006. Trang 9.

Как писала вьетнамская пресса, «государственные киностудии находятся в кризисе, над ними постоянно нависает угроза банкротства». См.: Cac hang phim nha nuoc truoc nguy co pha san // www.sggp.org.vn, дата доступа: 01.06.2006.

[3] Показательный пример такой «судьбы» – картина режиссёра Винь Шона «Луна на дне колодца», которая снималась несколько лет и вышла на экраны только в 2009 году.

[4] Dang Minh Lien. Dien anh Viet Nam lam gi de hoi nhap? // Tap chi Dien anh Viet Nam. 2009. So 13. Trang 4.

[5] По признанию самих вьетнамских кинодокументалистов, до 80% картин не доходят до зрителя и сразу же сдаются в архив. См.: Dien anh Viet Nam hien nay // Tap chi Van hoa nghe thuat. 2006. So 9. Trang 44.

[6] Dien anh Viet Nam 2007: Quyet liet va nhieu bien dong // www. vietnamnet.vn, дата доступа: 02.01.2007.

[7] Tu Khoi. Cac rap chi mo cua hep chop him Viet Nam // Tap chi Dien anh ngay nay. 2006. Thang 10. Trang 43.

[8] Fafilm Vietnam: bai toan kinh te da co loi giai? // Tap chi The gioi dien anh. 2006. So 10. Trang 5-6.

[9] Ibidem.

[10] Dien anh Viet Nam hien nay // Tap chi Van hoa nghe thuat. 2006. So 9. Trang 44.

[11] Vietnamese cinema seeks to cash in on 3D craze // www.vietnewsonline.vn, дата доступа: 12.05.2010.

[12] Le Bao Trung lan dau lam phim 3D kinh di // www.vnexpress.net, дата доступа: 17.05.2010.

[13] Steinglass Matt. Vietnamese cinemas in antitrust drama (Finacial Times / Asia-Pacific) // www. ft.com, дата доступа: 28.05.2010.

[14] Dang Minh Lien. Dien anh Viet Nam lam gi de hoi nhap? // Tap chi Dien anh Viet Nam. 2009. So 13. Trang 8.

[15] Hien Luong. Buon vui phim Viet Nam // Tap chi Van hoa nghe thuat. 2006. So 10. Trang 44.

[16] Hien Luong. Buon vui phim Viet Nam // Tap chi Van hoa nghe thuat. 2006. So 10. Trang 45.

[17] Помимо художественной картины «Не бойся, Би», Фан Данг Зи также снял две короткометражные ленты – «Лотос» (26 минут, 2005, премия Национального фестиваля короткометражных фильмов) и «Мне 20 лет» (25 минут, 35 мм). Он – автор сценариев всех своих фильмов и некоторых других. Так, в 2009 г. художественная лента «По воле волн» (реж. Буй Тхак Тюен), сценарий которой написал Фан Данг Зи, стала первой вьетнамской картиной, участвовавшей в официальном конкурсе международного кинофестиваля в Венеции. Годом раньше картина Фан

Данг Зи «Мне 20 лет» была представлена на этом же фестивале в информационном показе.

[18] Tu Khoi. Thay doi y thuc lam phim Viet // Dien anh ngay nay. 2006. Thang 3.

[19] Khan gia Viet co thich xem Viet? // Tap chi Dien anh Viet Nam. 2009. So 12. Trang 6. Trang 12. Все фактические результаты проведённого вопроса цитируются по этой публикации.

[20] Цит. по: Nhan xet cua gioi tre ve phim Viet Nam // www.rfa.org, дата доступа; 25.10.2006.

[21] В числе зарегистрированных и начавших кинематографическую деятельность есть такие студии, как Phuong Nam phim, Vifa film, Chanh Phuong, Phim Viet, BHD Film, Viet Cast, Lasta, Vimax, Sena и др.

[22] В мировом прокате эта картина известна под названием «Бунтовщик» (The Rebel), была удостоена наград на различных кинофестивалях.

[23] Phim he 2006: mot «bua tiec» hoanh trang? // www.laodong. com.vn, дата доступа: 16.03.2007.

[24] Huy Khue. Ke hoach lam phim 2006 // Dien anh ngay nay. 2006. Thang 3. Trang 3. Trang 36.

[25] Phim cua dao dien Viet kieu: luong gio moi? См.: http://honvietquochoc.com.vn, дата доступа: 28.04.2010.

[26] К числу подобных коммерческих лент, снятых режиссерами-эмигрантами в СРВ, следует отнести ещё картины – «Сайгонский романс» (реж. Ринго Ле) и «1735 км» (реж. Нгуен Нгием Данг Туан).

[27] Sai Gon nhat thuc: mot phim cau tha, xuc pham // www.nld.com.vn, дата доступа: 17.05.2006.

[28] Ibidem.

[29] Viet kieu lam phim van hung so suat chet nguoi // www.vietnamnet.vn, дата доступа: 21.05.2006.

[30] Приведём ещё один пример. Нгуен Нгием Данг Туан, режиссёр картины «1735 км» (выпускник кинофакультета Высшей школы искусств в Калифорнии) выбрал такое название для своего фильма, которое ничего не говорит вьетнамским зрителям, не вызывает никаких ассоциаций. Для версии на английском языке было дано другое название – «Колючий поцелуй» (Jackfruit Thorn Kiss).

[31] Dong phim Viet kieu: lam phim bang con mat nguoi khac // www.cand.com.vn, дата доступа: 10.12.2006.

[32] Здесь и далее выступления участников симпозиума цитируются по изданию: Phim truyen ve de tai Viet Nam cua cac dao dien nguoi Viet o nuoc ngoai. Ky yeu toa dam. Ha Noi: Vien phim Viet Nam – Hoi dien anh, 2007.

[33] Известный вьетнамский писатель Ле Лыу (по его роману «Далёкие времена» режиссер-эмигрант Хо Куанг Минь поставил одноимённый

фильм.) также отмечал, что «отечественным режиссерам мешает самоцензура». По его мнению, существующая во Вьетнаме по сегодняшний день художественно-эстетическая нерасчленённость между искусством театра и кино не способствует творческому росту художников.

[34] Этот фактор отмечался очень многими кинематографистами и критиками СРВ: «свои фильмы режиссеры-эмигранты создают не для внутренней аудитории зрителей во Вьетнаме, а нацелены на зрителей за рубежом и на участие в международных кинофестивалях». См.: Phim cua dao dien Viet kieu: dep, buon va vang khach // www2.thanhnien.com.vn, дата доступа: 23.12.2006.

[35] PGS Tran Luan Kim: Dien anh can co mot cuoc dao tao quy mo // www.mekongnet.ru, дата доступа: 21.07.2010

© ***Урляпов В.Ф.***
ИВ РАН

МАЛАЙЗИЯ: ОТНОШЕНИЯ С КИТАЕМ
(Безусловный приоритет национальных интересов)

Отношения с Китаем неизменно находились в фокусе самого пристального внимания правящих кругов Малайи/Малайзии с момента обретения независимости. Не исключением являлся 22-летний период пребывания у власти Махатхира Мохамада. В его бытность на посту главы правительства и в последующий период, внешнеполитический курс Малайзии в отношении Срединного государства эволюционировал по мере трансформации роли и места Китая в международных отношениях на региональном и глобальном уровнях. При этом константой неизменно выступали национальные интересы в их понимании и трактовке правящей элитой Малайзии.

На начальных стадиях премьерства (1981-1990 гг.) Махатхир и его внешнеполитические советники стали свидетелями, что не материализовался предсказывавшийся многими аналитиками сценарий, по которому под давлением внутренних политических реформ либерального толка и нарастания местного сепаратизма Китай войдет в полосу длительного кризиса и в конечном итоге разделит судьбу Советского Союза. Правящая элита Малайзии оценивала гипотетические последствия дезинтеграции Поднебесной как апокалипсический кошмар. Развал огромного государства неизбежно вызвал бы наплыв десятков, если не сотен тысяч беженцев из континентального Китая, что взорвало бы хрупкий этнический баланс в Малайзии, где местные китайцы на тот момент уже составляли около 40 процентов населения.

Однако после событий на площади Тяньаньмынь в Пекине в июне 1989 г. политическое руководство КНР сумело взять под твердый контроль политические процессы в стране, обеспечить устойчивый рост народного хозяйства и недвусмысленно заявить о себе как о растущей региональной сверхдержаве. Нормализация китайско-советских отношений, по мнению не-

которых малайзийских исследователей, развязало руки Пекина на севере, позволив развернуться в южном направлении, включавшем Южно-Китайское море, Малаккский пролив и Индийский океан.[1]

При Махатхире продолжилось и завершилось практическое закрепление территориальных притязаний Малайзии в Южно-Китайском море (ЮКМ), основанных на принадлежности ей продолжения континентального шельфа в районе Борнео (Калимантана). Начиная с 1983 г. Малайзия установила контроль над атоллом Лаянг-Лаянг (*Swallow*), построив там причал для военных кораблей, затем были заняты рифы Теримбу Уби *(Adasier Reef*) и Теримбу Мантанани (*Mariveles Reef*). Резко была увеличена активность по разведке запасов углеводородного сырья в этом районе и введено в строй около 100 нефтегазовых скважин. В 1990 г. Малайзия объявила о создании базы подводных лодок на острове Лабуан, лежащий у северных берегов штата Сабах.[2] Все эти действия носили явную антикитайскую направленность.

Вместе с тем, малайзийская дипломатия не могла не учитывать феномена бурного становления Китая в качестве третьей по потенциалу мировой экономики. Три четверти времени пребывания Махатхира у власти совпало с китайским экономическим бумом, произведшим огромный демонстрационный эффект на руководителей стран Юго-Восточной Азии (ЮВА). На протяжении 90-х годов Китай получил больше прямых иностранных инвестиций, чем любая другая страна. Занимая в 1980 годы 32-е место в мировой торговле, он поднялся в середине 90-х на 11-ю позицию. С присоединением Гонконга, КНР дополнительно значительно усилила свои позиции в международной торговле.

Игнорирование этого важнейшего фактора противоречило бы магистральному курсу премьер-министра на создание крепкого национального предпринимательского класса, далеко не в последнюю очередь путем активного подключения внешнеэкономической дипломатии, одним из главным объектов которой выступал огромный китайский рынок. Открывая Китай для национального бизнеса, в том числе местных этнических китайцев, Махатхир на протяжении 90-х годов четырежды побывал в

Пекине. За период 1996-2003 гг. малайзийские компании инвестировали в Поднебесной свыше 3 млрд. долл., а двусторонняя торговля за то же время выросла с 3,7 млрд. долл. до 14 млрд. долл. США.[3]

Выстраивая архитектуру отношений с Китаем, правительству Махатхира приходилось неизменно учитывать такой кардинальный фактор, что Срединное государство являлось прародиной значительного числа малайзийских граждан, связанных с ним традиционными психологическими и наследуемыми из поколения в поколение семейными узами. Состояние двусторонних отношений прямо и косвенно влияло на позицию местных хуацяо в отношении собственного правительства. Правящая элита Малайзии никогда не забывала, что на протяжении двух десятилетий после окончания второй мировой войны КНР поддерживала компартию Малайи, костяком которой выступали местные этнические китайцы.

В целом, Китай одновременно представлял собой угрозу национальной безопасности и притягательную силу в плане расширения внешнеэкономических возможностей. Если на ранней стадии Махатхира беспокоила первая проблема, то в последующие годы внимание его правительства переместилось на вопросы, каким образом и с наибольшей выгодой выстроить торгово-экономические связи с КНР. Выступая в январе 1995 г. на международной конференции по торговле и инвестициям в Куала-Лумпуре, премьер выразил мнение, что «сегодня никто серьезно не верит, что Китай склонен к экспорту коммунистической идеологии. Мы должны окончательно похоронить угрозу идеологической подрывной деятельности и свержения законной власти». Излагая далее позицию своего правительства, он заявил, что «по этим и иным причинам Малайзия отказывается рассматривать Китай в качестве военной и политической угрозы. Мы предпочитаем видеть его как друга и партнера в обеспечении нашего мира и благополучия, а также всего региона».[4]

Правительство Махатхира подтвердило неизменность политики «одного Китая». Пекину дали понять, что Малайзия не одобряет какие-либо агрессивные действия против Тайваня, особенно если в конфликт вмешаются США, но с пониманием

отнесутся к действиям Пекина, если конфликт спровоцирует Тайбэй.

Динамика строительства отношений с Китаем подсказывала малайзийской дипломатии вариант использования инициатив в экономической сфере для решения проблем национальной безопасности. Если предшественники Махатхира пытались полагаться на стратегию поддержания баланса сил и нейтрализации ЮВА, то он сделал ставку на перерождение китайской экономики в соответствии с нормами рыночного хозяйства и всестороннее включение Китая в мировые интеграционные процессы, что отвлекало бы ресурсы КНР от наращивания военной мощи. В Куала-Лумпуре надеялись, что Китай, вставший на рельсы рыночной экономики, будет представлять меньшую опасность для соседних государств.

Конструирование нового типа отношений с КНР побудило Махатхира пересмотреть взгляд на Асеановский региональный форум по проблемам безопасности (АРФ), ранее рассматривавшийся как инструмент вмешательства крупных держав в дела ЮВА. Куала-Лумпур пришел к выводу, что формирование структуры торгово-экономической взаимозависимости буден недостаточно эффективным, если не будет сопровождаться вовлечением Китая в региональные политико-дипломатические диалоговые структуры. Иными словами, при Махатхире во второй половине 90-х годов сформировалось мнение, что участие КНР в АРФ, наряду с США, Японией, Россией и Индией, поможет создать достаточно устойчивый баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), сделает более прозрачными ее долгосрочные намерения, а подключение Поднебесной к консультациям по укреплению мер доверия и превентивной дипломатии явилось бы крупным успехом. Малайзия позитивно восприняла начало публикации китайскими властями «белых книг» по вопросам военной стратегии КНР. Вместе с тем, в Путраджае, куда переехала новая административная столица Малайзии, стремились сохранить свободу рук для решения проблем обеспечения собственных интересов, в частности, в районе архипелага Спратли.

Негативное воздействие на обстановку в ЮКМ оказали предпринятые КНР в начале 1992 г. юридические и практиче-

ские меры: закон о территориальном море и пограничных районах, а также оккупация ряда островов Спратли. Они принудили страны АСЕАН впервые коллективно обратиться к проблеме. Специальное министерское совещание стран АСЕАН, проведенное в середине 1992 г. в филиппинской столице приняла декларацию с призывом ко всем вовлеченным в территориальный спор сторонам ограничиваться мирными средствами, избегая действия по милитаризации островных территорий, и приступить к началу совместного освоения ресурсов архипелага. Китай, в принципе поддержав Манильскую декларацию, отказался официально присоединиться к ней, сославшись на нерушимость своих исторических и юридических прав на суверенитет над Спратли.[5]

Вспыхнувший в 1995 г. конфликт между Китаем и Филиппинами вокруг рифа Мисчиф (*Mischief Reef*) фактически свел к нулю позитивные ожидания, связанные с Манильской декларацией. В 1997 г. во время торжественных мероприятий в Куала-Лумпуре по случаю 20-летней годовщины создания АСЕАН китайские представители вновь заявили об исключительном суверенитете КНР над акваторией ЮКМ, выразив одновременно готовность решать спорные вопросы мирными средствами. В 1998 г. КНР соорудила вертолетную площадку, арсенал и военный причал на Мисфиче, поставив тем самым под сомнение свою ранее выраженную готовность избегать применения вооруженной силы.

Продолжавшиеся в 2000-2001 гг. консультации между странами АСЕАН и КНР неизменно заходили в тупик. Что же касалось Путраджаи, там исходили из убеждения, что китайское давление в основном было направлено на сопредельный Вьетнам, а сама Малайзия в силу географической удаленности находилась на периферии китайских интересов в ЮКМ. Своим выбором в рамках переговоров АСЕАН-КНР малайзийская дипломатия сделала сепаратный курс. Она выступила против предложения Филиппин разработать единую позицию асеановской «десятки». Палки в колеса ставились в попытки интернационализации проблемы. Тогдашний министр иностранных дел Малайзии Сайед Хамид Албар в июле 1999 г. также отверг тре-

бование Манилы внести проблему Спратли в повестку дня АРФ.

Малайзия внесла компромиссный вариант документа о будущем статусе отношений прибрежных государств ЮКМ. Она предложила изменить первоначальное название, изменив Кодекс поведения на Декларацию о кодексе поведения сторон. Тем самым Декларация теряла значение юридического документа, носящего обязательный характер, приобретя характер политической декларации о намерениях сторон. Помимо этого, проект документа не содержал четкого указания на географические границы ареала его применения, на чем, в частности, настаивал Вьетнам.

Проект Декларации также предусматривал, что возникающие разногласия и споры должны решаться на двусторонней основе, исключая привлечение внерегиональных участников. Обговаривалось также, что конкретные мероприятия по налаживанию взаимодействия между подписантами Декларации должны осуществляться на сугубо добровольной основе, а внесение дополнений и изменений в ее текст возможно только на основе консенсуса. [6]

Предложив свой вариант, Путраджая, возможно, исходила из позыва, что «худой мир лучше доброй войны». Однако, скорее, дипломатия Махатхира делала расчет на достижения приемлемого *status quo* с Китаем по проблеме Спратли в контексте двусторонних сепаратных договоренностей, что формально не противоречило букве Декларации о кодексе поведения сторон в Южно-Китайском море, официально принятой 4 ноября 2002г. Тем не менее, появление документа на свет, ставшее в значительной степени результатом подыгрывания малайзийской дипломатии жестким требованиям Пекина, имело позитивное значение, открыв путь для присоединения в ноябре 2002 г. Китая, первым среди крупных держав, к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии, составлявшем правовую основу обеспечения безопасности в регионе.

На другом дипломатическом фронте благожелательную реакцию Пекина уже изначально встретила обнародованная Махатхиром в конце 1990 г. идея формирования Восточноазиатской экономической группы (ВАЭГ), объединения стран ти-

хоокеанской Азии со сходными хозяйственными моделями и социально-культурными ценностями. ВАЭГ мыслилась как противовес форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), спонсированного Австралией и стоявшими за ее спиной США. В условиях, когда идея премьер-министра Малайзии наткнулась на активное сопротивление США и встретила весьма двусмысленную реакцию Японии, Китай оказался единственной крупной державой АТР, поддерживавшей ВАЭГ, вскоре по тактическим соображениям переименованную в Восточноазиатский экономический форум (ВАЭФ).

Хотя со временем Вашингтон посчитал идею ВАЭФ похороненной, она в результате закулисного дипломатического маневрирования Малайзии при поддержке КНР неожиданно перевоплотилась в конце 90-х годов в форме структуры сотрудничества АСЕАН + 3 (АПТ), т.е. «десятки» стран АСЕАН, Китая, Японии и Южной Кореи. В 2002 г. Путраджая, опираясь на китайское содействие, попыталась образовать секретариат АПТ, но не нашла поддержки некоторых партнеров по АСЕАН.

Как раз созданная в рамках АПТ исследовательская группа выступила с предложением о создании на постоянной основе Восточноазиатского саммита (ВАС) для обсуждения широкого круга проблем обеспечения безопасности, политического взаимодействия и торгово-экономического сотрудничества в обширном регионе тихоокеанской Азии. Однако в дельнейшем, когда к участникам ВАС присоединились Австралия, Индия и Новая Зеландия, Малайзия и Китай предпочли ограничить его ролью «диалогового форума», а в качестве главного инструмента создания в перспективе Восточноазиатского сообщества считать структуру АПТ.

В резкой форме решительное несогласие с расширением числа участников ВАС высказал Махатхир, к тому времени простившейся с креслом главы правительства. Со свойственной ему прямотой он заявил, что включение Австралии и Новой Зеландии коренным образом изменило сущность первоначальной идеи, окрестив ВАС в новом формате «Восточноазиатско-австралозийским саммитом». По его мнению, Австралия и Новая Зеландия по своей культурной идентичности не принадле-

жат к Восточной Азии. Более того, малайзийский патриарх окрестил Австралию «заместителем американского шерифа», призванным на охрану интересов США в Восточной Азии.[7]

В начале постмахатхировская эры

Сменив Махатхира в октябре 2003 г. в офисе премьер-министра, Абдулла Ахмад Бадави, в прошлом продолжительный срок занимавший пост министра иностранных дел, поставил перед дипломатическим ведомством Малайзии задачу обеспечить преемственность и динамичное продолжение прежнего внешнеполитического курса, более четко и конкретно обозначить международные позиции Малайзии, давать прагматичный ответ на геополитические и мирохозяйственные вызовы.[8]

Хотя политические отношения Малайзии с такими ведущими внешнеполитическими партнерами, как США и Сингапур начали претерпевать серьезные изменения, базовым элементом взаимных связей с Китаем остались торговля и инвестиции. Свой визит в Пекин в мае 2004 г., посвященный 30-летию установления официальных отношений между Малайзией и КНР, пятый по счету малайзийский премьер-министр практически полностью посвятил торгово-экономическим темам. Беспокойство Путраджаи вызывал тот факт, что хотя в абсолютных цифрах объем взаимного товарооборота неуклонно возрастал, в нем образовалось растущее отрицательное сальдо. Национальный бизнес стал терять конкурентоспособность по сравнению с более дешевыми китайскими промышленными товарами, одновременно сохранялись препятствия для продвижения на рынок КНР высокотехнологичной продукции, в производстве которой Малайзия сохраняла сравнительные преимущества. Озабоченность властей и крупного бизнеса Малайзии вызывала также ясно утвердившаяся тенденция оттока прямых зарубежных инвестиций в связи с невиданным хозяйственным бумом в Поднебесной.

Принимая с визитом в декабре 2005 г. премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао, участвовавшего в комплексе ежегодных мероприятий по линии АСЕАН и инаугурации ВАС, Абдулла заверил китайского лидера, что правительство Малайзии расценивает феноменальный экономический рост Китая не только

как вызов соседним странам, но и в качестве дополнительной возможности для собственного прогресса. Вместе с тем, премьер призвал китайского коллегу приступить к совместному поиску дополнительных сфер взаимовыгодного сотрудничества, указав, в частности, на сферы энергетики и туризма.[9]

В июне 2006 г. малайзийская государственная компания *Petronas* и китайская корпорация *China National Offshore Oil* подписали контракт на поставки сжиженного природного газа (СПГ) в КНР. Соглашение имело такую высокую степень важности, что о его заключении было объявлено Абдуллой и Вэнь Цзябао лишь спустя три месяца в южнокитайском Наньнине в ходе юбилейного саммита АСЕАН-КНР, посвященного 15-летию двустороннего диалогового партнерства.

Контракт, подписанный сроком на 25 лет и на сумму в 25 млрд. долл., предусматривал ежегодные поставки около 3 млн. тонн СПГ до 2012 г. с дальнейшим сохранением уровня отгрузки продукта на весь последующий срок соглашения. Поставки должны были производиться с принадлежавшего *Petronas* одного из крупнейших в мире завода по сжижению газа в районе Бинтулу в Сараваке. В свою очередь, предприятие работало на сырье, добываемом на шельфе ЮКМ в зоне притязаний КНР.[10]

Заключение соглашения, одобренного на высшем уровне, обнажало весьма примечательный факт. А в конкретном измерении, что КНР фактически признала, что именно Малайзия являлась владельцем газовых месторождений, расположенных в 200 милях от побережья штата Саравак в ЮКМ. В противном случае, вряд ли Пекин стал расходовать миллиардные суммы на приобретение газа, добываемого иностранным государством на его суверенной территории.

В июле 2007 г. Абдулла направил в Пекин своего министра иностранных дел Сайеда Хамида Албара. Основной задачей его миссии являлось привлечение китайских инвестиций в задуманный премьер-министром грандиозный проект создания свободной экономической зоны Искандар на юге штата Джохор, пограничного с Сингапуром. Проект, скопированный с действующих аналогичных начинаний в Китае и Кувейте, был призван превратить этот район в крупную агломерацию, в которой соседствовали бы высокотехнологичные производства,

научно-исследовательские центры, туристические и жилые зоны повышенной комфортности. По планам правительства Абдуллы, главными инвесторами в реализации проекта Искандар должны были выступить, наряду с ТНК и сингапурскими вкладчики капитала крупные китайские инвесторы. Однако, как продемонстрировал дальнейший ход событий, компании КНР не проявили особого энтузиазма по поводу участия в финансировании задумки малайзийского премьера. В качестве его личной победы можно было лишь считать согласие КНР выделить крупный кредит на сооружения второго моста, соединяющий остров Пинанг, «малую родину» Абдуллы, с материковой частью Полуостровной Малайзии.

При Абдулле Малайзия приоткрыла двери для налаживания сотрудничества с КНР в военной сфере. В апреле 2006 г. по приглашению Наджиба Разака, тогдашнего министра обороны, страну посетил его китайский визави Као Гангчуан, высказавшийся за развитие полнокровных связей между оборонными ведомствами двух стран на основе достигнутого в сентябре 2005 г.соглашения о военном сотрудничестве. В качестве первого шага он предложил проведение совместных маневров и поисково-спасательных операций, а также взаимный обмен слушателями военных учебных заведений. Эти предложения встретили позитивную реакцию, от себя Наджиб добавил полезность организации визитов кораблей ВМФ Малайзии в порты КНР.[11]

Ранее КНР предлагала Малайзии ряд систем оружия, включая надводные корабли. Однако Путраджая ответила вежливым отказом, предпочтя традиционных поставщиков – США, Великобританию и Францию, а также Россию. В 2004 г. она в принципе согласилась на закупку китайских зенитных комплексов среднего радиуса в обмен на поставку технологий производства переносных зенитных ракет. Однако в дальнейшем малайзийское военное ведомство потеряло интерес к этой сделке, испытывая трудности с бюджетным финансированием, а также получив от России предложение поставить аналогичную технику и технологии ее производства по более низкой цене. [12]

Выступая в апреле 2006 г. в парламенте, Наджиб призвал депутатов не рассматривать усиление военно-морской мощи КНР как свидетельство экспансионистских устремлений Поднебесной. Министр обороны и другие официальные лица в правительстве Малайзии предпочитали, во всяком случае публично, озвучивать точку зрения, что Китай не вынашивает гегемонистских амбиций в отношении стран ЮВА. В малайзийских правящих политических и близких к ним академическим кругах стало некорректным именовать КНР иначе, чем дружественное государство. Всем сомневающимся в этом, как правило, ограничивали возможность открыто высказывать собственное мнение.[13]

Что же касалось подхода КНР к Малайзии, он определялся, прежде всего, геополитическими интересами, как к стране, вдоль западного побережья которой пролегал стратегически важный Малаккский пролив, артерия, обеспечивавшая поступление около 80 процентов необходимого китайской экономике энергетического сырья. Данная реальность определяло повышенную заинтересованность Пекина в поддержании и развитии оптимально дружественных отношений с Путраджаей. Не располагая возможностями обеспечить безопасность морского судоходства в 960-километровом проливе собственными силами, Китай высоко оценил официальный отказ Малайзии привлечь к выполнению данной задачи США, Японию и Индию, своих традиционных антагонистов. Со своей стороны, КНР предложила содействовать Малайзии в обеспечении безопасности Малаккского пролива посредством обмена разведывательной и иной информацией.

В более широком контексте лейтмотивом заявлений китайских руководителей разного уровня в ходе встреч и переговоров с малайзийцами неизменно выступал тезис, что всесторонний рост могущества Поднебесной несет лишь благо населяющим народам ЮВА. С целью нивелировать страхи по поводу «мягкого наступления» на Наньян, «страны южных морей» по китайской терминологии, использовались лозунги «нести добро соседям, обращаться с соседями как с партерами» (*yulin weishan, yilin weiban*), и «поддерживать дружественные

отношения с соседями, помогать им ощущать себя в безопасности, способствовать их обогащению» *(mulin, anlin, fulin).*[14]

Важное место во внешнеполитической пропаганде Пекина отводилось проведением исторических параллелей между современностью и эпохой средневековой династии Мин. В особенности оказывалось на благоприятное значение связей, возникших в результате морских путешествий китайского адмирала Чжэн Хэ (1405-1433 гг.). Особо подчеркивалось, что установившиеся в их результате вассальные отношения небольших прибрежных княжеств Наньяна по отношению трона могущественного минского императора защитило от внешней угрозы, материально и культурно обогатили их население. На этом основании следовал недвусмысленный намек, что доминирование КНР в нынешнюю эпоху должно принести странам ЮВА такие же, если не большие блага, чем во времена основателя минской династии императора Чжу Ди.[15]

В 2005 г. в Китае торжественно отпраздновали 600-летие первого путешествия Чжэн Хэ, пригласив представителей малайзийской китайской диаспоры. В Мелаке (Малакка), которую в 1409 г. посетила его флотилия, нынешней столице одноименного штата Малайзии, был сооружен памятник знаменитому китайскому мореплавателю, считаемому основателем местной китайской общины и в известной степени ее святым покровителем.

Наджиб Разак и Китай

Пришедший к власти в условиях углубляющегося глобального экономического кризиса и обострения внутриполитической обстановки в стране, новый премьер-министр Малайзии Наджиб Разак вольно или невольно был «приговорен» обратить повышенное внимание на китайское направление своей дипломатии. Уместно в этой связи, видимо, принять во внимание, что для Наджиба отношения с Китаем имели особое значение в личном плане. Он приходился сыном второму премьер-министру Малайзии Абдул Разаку, совершившему в мае 1974 г. «исторический» визит в Пекин и первым среди стран АСЕАН установившему дипломатические отношения с «красным» Китаем. Тогдашний визит стал крупнейшим дипломатическим

прорывом Малайзии на международной арене и личным триумфом Абдул Разака. Наджиб явно рассчитывал продолжить проторенную родителем стезю, обзавестись на этом поприще собственными лаврами.

Действительно знаковым событием, имея в виду широту повестки дня переговоров и количество одобренных документов по дальнейшему развитию двусторонних взаимосвязей, стал визит нового главы кабинета в Пекин в июне 2009 г., приуроченный к 35-летию установления дипломатических отношений между двумя государствами.

Данное обстоятельство подчеркивало особую значимость Китая как партнера Малайзии в условиях разразившегося глобального кризиса, болезненно сказавшегося на состоянии национальной экономики. Падения спроса на рынках США, Японии и Западной Европы вызвало значительное падение экспорта, в отрицательной зоне оказался прирост ВВП. Прибыв в китайскую столицу, Наджиб заявил, что видит в Китае авангард вывода мировой экономики из полосы рецессии, призвал к усилению интеграции между экономиками Восточной и Юго-Восточной Азии.[16]

Визит Наджиба оказался насыщенным контрактами, нацеленными на создание новых возможностей для национального бизнеса в КНР, что, в свою очередь, было призвано дать дополнительный импульс росту экономики страны. Одно из главных подписанных соглашений предусматривало участие консорциума малайзийских компании в проекте строительства городской агломерации в провинции Шандунь, предусматривавшего массовых жилищное строительство, сооружение торгово-развлекательных комплексов, а также целого ряда образовательных центров университетского уровня. Данный проект мог стать первым начинанием подобного рода в истории двусторонних экономических отношений и одним из крупнейших венчурных проектов, осуществляемых иностранным капиталом на территории КНР. Его можно было считать проявлением новой тенденции в зарубежной инвестиционной политике Малайзии. Помимо этого, в Пекине было подписано также 16 соглашений о сотрудничестве в различных отраслях, начиная с био-

технологий и заканчивая созданием совместных телепрограмм[17]

В ходе визита в Пекин Наджиб намеревался договориться о наращивании китайских инвестиций в Малайзии, остававшихся на весьма низком уровне. За период 2000-2008 гг. они составили лишь 134 млн. долл., в то время как малайзийские компании вложили в китайскую экономику 1.36 млрд. долл.[18] В ходе переговоров с председателем КНР Ху Цзиньтао и премьером Вэнь Цзябао обсуждались вопросы строительства на основе крупного китайского льготного кредита двухколейной железной дороги в Западной Малайзии. Наджиб предложил китайской стороне принять участие в завершении сооружения гидротехнического комплекса Бакун в Сараваке, включая прокладку высоковольтного кабеля по дну ЮКМ для подачи электроэнергии в полуостровную часть Малайзии.

Еще в феврале 2009 г. для облегчения условий взаимного инвестирования Путраджая и Пекин заключили своп-соглашение об обмене национальными валютами в размере 40 млрд. малайзийских ринггит или 80 млрд. юаней. Малайзия также предложила Народному банку Китая лицензию на обслуживание действующих в стране китайских компаний, испытывающих проблемы с краткосрочной ликвидностью.[19]

Хотя взаимная торговля росла высокими темпами, достигнув к концу 2008 г. почти 40 млрд. долл., а КНР вышла на 4-е место среди ведущих внешнеторговых партнеров Малайзии, премьер-министр предложил вплотную заняться совместными шагами по ее диверсификации. На тот момент около 70 процентов малайзийского экспорта в КНР составляла продукции электротехнической и электронной промышленности, а также пальмовое масло. Соответственно 65 процентов импорта из Китая приходилось на электротехнические изделия, отдельные виды машинного оборудования и запасные части. Малайзийский лидер призвал китайских партнеров увеличить долю высокотехнологичной продукции, расширить сотрудничество в сфере туризма, торговли финансовыми услугами и строительства. [20]

Переговоры в Пекине проходили за полгода до вступления в силу Соглашения о свободной торговле между АСЕАН и

КНР (КАФТА). Для Малайзии это означало, что к концу 2010 г. тарифы на всю номенклатуру ее экспорта в Китай отменялись полностью, одновременно аннулировались тарифные ограничения на 9 тыс. наименований товаров, импортируемых из «срединного государства».[21]

На пекинской встрече, по естественным причинам, большое место заняло обсуждение политической проблематики. В духе сложившихся подходов малайзийской дипломатии, Наджиб высказался за урегулирование споров в ЮКМ мирными дружественными средствами, дабы гарантировать, что имеющиеся разногласия не нанесут ущерба «сердечным отношениям» сторон в будущем. [22]

Соперничество национальных суверенитетов в ЮКМ едва не обернулось острым дипломатическим конфликтом, когда в мае 2009 г. Малайзия и Вьетнам совместно обратились в Комиссию по лимитам континентального шельфа при ООН (*CLCS)* по поводу территориальных притязаний КНР в ЮКМ. Демарш вызвал острую реакцию в Пекине, отвергшим аргументы, представленные Путраджаей и Ханоем, и добившимся, что Комиссия не стала рассматривать обращение. Тем не менее, факт сам по себе бросил тень на малайзийско-китайские политические отношения.

Стороны, однако, предпочли расценить инцидент как недоразумение. Вэнь Цзябао заверил малайзийского коллегу, что КНР намерена придерживаться известной Декларации 2002 года. Со своей стороны, Наджиб, выступая в Пекинском университете международных исследований, заявил, что Путраджая считает Китай не угрозой, а важным партнером. Стороны согласились принимать во внимание коренные интересы друг друга в ЮКМ и идти по пути интенсификации взаимодействия в его акватории. Были подписаны двусторонние соглашения о сотрудничестве в сфере морских исследований, а также подписан план совместных действий по эксплуатации ресурсов ЮКМ.[23]

К обоюдному удовлетворению сторон, визит завершился в «розовых» тонах. Вернувшись из поездки, Наджиб заверил сограждан, что визит явился успешным как с точки зрения «исторической перспективы, так и будущего развития двух стран». В

аналогичном духе высказался Ху Цзиньтао, подчеркнув, что двусторонние отношения вступили в «более зрелую по глубине фазу взаимодействия».[24]

В рамках празднования юбилея дипломатических отношений между двумя странами в ноябре 2009 г. с ответным визитом Малайзию посетил Ху Цзиньтао. Он стал вторым по счету главой китайского государства после побывавшего в Куала-Лумпуре в 1994 г. Цзян Цзэминя. Визит председателя Ху осуществлялся в рамках азиатского турне, основным моментом которого являлось участие в саммите АТЭС в Сингапуре.

Повестка дня визита предусматривала церемонию открытия в Куала-Лумпуре отделения Промышленно-коммерческого банка Китая, ставшим после Банка Китая вторым финансовым учреждением КНР в Малайзии. Было объявлено также о создании совместного предприятия между одной из китайских фирм и компанией *Sime Darby,* крупнейшим производителем пальмового масла. Китай на тот момент являлся крупнейшим импортером этого продукта малайзийского плантационного хозяйства, завозя ежегодно около 356 тыс. тонн. Получила реализацию договоренность, достигнутая во время пекинского визита Наджиба, и подписан контракт об участии китайского капитала в строительстве 197-километровой железной дороги Гемас - Джохор-Бару стоимостью около 3 млрд. долл.[25]

Уместно, видимо, отметить, что визит лидера КНР, продемонстрировавший дружественный характер малайзийско-китайских отношений, имел для правительства Наджиба большое значение не только с чисто коммерческой точки зрения, но и позиций политических. С помощью его демонстративного эффекта правящий Национальный фронт (НФ), коалиция этнических и региональных партий во главе с Объединенной малайской национальной организацией (ОМНО), стремился в доступной мере восстановить лояльность местного китайского населения. На всеобщих выборах 2008 г. китайский электорат показал глубокое недовольство широким аспектом политики властей, что привело к потере НФ абсолютного большинства в федеральном парламенте и утере контроля за рядом ведущих штатов страны.

Выступая в конце апреля 2010 г. в Куала-Лумпуре на открытии отделения Промышленно-коммерческого банка Китая, Наджиб заявил, что в предыдущем году, пришедшемся на пик глобальной рецессии, КНР стала крупнейшим коммерческим партнером Малайзии, а взаимный товарооборот достиг 51.9 млрд. долл. Премьер выразил надежду, что объем торговли можно будет удвоить в течение ближайших 5 – 6 лет. Он отметил также, что углубление двусторонних связей позволило малайзийским компаниям выйти на такие сектора национального хозяйства Китая, как оптовая и розничная торговля, производство телекоммуникационной техники. Данные направления, по его словам, открывали самые благоприятные перспективы, учитывая демографический фактор и рост благосостояния населения КНР. Наряду с этим, Наджиб выразил пожелание, чтобы двусторонние торгово-инвестиционное сотрудничество охватывало бы такие отрасли, как энергетика, сельское хозяйство, рыболовство, сферу науки и высоких технологий.[26]

Новым важным прорывом в двусторонних экономических отношениях выступило подписание в начале 2010 г. контракта между малайзийским инвестиционным агентством *1 Malaysia Development (1MDB)* и Государственной корпорацией электрических сетей Китая *(CGCC*). Контракт стоимостью 11 млрд. долл. предусматривал завершение сооружения гидротехнического комплекса и крупного алюминиевого завода на базе замороженного в предыдущие годы проекта Бакун в Сараваке, начатого во времена Махатхира. Предварительная договоренность по этому вопросу была достигнута в ходе визита Наджиба в Пекин в середине 2009 г. По объему выделяемых китайской стороной средств саравакский проект перекрыл стоимость строительства нефтеперерабатывающего завода в штате Кедах. На него КНР ассигновала 10 млрд. долл.[27]

Обращал на себя внимание тот факт, что вести финансовые дела с Китаем было поручено инвестиционно-банковскому холдингу *Commerce International Merchant Bankers (CIMB*), принадлежавшему Назиру Разаку, одному из младших братьев премьер-министра. За годы пребывания Наджиба на постах министра обороны и главы кабинета холдинг превратился в крупнейшего игрока на финансовом поле Малайзии, вынашивая ам-

бициозные планы стать ведущей банковской корпорацией всей зоны АСЕАН. В октябре 2010 г. в ходе ежегодных асеановских мероприятий, проходивших в Ханое, CIMB, выступая во главе ряда банков стран региона Юго-Восточной Азии, подписал соглашение о создании Межбанковской ассоциации Китай - АСЕАН *(Caiba).*[28]

Даже поверхностный анализ свидетельствовал, что инвестируя весьма значительные средства в малайзийскую экономику (около 23 млрд. долл.), КНР отдавала безусловный приоритет крупным проектом в энергетике, разработке и добыче стратегического сырья и транспортной инфраструктуры. В конечном итоге они нацеливались на обслуживание в будущем экономики самой Поднебесной и ее геополитических интересов. В частности, строительство участка железной дороги в Западной Малайзии должно было добавить необходимое звено в прокладке трансазиатской магистрали, которая в перспективе соединит прямым сообщением Пекин и Сингапур. Одновременно в Пекине неохотно шли на капиталовложения в обрабатывающую промышленность Малайзии, явно не желая создавать себе дополнительных конкурентов. Подрастая мелкими шашками, они составили в сумме в 2009 г. лишь 47 млн. долл.[29]

Что же касается оценки правительством Наджиба «мягкого наступления» КНР, по мнению Куик Чэн Чуи *(Kuik Cheng Chwee*), авторитетного специалиста-международника Национального университета Малайзии, пока активизация Китая в сфере региональной безопасности напрямую не вступала в противоречие с геополитическими интересами творцов внешней политики Малайзии, Путраджая будут воздерживаться от резких шагов и заявлений, весьма сдержанно реагировать на подвижки в складывающейся ситуации.[30] Это вовсе не исключало появления в малайзийских СМИ отдельных высказываний с выражением озабоченности по поводу усиления, например, роста нестабильности в акватории ЮКМ.

Заключение

Отношения Малайзии с Китаем прошли длительную эволюцию: от взаимной враждебности и подозрительности, сохранявшихся вплоть до конца 80-х годов прошлого века, до тесно-

го партнерства в первом десятилетии XXI века. Под влиянием растущего политэкономического прагматизма правящей элиты Малайзии, курс страны по отношению Поднебесной закрепился на позициях комбинации различных вариантов внешнеполитической стратегии.

Прежде всего, Малайзия наряду с такими ветеранами АСЕАН, как Сингапур и Таиланд выступила поборницей и проводником политики «глубокой вовлеченности» Китая в сеть постоянно увеличивающихся двусторонних и многосторонних (в рамках диалога АСЕАН-КНР) связей, контактов, официальных и неофициальных договоренностей, получившей в теории современных международных отношений термин *engagement-binding strategy*. Однако, поскольку ни Малайзия, ни страны АСЕАН коллективно не обладали потенциалом, позволяющим эффективно проводить стратегию «глубокой вовлеченности», крайне важным представлялось сохранение присутствия в ЮВА других крупных держав, дабы удержать КНР в русле «конструктивной вовлеченности». Под этим углом зрения следовало рассматривать заинтересованность Малайзии и ее партнеров по АСЕАН в участии внерегиональных держав в АРФ и ВАС.

По мере укоренения принципов политэкономического прагматизма во внешней политике Малайзии, пионером которого выступил Махатхир и занявших едва ли главное место в зарубежной дипломатии Путраджаи, стратегия «глубокой вовлеченности» стала в растущей степени комбинироваться с элементами закамуфлированного признания превосходства Китая в региональных делах (*limited bandwagoning*).

С точки зрения Куик Чэн Чуи, архитекторы внешнеполитической стратегии Малайзии избрали этот путь, стремясь извлечь максимальные выгоды из развития двустороннего торгово-экономического сотрудничества с Поднебесной и достижения некоторых важных внешнеполитических задач. Такая стратегия была не только желательной, но и необходимой для правящей элиты Малайзии с точки зрения удержания государственной власти в полиэтнической стране. Поступательное развитие торговли и инвестиционного сотрудничества с КНР предоставляли верхнему эшелону правящего Национального

фронта дополнительные возможности для более или менее пропорционального дележа национального экономического пирога между различными этническими группами с целью завоевания на свою сторону большинства электората на всеобщих и региональных выборах. Одновременно поддержка Пекина инициатив Путраджаи по формированию новой архитектуры экономического взаимодействия в Восточной Азии выступала как важное подспорье укреплению авторитета сменявших друг друга правительств Национального фронта как внутри страны, так и на региональной политической арене.[31]

Для сравнения, по этому пути не пошла Индонезия, традиционно рассматривавшая Китай как геополитического соперника в ЮВА и не проявлявшая особого интереса в реализации при поддержке Пекина планов формализации восточноазиатского экономического сотрудничества. Сходной позиции придерживался Сингапур в силу особой чувствительность местной элиты к вопросам сохранения государственного суверенитета островной республики, а также из-за опасений по поводу долгосрочных амбиций набирающего мощь Китая. Находившиеся в состоянии непосредственного противостояния с Китаем в ЮКМ Филиппины, в свою очередь, избрали стратегию «балансирования малой интенсивности» (*low-intensity balancing*). Манила приветствовала сохранение американского присутствия в регионе и поощряла доступ Пентагона к военным базам на своей территории, одновременно расширяя торговое и инвестиционное сотрудничество с КНР.

---

[1] Karminder Singh Dhillon. Malaysian Foreign Policy in the Mahathir Era. Dilemmas of Development. Nus Press, Singapore,2009, p.140

[2] Op. cit., p.151

[3] Wain, Barry. Malaysian Maverick. Mahathir Mohamad in Turbulent Times. Palgrave Macmillan, 2009, p. 261

[4] Цит. по: Karminder Singh Dhillon. Op. cit., pp.153-154

[5] Урляпов В.Ф. Проблема архипелага Спратли: современное положение. Региональные конфликты в Азии и Северной Африке. М.Институт востоковедения РАН,1997, с.212

[6] Канаев Е.А. Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюцию М.: Готика, 2007,

cc. 148-150. Jing-dong Yuan. China-ASEAN Relations: Perspectives, Prospects and Implications of U.S. Interests, October 2006. http:// www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles

[7] Цит. по: Маслов Г.М., Урляпов В.Ф. Вьетнам в системе современных международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М.: ИД «Ключ-С», 2009, с.181

[8] Bilateral Diplomacy. Ministry of Foreign Affairs. www.kln.gov.my

[9] The Straits Times. Singapore, 17.12.2005

[10] International Herald Tribune, 30.10. 2006

[11] Beijing and KL Boosting Security Ties. http:// www. siiaonline. org/home?wid=171&func=view. 12.04.2006

[12] Ibid.

[13] Storey, Ian. Malaysia Hedges its China Exposure. Asia Times Online. 17.07.2007

[14] Sutter, Robert, Chin-Hao Hung. China-Southeast Asia Relations: Military Diplomacy and China Soft Power. Comparative Connections. A Quarterly E-Journal on East Asian Bilateral Relations. June 2006, p.78

[15] Holmes, James. “Soft Power” at Sea: Zheng He and China’s Maritime Diplomacy. Virginia Review of Asian Studies, 2007, pp.1-2

[16] Lim Tin Seng. Renewing 35 Years of Malaysia-China Relations: Najib Visit to China. http:// www. eai.nus.edu. sg. 03.06.2009, p.3

[17] Op. cit., p.5

[18] New Straits Times, Kuala Lumpur, 04.06. 2009

[19] The Star. Kuala Lumpur, 08.02.2009

[20] Lim Tin Seng. Op. cit., p.8

[21] Ibid., p.10

[22] The Star. , 06.06.2009

[23] Malaysia PM Wants Friendly Talks. China Daily Online, 04.06. 2009

[24] New Straits Times, 05.06.2009

[25] The Straits Times, 12.11.2009

[26] PM Najib: Malaysia Hopes Trade with China Will Double in 5-6 Years. http://www. namnewsnetwork.org/ 2/ read.php?id=118471. 28.04.2010

[27] The Straits Times, 12.01.2010

[28] CIMB Picked for Role in China Ties. http://www.btimes.com.my/ Current News/ BTIMES/articles. 30.10.2010

[29] The Straits Times, 08.10.2010

[30] Ibid

[31] Kuik Cheng Chwee. The Essence of Hedging: Malaysia and Singapore’s Response to a Rising China. Contemporary Southeast Asia, August 2008, p.13

© ***Муранова А.П.***
ИВ РАН

НАЛОГОВОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ ЧАСТНОГО БИЗНЕСА в БРУНЕЕ-ДАРУССАЛАМЕ

Прежде чем изложить содержание политики налогового стимулирования частного бизнеса в Брунее-Даруссаламе, стоит, на наш взгляд, дать краткую характеристику экономики страны и её проблем, чтобы лучше понять предназначение фискальных стимулов.

Султанат Бруней примечателен тем, что это небольшое по размерам территории и населения[1] государство Юго-Восточной Азии занимает не только в этом регионе, но и в мире лидирующие рейтинговые места по ряду важных социально-экономических показателей. В частности, валовой внутренний продукт в расчёте на одного жителя – один из самых высоких в мире. По данным Международного валютного фонда, подушевой ВВП, исчисленный по паритету покупательной способности, равнялся в 2009 г. 47930 долл. США. По этому показателю страна занимает 2-е место в ЮВА, уступив Сингапуру (50180 долл. США) и 5-е место в мире среди 183 государств[2]. В стране поддерживается один из самых высоких в мире стандартов жизни. Индекс развития человека, которым измеряют качество жизни в той или иной стране, также относится к числу очень высоких – 0,920. И по этому показателю Бруней входит в лидирующую группу из 38 государств, занимая 30 место среди 182 государств и территорий, 2-е место в ЮВА (после Сингапура, который находится на 23-м месте с индексом 0,944) и 1-е место в исламском мире[3]. Брунею принадлежит 5-е место в ЮВА по добыче нефти (175,2 тыс.барр. в день в 2008г.) и 4-е место по её экспорту 152,9 тыс.барр. в день). Он является 4-м в мире крупнейшим производителем сжиженного газа и 9-м крупнейшим его экспортёром[4].

Экономика Брунея уникальна. Нефть и газ, месторождения которых были открыты в 1929г., являются хребтом национального хозяйства и фундаментом процветания страны. В 2008г. в нефтегазовом секторе было произведено 70,1% ВВП,

исчисленном в текущих ценах, в ненефтегазовом частном секторе - 19,3%, в государственном секторе – 10,6%. В отраслевой структуре ВВП значение первичного сектора (земледелие, животноводство, лесное хозяйство) и обрабатывающей промышленности ничтожно: соответственно 0,7% и 1,1%. Более развиты финансовая сфера (3%) , строительство(2,9%), транспорт и связь (2,7%)[5]. Роль нефтегазового комплекса выглядит ещё более внушительной при ознакомлении со статистикой внешней торговли и государственных финансов. В 2008г. выручка от продажи на мировом рынке продукции нефтегазовой промышленности составила 97,8% стоимости экспорта (оставшаяся доля приходится на одежду)[6]. В 2007/08г. от нефтяных и газовых компаний поступило в казну в виде корпоративного налога 2765 млрд. бр. долл., а от других компаний – всего лишь 100 млн. бр. долл. Кроме того, они уплатили 2402 млрд. долл. в форме дивидендов и роялти. Таким образом, общая сумма платежей сырьевых корпораций в государственный бюджет составила 5167 млрд. бр. долл., или 89,6% всех поступлений[7].

Слабым местом национального хозяйства Брунея является очень узкий внутренний рынок, обусловленный немногочисленностью населения, - по этому показателю страна заняла в 2009г. 115 место среди 133 государств, включенных в наблюдение Всемирным экономическим форумом. Крайне ограниченный спрос сдерживает стремление местных и иностранных компаний инвестировать в ненефтегазовые предприятия, поскольку трудно организовать производство в объёме, необходимом для поддержания конкурентоспособности. Острой проблемой стало трудоустройство увеличивающейся рабочей силы. С одной стороны, в стране относительно высокий уровень безработицы (7 тысяч человек, или 3,7% рабочей силы в 2008г.), что связано со слабым поглощением рабочей силы главным - нефтегазовым сектором (2,5% занятых в 2006г.) и неразвитостью остальных отраслей, а также с нежеланием коренных жителей, особенно молодёжи (по преимуществу малайцев), трудиться на частных предприятиях и их стремлением работать в госсекторе, где высокие зарплаты, бонусы, скидки на оплату жилища, беспроцентные кредиты и прочие льготы. С другой стороны, частный сектор ощущает хроническую не-

хватку рабочей силы, прежде всего высококлассных профессионалов и рабочих с низкой квалификацией, и решает эту проблему за счёт иммигрантов, которых в 2010г. насчитывалось 87800 человек, или 44% занятых[8].

В течение длительного периода правительство прилагает усилия для того, чтобы решить стратегически важную задачу – постепенно изменить отраслевую структуру хозяйства, отойти от полной зависимости от углеводородов, делающей страной уязвимой к колебаниям мирового рынка энергоносителей, и диверсифицировать экономику путем ускоренной технической модернизации и создания современных высокотехнологичных отраслей промышленности и услуг, в первую очередь финансовых и туризма. Необходимость преобразования национального хозяйства становится всё более настоятельной в связи с истощением запасов нефти и газа в разрабатываемых месторождениях. По некоторым оценкам, запасов нефти хватит примерно на 25-30 лет, а природного газа – на 40 лет[9]. Хотя полагают, что есть перспективы освоения новых месторождений нефти в районе Seria North Flank[10]. По мнению экспертов МВФ, озвученному в июне 2009г., «главные долговременные вызовы для Брунея - это расширение запасов нефти и газа, диверсификация производственной базы путем повышения активности частного сектора и усиление воздействия фискальной политики на макроэкономическую ситуацию»[11].

Правительство Брунея-Даруссалама видит решение стоящих перед страной проблем не только в мобилизации и поощрении национального предпринимательства, ещё недостаточно развитого, но прежде всего в массированном привлечении зарубежного капитала с его продвинутой технологией и высококвалифицированным менеджментом и создаёт для этого благоприятную конкурентоспособную инвестиционную среду.

Одним из инструментов, активно используемых правительством для реализации экономической стратегии, служит налогообложение, являющееся немаловажным элементом инвестиционного климата в любой стране.

В Брунее функционирует одна из самых либеральных в Азии налоговых систем. Количество налогов - минимальное. Физические лица, а также члены некорпоративных товари-

ществ (т.е. партнёры, совместно ведущие деловые операции, но не оформленные как юридические лица) не подлежат подоходному налогообложению (однако на китайцев, составляющих 16% населения, это правило не распространяется, так как они не считаются подданными султана и являются либо лицами без гражданства, либо имеют британские паспорта защищённых лиц). В стране не взимаются налог с оборота (или, как его ещё называют, налог с продаж), налог на фонд заработной платы (в других странах его обычно уплачивают работодатели), налог на прирост капитала, взносы на социальное страхование. Нет экспортных пошлин – они отменены в 1973г. в целях поощрения отечественных предпринимателей, желающих вывозить за рубеж местную продукцию. Как правило, освобождается от уплаты пошлин импорт основных видов продовольствия (за счёт ввоза обеспечивается около 90% потребностей страны). Беспошлинно ввозятся товары производственного назначения, а для других товаров установлены низкие пошлины (кроме автомашин, косметических и парфюмерных товаров, сигарет и прочих табачных изделий)[12].

Главной формой налогообложения является взимание налогов с доходов юридических лиц. При этом налоговые резиденты, т.е. инкорпорированные или зарегистрированные в Брунее публичные и частные компании, обязаны уплачивать подоходный налог со всех доходов, включая и извлечённые за рубежом, и переведённые и полученные в Брунее. Налоговые нерезиденты, т.е. инкорпорированные в других странах и имеющие в Брунее филиалы или представительства, платят налог только с доходов, извлечённых на территории Брунея. Основной налог – налог на прибыль, или корпоративный налог: на его долю в 2006г. приходилось 98% всей суммы налоговых поступлений в государственный бюджет[13]. Именно этот фискальный инструмент преимущественно используется правительством для стимулирования инвестиционной активности частного бизнеса и составляет центральный элемент режима чрезвычайно льготного налогообложения.

Либеральность фискальной политики правительства объясняется двумя факторами. Во-первых, стремление привлечь иностранные инвестиции в условиях расширяющейся глобали-

зации и усилившейся в мире конкуренции из-за них побуждает правительство создавать привлекательные конкурентоспособные условия для их функционирования. Во-вторых, благодаря указанным выше колоссальным поступлениям от нефти и газа правительство располагает большими финансовыми ресурсами, которые позволяют безболезненно для госбюджета снижать налоговую нагрузку на предпринимательский корпус.

Налоговое стимулирование частного национального и иностранного предпринимательства осуществляется в двух формах: 1) понижение номинальных ставок корпоративного налога и 2) предоставление инвесторам специальных фискальных послаблений.

Первая форма стимулирования стала заметно развиваться в последнее десятилетие, и связано это не только с внутренними факторами, но и с воздействием внешней экономической среды. Во-первых, углубление глобализации мирового хозяйства усиливает налоговую конкуренцию между странами, что ведёт к тенденции снижения номинальных ставок корпоративного налога во всём мире. Так, средняя общемировая ставка этого налога снизилась с 32,69% в 1999г. до 25,51% в 2009г. а усреднённая ставка в Азиатско-Тихоокеанском регионе – соответственно с 31,67% до 27,49%[14]. Во-вторых, на налогообложение в стране влияют и внутрирегиональные процессы, связанные с выработкой странами ЮВА единой стратегии развития в рамках АСЕАН, членом которого Бруней стал в 1984г. В-третьих, воздействует и либеральная налоговая политика соседних более развитых государств – Сингапура и Малайзии, где правительства провели в нулевые годы XXI века серию снижения ставок налога на прибыль: в Сингапуре – с 26% в 1999-2000гг. до 22% в 2005-2007гг. и до 18% в 2008-2009гг, а в Малайзии - с 28% в 1999-2006гг. до 27% в 2007г. до 26% в 2008г. и до 25% в 2009г[15]. Бруней также постепенно втянулся в общемировой процесс облегчении налоговой нагрузки на частный бизнес и снизил номинальные ставки в 2007г. с 30% до 27,5% , в 2008г. до 25,5%, в 2009г. до 23,5%.в 2010г. до 22%[16](корректировка ставок не коснулась корпоративного налога, выплачиваемого нефтяными и газовыми компаниями,- он взимается по ставке 55%).Кроме того, с 1 января 2008 г. снижены ставки налога на

так называемые пассивные доходы – дивиденды, проценты и роялти, выплачиваемые нерезидентам, с 20% величины дохода до 15% для доходов в форме процентов и до 10% - в форме роялти.

Одной из разновидностей налоговых льгот являются более низкие ставки, фиксируемые в соглашениях об устранении двойного налогообложения и действующие при переводе за рубеж пассивных доходов. Такие соглашения подписаны Брунеем с 14 государствами, в том числе с Великобританией, КНР, Индонезией, Сингапуром, Японией, Вьетнамом, Малайзией, и в соответствии с ними налог, например, с дивидендов взимается по ставке 5% при их переводе в КНР, 10% - в Сингапур, 15% - в Великобританию и Индонезию, тогда как установленная законом ставка – 20%[17].

Как и во многих странах, в Брунее практикуется также система специального льготного режима для частных предпринимателей. Она начала складываться с середины 70-х гг. XX в. В мае 1975г. был принят Закон о стимулировании инвестиций (Investment Incentives Act,1975), нацеленный на поощрение инвестиционной активности частных компаний, в первую очередь иностранных, которые, как предполагалось, примут участие в реализации программы диверсификации экономики, сформулированной 3-им пятилетним планом национального развития на 1975-1979гг. Закон предусматривал налоговые привилегии как на старте предпринимательской деятельности, так и в процессе роста и развития производства[18].

Закон установил три льготных категории инвесторов: 1) вновь создаваемые компании, которым предоставлялся статус пионерных (выпускаемая ими продукция также получала статус пионерной); 2) компании, которые уже имели действующие предприятия и намеревались расширить производство или начать новое; им предоставлялся статус расширяющегося предприятия в отраслях, одобренных правительством (выпускаемая ими продукция также получала статус одобренной); 3)компании, имевшие предприятия в любой отрасли и планировавшие получить у зарубежных кредиторов заём для приобретения производственного оборудования.

Самые большие фискальные льготы предоставлялись пионерным компаниям. Такой статус могли получить только компании с ограниченной ответственностью, зарегистрированные в соответствии с Законом о компаниях и инвестировавшие в новые предприятия отраслей, которые были объявлены пионерными. Таковыми признавались отрасли, которые, во-первых, совсем неразвиты либо развиты слабо и предприятия не могли функционировать на коммерческой основе и выпускать продукцию в объёме, необходимом для удовлетворения потребностей страны, и, во-вторых, имели благоприятные перспективы дальнейшего развития, включая возможность экспорта продукции. Как свидетельствует приведённый в тексте Закона 1975г. список пионерных отраслей, правительство на том этапе ставило очень скромные цели. К числу пионерных были отнесены всего лишь семь, к тому же небазовых отраслей. Это – 1/ ремонт и техническое обслуживание судов, 2/ обслуживание аэролиний (снабжение самолётов продовольствием), 3/ производство цемента, 4/ производство фармацевтической продукции, 5/ сталепрокатное производство, 6/ производство химикатов для нефтегазовой промышленности, 7/ производство алюминиевых и других облицовочных изделий.

Любая компания, получившая сертификат о пионерном статусе, пользовалась несколькими фискальными привилегиями. Это прежде всего налоговые каникулы, т.е. освобождение от уплаты налога на прибыль в течение указанного в законе периода. Продолжительность льготного периода определялась размером инвестиций в основной капитал, что видно из нижеследующих данных:

Инвестиции в основной капитал (бр. долл.)	Продолжительность налоговых каникул
До 250 тыс.	2 года
250тыс. – 500 тыс.	3 года
500 тыс. – 1 млн.	4 года
Свыше 1 млн.	5 лет

Если компания инвестировала к концу льготного периода обусловленную сумму полностью, то каникулы могли быть продолжены на 1, 2, 3 года, но в целом они не должны были

длиться более пяти лет. Налоговые каникулы начинались с первого дня выпуска продукции.

Помимо налоговых каникул, пионерным компаниям предоставлялись и другие послабления. В их числе - а/ освобождение акционеров компании от уплаты подоходного налога на дивиденды; б/ перенос убытков, понесённых компанией в период налоговых каникул, вперед, т.е. их вычет из налогооблагаемой прибыли в послепионерный период, что сокращало налоговую базу и уменьшало размер корпоративного налога, в/ полное или частичное освобождение от уплаты таможенных пошлин при ввозе машин, оборудования, комплектующих деталей, запасных частей и строительных конструкций, которые не изготовлялись в стране, но были необходимы для производства пионерной продукции; г/освобождение от уплаты импортных пошлин при ввозе сырьевых материалов, если они не производились в стране в необходимом объёме, но были необходимы для выпуска пионерной продукции.

Статус расширяющейся компания могла получить при двух условиях. Во-первых, если правительство считало, что расширение производства в данной отрасли экономически выгодно и соответствует общественным интересам. Во-вторых, если компания намеревалась сделать дополнительные инвестиции с целью расширить имевшееся производство или организовать новое. Продолжительность налоговых каникул закон также обусловливал размером новых капиталовложений. Это следует из нижеприведенных данных:

Новые инвестиции в основной капитал	Продолжительность налоговых каникул
До 250 тыс.бр.долл.	3 года
Свыше 250 тыс.бр.долл.	5 лет

Если предприниматель, получивший льготу в три года, инвестировал к концу каникул 250 тыс.бр.долл., то льготный период увеличивался до 5 лет. Льгота начинала действовать с первого дня выпуска продукции.

Третьей категории инвесторов фискальные привилегии предоставлялись только в том случае, если выполнялись следующие условия: 1/ размер займа был не менее 200 тыс. бр.

долл., 2/ получение займа у зарубежного кредитора должно было оформляться финансовым соглашением, в котором прописывалось назначение кредита, 3/ кредит использовался только для приобретения производственного оборудования. Если эти условия соблюдались, компании выдавался сертификат, удостоверявший, что такой заём является «одобренным иностранным займом». Налоговая льгота состояла в том, что предприниматель, переводивший за рубеж иностранному кредитору доход в виде процента, не уплачивал налог «у источника» по ставке 20%.

К концу 90-х годов XXв. стало очевидно, что эффективность Закона 1975г. оказалась не очень высокой. Национальные частные компании, по преимуществу мелкие и средние, а также иностранные компании (за исключением нефтяных и газовых) слабо отреагировали на этот закон. Экономическая активность в стране поддерживалась большей частью инвестициями нефтегазового комплекса и правительственными расходами на социально-экономическое развитие. Например, в течение 7-го пятилетнего плана национального развития на 1996-2000гг. из общей суммы инвестиций в национальное хозяйство в размере 8 млрд. бр. долл. 70,8% (5,6 млрд.) было вложено государственным сектором и только 29,2% (2,36 млрд.) - частным[19]. В целом же ведущую роль в финансировании играли иностранные инвестиции, которые традиционно поступали из двух ведущих источников - Великобритании и Нидерландов: в 1990-2000гг. в страну ежегодно поступало в среднем 349 млн. долл. США, что составляло 80,4% всех валовых капиталовложений в основной капитал. Но они направлялись исключительно в нефтегазовый комплекс. Так, из 1033 млн.бр.долл. прямых зарубежных инвестиций в ненефтегазовый сектор было вложено всего 1%, главным образом в производство одежды, ставшей ведущим товаром ненефтегазового экспорта. В опубликованном в 2000г. отчете правительство признало, что декларированные в планах национального развития цели – диверсифицировать экономическую базу, привлечь новые иностранные капиталовложения, сократить безработицу и снизить чрезмерную зависимость от нефти и газа не были достигнуты[20]. Как следует из данных ЮНКТАД, по показателю привлекательности стра-

ны для иностранных инвесторов Бруней занял в 2001г. очень низкое - 128-е место среди 140 государств, включённых в наблюдение[21].

С конца 90-х годов правительство приступило к разработке новой программы структурной перестройки экономики и стимулирования инвестиционной деятельности частных предпринимателей. Был взят курс на максимальное развитие с помощью иностранного капитала современных высокотехнологичных отраслей промышленности и сферы услуг, в первую очередь финансовых и туризма, и на получение от зарубежных компаний передовой технологии и квалифицированных знаний.

Можно сказать, что в первое десятилетие XXI века началась новая фаза экономического развития Брунея. Одним из первых действий правительства, направленных на реализацию стратегии диверсификации экономики, было учреждение в июле 2000г. Международного финансового центра Брунея (МФЦБ) с целью стимулировать развитие современных форм финансовых услуг с помощью иностранных инвесторов, расширить деятельность исламских банков и привлечь исламские капиталы с других рынков. Правительство позиционирует страну как первоклассный международный банковский и торговый центр, как центр исламской банковской деятельности и как равного партёра в международных финансовых и коммерческих кругах.

Создание МФЦБ стало важной вехой в становлении нового чрезвычайно льготного режима налогообложения, призванного стимулировать инвестиционную активность частного сектора. С августа 2000г. МФЦБ функционирует как офшорный центр. Компании, ведущие международные деловые операции, а также международные партнёрства, имеющие право вести любые операции с нерезидентами в любой стране, и международные доверительные компании, учреждаемые только нерезидентами, освобождены от уплаты корпоративного налога. Международные страховые компании не платят никаких налогов и пошлин. В отношении международных банков (включая исламские) действуют ещё более льготные фискальные правила: не взимаются никакие налоги ни с них самих, ни с их персонала, ни с клиентуры, ни с финансовых продуктов. Таким образом,

Бруней превратился в двойную юрисдикцию, т.е. в стране наряду с национальным налоговым законодательством действует и международное законодательство, предусматривающее офшорные условия бизнеса[22].

Следующим очень важным действием правительства, направленным на поощрение частного предпринимательства, было изменение режима льготного налогообложения, функционировавшего в соответствии с Законом о стимулировании инвестиций 1975г. Пересмотр был вызван разработкой 8-го плана национального развития на 2001-2005гг. – последней фазы долгосрочного двадцатилетнего плана, выполнение которого началось в 1985г. План предусматривал более активную структурную перестройку экономики за счёт развития сельского хозяйства и рыболовства, нефтехимии, нефтепереработки, высокотехнологичных информационно-коммуникационных структур, промышленных кластеров, портового хозяйства, финансовых услуг, туризма, производства и экспорта халяльного продовольствия.

В январе 2001г. султан издал два указа, которые вошли в силу с 1 июня того же года, - Указ о стимулировании инвестиций 2001г.(Investment Incentives Order 2001), который отменил действие Закона о стимулировании инвестиций 1975г., и Указ о подоходном налоге (с поправками) 2001г. (Income Tax /as Amended/ 2001), который развивает и дополняет Закон о подоходном налоге 1949г. Эти акты образуют единое правовое поле, так как дополняют друг друга и создают новый режим льготного налогообложения. Он отличается от предшествовавшего тем, что, во-первых, значительно расширилась сфера применения фискальных послаблений, во-вторых, резко увеличились сроки налоговых каникул и, в-третьих, упрощалась процедура получения привилегий[23]. Управление налоговыми льготами было передано в юрисдикцию двух государственных организаций - Министерства промышленности и природных ресурсов (создано в 1998г.), на которое возложена ответственность за одобрение инвестиционных проектов в первую очередь в таких отраслях, как сельское хозяйство, рыболовство и лесное хозяйство, и за поощрение средних и мелких компаний, и Управления экономического развития Брунея (реконструирован в ноябре

2001г. в связи с созданием нового льготного режима), в функции которого вошло привлечение и поощрение инвестиций отечественных и иностранных предпринимателей, максимизация выгод от этих инвестиций и управление деятельностью промышленных парков.

Круг компаний, которые могут претендовать на получение фискальных льгот, стал весьма широким за счёт включения фирм, занятых в сфере услуг, особенно во внешнеэкономической. Вместо трех типов привилегированных инвесторов Указ о стимулировании инвестиций 2001г. предусматривает пятнадцать типов. Это – 1/ пионерные предприятия промышленности и других отраслей, 2/ пионерные компании сферы услуг,3/ постпионерные компании, 4/ расширяющиеся предприятия промышленности и других отраслей, 5/ расширяющиеся предприятия сферы услуг, 6/ предприятия, выпускающие продукцию на экспорт, 7/ компании, оказывающие услуги за рубежом, 8/ компании, занятые международными торговыми операциями, 9/ компании, получающие иностранные кредиты, 10/ компании, получающие инвестиционные скидки, 11/ компании, владеющие складскими помещениями, 12/ компании, оказывающие услуги нерезидентам, 13/ компании, инвестирующие в новые технологии, 14/ компании, осуществляющие инвестиции за рубежом, 15/ венчурные компании.

Пионерными были объявлены 26 отраслей, которые, по мнению Министра промышленности и природных ресурсов, слабо развиты и выпускаемая ими продукция не обеспечивает потребности страны, но которые имеют высокий потенциал развития. В их числе – семь отраслей, включенных в список по Закону 1975г., а также ряд новых высокотехнологичных отраслей (производство электронной продукции, электромашин, электроаппаратуры, современных средств связи и звукозаписи, медицинской аппаратуры и др.), банковское дело, страхование, туризм.

Компаниям, создаваемым предприятия в пионерной отрасли и получающим сертификат о статусе пионерной, предоставляются налоговые каникулы, продолжительность которых зависит от величины инвестиций в основной капитал и от места их приложения, что видно из нижеследующих данных:

Размер или местоположение инвестиций	Продолжительность налоговых каникул	Продление срока каникул
500 тыс. - 2,5 млн.бр.долл.	5 лет до	11 лет
Свыше 2,5 млн.бр.долл.	8 лет до	11лет
Промышленный парк хайтек	11 лет до	20 лет

Предприятие освобождается от уплаты корпоративного налога с первого дня выпуска продукции. Во время льготного периода оно не имеет права заниматься другим бизнесом или производить другие виды продукции, кроме указанных в сертификате о пионерном статусе. Как и в предыдущем законе, Указ предусматривает освобождение от уплаты таможенных пошлин при импорте машин, оборудования, комплектующих деталей, строительных конструкций, а также сырьевых материалов, если они производятся в недостаточном объёме и нужны для организации производства на пионерном предприятии. Убытки, понесённые во время налоговых каникул, а также налоговые скидки (т.е. освобожденная от налога сумма, которая вычитается из налогооблагаемого дохода перед исчислением налога) могут быть перенесены вперед и вычтены из налогооблагаемой прибыли в постпионерный период

К льготным пионерным предприятиям в сфере услуг относятся фирмы, оказывающие услуги, спектр которых очень широк и включает любые инженерные и технические услуги (лабораторные, научно-исследовательские, консультативные и прочие) дизайнерские, образовательные, компьютерные, управленческие, организацию выставок, конференций и работы частных музеев, услуги аукционных домов и другие. Пионерные сервисные компании освобождаются от уплаты подоходного налога с первого дня своей деятельности в течение 8 и более лет, но не более 11 лет. Им также предоставляется право переносить вперёд убытки, понесённые во время налоговых каникул, и налоговые скидки.

Постпионерной может быть любая компания, которая была пионерной по Закону 1975г. Эта категория компаний освобождается от уплаты налога на прибыль в течение 6 лет, но министр промышленности и природных ресурсов может продлить

срок до 11 лет. Они также имеют право на вычет из налогооблагаемой прибыли убытков и налоговых скидок на капиталовложения после окончания льготного периода.

Статус расширяющегося предоставляется любому предприятию, которое уже имеет налаженное производство и планирует дополнительно инвестировать средства в его расширение либо организацию нового производства в отрасли, объявленной министром промышленности и природных ресурсов одобренной.

Налоговая льгота в виде освобождения от уплаты подоходного налога предоставляется при условии, если расширение выпуска продукции приносит пользу стране и соответствует общественным интересам. Срок льготы зависит от величины дополнительных капиталовложений, что видно из нижеследующих данных:

Размер новых инвестиций	Продолжительность налоговых каникул	Продление срока каникул
До 1 млн.бр.долл.	3 года	до 15 лет
Свыше 1 млн.бр.долл.	5 лет	до 15 лет

Функционирующая сервисная компания может получить статус расширяющейся и право не платить налог на прибыль с первого дня расширения своей деятельности в течение 11 лет. Этот срок может быть продлён ещё на 5 лет за один раз. Но общий срок льготы не должен превышать 20 лет.

В новом законе большое внимание уделено компаниям, ориентированным на внешнеэкономическую деятельность, что свидетельствует о серьёзном намерении Брунея расширить своё присутствие на мировом рынке товаров и услуг и выступать как поставщик не только энергоносителей, но и новых товаров, в частности пользующегося спросом в исламском мире халяльного продовольствия, и разного рода услуг.

Любая фирма, производящая или планирующая производить продукцию с целью вывоза за рубеж, либо имеет или намеревается иметь предприятие в таких отраслях, как сельское

хозяйство, рыболовство или лесное хозяйство, может получить налоговые послабления, если продукция предприятия полностью или частично предназначается для экспорта. Ей предоставляется статус экспортного предприятия с соответствующим сертификатом. Стоимость экспортируемой продукции должна быть не менее 20 тыс.бр.долл. и составлять не менее 20% стоимости всех продаж фирмы. Экспортные фирмы могут иметь статус пионерных и непионерных. Первые освобождаются от уплаты корпоративного налога в течение 6 лет, вторые – в течение 8 лет. Срок может быть продлён до 11лет а при некоторых условиях и до 15 лет. Помимо освобождения от уплаты подоходного налога, экспортная фирма может не платить таможенные пошлины при импорте машин, оборудования, комплектующих деталей, строительных конструкций и сырых материалов.

Компании, оказывающие разного рода услуги за рубежом (инженерные, дизайнерские, управленческие, юридические, медицинские, образовательные, бухгалтерские и другие) получают право не платить корпоративный налог в течение 11 лет. Льгота может быть продлена на три года за один раз, но в целом не должна превышать 20 лет. Кроме того, компания получает право на вычет из налогооблагаемой прибыли убытков и налоговой скидки после окончания налоговых каникул.

Компании, ведущие международные торговые операции и экспортирующие квалифицированные промышленные товары или продукцию местного производства стоимостью не менее 3 млн.бр.долл. в год, а также компании, осуществляющие транзитные внешнеторговые операции в объёме более 5 млн.бр.долл. в год, получают право на освобождение от подоходного налога в течение 8 лет. Они могут также вычитать из будущих прибылей убытки и налоговые скидки.

Для фирм, получающих иностранные кредиты для покупки производственного оборудования условия получения налоговой льготы и её содержание сохранились в той же формулировке, что и в Законе о стимулировании инвестиций 1975 г.

К числу привилегированных принадлежат и компании, получающие право на инвестиционную скидку в качестве альтернативы пионерному статусу и использующие её для выпол-

нения одобренных правительством проектов. К таковым относятся 1/производство или увеличение производства любой продукции, 2/ предоставление специализированных инженерных или технических услуг, 3/ проведение научно-исследовательских работ, 4/ вторичное использование отходов местных промышленных предприятий 5/ расширение туристической деятельности (за исключением гостиничного хозяйства), 6/ строительные работы. Предоставляемая инвестиционная скидка не должна превышать 100% размера инвестиций в основной капитал. Она разрешается в том случае, если министр промышленности и природных ресурсов придёт к заключению, что проект имеет экономические, технические и другие достоинства. Налоговая льгота – освобождение от уплаты корпоративного налога – начинается с первого дня инвестирования в проект и действует для туристических компаний (кроме гостиничных) в течение 11 лет, а для остальных – 5 лет.

Налоговыми льготами может пользоваться любая компания, которая планирует инвестировать не менее 2 млн.бр.долл., чтобы построить или улучшить складские помещения, полностью или частично используя их для хранения или продажи или для производства товаров, которые реализуются компанией на внутреннем рынке либо экспортируются ею. Ей предоставляется право на освобождение от уплаты подоходного налога в течение 11 лет с возможностью продления срока до 20 лет.

Такую же фискальную льготу получает любая компания, инвестирующая или намеревающаяся инвестировать не менее 2 млн.бр.долл. в проект, предназначенный для оказания технических или инженерных услуг нерезидентам.

Компании, инкорпорированные в Брунее и намеревающиеся инвестировать в новые технологии производства либо переработки какой- либо продукции либо в новые технологии оказания услуг, могут получить статус технологической компании при двух условиях: 1/ если не менее 30% оплаченного капитала фирмы принадлежит местным жителям либо лицам, получившим разрешение на проживание в Брунее в соответствии с Законом об иммиграции, и 2/ если внедряемая технология ускорит экономическое и техническое развитие Брунея. Статус технологической компании даёт право на налоговые каникулы

и на перенос налоговой скидки на капиталовложения вперед и вычет их из прибыли, полученный после окончания каникул.

Если компании, учреждённые и функционирующие в Брунее, намереваются произвести инвестиции в зарубежные фирмы, которые используют или усовершенствуют новую технологию изготовления и обработки продукции либо новую технологию оказания услуг, то они получают фискальную льготу в форме переноса убытков вперед и вычет их из будущих прибылей при условии, если новые технологии успешно перенесены ими в страну.

Налоговая привилегия венчурным компаниям состоит в том, что она получает право вычесть из будущих прибылей убытки, которые она понесла при реализации акций.

Итак, Бруней придерживается очень либеральной модели налогообложения. При этом фискальная политика проводится в общем русле глобальных тенденций снижения налоговой нагрузки на предпринимательский корпус. Как и во многих странах, для этого применяются различные финансовые инструменты. В Брунее главным инструментом является корпоративный налог.

Как видно из вышеизложенного, режим налоговых послаблений эволюционировал от умеренных форм поощрения в 70-90-е годы XXв. до чрезвычайно льготного налогообложения и оффшорного статуса в нулевые годы нынешнего века. Система льготного налогообложения развивается в направлении большего соответствия целям экономической стратегии правительства, которое считает приоритетом постепенное преодоление традиционной зависимости от углеводородов и формирование новых современных высокотехнологичных отраслей промышленности, инфраструктуры, услуг и финансового бизнеса. Налоговая политика ориентирована прежде всего на привлечение иностранного капитала, который необходим не столько как источник финансовых ресурсов (ими страна располагает в достаточных размерах), сколько как поставщик новейшей технологии, менеджмента и знаний. Вместе с тем правительство стремится активизировать и национальное предпринимательство, для которого льготный фискальный режим особенно необходим из-за его слабого развития. Именно поэтому фис-

кальные послабления распространяются ныне на широкий круг отраслей и производств, в которых может быть более активно задействован местный частный капитал. Действия правительства в сфере налогообложения свидетельствуют о том, что оно проводит весьма дальновидную политику, нацеленную на формирование более сбалансированной и современной структуры экономики, чтобы обеспечит в условиях истощающихся запасов углеводородов успешную жизнедеятельность страны в будущем.

---

[1] Площадь -5765 кв. км, население – 406 тыс. чел.(2009г.), из них 20% - рабочие-иммигранты. В городах проживает 78% жителей, в том числе почти одна треть - в столице. - ASEAN community in figures. Brunei Darussalam -aanzfta.ASEAN.org/uploads/stat/Brunei_Profile.pdf ; BEDB. Facts and Figures -htpp://www.bedb.com.bn/why_factsfigures.htm; Brunei Darussalam. Economic Environment.WT/TPR/S196,p.1.

[2] List of Countries by GDP (PPP) per capita – http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_Countries_by_GDP_(PPP)_per_capita

[3] Совокупный показатель качества жизни оценивается в диапазоне от 0 (самое низкое) до 1. Индекс измеряет достижения страны по трём основным направлениям: 1/ здоровье и долголетие, 2/ доступ к образованию, 3/ величина подушевого ВВП по ППС. По оценке ВОЗ, в Брунее самая лучшая в Азии охрана здоровья, а продолжительность жизни равнялась в 2007 г. 75,2 года для мужчин и 77,8 года для женщин. Уровень грамотности – один из самых высоких в мире: в 2009г. грамотными были 95,8% мужчин и 91,5% женщин. В стране традиционно низкая инфляция: в среднем за последние 20 лет – 1,5%. Правительство субсидирует оплату жилья и коммунальных услуг, а также цены на рис, сахар, молоко и контролирует цены на автомашины, растительное масло и сигареты –« ООН представил рейтинг качества жизни в странах мира на 2009г.» – http://gtmarket. ru/news/state/2009/10/06/2192 ;

http://gtmarket.ru/news/state/2009/10/06/2192; ASEAN community in figures. Brunei Darussalam – aanzfta.ASEAN.org/uploads/stat/Brunei_Profile.pdf ; BEDB. Facts and Figures – http://www.bedb.com.bn/why_factsfigures.htm ; http://ostranax.ru/_lists/life_expectancy.php

[4] http://iformatsiya.ru/tabl/28-dobycha-nefti-v-mire.html; http://iformatsiya.ru/tabl/29-yeksport-nefti-v-mire.html; BEDB. Economic Overview.–http://www.bedb.com/why_ecoverview.htm; BEDB. Facts and

Figures.- http://www.bedb.com.bn/why_factsfigures.htm; DEDB. Facts and Figures. – http://www.bedb.com.bn/why_advantage.htm

[5] Brunei Darussalam key indicators 2009.Departament of statistics, p.6; Brunei Darussalam: Statistical Appendix. IMF Country Report N08/165, May 2008,IMF,Washington,p.2.

[6] Brunei Darussalam key indicators 2009.Department of statistics , p.7.

[7] Brunei Darussalam: Statistical Appendix/ IMF Country Report # 08/165 May 2008, p.22.

[8] Brunei Darussalam. Economic Environment.WT/TPR/S196,pp.5,6;The Global Competitiveness Report 2009-2010.World Economic Forum. Geneva, 2009, p.18 ;http://www.lowtax.net/lowtax/html/Brunei/jducfir.html ; 2010 Investment Climate Statement – Brunei –

http://www.state.gov/e/eeb/rls/othr/ics/2010/138767.htm ; ASEAN Statistical Yearbook 2008.Jakarta, ASEAN secretariat, July 2009, p.20.

[9] The Brunei Times. March 5,2009 ; Brunei. Economy –

http://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/2700.htm

[10] Brunei Darussalam-Key Information on Brunei -Oil and Gas –

http://www.bruneidirecthys.net/about_brunei/oil_gas.html

[11] http://www.lowtax.net/lowtax/html/Brunei/jducfir.html

[12] Brunei Darussalam country brief –

http//www.dflat.gov.au/geo/Brunei.brief.html ; BEDB. Business Guide Taxation. -http://www.bedb.com.bn/doing_guides_taxation. html; KPMG Asia Pacific Taxation. Brunei Darussalam.2009 Edition, pp. 4, 19, 21, 22; Encyclopedia of the Nations. Brunei Darussalam. Taxation – http://www. Nationsencyclopedia.com/Asia-and-Oceania/Brunei Darussalam.

[13] Brunei Darussalam. Economic Environment. WT/TPR/S196, p.7.

[14] KPMG"s Corporate and Indirect Tax Rate Survey 2009, p.15 - http:/www.kpmg.com/…/

[15] KPMG"s Corporate and Indirect Tax Rate Survey 2009, pp.11-14 - http:/www.kpmg.com/…/

[16] ASEAN Investment Guidebook 2009.Jakarta, ASEAN secretariat 2010, p. 24 ;The Brunei Times. March 17,2010; Brunei Darussalam country brief - http://www.dfat.gov.au/geo/brunei_brief.html ; Ministry of Finance. Tax Publication -

http://www.mof.gov.bn/English/Revenue/taxResources/Pages/Tax...

[17] KPMG Asia Pacific Taxation. Brunei Darussalam.2009 Edition, p.17 - http:/www.kpmg.com/…/ ; BEDB. Business Guides. Taxation - http://www.bedb.com.bn/doing_guides_taxatio. htm

[18] Основные положения Закона о стимулировании инвестиций 1975г. изложены по тексту Закона – см. Attorney General's Chambers. Brunei Darussalam. Legislation online. Text of Acts. Laws of Brunei. Chapter 97. Investment Incentives Act (1975) –

http://www.agc.gov.bn:81/index.php?option=com_content&view=article&id=61&itemid=165

[19] http://www.csstc.org/reports/egm/p4/presentation_Brunei.htm

[20] Brunei Darussalam. Economic Environment.WT/TPR/S/196,p.2.

[21] Brunei Darussalam. Foreign Investment. –

http://www.nationsencyclopedia.com/Asia-and-Oceania/ Brunei Darussalam.

[22] Oxford Business Group. The Report: Brunei Darussalam 2008 // books.google.ru/books?isbn=190233907X… ; Brunei Darussalam. Economic Environment. WT/WPT/S/196 ; Brunei Offshore Business Sectors – http://www.lowtax.net/lowtax/html/brunei/jbuobs.html; Brunei Darussalam – Key Information on Brunei – Economy –

http://www.bruneidirecthys.net/about_brunei/economy.html

[23] Здесь и далее содержание и сферы применения налоговых льгот изложены по текстам указов: Investment Incentives Order 2001 и Income Tax Act (Amendment) Order 2001 (Revised Edition 2003) - см. Attorney General”s Chambers. Brunei Darussalam/ Legislation online. Text of Orders. Laws of Brunei –

http://www.agc.gov.bn:81/index.php?option=com_content&view=article&Id=73&Itemid=166 ; http://www.agc.gov.bn:81/inlex.php?option=com_content&view=article&Id=73&Itemid=165

© ***Милославская Т.П.***
ИВ РАН

БРУНЕЙ-ДАРУССАЛАМ «МАЛАЙСКАЯ ИСЛАМСКАЯ МОНАРХИЯ»

Брунеей, Бруней-Даруссалам (малайск. Brunei Darussalam) — государство (султанат) в Юго-Восточной Азии, на северо-западном берегу острова Борнео (Калимантан). Омывается Южно-Китайским морем. Территория страны состоит из двух обособленных частей – западной (шириной ок. 90 км) и восточной (шириной 10–25 км). Обе они имеют выход к морю, а на суше со всех сторон окружены малайзийским штатом Саравак. Граничит с Малайзией. Площадь — 5,8 тыс. км². Численность населения — 395,077 тыс. (июнь 2010). Столица — Бандар-Сери-Бегаван.

Даруссалам (араб. Обитель мира), Девиз на гербе – «Всегда на службе под водительством Бога.»

В июне 1990 г. по случаю 44–й годовщины дня рождения султана Хассанала Болкиаха концепция Малайской исламской монархии (Melayu Islam Beraja) (МИМ), была сформулирована и оглашена султаном. Утверждалось, что Малайская исламская монархия не нововведение, а изначально выступала как комплексная доктрина, определявшая культурную идентичность, религиозное мировоззрение и систему государственной власти султаната с незапамятных времен.[1] Правящая брунейская династия усматривала в МИМ радикальное средство закрепления абсолютной монархии, как политико-идеологическое обоснование роли султана как «хранителя и защитника исламских догматов и малайской культуры».

В дальнейшем, в Бандар-Сери-Бегаване было выпущено первое издание книги, целиком посвященной МИМ и представлявшей в оригинале сборник документов и статей, публикованных в правительственной газете «Pelita»[2] в период с 1984 по 2009 г. В ней содержалось более 30 статей известных брунейских интеллектуалов, являвшихся экспертами в своих областях.

Председатель Национального исполнительного совета Малайской исламской монархии[3] Абдул Рахман, являвшийся

также министром образования, отметил в одном из заявлений, что издание представляло большую важность с точки зрения разработки основ, закрепления и дальнейшего продвижения концепции МИМ. «Ее содержание поможет нам понять МИМ в ее различных аспектах, таких как история, философия, язык, литература, география, экономика, культура и международные отношения…эта книга поможет избежать путаницы, которая изначально сопутствовала появлению концепции в целом. Мы обязаны добиться для себя, чтобы МИМ оставалась прочной в качестве основы гармоничного и постоянно растущего благополучия нации».[4]

Одним из наиболее ярых проводников МИМ выступал Абдул Азиз Умар – бывший министр образования, проповедовавший идею, что цель правительства – внушить брунейским подданным добродетели, содержащиеся в данной концепции. По его словам, понятие **монархия** (Beraja) в МИМ означали для Брунея систему абсолютной монархии, уникальной для малайской цивилизации и существующую свыше 600 лет и доказавшей свою жизнеспособность.

Малайская составляющая в МИМ свидетельствовала, что доминирующие положения в данной концепции – малайские традиции, культура и язык занимали одно из главных мест в данной концепции.

Султан утверждал, что МИМ собирала ценности важные для брунейцев. Малайский язык связывает людей и является важным признаком малайской самобытности. Ислам – религия, которая гарантирует права человеческой личности.

В 1990 г. официально МИМ была признана национальной философией. Однако в последующие годы была возведена в ранг национальной идеологии, выполнявшей несколько функций – создавала основу национального единства и развития, а также выступала в качестве прочного свидетельства и указателя на особую брунейскую идентичность.

С середины 60–х гг. предпринимались целенаправленные шаги по возвращению, забытых в прошлом, малайских обрядов, обычаев и традиций. В 1968 г. при коронации нынешнего султана были восстановлены традиционные символы абсолют-

ной власти верховенства правителя, традиционные регалии, иерархия чиновников и придворные церемонии.[5]

По словам Абдул Рахмана Ясина, председателя Партии национального развития Брунея[6]: «Философия малайской исламской монархии лежала в основе самобытности, устойчивости, прогресса и развития Брунея с XV века. Национальная философия дает ответ на вопрос, кто мы такие брунейцы. Она по–прежнему имеет актуальное значение в нашем образе жизни и национальном самосознании. Стремление обеспечить Бруней философией Малайской исламской монархии, не означает, что мы против существования плюралистической и разнообразной культуры, рас и религий …разнообразие культур, рас, религий человечества должно быть поводом для радости и добра, а не ненависти. Как сказано в Коране «Аллах создал вас мужчинами и женщинами, и сделал вас народами и племенами, чтобы вы могли познать друг друга».

Партия национального развития (ПНР) Брунея полностью поддерживает идеи Малайской исламской монархии. По заявлению Абдул Рахмана Ясина в день провозглашение независимости Брунея 1 января 1984 г. султан заявил, что страна навсегда останется демократической Малайской исламской монархией. По его мнению, совместимость демократии с монархической системой правления тождественна способности подданных принимать активное участие в процессе принятия решений в Брунее в рамках, установленных законом.

В своем выступлении в Германии лидер ПНР обратил внимание на то, что султан сам решает, какие политические преобразования должны быть приняты и когда. Прерогативой монарха является право, как оценить ситуацию и принять решение, консультируясь со своими подданными.

«Мы не приветствуем любое вмешательство или давление с любой стороны, чтобы внести изменения и подтолкнуть реформы, несовместимые с нашей религией, культурой и традициями. Мы суверенное государство. Мы приветствуем обмен мнениями, а не давление».

Далее он подчеркнул, что ПНР хочет, чтобы Бруней не совершал ошибок, как другие страны при формировании своих национальных политических структур. «Мы предпочли бы

призвать правительство осторожно и размеренными шагами осуществлять политические преобразования, с тем, чтобы они не стали причиной коррумпированности и разорения. Опасность копирования в других странах политических преобразований и парламентских систем, а также связанных с ними структур и схем с различными избирательными системами, приводят нас к мысли, что действующая система монархического правления в наибольшей степени подходит Брунею и, следовательно, должна быть сохранена и укреплена. Она совместима с нашей культурой и традициями, служит для защиты интересов и чаяний большинства брунейцев, а также защиты прав меньшинств»[7].

Основой демократии в Брунее принято считать исламское понятие «шура» (консультации и достижение консенсуса)[8], совместимое с религией, культурой и традициями большинства населения султаната.

Идеологи МИМ в лице руководства ПНР Брунея утверждали, что « пророк Мухаммад повелел мусульманам всегда быть рядом, не отрываясь от большинства. Это свидетельствует о том, что ислам абсолютно совместим с демократией, если демократия определяется таким образом, что «большинство решает», т.е. принимать решения позволяет иджтихад[9] или независимое суждение, т.е. возможности в этом безграничны. Это также означает, что философия Малайской исламской монархии выступает концепцией, в которой ислам является неотъемлемой составной частью, полностью совместимой с демократией и поддерживается ПНР»[10].

Далее они говорили, что «ислам является образом жизни, целиком поддерживаемым «Ильм аль–Мантик» («Наукой логики»). Монархическая власть способна действовать в качестве эффективной защиты от тирании, т.к. создает значительное доверие и понимание между правителем и подданными на основе «байя»[11] («клятва верности») или договора управления, который традиционно сложился и укреплялся веками. Страна с такой системой правления будет избавлена от дестабилизирующих последствий, которые могут происходить в результате регулярных изменения в политическом руководстве»[12].

Что означает **малайская** в Малайской исламской монархии?

Многие культурные и языковые особенности отличают малайцев Брунея от малайского населения Малайзии и Индонезии, хотя этнически они связаны. Бруней имеет потомственное дворянство титул «пенгиран», как правило, имеющие родственные связи с царствующим монархом (князья). Султан может присвоить простолюдину титул «пехин» (аналогично званию пэра в Англии), также он может присвоить титул «дато» (господин) и «датин» (госпожа). Брунейцы придерживаются практики полных имен со всеми титулами, включая хаджи, для мужчин, совершивших хадж в Мекку, и соответственно для женщин – хаджа.

Министр образования Абдул Азиз на открытии семинара по брунейской идентичности сказал, что необходимо отстаивать ценности, основанные на доктрине МИМ. Национальную идентичность в соответствии с концепцией МИМ, необходимо привносить в сознание посредством реализации государственных проектов в социально–экономической области, действуя через гражданские службы, школы и ВУЗы вплоть до отдельной семьи. В свою очередь, директор Брунейской академии исследований Абу Бакар уточнил значение словосочетания «салак Бруней», местного термина, означающего идентичность, тесно связанного с укладом жизни Брунея, языком, одеждой, культурой и религией. [13]

В свою очередь, на конференции по малайской идентичности, на которой эксперты из стран Малайского архипелага обсуждали вопросы малайской цивилизации и экономического развития, бывший секретарь Национального исполнительного совета МИМ Абдул Латиф выразил мысль, что значимость национального наследия этноса определяется тем, как местное общество воспринимает его не только в качестве собственной идентичности, но и как генератор своего дальнейшего прогресса.

По его мнению, «народы малайской расы до сих пор имели возможность передавать наследие от поколения к поколению, но в результате воздействия западной цивилизации часть векового прошлого постепенно исчезает. Эрозия многовеково-

го наследия обусловлена также влиянием политики в области образования».

Он разделил проблему на три основных вопроса: Какова динамика малайского наследия в прошлом? Какие тенденции могут поддержать ее динамизм в эпоху глобализации и технологического прогресса? А также, исчезнет ли наследие малайцев в процессе модернизации и стоит ли продолжать сохранять его или просто следовать вместе с мировым развитием?

«Чтобы сохранить собственные ценности, малайцы, по его словам, должны определить эффективную стратегию. Характерной особенностью брунейцев является то, что они одеваются, взаимодействуют, думают и поступают на основе исламских ценностей. Даже если и встречаются следы индо–буддизма в культуре, они не противоречат исламским принципам. Малайская идентичность, малайское наследие – синоним монархии. Эта система останется твердой и неизменной. В отношении Брунея задачей является обеспечение динамики Малайской исламской монархии, являющейся наследием малайского Брунея».[14]

Исламская составляющая в Малайской исламской монархии означает образ жизни в соответствии с предписаниями ислама. Ислам – гоаударственная религия шафиитского толка (мазхаба)[15].

Исламское право регулируется в соответствии с религиозным советом и законом о судах. Закон закрепляет права религиозного совета и судей (кади).

Законодательные акты, регулирующие поведение мусульман:

1. закон о шариатских судах – создание юрисдикции шариатских судов, назначение и полномочия судей, а также работа по определению положения луны для исламского календаря (годов хиджры)

2. шариатский порядок, права доказательности шариатских судей

3. чрезвычайные ситуации (исламское семейное право – браки, разводы, опека и др. вопросы, связанные с семейной жизнью

4. вопросы усыновления

5. халяль–продукты (дозволенная еда) – поставки и импорт мяса, в частности.

В остальных случаях применяется обычное английское право.

Принимая во внимание угрозу исламского экстремизма, правительство уделяет много внимания религии – образованы религиозные школы и колледжи, организуются хаджи в Мекку, султан участвует в религиозных церемониях. Ислам включен в национальные учебные программы. В 1994 г был создан первый исламский банк.

Исламские банки и такафул–компании (страховые) играют важную роль в экономике Брунея. Исламская финансовая индустрия услуг имеет отличную от обычных банков структуру. Согласно нормам исламских финансовых институтов должен быть наблюдательный совет по шариату. В Брунее три исламских банка Исламский банк Брунея, Исламский банк развития Брунея и Табунг Аманах Бруней ислам, при которых образованы такафул–компании[16]. Исламские банки и страховые компании действуют на основе шариата[17].

В 2007 г. Бруней запустил марку Бруней–халяль. Халяльный[18] бренд Брунея обладает всем потенциалом, чтобы стать всемирно известным в этой области. В августе 2009 г. принцесса Масна на открытии 4–й международной конференции «Бруней–халяль» заявила, что ныне халяль является важной частью приверженности Брунея «фарду кифах» (коллективная ответственность в исламе). «Мы создали репутацию высокого качества и строгого соблюдения халяль, которая будет прочным фундаментом нашей экономики в дополнение к традиционным источникам поступлений от нефти и газа. Глобальный рынок халяль оценивается примерно в 2 трлн. долл. США, халяль–продовольственный рынок около 630 млрд. долл. США. Этот рынок будет расти, поскольку спрос на продукты халяль распространен по всему миру. Халяль промышленность обеспечивает огромный потенциал во многих областях – таких как продукты питания, исламская финансовая система, эко–туризм, фармацевтические препараты и другие виды товаров и услуг, обеспеченных требованиями шариата»[19]

Миссия исламизации местных иноверцев (dakwah) возложена в Брунее на специальный Центр проповеди распространения и обращения в ислам. По его информации, в 2009 г. 533 человека в 4 районах страны приняли ислам, в частности руководитель отдела ЦИП В Куала Балай Сити Рахма отмечал, что в прозелитической деятельности использовались как проверенные способы, так и новые программы. Прежде всего, это посещение «общих семейных домов» даяков и проповеди на религиозные темы, особенно интенсивно такие мероприятия проводятся во время мусульманских праздников, а также в рамадан и другие знаменательные для мусульман дни[20]

В Брунее 66% населения составляют малайцы, которые исповедуют ислам, 8% – родственные малайцам аборигены Борнео – ибаны (морские даяки), келаяны, меланау и другие племена, насильственно христианизированные колонизаторами, но фактически сохранившие языческие верования, 11% – китайцы, остальные европейцы, индийцы и др.

Монархия. Бруней – конституционный султанат[21]

Политическая система Брунея опирается на 2 столпа – конституцию и традиции Малайской исламской монархии.

Первая конституция вступила в силу в 1959 г., поправки вносились в 1971 и 1984 гг. и 2004 гг.

По конституции 1959 г., султан и верховный правитель выступал в качестве главы государства, имевшего в своем распоряжении консультативные советы: религиозный, тайный, законодательный и совет по престолонаследию.

Религиозный совет отвечал за консультирование султана по вопросам, связанным с исламом.

Тайный совет консультировал султана в делах помилования, изменения и отмены какого–либо положения конституции, присуждения наград.

Законодательный совет занимался законодательством.

Совет по престолонаследию – консультациями по вопросам наследования престола.

Департамент «адат истиадат» (обычаи и традиции)[22]

В 1984 г. были сформированы министерства, каждое из которых возглавлял министр, назначаемый султаном[23] (см. Приложение 1).

Основными проводниками идей МИМ являлись министерство образования, министерство по делам культуры, молодежи и спорта, а также Совет женщин Брунея.

В 1984 г. была введена двуязычная система обучения. Начиная с дошкольного уровня, обучение ведется на малайском языке, кроме английского, который преподается как отдельный предмет. Малайский язык используется для преподавания исламских знаний, физической культуры, искусства и ремесел, основ гражданского общества, Малайской исламской монархии. Английский язык используется для преподавания математики, географии, истории и самого английского языка (как предмета).

Начальное образование в государственных школах – бесплатное для подданных Брунея. Количество учебных дней в году –202–210. Проблемы, стоящие перед министерством образования – подготовка брунейцев, которые будут играть значительную роль в отечественной экономике и будут «пропитаны» исламскими и малайскими ценностями.

В 1999 г. было произведено слияние религиозных и обычных школ «под одной крышей». Министерство образования оптимизировало учебные программы, т.е. ислам преподается в основной и средней школе.

Философия образования Основана на национальной философии Малайской исламской монархии, включает в себя два ключевых элемента Nagli (на основе Корана и хадисов) и Agli (на основе рассуждений). Эти два элемента имели важное значение для развития личности и формирования национального самосознания на основе доктрины МИМ и догматов исламского учения.

Образовательная политика:

– осуществление национальной системы образования, которая отдает приоритет малайскому языку как государственному, и использование основных языков – английского и/или арабского в качестве языка обучения;

– предоставление 12–летнего образования для каждого ученика, т.е. 7 лет начального образования, включая 1 год дошкольных учреждений, 3– лет – ниже среднего и 2 г. среднего или профессионально–технического образования;

– предоставление комплексных учебных программ, а также проведение единообразного общественного экзамена, в зависимости от уровня образования;

– предоставление исламского религиозного образования через школьную программу;

– предоставление помещений для математики, естественных наук и освоения информативно–коммуникационной оборудования с целью позволить учащимся получить знания и навыки, необходимые для современной науки;

– предоставление условий для саморазвития и обогащение программ на основе учебных мероприятий в соответствии с национальной философией;

– обеспечение возможностей для получения высшего образования для лиц соответствующей квалификации; – подготовка образовательной инфраструктуры в целях выполнения национальных потребностей.[24]

Другие программы:

– программы специального образования для одаренных в таких областях как: математика, спорт, музыка, исполнительское и изобразительное искусство;

– особые образовательные программы (SIN) для людей с нарушениями зрения и глухонемых;

– умственно отсталых;

– с ограниченными физическими возможностями.

Организация школьной программы Основные дисциплины обучения – математика, языки, социальные и гуманитарные науки, искусство и культура, исламские религиозные знания, малайская исламская монархия, технологии, здоровье и физическая культура. Особое внимание на основные навыки чтения, письма, речи; навыки простого счета, мышления и творчества, изучение навыков менеджмента и предпринимательства, межличностное общение, физическую культуру, эстетическое чувство и др. в эпоху цифровых технологий.

Ключевые ценностные установки: Уверенность в себе, чувство собственного достоинства, взаимопонимание, независимость, толерантность, чувствительность, честность, патриотизм, набожность, бдительность.

Образовательные дисциплины годы обучения 1–3 – малайский и английский языки, математика, исламские религиозные знания, физическое воспитание, изобразительное искусство и технологии;

4–6 гг. кроме обязательных (1–3) – общественные науки;

7–8 гг. Малайская исламская монархия, бизнес и технологии, факультатив арабский, французский языки; французский, китайский (мандарин)

9–11 гг. наука (физика, химия, биология), малайская литература, английская литература, дополнительная математика, география, история, экономика, искусство и ремесла, музыка, дизайн и технология, компьютерные науки, пищевая программа и питание. Дополнительные предметы (факультатив): путешествия и туризм, коммерческая деятельность, развитие исследований, торговля, бухгалтерский учет, бизнес, искусство, драма, музыка, информационные технологии, сельское хозяйство, мода и ткани.

Бруней обновляет систему образования посредством программы образования XXI века (SPN21 – Sistem Pendidikan Negar), одобренной Министерством образования [25]: Стадии:

– переходный этап 2008 г.

– на уровне начальной школы 2009 г.

– полная реализация на уровне начальной школы 2011 г.

Преследует следующие цели:

– удовлетворять социальным и экономическим потребностям XXI века;

– вооружить учащихся навыкам XXI в.

– выполнение стратегических направлений, изложенных министерством стратегического плана просвещения (2007–2011 гг.)

Изменения в систему образования были введены с учетом реализации концепции «Видение Брунея 2035 г.». Она предусматривала превращение Брунея к этому сроку в экономически развитое государство с высоким качеством жизни подданных, самой совершенной системой образования и профессиональной подготовки

Основные направления политики в стратегии «Видение Брунея 2035 г.» в области образования:

– выполнение министерством образования комплексных программ образования для всех;

– сравнение систем образования и учебных программ в разных странах;

– повышение успеваемости учащихся по трем основным предметам: английскому языку, математике и естественным наукам;

– увеличение охвата школьного обучения для поступления в ВУЗы на 30% к 2011 г.;

– укрепление знаний малайского языка;

Преимущества SPN21

– несколько путей к высшему образованию;

–множественный выбор образовательных программ в соответствии с интересами и способностями;

– возможность проводить 4–5 программы для получения Бруней–Кэмбриджского сертификата «О»;

– специализированные программы для способных и одаренных;

– совершенствование национальных стандартов с соблюдением международных стандартов;

– совершенствование программы преподавания и обучения

В Брунее определяют молодежь в возрасте от 15 до 40 лет, они составляют 47% от общего населения. Национальная молодежная политика имеет стратегические цели в образовании для развития личности, трудоустройстве и обучении, лидерстве, поощрении в экономическом и социальном предпринимательстве, помощь для других и для нации, волонтерская деятельность, понимания чувства социальной сплоченности и патриотизма.

Молодежные программы предполагают

– участие в национальных мероприятиях

– участие в ежегодных и периодических программ государственных ведомств и неправительственных организациях

– спортивная и религиозная деятельность в мечетях и молодежных клубах.

Национальная молодежная служба (обязательная программа для молодежи Брунея от 16 до 18 лет на основе Малай-

ской исламской монархии), направленная на создание чувства добровольчества (волонтерства), оказание помощи пожилым людям, помощь в восстановлении домов, сдача донорской крови и т.п. «Молодежь любит нацию»– программа направлена на воспитание патриотизма на основе МИМ, религиозности, верности правителю и доброжелательности.

Департамент учебных программ министерства образования предлагал программу, в которой каждый учащийся должен участвовать в деятельности государственных и общественных институтов. Цель – создать молодых людей с харизмой, дисциплиной, высоким духом, в любви к стране. Научить учащихся выживанию, навыкам руководства, развитию навыков предпринимательства для карьерного роста, научить здоровому образу жизни[26]

В докладе Государственного департамента США о положении с правами человека в Брунее–Даруссаламе (11 марта 2010 г.) отмечались многочисленные[27] проблемы с нарушениями прав человека. В частности, говорилось о лишении подданных возможности в смене мирными средствами своего правительства, произвольных задержаниях, ограничении свободы слова, печати, собраний и ассоциаций, ограничении свободы вероисповедания, дискриминации в отношении женщин, ограничении трудовых прав, а также эксплуатации иностранных рабочих.

Судебная власть состояла из верховного суда, третейского и судов низшей инстанции, окончательную апелляцию проводят через тайный совет. Шариатские суды заменяли светские суды для мусульман в случаях развода, наследования и некоторых преступлений на сексуальной почве.

Светские права, основанные на английском общем праве, обеспечивают всем гражданам справедливое и эффективное ведение судебного процесса. Процессуальные гарантии включают в себя право на защиту адвоката, переводчика. Адвокаты имеют доступ к обвиняемым. Действует презумпция невиновности. Большинство уголовных дел проводятся в открытом судебном процессе. Официально политических заключенных нет.

В 1962 г. султан взял на себя чрезвычайные полномочия, которые возобновляют каждые два года. В чрезвычайных пол-

номочиях правительство существенно ограничило свободу слова и печати, Члены законодательного совета имели право излагать свое мнение, но и могли дисквалифицироваться, например, за нелояльность к султану.

Чрезвычайное законодательство предусматривало судебное преследование издателей, владельцев или редакторов за «крамольные намерения», давало правительству право запрещать распространение иностранных изданий. Иностранные газеты доступны, хотя правительство должно утверждать Интернет–версии. По данным международного союза электросвязи за 2008 г. 55% жителей Брунея пользовались Интернетом.

Цензура в составе представителей МВД, по делам религий и канцелярии премьер–министра определяли пригодность концертов, фильмов, шоу и других публичных выступлений. Религиозные власти проверяли обзоры публикаций в целях соблюдения социально-этических норм с точки зрения соблюдения заповедей ислама.

В чрезвычайных полномочиях правительство существенно ограничило право на свободу собраний. По данным Общественного порядка собрание 10 и более человек требует разрешение правительства, а полиция имеет право останавливать неофициальные встречи 5 и более человек, которые, по мнению полиции, могут привести «к нарушению мира».

Закон требует от формальных религиозных, социальных и культурных групп регистрации и регулярного предоставления докладов по членству и финансированию. Правительство ограничивает деятельность международных организаций, предоставляющие услуги бизнес–сообществ. Министерство по делам религий запрещает мусульманам вступать в эти организации.

Правительство использует аппарат внутренней безопасности в отношении лиц – сторонников радикального ислама, а также немусульман, которые пытались вести прозелитическую деятельность и религиозных групп, не принадлежащих к официальной религии. Регулярной цензуре подвергались издания других конфессий, вымарывая или удаляя фотографии распятий и других религиозных символов. Правительственные чиновники конфискуют различные религиозные материалы, тем не менее, на христианских церквях остаются кресты.

Власти проводят регулярную проверку удостоверений личности для определения мусульман, которые находятся под защитой шариата, а также на въездных визах требовали указания конфессии выезжающего из страны подданного. Только мусульманам шафиитского толка разрешено организовывать религиозные процессии.

В сельской местности существует выборная система деревенских старост (муким), которые периодически встречаются с правительственными чиновниками для решения местных проблем и разбора жалоб, а также участвуют в периодических совещаниях под председательством министра внутренних дел.

В Брунее одна политическая партия – Партия национального развития, которая поддерживает султана.

Две женщины, состоящие в ранге министра – сестра султана Масна – посол по особым поручения в МИДе и Датин Хаяти, назначенная в августе 2009 г. генеральным прокурором.

В соответствии с политикой султана об абсолютной нетерпимости коррупции, существует Антикоррупционное бюро, находящееся в ведении канцелярии премьер–министра. Государственные должностные лица не подлежат раскрытию финансовой отчетности.

Закон предусматривает тюремное заключение сроком до 30 лет и наказанию палками не менее 12 ударов за изнасилование.

Не существует закона о бытовом насилии, но проводились аресты в случаях домашнего насилия при защите женщин и девочек. Существует специальное подразделение женщин–офицеров в рамках департамента полиции по расследованию насилия в семье и жестокого обращения с детьми.

В соответствии с законами ислама права женщин аналогичны с мужчинами в таких областях как развод и опека над детьми. Женщина имеет право передавать свое гражданство детям, владение имуществом и другие активы. Согласно официальной статистике, женщины составляют 57% лиц, занятых на гражданской службе и 28% персонала высшего (старшего) руководящего звена. Вопросы положения женщин в обществе рассматриваются Советом женщин Брунея – неправительственной организацией, состоящей из ассоциаций.

Профсоюзы считаются законными, в том числе не запрещено создание федерации профсоюзных федераций. Однако наложен запрет на поддержание связей с международными организациями труда, если на то не имеется разрешения министерств внутренних дел и труда. Закон запрещает занятость детей в возрасте до 16 лет.

Совет женщин Брунея. Образован 7 ноября 1984 г., зарегистрирован 6 апреля 1985 г. возглавляет ее величество Падука Сери Багинда Раджа Истерии Пенгихаран Анак Хаджахат Салехе. Цели и задачи: поддерживать устремления малайской исламской монархии; объединять и укреплять силы женщин через женские организации; работать в качестве национального органа, который представляет женщин Брунея; для совершенствования и повышения статуса женщин во всех областях, особенно в системе образования, экономики, социального обеспечения, культурного и общественного развития; обмен мнениями и опытом в сфере семейного и детского воспитания; для сотрудничества с правительством во всех областях для развития Брунея; для укрепления отношений между женщинами, независимо от расы, вероисповедания и социального положения.

Создан Комитет по вопросам бизнеса и предпринимательства (19 марта 1999 г.) с целью представления интересов женщин в бизнесе, образован совет по СПИДу в качестве отдельного органа (28 июля 2000 г.)

Совет женщин принимает участие в работе министерств:

Министерство культуры, молодежи и спорта: комитет по конвенции о правах ребенка; редакционный совет национальной комиссии по делам женщин; АСЕАН– подкомитет по положению женщин; целевая группа по социальным вопросам.

Министерство промышленности и первичных ресурсов: АТЭС (совещание 2000 г.) женщины–руководители; АТЭС СОМ – специальная консультативная группа по гендерным вопросам интеграции.

Министерство здравоохранения: национальный комитет по укреплению здоровья.

Совет женщин имеет 14 ассоциированных членов, состоящих из женских ассоциаций[28]

Со времени проведения Пекинской платформы действий и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, которую Бруней подписал в мае 2006 г., в середине 2008 г. были созданы государственные и негосударственные учреждения. Национальный совет по социальным вопросам под председательством министра культуры, молодежи и спорта занимается проблемами женщин в Брунее. Несмотря на то, что нет никакой официальной политики по вопросам женщин, Конституция имеет ряд внутренних законодательств: Закон 1972 г. о защите женщин и детей от сексуальной эксплуатации, согласно которому половой акт с девушкой моложе 16 лет считается уголовным преступлением. К исламскому праву относятся вопросы брака, развода, попечительства и другие вопросы, связанные с семейной жизнью. Существуют центры по уходу за детьми. Закон о пенсиях (1954 г.) обеспечивает пенсией по старости (60 лет), независимо от финансового статуса. Равная защита женщин в области обычного права. Департамент по вопросам развития имеет 2 социальных приюта. Исламский религиозный совет из Фонда султана обеспечивает дома для обездоленных[29].

В 2004 г. на встрече министров иностранных дел АСЕАН в Индонезии принцесса Масна от имени Брунея подписала Декларацию об искоренении унижения женщин в странах–членах АСЕАН[30]

Члены королевской семьи считают необходимым поддержание контактов со своими подданными. Согласно традиции, королевская семья принимает гостей в течение трех дней в своем дворце Нурул Иман во время праздника Ид аль–Фитр (праздник разговения). На приеме в честь дня рождения султана в 2005 г. было более 4 тыс. гостей, представлявших различные слои общества.

В феврале 2004 г. в Брунее побывал король Швеции Карл XVI Густав, заявивший, что султан Хассанал Болхиах удивил его открытостью и близостью к подданным. По заявлению шведского короля, «султан потрясающее близок к народу. Бруней – более открытая страна, чем какая бы то ни было другая…Решения принимаются вместе с советом своих специалистов в той или иной области». Заявления Карла Густава вызва-

ло политический скандал, поскольку противоречило государственной политике Швеции. МИД страны считал Бруней диктатурой, а султана – деспотом[31].

В заключении можно сказать, что Малайская исламская монархия не является ни философией, ни идеологией, а скорее является концепцией социально–политического развития государства направленной на поддержание власти режима абсолютной монархии.

Приложение 1

Премьер–министр – Хассанал Болкиах
Министерство обороны – министр – Хассанал Болкиах
Министерство финансов – министр – Хассанал Болкиах
Министерство иностранных дел – министр – Мохаммед Болкиах
Министерство внутренних дел
Министерство образования
Министерство промышленности и первичных энергоресурсов
Министерство культуры, молодежи и спорта
Министерство связи
Министерство развития
Министерство здравоохранения
Министерство по делам религий

---

[1] G. Braighlin, Ideological Innovation under Monarchy, 1992, 42

[2] «Pelita Brunei» выходит 2 раза в неделю (среда и суббота) газета на малайском языке, бесплатная, содержит официальные новости, экономике, культуре, спорте, религии. Несколько страниц для общественных отзывов, характеристик. Содержит рекламу вакансий в государственном секторе и тендеров на государственные контракты.

[3] http//www.iccbrunei.com/index.php?option. В 2009 г. султан высказался о необходимости возродить Национальный исполнительный совет МИМ. «С 1984 г. у нас были некоторые органы концепции МИМ, в 1985 г. мы создали комитет, в 1990 г. его статус был повышен, чтобы стать национальной концепцией, а в 2001 г. был преобразован в Национальный исполнительный комитет, последнее назначение НИС МИМ было в 2001 г. сроком на 5 лет».

[4] http//www.bt.com.bn/new–national/2010/02/07, The Brunei Times 31.7.2010.

[5] http//www.nasia.org/nz/dowloads/NZIAS.DECO2/Talib.pdf

[6] Партия национального развития Брунея (создана 31 авг. 2005 г.)

[7] http//www.aspirasi–ndp.com/arkib/Speech. Доклад Абдул Рахмана Ясина , председателя Партии национального развития Брунея в Федеративной Республике Германии, 10 февраля 2007 г.

[8] Шура (араб. Совет) – принцип государственной власти в исламском мире. Классическое понимание «шура», что есть правитель и «шура» (совет), как орган, представляющий интересы общины мусульман, т.е. правитель при принятии решений обязан проконсультироваться с шурой.

[9] Иджтихад (араб. борьба с собой) в исламе право человека на субъективное постижение истины. Выражение, означающее деятельность по интерпретации исламского закона.

[10] http//www.aspirasi–ndp.com/arkib/Speech Доклад Абдул Рахмана Ясина в Федеративной Республике Германии 10 февраля 2007 г.

[11] Байа (араб. договор)– конституционного–правовой договор правителя мусульманской страны с высшим представительным органом.

[12] http//www.aspirasi–ndp.com/arkib/Speech Доклад Абдул Рахмана Ясина в Федеративной Республике Германии 10 февраля 2007 г.

[13] http//old.brudirect.com/public

[14] http//www.borneobulletin.com.bn/wed/jul28h1

[15] У суннитов признаны четыре мазхаба (толка) – шафииты, ханафиты, маликиты и ханбалиты. Фикх – теория мусульманского права, разрабатывающая принципы использования Корана и Сунны, их интерпретацию для практической разработки норм жизни мусульманской общины. Основные принципы шафиитов – Коран и Сунна как единый источник, Сунна только дополняет Коран. Основные принципы рассмотрения прецедентов – иджма – согласное мнение исламских авторитетов по отдельным религиозно–правовым и бытовым вопросам, решение которых не может быть основано на Коране и Сунне, и кыйас – суждение по аналогии. Принцип принятия решения, исходя из общественной пользы на основе, как свободного решения, так и на основе норм обычая (урф). Шафиитский толк позволял уклоняться от сложного логического анализа, не требовал скрупулезного знания правового комплекса.

[16] http//www.ibtra.com/pdf/article4n1.pdf

[17] Такафул (араб. предоставление друг другу взаимных гарантий) или исламское страхование, основанное на особом распределении прибылей и убытков, соответствующем принципам шариата. Основная задача исламского страхования не просто зашита интересов от непредвиденных обстоятельств путем солидарного участия в убытках, но и получение прибыли. В силу этого такафул–компании могут приносить значительно большую прибыль, чем западные страховые компании. Это достигается

с помощью такого способа разделения ответственности как «мудараба», которая считается признанным институтом исламской экономики.

Такафул подразделяется на два вида

– общий, аналогичный коммерческому имущественному страхованию;

– семейный – личное страхование

Участники страхования передают свои денежные средства оператору (в виде дара) для их эффективного использования в страховом случае, после которого деньги будут возвращены. Часть взносов поступает в накопительный фонд, от инвестирования которого участники имеют возможность получать регулярный доход, оговоренный в контракте, доля обычно составляет 50–60% . Инвестирование осуществляется только в акции или активы компании, не ведущие противозаконной деятельности (по исламскому закону запрещено производство и торговля алкоголем, табачными изделиями, вкладывать в игорный бизнес и т.п.) Как правило, инвестиции вкладываются в акции, входящие в Dow Jones Islamic Market Index.

Доли и пропорции совокупной прибыли между банком и клиентом зависит от срока вклада, причем доля клиента может достигать 90%

«Мушарака» (товарищество**).** С точки зрения классификации компании в современном мусульманском праве «мушарака» представляет собой имущественное товарищество. В соответствии с договором «мушарака», заключаемым, как правило, на продолжительный срок, два или несколько лиц объединяют свои вклады в общий проект и создают компанию на принципах долевого участия. Механизм разделения прибыли между участниками и доля каждого из них определяются сторонами в специальном договоре. В то же время убытки распределяются между сторонами пропорционально доле вложенного капитала. В отличие от договора «мудараба», в рамках которого риски потери капитала несет только владелец капитала (рабб аль-мал*)*, согласно договору «мушарака» каждая сторона несет риск потери внесенного ей капитала в случае неудачи совместного предприятия.

[18] Халяль — дозволенные поступки в шариате,. В мусульманском быту под «халялем» обычно понимают мясо и другие пищевые продукты. Продукты, включенные в «Бруней–халяль» – мясо (колбаса, курица, говядина, козлятина, баранина), зерновые (хлопья, печенье, крекеры), фрукты и овощи, молочные продукты (сыры, йогурты, молоко), кондитерские изделия (сахар, какао–продукты), напитки (соки, соевые и фруктовые напитки, сиропы).

[19] http//www.information.gov.bn/pressroom/index.php

[20] http//www.bruneiresources.com/civilserviceshefds

[21] Конституционная монархия – система правления, при которой монарх руководствуется конституцией, в которой его права, обязанности и ответственность изложены в письменной форме закона или обычая.

Султанат – форма власти, при которой верховная власть находится в руках султана (главы мусульманского государства). Султан может быть абсолютным правителем или суверенным с конституционно ограниченными полномочиями.http//www.indexmundi.com/government_type

[22]Основан 1 июля 1954 г. в качестве департамента религиозных и общественных дел и социальной защиты. Миссия и цель – ответственность за выполнение традиционных обрядов, планирование путей и средств распространения традиционного наследия. Имеет прямой доступ к султану по вопросам, касающихся присвоения государственных наград. http//www.rob.tex.com/dns/adat–istiadat.gov.bn.

http//www.balegis.com/Brunei%20The%201959%21Constitution.doc

[23] http//www.aseanlawassociation/Brubei_chp2.pdf

[24] http//www.moe.gov.bn/development.htm

[25] http//planipolis.iiep.unesco/Brunei%..

[26] http//www.icip.org/ht/d/sp/d/sp/a/GETDocumentAction/4709

[27] http//www/unhcr.org./refworld/docid/4b0e530d7d)

[28] http//www.womencouncil.org.bn

[29] http//www.unescap.org/ESID/GAD/Issue/Beijing+15/Responds to Gustionaire/Brunei–Darussalam

[30] http//www.aseansec.org/16189 htm

[31] См. Шведы поймали короля на слове. Коммерсантъ. 16.02.2004.

© ***Бекимирова Н.Н.***
ИСАА МГУ

БУДДИЙСКАЯ САНГХА В КАМБОДЖЕ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: ПРОЦЕСС ВОЗРОЖДЕНИЯ.

Современное состояние буддийской сангхи в Камбодже определяется как совокупностью факторов политического, экономического и религиозного характера, так и историческим контекстом в целом.

В 1970-е годы сангха фактически была уничтожена, а религиозная инфраструктура подверглась серьезнейшим разрушениям. В ходе гражданской войны, вследствие массированных бомбардировок авиацией США территории Камбоджи, а также в результате четырехлетнего правления «красных кхмеров» погибло 25 тыс. монахов (более 40%)[1], в том числе 900 руководителей сангхи центрального и провинциального уровня[2]. 200 буддийских иерархов были убиты «красными кхмерами» уже в первые две недели после захвата власти в апреле 1975 г. Сама сангха была упразднена как «носитель ложных религиозных взглядов», а монахи отправлены на «трудовое перевоспитание».

В этот период половина храмов была полностью уничтожена, остальные, занятые под склады, тюрьмы, казармы, находились в крайне запущенном состоянии. Буддийская скульптура, выполненная из драгоценных металлов, была разграблена, а из камня – разрушена. Монастырские архивы и библиотеки были сожжены. Из фондов Буддийского института в Пном Пене бесследно исчезло 30 тыс. религиозных книг и 4 тыс. буддийских рукописей[3]. Система религиозного образования была упразднена.

После образования Народной Республики Кампучия (1979–1989) буддийская сангха была восстановлена. Однако власти пытались ограничить ее статус ролью одной из общественных организаций, которая в рамках существовавшего авторитарного строя, должна была работать во благо будущих «социалистических идеалов».

Первые признаки оживления религиозной деятельности появились в Камбодже в 1989 г. в ходе процесса национального примирения. Знаковым событием стало публичное покаяние тогдашнего премьер-министра Государства Камбоджа[4] – Хун Сена, который во время одного из официальных мероприятий в провинции Кампот встал на колени перед монахом и попросил прощения за то, «что правительство проводило ошибочный курс в отношении религии», подразумевая те многочисленные ограничения, которые накладывались на верующих и сангху в 1980-е гг.[5] Затем последовало провозглашение буддизма государственной религией в 1990 г., возобновление с 1992 г. деятельности ежегодных Буддийских конгрессов, образование Министерства по делам культов и религий в 1993 г.

После восстановления монархии и образования в 1993 г. нового государства – Королевства Камбоджа, триада «нация–трон–религия» была объявлена главной идеологической установкой, закрепленной в конституции. Сам факт реставрации монархии косвенно свидетельствовал о возрождении буддизма, так как в кхмерской политической традиции монархический принцип неотделим от буддийского мировоззрения, важным компонентом которого остается концепция «праведного царя». Буддизм всегда составлял ценностную основу кхмерской монархии. Неслучайно в заявлении о принципах политики королевского правительства Камбоджи, в частности, отмечалось: «Кхмерский буддизм служит во благо укрепления основ королевской власти»[6].

Политическая стабилизация и экономический рост, начавшиеся в 1990-е гг., благоприятно повлияли на религиозную сферу, вызвав к жизни своеобразный буддийский ренессанс, который продолжается вот уже в течение двух последних десятилетий. Причем он проходил на фоне масштабной трансформации камбоджийского общества – перехода его от плановой экономики к рыночной и от авторитарного режима к более демократичному политическому строю. Смена вех политического и экономического развития, стремительное открытие страны внешнему миру и западной культуре, внедрение новых форм жизнеустройства вызвали особую потребность в обращении к религии, традиционно помогавшей кхмерам сохранить психо-

логическую устойчивость и социальную гармонию в эпоху перемен, а обществу в целом стабильность и национальную самобытность. Из века в век религиозные ценности в Камбодже пронизывали все сферы жизни – политику, идеологию, экономику и социальную структуру. Соответственно, значительные перемены в общественно-политическом и экономическом контексте не могли не отразиться и на самих религиозных ценностях, носителем которых в обществе является буддийская сангха.

Возрождение сангхи, в первую очередь, нашло отражение в ее численном росте и укреплении монастырского хозяйства. С 1989 г. по 2011 г. численность монашества в Камбодже увеличилась более чем в 7 раз – с 8 до 59,8 тыс. человек. За двадцать лет в стране было отремонтировано 1 тыс. монастырей и построено 1600 новых – в среднем, 80 монастырей в год, что в три раза больше чем в довоенное время. Общее количество монастырей выросло в 1,5 раза – с 2,8 до 4,4 тыс. Один монастырь приходится, в среднем, на 3,1 тыс. верующих.

Существенные изменения произошли в возрастном составе сангхи. Если в 1960-е гг. в ней преобладали представители старшего поколения, то в настоящее время опытные, пожилые монахи со значительным стажем пребывания в монастыре, считающиеся оплотом религиозной традиции и моральных принципов, составляют лишь малый сегмент сангхи – около 1/5 ее членов. Остальные 4/5 – это молодые люди в возрасте до 30 лет, в основном выходцы из бедных крестьянских семей. Буддийская община дает им некоторую гарантию существования в чисто материальном плане, а также обеспечивает прочную социальную защищенность. К тому же сакральный статус морально компенсирует экономическую «приниженность», способствуя социальному самоутверждению.

Молодых монахов можно условно разделить на две категории, которые всегда существовали в сангхе: тех, кто уходит в монастырь в соответствии с традицией, и тех, кто рассматривает пребывание в монастыре как единственную возможность получить бесплатное образование и повысить свой социальный статус. В прежние времена преобладали первые, в настоящее время таких немного, срок их монашеской жизни составляет от

1 года до 3 лет. Вторых ныне подавляющее большинство. Длительность их пребывания в монастыре колеблется от 7 до 15 лет, в зависимости от того, насколько качественное образование они хотят получить.

Как правило, по окончании учебы монахи намереваются покинуть сангху и уйти в мир. Если в 1960-е гг. большая часть молодых монахов по выходе из монастыря желала вернуться к крестьянскому труду, то в настоящее время, как показывают данные полевых исследований, монахи связывают свои планы будущей мирской жизни чаще всего с работой в неправительственных организациях, с преподавательской и политической деятельностью, а также бизнесом.[7] При этом монахи, как правило, стараются дать «буддийское» обоснование подобному выбору. В их мотивах всегда присутствует забота о людях: так, выбор бизнеса определяется намерением «создать рабочие места», уход в политику – стремлением «бороться с коррупцией», работа в НПО – желанием «помогать в решении социальных проблем»[8] и т.д. Таким образом, сангха становится важным каналом миграции выходцев из крестьянских семей в город, где они оседают, покинув монастырь. Как показывает практика, далеко не все экс-монахи достигают своих целей, но почти все, так или иначе, получают определенные дополнительные возможности для успеха в миру.

Численность монашества в отдельных монастырях варьируется от десятка до нескольких сот. Самый малочисленный монастырь в Пном Пене – Пройюровонг насчитывает всего 6 монахов[9]. В то же время крупные столичные монастыри, например, Ботумваутдей, Онналоум, Ланка, Саравонтеда, Мохамонтрей, переполнены, там обитают от 300 до 400 монахов. В таких монастырях рядовым монахам трудно прокормиться, так как пищи, которая готовится в храме, на всех не хватает, и они вынуждены тратить на еду те небольшие деньги, которые им присылают из дома (почти все они – 99% – родом из провинций) или ходить за подаянием по окрестным домам.

Если раньше в основе выбора монахами того или иного монастыря лежала степень его известности и авторитета, которые подразумевали всю совокупность религиозной традиции – древность храма, собрание религиозных текстов и буддийских

реликвий, наличие известных монахов-учителей, то в 1990-е почти все эти критерии утратили свою актуальность, так как большая часть монастырской инфрастуктуры была уничтожена. За исключением трех– четырех десятков наиболее известных монастырей история основания обителей оказалась в полном забвении, поскольку вся монастырская документация была сожжена. Даже вопрос о времени строительства того или иного монастыря, как правило, ставит в тупик его обитателей. В 2010 г. Министерство по делам культов и религий разработало рассчитанную на пять лет программу по восстановлению истории, по меньшей мере, 70% монастырей. Однако сотрудники министерства сами же признают сложность ее реализации, поскольку «документы отсутствуют, а очевидцы – умерли»[10].

В настоящее время выбор монастыря определяется причинами чисто прагматического характера, прежде всего, наличием в нем или поблизости учебных заведений для монахов. Как правило, церемонию ординации молодой человек проходит в монастыре недалеко от родного дома, чтобы родственникам было удобнее его навещать, а ему, в свою очередь, легче привыкнуть к монашеской жизни. Однако впоследствии он уходит в тот, чаще всего городской монастырь, где есть возможность получить приличное образование. В монастырях, даже достаточно богатых, в случае отсутствия собственного учебного заведения численность монахов обычно не превышает двух – трех десятков человек.

Правда, само понятие «богатый монастырь» за последние годы претерпело существенные изменения. В настоящее время оно нередко подразумевает лишь внешний блеск монастырских зданий. В условиях экономического роста, наблюдающегося в Камбодже в последнее десятилетие, и появления местных нуворишей огромные денежные средства жертвуются представителями политической и бизнес-элиты на строительство новых монастырей, так как именно храмовое строительство, согласно кхмерской религиозной традиции, приносит наибольшее количество религиозных заслуг. Религиозная заслуга – *бон* – это тот ценностный критерий, который по-прежнему служит для основной массы камбоджийского населения важным средством идентификации себя и других, определения своего статуса в

социальной иерархии, структурирования общественного поведения в целом. Проще говоря, чем большими религиозными заслугами обладает кхмер, тем более высокое место уготовлено ему в традиционной иерархии.

Существенный рост пожертвований на храмовое строительство нередко приводит к тому, что в провинциальных монастырях древние, небольшие по размеру вихары, имеющие историческую ценность, сносят, чтобы на их месте возвести более помпезные сооружения[11]. Храмы, построенные на деньги местной элиты, как правило, имеют внушительные размеры, богатое внешнее убранство и обильный декор, что является дополнительной демонстрацией высокого социального статуса дарителя. В народе их прозвали «*вуат сетхей*» – «монастыри–богачи». «Там даже подсобные помещения выложены золотом», – говорят, посмеиваясь по этому поводу, рядовые камбоджийцы [12]. Однако средств на строительство школы, библиотеки и келий для монахов в таких храмах уже не остается.

Гигантские размеры и внешняя роскошь многих современных храмов вызывают раздражение у старшего поколения камбоджийцев, в памяти которых живы воспоминания о храмовой архитектуре 60-х годов прошлого века. Они с горечью говорят о забвении культурных национальных стандартов, о «кричащем стиле» новоделов, противоречащем кхмерской религиозной традиции, для которой характерны одноэтажные храмы, отдельные конструкции которых традиционно выполнены из дерева, окрашенные в мягкие приглушенные тона, со скромным, внутренним убранством[13].

Министерство по делам культов и религий совместно с Министерством культуры неоднократно выпускало циркуляры, призывающие строить храмы, соответствующие национальной, религиозной традиции. Однако сами чиновники не скрывают, что едва ли содержание данных предписаний известно кому-либо за стенами их министерств[14].

Стремительный рост численности монастырей выявил проблему дефицита подготовленных монашеских кадров, особенно руководящего состава. В результате многие храмы возглавляются слабо разбирающимися в буддийском учении, плохо знакомыми со своими обязанностями и малоавторитетными

у мирян настоятелями[15], а некоторые монастыри и вовсе остались без них. По мнению сотрудников Министерства по делам культов и религий, «в стране строится слишком много монастырей, и лучше, чтобы затрачиваемые на это денежные средства направлялись бы на другие, насущные нужды буддийской сангхи»[16].

К их числу следует, в первую очередь, отнести улучшение качества религиозного образования и восстановление интеллектуального потенциала сангхи. В 1990 г. в стране после 20-летнего перерыва были открыты первые религиозные учебные заведения – школы пали. Постепенно была восстановлена и вся система религиозного образования. Она включает четыре ступени: начальную (3 года), неполную среднюю (3 года), полную среднюю (3 года) и высшую (4+2 года). Высшая школа представлена двумя Буддийскими Университетами, которые имеют филиалы в трех провинциях[17]. В 2010 г. в стране функционировало 1370 буддийских учебных заведений разного уровня, в которых обучалось 30 тыс. монахов[18]. Деятельность буддийских учебных заведений находится под двойным контролем – Министерства по делам культов и религий и инспекции сангхи.

Несмотря на весьма позитивные количественные показатели, в сфере религиозного образования остается множество нерешенных проблем. В первую очередь, это касается качества образования. И чиновники, и монахи, признавая, что оно остается низким, главные причины этого видят в острой нехватке квалифицированных педагогических кадров, особенно для начальной и средней школы, а также крайне низкой оплате преподавательского труда. Так, студенты школы пали II-ой ступени монастыря Свай Донгкум (Пном Пень) откровенно жаловались: «Как преподаватель может качественно учить, если на его зарплату в 35–45 долларов невозможно прожить? Он вынужден работать в 3–4 местах, ему некогда готовиться к занятиям, он откровенно халтурит»[19]. Студенты Буддийского Университета имени Н.Сианука также сетуют на недостаточное финансирование: «На развитие образования государство тратит ничтожно мало денег. В Университете не хватает профессоров, учебных материалов. Все деньги уходят на строительство новых монастырей. Их теперь намного больше, чем при Н.Сиануке. Зачем

столько, когда нет образованных монахов?»[20] Однако в большинстве своем они отмечают, что в последние 2 – 3 года и министерство по делам культов и религий, и руководство сангхи стали уделять гораздо больше внимания проблеме подготовки кадров. По словам Бынг Кена, одного из помощников главы никаи[21] Тхаммаютики Буо Кри, подготовка высоко образованных монахов является приоритетной для руководства сангхи, в частности, для самого Буо Кри, который чрезвычайно внимательно относится к подбору и профессорского состава, и рядовых преподавателей, работающих в Буддийском Университете имени Сурамарита[22]. Однако, как отмечает Бынг Кен, проблема сложнее: «Дело не только в преподавателях, но и в студентах. Важное значение имеет то, насколько сам монах мотивирован на получение качественного образования, как он готовится к занятиям. А это, в свою очередь, во многом зависит от настоятеля монастыря, от того, как он выполняет обязанности по воспитанию монахов»[23]. Справедливость этих слов подтверждают и сами монахи, и данные полевых исследований. Так, к примеру, монахи из монастыря Преах Пут Миен Бон (Пном Пень) признаются: «У нас весь день расписан по минутам. Много времени приходится тратить на подготовку к занятиям в школе. Наш настоятель очень строго следит за успеваемостью. Его жизненный девиз: “Если ты монах, ты обязан учиться”»[24]. Данные полевых исследований, проведенных в 2004–

2005 гг. в деревенских храмах ряда провинций страны, свидетельствуют о том, что в тех из них, где настоятели не контролируют учебный процесс, монахи подходят к учебе формально, на экзаменах обманывают преподавателей – списывают и демонстрируют низкое качество знаний[25].

Первоначально в 1990-е годы за основу программ обучения в системе религиозного образования были взяты учебные планы 1960-х гг. Однако впоследствии произошла их существенная корректировка с учетом потребностей сегодняшнего дня. В настоящее время наряду с кхмерским, пали, санскритом и буддийской философией, которые являются обязательными на всех ступенях образовательного цикла, монахи изучают много светских дисциплин. Причем в их числе не только традиционные – история, география, математика, литература, но и

такие новые предметы, как экология, основы права, глобальные процессы. Обязательным для монахов стало изучение английского языка[26].

Всячески поощряя стремление членов сангхи к получению полноценного образования, государство предоставило им право учиться в любом высшем учебном заведении, в том числе и во всех светских. Однако, если обучение в Буддийских Университетах для монахов бесплатное, то в светских учебных заведениях они, как и другие студенты, должны оплачивать учебу. Правда, им предоставляется скидка до 30%[27]. Этим нередко пользуются семьи с невысоким достатком, которые отправляют юношей в сангху, чтобы иметь монашескую скидку в оплате учебы. Так, монах из монастыря Преах Пут Миен Бон признается: «Я совсем не хотел идти в монахи. Знаю – не мое это дело. Но родители настаивали, и я не мог их ослушаться. Я хочу получить экономическое образование и заняться бизнесом. Со скидкой в 30% родителям будет легче оплатить учебу. Да к тому же, пока я в монастыре, они экономят на моем жилье, одежде и питании»[28]. Ему вторит монах из монастыря Ботумвуатдей: «Я изучаю менеджмент в частном университете. За меня платят родители. Стоимость обучения для меня на 100 долл. ниже, чем для остальных. Мне осталось учиться еще два года. Уйду из монастыря на следующий день после сдачи выпускных экзаменов»[29].

Подобная практика вызывает неоднозначное отношение в обществе. Нередко старшее поколение камбоджийцев сетует, что «монашеская скидка» плодит «прагматичных, равнодушных и корыстных монахов», тем самым, усиливая негативные явления в сангхе. Однако, многие не разделяют этой точки зрения, считая, что за годы, проведенные в монастыре даже ради получения льгот, молодой человек привыкает к дисциплине и порядку, знакомится с основами национальной религиозной традиции, которая постепенно становится гармоничным элементом его самосознания. Кхмерская пресса пишет о том, что «монашеская скидка» – акт политический, так как правительство заинтересовано в поддержке со стороны молодого монашества, обычно подверженного разного рода критическим настроениям в отношении властей[30].

Отмечая низкий образовательный уровень современного духовенства, не следует забывать, что и в период процветания сангхи в 1960-е годы рядовое монашество не блистало знаниями. Однако при этом руководство сангхи было представлено высокообразованными монахами, крупнейшими знатоками пали, санскрита, буддийской канонической литературы, а также национального языка и литературы. Одним из наиболее видных представителей этой когорты, фактически канонизированным в настоящее время, являлся глава секты Маханикая Чуон Нат (1883–1969), полиглот, доктор филологических наук, президент Камбоджийской Академии наук, автор более двух десятков книг, в том числе первого, ставшего уже классическим, толкового словаря кхмерского языка. Монахов подобного уровня, которые составляли «ученую элиту» сангхи и формировали ее интеллектуальный климат, насчитывалось не менее четырех десятков человек. Их энциклопедические знания, высокие моральные качества, почтенный возраст – все это вместе служило солидной основой их непререкаемого авторитета и глубокого уважения, которым они пользовались во всех слоях кхмерского общества.

По общему мнению, фигур такого масштаба в сангхе сейчас нет. Так, монахи из монастыря Монкульвуан (Пном Пень), которые изучают религиозные произведения Чуон Ната, приходят к выводу: «В наши дни в сангхе не найти монахов, которые могли бы писать философские трактаты, комментировать канонические тексты, да и просто научно изложить историю буддизма в Камбодже. Мы пользуемся трудами, написанными еще в 1950 – 1960-е годы. Наверное, должно пройти еще какое-то время, чтобы в общине появились выдающиеся умы»[31]. Монахи из монастыря Пройюровонг затрагивают еще один аспект этой проблемы. «В прежние времена, – отмечают они, – возраст монаха влиял на степень его учености. Пожилой монах, как правило, был опытным, т.е. знающим, с религиозной точки зрения, человеком. Но сейчас молодые монахи часто более образованны, чем даже руководители сангхи. Ведь мало кто из руководства имеет высшее образование. А многие молодые монахи уже закончили Буддийский университет. Молодым монахам и без того не всегда легко понять пожилых, а разница в

образовании может еще больше усугубить это непонимание»[32]. Монахи монастыря Свай Донкум в качестве потенциального интеллектуального лидера называют своего настоятеля: «Мы гордимся нашим настоятелем. Он – очень знающий человек. Сейчас он заканчивает свою диссертацию. В сангхе еще нет монахов с ученой степенью, но высокообразованные монахи среднего возраста уже появились, хотя они пока не заявили о себе публично»[33].

Знаковыми событиями для духовного возрождения кхмерской сангхи стало возобновление работы Буддийского института – старейшего научно-исследовательского института страны, а также начало издания научно-религиозного журнала «Кампуть Сорейя».

С начала 1990-х годов руководство сангхи в качестве одного из приоритетов своей деятельности декларировало распространение принципов буддийской морали и нравственности, что особенно важно в обществе, где в течение нескольких десятилетий насилие было нормой жизни. Однако, по общему мнению, с этой задачей монашество пока не справляется. Молодой по возрасту состав сангхи, слабая мотивированность и низкая образованность монахов, профессиональная несостоятельность настоятелей монастырей, а также все возрастающие соблазны мирской жизни крайне негативно влияют на порядок и состояние религиозной дисциплины внутри монашеской общины. Если раньше о кхмерских монахах писали, что они «тихие, трезвые, скромные и робкие»[34], то в последние годы все чаще достоянием гласности становятся шокирующие случаи нарушения общественного порядка молодыми членами сангхи. Так, в 2009 г. 20 монахов были лишены сана за различные правонарушения, в том числе пьянство, драки, разбой. Апофеозом морального разложения части монашества стало убийство, совершенное двумя не трезвыми монахами из столичного монастыря Стунгмеанчей, которые забили насмерть студента-медика, сделавшего им замечание о неподобающем поведении[35].

Это потрясшее камбоджийцев преступление стало поводом для серьезного разговора в обществе о проблемах буддийской сангхи. В комментариях кхмерской прессы особо отмеча-

лось, что монахи–убийцы уже несколько лет носили духовный сан. «Как и чему их обучали в монастыре – задавалась вопросом газета «Кампучия Тхмей» – если в течение пяти лет они так и не усвоили первую и главную заповедь буддизма “не убий” ? »[36] Реакция главы сангхи Камбоджи Теп Вонга была быстрой и недвусмысленной. Он заявил: «Убийство – тягчайшее преступление по нормам буддизма. Эти молодые люди должны немедленно покинуть сангху, предстать перед судом и понести суровое наказание»[37]. Теп Вонг пообещал, что руководство сангхи существенно ужесточит контроль за поведением монахов.

Представители творческой интеллигенции и ряда неправительственных организаций обратились к властям с призывом к незамедлительному принятию мер по укреплению дисциплины в сангхе. Они заявили, что «правонарушения среди монахов серьезно подрывают престиж сангхи и позиции буддийской религии в обществе»[38].

Вопрос монашеской дисциплины стал центральным в повестке XVIII-го Всекамбоджийского буддийского конгресса (2009 г.). В своем выступлении председатель сената Чеа Сим заявил, что в обществе растет недоверие к сангхе, так как монахи не соблюдают морально-этические предписания буддизма и перестали быть в глазах населения «образчиками буддийской нравственности». В то же время, подчеркнул он, власть видит главную задачу сангхи «в том, чтобы глубоко укоренить в обществе буддийскую мораль, так как приверженность принципам ненасилия, терпимости, миролюбия помогает сохранить политическую стабильность и мир в стране»[39].

Однако 2010 г. вновь ознаменовался серьезными правонарушениями со стороны монахов. Так, к 17 годам тюремного заключения был приговорен бывший монах столичного монастыря Срах Чак, который тайно снимал на видео обнаженных женщин в общественной бане и распространял эти снимки среди монахов[40]. В ноябре 2010 г. 10 монахов из монастыря Ланка города Сием Реапа были лишены сана за нарушение введенного руководством сангхи запрета покидать территорию монастыря во время «Праздника Воды[41]». Нарушители, не желая привлекать к себе внимание, переоделись в светскую одежду и бурно отпраздновали торжество, потребляя спиртные напитки в

компании женщин легкого поведения. В их кельях были обнаружены комплекты светской одежды, порнографические журналы, игральные карты. В ходе расследования местные жители жаловались представителям властей на настоятеля монастыря, который, по их словам, совершенно распустил монахов. «Мы стали реже посещать этот храм, – признавались жители окрестных домов – нам не нравится поведение его обитателей. Монахи часто выпивают, к ним ходят девушки, поздно вечером из келий доносится веселая музыка»[42].

Выступая в январе 2011 г. на XIX Всекамбоджийском буддийском конгрессе, министр по делам культов и религий Мин Кхин заявил: «В ближайшее время мы планируем осуществить серию реформ в сангхе, как организационного, так и качественного характера. Они, в частности, предполагают укрепление административной структуры сангхи, прежде всего на монастырском уровне, улучшение кадрового состава настоятелей, усиление контроля за процессом обучения монахов и повышения уровня богословской подготовки монашества». Результатом этих реформ должно, в первую очередь, стать укрепление дисциплины внутри сангхи, что, по мнению министра, является важнейшим условием сохранения авторитета буддийской общины в обществе[43].

Однако в частных беседах сотрудники министерства выражают сомнение в успехе намеченных реформ, поскольку многие правонарушения в сангхе рассматриваются ими как «неизбежное зло», порожденное объективным процессом глобализации. «Прежде, – говорит сотрудник Буддийского Института доктор Миех Пон, – мы вообще не слышали о пьянстве в сангхе, а теперь это – распространенное явление. Правда, в Камбодже никогда раньше не было столько ресторанов, баров, магазинов, торгующих спиртными напитками[44]. Это – одно из проявлений глобализации и влияния западного образа жизни. А молодежь особенно подвержена внешнему воздействию и весьма податлива на соблазны мирской жизни»[45].

Действительно, облик камбоджийского общества стремительно меняется и сложность для сангхи заключается в том, что, трансформируясь в соответствии с этими переменами, она должна сохранить свой традиционный сакральный статус. В

соответствии с ним жизнь монаха – это наглядный пример мироотказа, целенаправленная реализация формулы праведности. Однако следовать данной формуле в современных условиях крайне сложно, особенно обитателям городских монастырей. Крупные столичные монастыри располагаются в самом центре Пном Пеня, в гуще новой жизни. Здесь не существует «символической дистанции», традиционно отделяющей монастырь от деревни в сельской местности. Монахи ходят по улицам, ездят на городском транспорте, учатся вместе с мирянами в высших учебных заведениях, общаются с туристами, т.е. активно вовлекаются в современную жизнь социума. По мнению российского буддолога А.Агаджаняна, явный крен в сторону обмирщения сангхи наблюдается во всех странах тхеравадского буддизма[46].

Впрочем, вопрос чистоты рядов монашества и строгости монашеских нравов не нов, он регулярно поднимался и светской властью и буддийскими иерархами во все времена на протяжении всего многовекового существования сангхи, так как в реальности кхмерское монашество никогда не служило образцом непогрешимости. В странах тхеравадского буддизма путь борьбы с непомерно обмирщенной сангхой за дисциплинарную чистоту нередко лежал через образование новых сект. Так, к примеру, чтобы сохранить пуризм канонических норм монашеской аскезы среди духовенства, король Нородом создал в 1864 г. новую никаю – Тхаммаютику, которая в отличие от существовавшей в стране Маханикаи, придерживалась более строгого дисциплинарного устава. Следует признать, что Тхаммаютике удавалось поддерживать высокий уровень монашеской дисциплины в течение всего XX в. Ее малочисленность, сконцетрированность монастырей в центральных провинциях и мощная финансовая база (она обслуживала королевский дом) позволяли иерархам секты наладить действенный контроль за рядовыми монахами. Деятельность такой канонически строгой никаи приобретает особую значимость для поддержания религиозной традиции в период бурных социальных перемен.

Датой официального восстановления[47] Тхаммаютики считается декабрь 1991 г., когда в Камбоджу из Франции вернулся

Буо Кри – настоятель буддийского монастыря Кхемарарам,[48] сыгравшего важную роль в религиозной жизни кхмерской общины во Франции. Именно в этом монастыре под руководством Буо Кри некоторое время провел в качестве монаха будущий король Камбоджи Нородом Сиамони[49]. Буо Кри и возглавил Тхаммаютику.

С ее возвращением в сангхе возникли серьезные проблемы организационного характера, породившие множество конфликтов. Тхаммаютика пыталась вернуть себе свои бывшие монастыри. По признанию Бынг Кена, самые богатые монастыри секты были сосредоточены именно в столице: «Когда мы вернулись, все они были уже заняты монахами Маханикаи. Много усилий к возвращению нашего монастырского имущества приложил лично Н.Сианук, который после коронации стал патроном буддийской сангхи. Он пытался отстоять права секты, которая была тесно связана с его семьей»[50]. Особенно это касалось главного столичного монастыря Ботумвуатдей, ставшего в 1866 г. резиденцией главы Тхаммаютики[51]. Однако тяжба за монастырь была ею проиграна. Огромная территория и все храмовые постройки остались в распоряжении Маханикаи. Таким образом, к своему главному столичному монастырю Онналоум она добавила еще и Ботумвуатдей, который стал резиденцией второго по рангу иерарха Маханикаи. Однако монахи Тхаммаютики не хотели отступать, так как монастырь Ботумвуатдей олицетворял собой начало их деятельности в столице. К тому же, само расположение монастыря – напротив Королевского дворца – символизировало тесную связь Тхаммаютики как с институтом монархической власти, так и с монаршей семьей. Чтобы как-то погасить конфликт, власти выделили секте небольшое двухэтажное здание, примыкающее к ограде монастыря, которое и стало резиденцией Буо Кри. Однако на фоне новых весьма внушительных храмовых сооружений, возведенных в последние годы монахами Маханикаи на территории монастыря, резиденция Буо Кри выглядит довольно убого, свидетельствуя о маргинальном положении Тхаммаютики. Особенно серьезно ее позиции были подорваны именно в столице, где ей удалось вернуть лишь один монастырь – Свай Попэ. Численность столичных монахов секты не превышает 120 человек.

Ситуация в провинциях была еще сложнее, там борьба за монастыри и храмовое имущество продолжалась достаточно длительный период времени. В 2010 г. Тхаммаютике принадлежало 160 монастырей (3,6%), и она объединяла 2,5 тыс. монахов (4%)[52]. В целом численное соотношение монахов и монастырей двух никай примерно соответствует уровню первой половины XX в. Однако, если Тхаммаютика за двадцать лет все же как–то сумела восстановить свою численность и монастырское хозяйство, то прежнее довольно влиятельное положение и авторитет в обществе ей вернуть не удалось. Современное положение секты исчерпывающе точно определил монах из монастыря Пройюровонг, заявив: «Присутствие Тхаммаютики почти совсем не ощущается в кхмерском обществе»[53].

Подобная ситуация объясняется не столько религиозными, сколько политическими причинами. Стремление руководства Маханикаи не допустить возрождения религиозного авторитета Тхаммаютики было поддержано правящей элитой в лице премьер-министра Хун Сена и его окружения, которые изначально сделали ставку на массовую секту Маханикаю с целью превращения ее в своего стратегического партнера в борьбе за электорат. Мощнейший государственный патронаж (финансовый, политический, информационный) Маханикаи позволяет ей сохранять статус «монопольного хранителя» буддийских ценностей в Камбодже.

Ущемленное положение Тхаммаютики усугубляется ранее упоминавшимся низким образовательным уровнем рядового духовенства. В 1960-е гг. монахи неплохо знали религиозную историю своей страны и реформы XIX в. как ее составную часть. В наше время большинство из них едва ли владеет даже элементарной информацией об историческом и религиозном контексте формирования Тхаммаютики. Вследствие этого, за сектой закрепилось клеймо «просиамской»[54].

Процесс маргинализации Тхаммаютики едва ли пошел на пользу кхмерскому духовенству. В условиях нарастающего в обществе недовольства падением дисциплины в сангхе эта никая могла бы стать символом «очищения» монашества – тем «идеальным» сегментом общины, который в прежние века традиционно присутствовал в сангхе, являясь своеобразным меха-

низмом ее саморегуляции. В то же время дебаты между сектами по вопросам канона, дисциплинарного устава и «социальной ангажированности» монашества способствовали бы усилению интеллектуального потенциала и возвращению культуры религиозных диспутов.

В XXI в. в камбоджийском обществе получили достаточно широкое распространение идеи плюрализма. Религиозное «единообразие» едва ли можно считать эффективным ответом на небывалую сегментированность экономического и политического пространства. Разные слои кхмерского общества испытывают потребность в различных формах духовного окормления. Именно многообразие духовной жизни сангхи, поддерживаемое, в частности, и традиционной внутренней дисперсностью, способно помочь процессу ее возрождения и обеспечить ее жизнестойкость в условиях глобализирующегося мира.

---

[1] К 1970 г. в стране насчитывалось около 60 тыс. монахов и 3 тыс. монастырей. Сангха была представлена двумя никаями – массовой Маханикаей и немногочисленной, элитарной, обслуживающей королевскую семью, - Тхаммаютикой.

[2] В настоящее время отсутствует единая точка зрения относительно численности монахов, погибших при «красных кхмерах». Приведенные нами данные – это официальная статистика Министерства по делам религий. См.: Sou Ketya, Hean Sokhom, Hun Thirith. The ordination Ceremony of Buddhist Monks in Cambodia: Past and Present. Phnom Penh, 2005. P.28; Пном Пень Пост. 05.11.2010 (на кхмерском языке).

Английский ученый Иан Харрис, занимавшийся исследованием буддийской сангхи в Камбодже при Пол Поте, считает более достоверной цифру в 12,5 тыс. Harris I. Buddhism under Pol Pot. Phnom Penh, 2007. P. 219, 222, 227.

[3] Harris I. Op. Cit. P. 169.

[4] В 1989 г. Народная Республика Кампучия была переименована в Государство Камбоджа, которое просуществовало до сентября 1993 г., когда в результате всеобщих выборов было образовано новое государство – Королевство Камбоджа.

[5] Водано Сопхан. История кхмерского буддизма. Пном Пень. 2005 (на кхмерском языке).

[6] Заявление о принципах политики королевского правительства Камбоджи. Пном Пень. 1993. С. 1. (на кхмерс.яз).

[7] См.: Sou Ketya, Hean Sokhom, Hun Thirith. Op. Cit.

[8] Полевые исследования автора, ноябрь 2010.

[9] Столь малая численность монахов объясняется тем, что им просто негде жить, так как вся территория, принадлежащая монастырю, была захвачена в 1980-е гг. городской беднотой, соорудившей себе жилища вплотную с вихарой, не оставив ни клочка земли для монашеских келий. Настоятель монастыря, понимая бедственное положение этих людей, не хочет вести с ними борьбу за возврат монастырской земли.

[10] Phnom Penh Post. 03.11.2010.

[11] Pong Pheakdey Boramy. The Practice of Cambodian Buddhism before the 1970 and Today. A Comparative Case Study of Tep Pranam Pagoda. Phnom Penh., 2004. P. 59,60.

[12] Ibid.

[13] Kent A. Purchasing power and pagodas: The Sima monastic boundary and consumer politics in Cambodia. / / Journal of Southeast Asian Studies, N 38, 2007. P. 344.

[14] Sou Ketya, Hean Sokhom, Hun Thirith. Op. Cit. P.32. Pong Pheakdey Boramy. Op. Cit. P.60.

[15] См.: Pong Pheakdey Boramy. Op. Cit.

[16] Ledgerwood J. Buddhist Practice in Rural Kandal Province, 1960 and 2003. // People of Virtue. Ed. Kent A. And Chandler D. Copenhagen. 2008. P.159.

[17] Филиалы имеются в провинциях Кампонг Чам, Кампонг Чхнанг, Баттамбанг.

[18] Данные Министерство по делам культов и религий. //www.mocar.gov.kh Обращение 07.12.2010.

[19] Интервью автора 19.11.2010.

[20] Интервью автора 19.11.2010.

[21] Никая – подразделение сангхи, в религиоведческой литературе часто обозначаемое словом «секта». Подробнее о терминах «никая» и «секта» см.: Сафронова А.Л. Буддизм в историко-культурной традиции Шри Ланки. М. 2005. С. 65, 116-117, 120.

[22] Буддийский Университет имени Сурамарита находится на территории монастыря Свай Попэ, принадлежащего Тхаммаютике.

[23] Интервью автора 20.11.2010.

[24] Интервью автора 22.11.2010.

[25] См.: Pong Pheakdey Boramy. Op. Cit. P. 50-51.

[26] Молодые монахи охотно вступают в беседу с иностранцами, стремясь попрактиковаться в английском языке.

[27] В большинстве светских учебных заведений стоимость обучения составляет около 500 долл. в год, а средняя месячная зарплата – 70-80 долл.

[28] Интервью автора 22. 11.2010.

[29] Интервью автора 13.11.2010.
[30] См.: Нокорвуат, Кампучия Тхмей (на кхмер. яз.).
[31] Интервью автора 19.11.2010.
[32] Интервью автора 13.11.2010
[33] Интервью автора 19.11.2010.
[34] Moura J. Le Rouyame du Cambodge. P., 1883. P. 200.
[35] Phnom Penh Post. 30.10.2009.
[36] Кампучия Тхмей. 01.11.2009 (на кхмер. яз.).
[37] Ibid.
[38] Пном Пень Пост 30.10.2009 (на кхмер. яз.).
[39] Phnom Penh Post. 30.12.2009.
[40] Phnom Penh Post. 05.01.2011.
[41] Празднуется в ноябре, посвящен повороту вод реки Тонлесап. Главным мероприятием являются лодочные гонки. «Праздник воды» традиционно привлекает большие количество туристов.
[42] Расмей Кампучия. 23.11.2010, Нокорвуат. 23.11.2010 (на кхмер. яз.).
[43] Пном Пень Пост. 05.01.2011. (на кхмер. яз.).
[44] В 1960 – 1970-е годы в стране запрещалось продавать алкогольные напитки на 8 и 15 день убывающей и прибывающей луны, которые считаются священными днями и требуют особо строгого соблюдения буддийских предписаний.
[45] Интервью автора 23.11.2010.
[46] Агаджанян А.С. Буддийский путь в XX веке. М., 1993. С. 74-76.
[47] В период существования НРК Тхаммаютика была запрещена как «антинародная, роялистская» секта.
[48] С 1980 по 1985 гг. религиозные службы проходили в обычной квартире. В 1985 г. кхмерской общиной в пригородах Парижа был построен монастырь Кхемарарам, который получал солидную финансовую поддержку от семьи Н.Сианука и части богатых кхмерских эмигрантов, осевших во Франции в 1970-е гг. См.: Kalab M. Cambodian Buddhist Monasteries in Paris: Continuing Tradition and Changing Patterns.// Ed. by Ebihara M., Mortland C., Ledgerwood J. Cambodian Culture since 1975. Homeland and Exile. Cornell University Press. 1994.
[49] Нородом Сиамони короновался в 2004 г.
[50] Интервью автора 20.11.2010.
[51] Первоначально храм назывался Кхпоп Та Йанг, в 1866 г. был переименован в Ботумвуатдей. См.: Harris I. Cambodian Buddhism. History and Practice. Honolulu, 2005, P. 108.
[52] Наибольшее количество монастырей Тхаммаютики расположено в провинциях: Кампонг Спы, Баттамбанг, Такео и Кампонг Чам. См.: Кампуть Сорейя, № 1, 2006.С. 95.; Hun Sen. Selected Comments at the Birthday Anniversary Celebration for Samdech Preah Abhiserei Sokunthea

Buo Kri, Maha Sangha Raja of Dhammayuttika Nikaya. 23.01.2011. // www.cnv.org.kh

[53] Интервью автора 19.11.2010.

[54] Интервью автора 12.11.2010, 19.11.2010. Секта действительно была образована по образцу сиамской «Тхаммаютики».

Список литературы

Агаджанян А.С. Буддийский путь в XX веке. М., 1993.

Водано Сопхан. История кхмерского буддизма. Пном Пень. 2005. (на кхмер. яз.).

Заявление о принципах политики королевского правительства Камбоджи. Пном Пень.1993. (на кхмер. яз.).

Сафронова А.Л. . Буддизм в историко-культурной традиции Шри Ланки. М. 2005.

Harris I. Cambodian Buddhism. History and Practice. Honolulu, 2005.

Harris I. Buddhism under Pol Pot. Phnom Penh. 2007.

Kalab M. Cambodian Buddhist Monasteries in Paris: Continuing Tradition and Changing Patterns.// Ed. by Ebihara M., Mortland C., Ledgerwood J. Cambodian Culture since 1975. Homeland and Exile. Cornell University Press. 1994.

Kent A. Purchasing power and pagodas: The Sima monastic boundary and consumer politics in Cambodia. / / Journal of Southeast Asian Studies, N 38, 2007

Ledgerwood J. Buddhist Practice in Rural Kandal Province, 1960 and 2003. // People of Virtue. Ed. Kent A., Chandler D. Copenhagen. 2008.

Moura J. Le Rouyame du Cambodge. P., 1883.

Pong Pheakdey Boramy. The Practice of Cambodian Buddhism before the 1970 and Today. A Comparative Case Study of Tep Pranam Pagoda. Phnom Penh. 2004.

Sou Ketya, Hean Sokhom, Hun Thirith. The ordination Ceremony of Buddhist Monks in Cambodia: Past and Present. Phnom Penh, 2005.

www.mocar.gov.kh

ПРЕССА:

Кампуть Сорейя (кхмер. яз.)

Кампучия Тхмей (кхмер.яз)

Нокорвуат (кхмер.яз.)

Пном Пень Пост (кхмер.яз.)

Расмей Кампучия (кхмер.яз.)

Phnom Penh Post

© ***Захаров А.О.***
ИВ РАН

РЕЦЕНЗИЯ НА:
R.E. JORDAAN and B.E. COLLESS. THE MAHĀRĀJAS OF THE ISLES: THE ŚAILENDRAS AND THE PROBLEM OF ŚRĪVIJAYA. Leiden: Department of Languages and Cultures of South-east Asia and Oceania, University of Leiden, 2009 (Semaian 25). XVIII, 285 pp. ISBN 978-90-73084-25-4

Древняя и средневековая история Малайзии и Индонезии давно привлекает внимание исследователей. Монография Роя Йордана и Брайана Коллеса посвящена поиску связи между правившей на Яве династией Шайлендров и царством Шривиджайя, чей центр находился на Суматре.

Книга состоит из предисловия, разделов «Замечания об использовании первичных и вторичных источников», «Замечания о транслитерации и написании», пяти глав, библиографии, пяти приложений и указателей.

В предисловии формулируется основная идея монографии: со второй половины VIII в. дотоле независимая Шривиджайя стала союзным царством династии Шайлендров, «великих царей» Малайско-Индонезийского архипелага. Именно Шайлендры были «владыками островов», упоминаемыми в средневековых арабских текстах, а не цари Шривиджайи. Отношения между Центральной Явой, где находились Шайлендры в так называемое «междуцарствие» (Śailendra Interregnum, около 775–855 гг.), и Шривиджайей Йордан и Коллес называют «симбиозом» (p. X).

В первой главе «Проблема Шривиджайи» Йордан и Коллес рассматривают историю изучения этой политии от основополагающей статьи Ж. Сёдеса до наших дней (p. 1–25) [Coedès, 1918; см. также: Захаров, 2006, с. 57–102]. Французский историк создал образ величественной империи, господствовавшей в западной части Индонезийского архипелага с VII до XIII в. Сёдес помещал её столицу в район Палембанга на юго-востоке Суматры. Некоторые исследователи возражали против этой ло-

кализации, предлагая либо Кедах на западе Малаккского полуострова (Р.Ч. Маджумдар), либо Чхайю на северо-востоке этого же полуострова (Х.Г. Куорич Уолз). Считая, что в Шривиджайе с самого начала (VII в.) правила династия Шайлендров, Ж.-Ф. Фогель и Н. Кром утверждали, что в середине VIII в. столица Шривиджайи переместилась на Яву, в то время как В.Ф. Стютерхейм полагал, что Шайлендры, будучи яванской по происхождению династией [критику этого взгляда см.: Jordaan, 1999], в это время завоевали Шривиджайю. Археологическое изучение района Палембанга в 1970-е гг., не давшее материалов I тыс., привело Б. Бронсона к неутешительному выводу о том, что величественная империя Шривиджайи может оказаться лишь мифом современной историографии [Bronson, 1979, p. 395–405]. Бронсону возразил П.-И. Мангэн, под руководством которого совместная франко-индонезийская экспедиция обнаружила свидетельства заселения долин рек Муси и Батангхари, где, по традиционному убеждению историков, располагались Палембанг-Шривиджайя и Джамби-Малайю [Manguin, 2009, p. 434–484]. Найдены были кирпичные основания зданий, скорее всего храмов, керамика и в ряде случаев скульптура.

Йордан и Коллес считают результаты раскопок Мангэна и его коллег неверно истолкованными. Вопрос, по их мнению, не в том, был ли обитаем район Палембанга в древности (в этом у них сомнений нет), а в том, можно ли отсутствие там монументального зодчества, хотя бы отдалённо сравнимого с известными яванскими храмовыми комплексами Боробудуром и Прамбананом, солидного эпиграфического материала (исключая надписи конца VII в.) и монетных находок примирить с образом столицы великой империи, возникающим при изучении арабских и китайских свидетельств. Йордан и Коллес ссылаются на отсутствие находок любых монет в районе Палембанга в свете постоянно цитируемых свидетельств арабских текстов об оживлённой торговле в Забадже, отождествляемом со Шривиджайей [Ferrand, 1922, p. 56, 162; Берзин, 1995, с. 155] (p. 17). Выход из создавшегося положения, по мнению Йордана и Коллеса, следует искать в пересмотре традиционных представлений на основании тщательного изучения имеющихся первоисточников и литературы вопроса (здесь они полемизируют с

О.У. Уолтерсом и Мангэном, которые видят спасение в археологии). В частности, привычное уравнение «Суварнадвипа (остров золота) – это Суматра» не может считаться надёжным: санскритское слово dvīpa означает как «остров», так и «полуостров», а следовательно, этот топоним (Суварнадвипа) может означать и Суматру, и Малаккский полуостров, и всю западную часть Индонезийско-Малайского архипелага (p. 23–24 [Monier-Williams, 1964, p. 507; cf. Böhtlingk, 1882, T. III, S. 138: Insel, Sandbank im Flusse; eine sichere Zufluchtsstätte, Retter in der Not]).

Вторая глава «Конец владычества Шайлендров на Яве» посвящена запутанной истории династии Шайлендров в свете данных надписи царя Девапалы из Наланды в Бенгалии (о её датировке см. ниже), новой надписи царя Балитунга на древнеяванском языке Вануа Тенгах III с Центральной Явы 908 г. н.э. и санскритской надписи 775 г. из Чхайи в Таиланде, ранее известной как «Лигорская стела» (p. 26–50).

Среди историков распространена следующая версия истории Шайлендров на Яве: во второй четверти IX в. северной частью Центральной Явы правили последовательно князья Гарунг и Пикатан, а южной – Балапутра. В 855–856 в решающем сражении Балапутра был разбит и удалился на Суматру и стал править Шривиджайей [De Casparis 1956, p. 295; Тюрин, 2004, с. 33]. Связь Балапутры с Суматрой выводится из его титула в надписи Девапалы – правитель Суварнадвипы (отождествляемой в данном случае со Шривиджайей). Его первоначальное присутствие на Яве реконструируется по надписи из Прамбанана 856 г., где и упомянут военный конфликт [De Casparis, 1956, p. 280–330].

Йордан и Коллес отвергают эту конструкцию на основании новой датировки надписи Девапалы. Существующие хронологии династии Палов, разработанные Д.Ч. Сиркаром, К. Кхандалавалой и С. Горакшкаром, С. и Дж. Хантингтонами, относят конец правления Девапалы либо к 850, либо к 843 г., а это означает, что Балапутра был правителем Суварнадвипы *до* 850 г. В военном конфликте 855–856 гг. он участвовал именно как правитель Суварнадвипы и никогда не княжил на Центральной Яве.

Поскольку в надписи Девапалы Балапутра называется внуком правителя *Явабхуми* (отождествляемой с Явой) из династии Шайлендров, возникает вопрос о роли этого рода в истории и Явы, и Суматры. Впервые Шайлендры на Яве упоминаются в надписи из Каласана 778 г., последний раз – в тексте из Кайюмвунгана, или Карангтенгах, 824 г. Их упоминает надпись из Чхайи 775 г. («Лигорская стела»)[1]. Йордан и Коллес полагают, что если Балапутра правил Суварнадвипой до 850 г. и был внуком одного из Шайлендров, правивших Центральной Явой, то в это время владычество Шайлендров распространялось и на Суматру/Шривиджайю (именно родство с Шайлендрами обеспечивало легитимность самому Балапутре, в представлениях Йордана и Коллеса, p. 53). Надпись из Наланды провозглашает деда Балапутры «великолепным победителем храбрых врагов» (śrīvīravairimathana). На стороне Б надписи из Чхайи эпитет правителя – sarvvārimadavi(ma)thana, а в надписи из Келурака (Центральная Ява) 782 г. – vairivaravīramardana, которые имеют в целом то же значение. Следуя Ф.Д.К. Босу, Йордан и Коллес на основании совпадения эпитетов заключают, что их носил один правитель, чьё имя приводится в надписи из Келурака – Шри Сангграмадхананджайя (Śrī Sanggrāmadhana□jaya)[2]. Йордан и Коллес приходят к выводу о том, что в последней четверти VIII в. Шривиджайя подчинялась Шайлендрам.

Третья глава «Союз Шайлендров и Шривиджайи» содержит основные доказательства теории единой империи Шайлендров, в которое Шривиджайя входила в качестве союзного царства (p. 51–89). Территориально держава Шайлендров объединяла Центральную Яву, Юго-Восточную Суматру и ряд областей на Малаккском полуострове, в первую очередь Кедах. Все её части взаимно дополняли друг друга.

Первым доводом в пользу союза между Шайлендрами и Шривиджайей Йордан и Коллес называют титулы Śrīvijayendrarāja и Śrīvijayeśvarabhūpati в надписи из Чхайи, которые вслед за В.Ф. Стюттерхеймом нужно переводить «царь над владыками Шривиджайи», а не «верховный царь Шривиджайи», как делает Ж. Сёдес. Йордан и Коллес видят в этих титулах указание на подчинённое положение правителя Шри-

виджайи в империи Шайлендров (титул «царь Шривиджайи» Śrīvijayan□pati той же надписи они считают сокращением титула «царь над владыками Шривиджайи»)[3].

В поддержку своей теории Йордан и Коллес называют предположение о том, что термин Забадж в арабских текстах Ибн Хордадбеха (середина IX в.) и Абу Зайда (около 916 г.) означает Яву. Это вытекает из описания Забаджа – крайне плодородного острова: «Власть махараджи простирается на все эти острова. Остров, на котором он живёт, отличается необычайным плодородием, и населённые пункты следуют один за другим без перерыва. Некто, достойный доверия, сообщил: “Когда в этой стране петухи начинают кукарекать на заре… они перекликаются друг с другом на расстоянии 100 парсангов (около 500 км) – так деревни близки одна к другой» [Ferrand, 1922, p. 56–57; Тюрин, 2004, с. 34; Tibbetts, 1979, p. 33]. Авторы считают, что едва ли эту информацию можно распространить на район Палембанга. Знаменитая история о карательном набеге махараджи Забага на царя кхмеров сопоставляется Йорданом и Коллесом с рассказом о пребывании на Яве будущего создателя Ангкорской империи Джайявармана II в молодости, согласно надписи Сдок Как Тхом (p. 61). Описываемый Ибн Хордадбехом и Абу Зайдом обычай махараджи Забаджа бросать утром золотой слиток в водоём не согласуется с сообщением шривиджайской надписи Сабокингкинг о том, что правитель Шривиджайи хранил свой золотой запас «внутри дома» (těngah rumah) [De Casparis, 1956, p. 39]. Это, по мнению Йордана и Коллеса, легко объясняется, если допустить, что Забадж обозначает империю Шайлендров, а вовсе не Шривиджайю.

После ухода Шайлендров с Явы в середине IX в. термин Забадж сохранился за ними, и этим объясняются противоречия в описании их владений, в частности упоминание высоких камфорных деревьев в рассказе Ибн Хордадбеха. Важным доводом против отождествления Забаджа со Шривиджайей служит то обстоятельство, что Шрибуза (её арабское название) ни разу не называется местом жительства махараджи Забаджа [Tibbetts, 1979, p. 113].

Очередной довод в пользу теории подчинения Шривиджайи Шайлендрам – данные о посольствах в Китай. Посольства

из Шилифоши (Шривиджайи) внезапно прекращаются в 742 г. В 742–759 гг. зафиксированы посольства из *Гэло* (Кедаха), в 768–818 гг. – из *Хэлина* («буддийской Явы»), а с 820 до 873 – из *Шэпо* («индуистской Явы»). *Чжаньбэй* (Джамби на Суматре) отправлял посольства в 852 и 871. Посольства Хэлина частично совпадают с «Междуцарствием Шайлендров» 775–855 г. Прекращение посольств Хэлина в 818 г. Йордан и Коллес объясняют ослаблением власти Шайлендров и усилением одной из местных яванских династий. Но исчезновение миссий Шилифоши лучше всего, по их мнению, согласуется с идеей верховенства Шайлендров над Шривиджайей.

Другие аргументы Йордана и Коллеса таковы: гипотеза о том, что название Палембанга в китайских текстах эпохи Мин *Цзюган* («Старый порт») восходит к его яванскому обозначению (его авторы монографии не приводят, ссылаясь на В.П. Грунфелдта, Г. Феррана, Н. Крома и С. Сулейман (p. 69–70)); архитектурные параллели между буддийскими храмами Ват Кео в Чхайе и Чанди Каласан на Центральной Яве; отсутствие монументального зодчества на Юго-Восточной Суматре, следовательно, невозможность доказать существование там столицы великой империи; взаимовыгодные экономические отношения между Явой и Суматрой в рамках единой империи Шайлендров. Для строительства Боробудура и других храмовых комплексов Явы VIII–IX вв. требовались как значительные людские ресурсы, так и значительные денежные средства на оплату высококвалифицированных ремесленников. Так как на Яве нет золотых рудников, Йордан и Коллес допускают, что золото поступало к махараджам Шайлендрам из их владений на Суматре, богатых золотыми копями.

В четвёртой главе «Куда ушли Шайлендры?» рассматривается вопрос об их резиденции после вытеснения с Явы в 855–856 гг. (p. 90–124). Обычно утверждается, что Балапутра закрепился в Палембанге. Йордан и Коллес недвусмысленно отвергают эту возможность на уже известном основании – незначительности археологических находок в долине реки Муси. Они считают, что на сегодняшний день возможны два варианта локализации пребывания Шайлендров – это Джамби на Суматре (долина реки Батангхари в двухстах километрах к северу от

Палембанга)[4] и Кедах на западном побережье Малаккского полуострова. Эти варианты предлагаются как вследствие значительных археологических памятников этих районов (Муара Джамби, например, охватывает территорию около 1000 га [McKinnon 1985, p. 27–30; об археологических памятниках Кедаха см.: Jacq-Hergoualc'h 1992; 2002]), так и в результате пересмотра сообщений китайских хроник.

После Сёдеса стало привычным уравнение двух китайских терминов – Шилифоши и Саньфоци, которые связывались со Шривиджайей. Вместе с тем, само изменение в обозначениях, т.е. отказ от названия Шилифоши в пользу Саньфоци, никем не было убедительно объяснено. Согласно Йордану и Коллесу, принимающим гипотезу Р.Ч. Маджумдара, термин Саньфоци означает восстановленную после поражения на Яве империю Шайлендров (p. 92–93) [Majumdar, 1937, p. 164]. Он появляется в источниках под 904 г., когда в империю Тан прибыло первое посольство этой страны. Но ни историки империи Тан, ни писатели последующих эпох Сун, Юань и Мин не связывали Саньфоци с Шилифоши.

Танджурская надпись Раджендры I из династии Чолов, датируемая 1030 г., но повествующая о военном походе 1025 г., сообщает о пленении царя страны *Кадāрам* (Кедаха) по имени Санграма-Виджайотунгаварман [Nilakanta Sastri, 1949, p. 131, 80]. Начиная с Сёдеса, эту надпись связывали со Шривиджайей, трактуя термин ni□aiśīr-viśaiyamum как содержащий название этой страны, однако это не обязательно. Издатель надписи Э. Хультш допускал варианты «Виджайя великой славы» и «процветающая Шривишайя» [Hultzsch, 1891, p. 109; 1908, p. 231]. Возможный ответ лежит в другом примечательном тексте – Большой Лейденской дарственной надписи, датирующейся временем правления одного из государей Чолов Раджараджи I. В ней встречается стоящее в творительном падеже выражение: Śailendra-va□śa-sambhūtena Śrīvi□ayādhipatinā Ka□ah-ādhipatyam-ātanvatā «рождённым в роде Шайлендров царём Шривишайи (процветающей страны), простирающим свою власть на Катаху» [Nilakanta Sastri, 1949, p. 128, 75]. Тамильская часть надписи упоминает имя государя страны Кадāрам – Чуламаниварман. Традиционно и в этом тексте Шривишайя

исправляется на Шривиджайю, однако можно допустить (хотя Йордан и Коллес этой идеи не принимают), что речь идёт о другой стране. В любом случае перед нами прямое указание на представителей рода Шайлендров, владевших Кедахом (Кадāрам, Катаха) на рубеже X–XI вв.

Йордан и Коллес указывают на особенность знаменитого текста «Чжу Фань Чжи» Чжао Жугуа 1225 г. [1996; 1999]: в нём при описании подвластных Саньфоци стран не называются ни Джамби, ни Кедах (p. 98). Это может свидетельствовать в пользу гипотезы о локализации Саньфоци в одном либо обоих этих регионах. Но в 971–1016 гг. в китайских источниках появляется страна *Гэло*, которую многие отождествляют с Кедахом, и она соперничает с Саньфоци за китайские рынки (p. 215). В сочинении Чжоу Цюйфэя *Лин вай дай да* («За хребтами: вместо ответов», XII в.) в главе о Саньфоци Джамби упоминается под названием *Чжаньпи*: «При императоре Шэнь-цзуне (1068–1086), в седьмой месяц второго года периода правления под девизом Юань-фэн (1079), прибыло посольство страны Джаньпи с данью» (пер. М.Ю. Ульянова) [Чжоу Цюй-фэй, 2001, с. 142]. Означает ли это, что Чжаньпи было подвластно Саньфоци или что это был её центр, остаётся гадать, однако странным выглядит почти полное незнакомство Йордана и Коллеса с монографией А. Нетолицкого, содержащей перевод книги Чжоу Цюйфэя [Netolozky, 1977]: ссылка на неё даётся один раз в приложении (p. 230). В любом случае, упоминание Джамби в контексте Саньфоци сводит на нет усилия Йордана и Коллеса вывести какие-либо данные из умолчания Чжао Жугуа.

Как бы то ни было, локализация Саньфоци оказывается решающей для понимания истории Нусантары. И здесь особенно важно, что в китайских источниках этот термин встречается не только в краткой форме *Фоци*, но и с уточняющими определениями: Саньфоци-*Чжунянь* (посольства 1077, 1079, 1082, 1088, 1090 гг.) и Саньфоци-*Чжанбэй* (1079, 1082 гг.) (p. 109). В 1084, 1088, 1094 и 1095 гг. посольства приходили просто из Саньфоци (там же). Это обстоятельство отметил японский исследователь Сумио Фуками, и Йордан и Коллес, следуя В.П. Грунфелдту, добавляют к этому указание «*Сунши*» («История династии Сун»), что правитель Саньфоци называется *Чжанбэй*,

в чём можно видеть смешение топонима Джамби с именем правителя (p. 107). Йордан и Коллес полагают, что Саньфоци-Чжунянь обозначало подчинённое в ходе рейда 1025 г. Саньфоци в Кедахе, тогда как Саньфоци-Чжанбэй относится к району Джамби на Суматре.

Памятуя о миссиях из Чжанбэя 853 и 871 гг., Йордан и Коллес допускают вероятность такого развития событий: с 904 до 988 г. Саньфоци располагалось в Джамби, в 990 последовало разрушение царской резиденции (*кратона*) яванской армией, что вызвало временное ослабление Джамби и перемещение столицы Шайлендров в Кедах. После экспедиции Чолов в 1025 г. Саньфоци снова перемещается в Джамби, тогда как Кедах возвращается во владения Саньфоци вскоре после 1090 г. – даты последнего посольства из Саньфоци-Чжунянь. Исследователи полагают, что умолчание Чжао Жугуа о Джамби и Кедахе лучше всего объяснять наличием двух центров власти, или столиц, в Саньфоци (p. 117).

Однако здесь, по мнению Йордана и Коллеса, возникает ещё одна проблема – термин Саньфоци можно перевести как «Три Виджайи». В этом случае нужно искать третью, помимо Джамби и Кедаха, столицу Саньфоци, которая вполне могла располагаться и в Палембанге (хотя эта версия, повторяют авторы, и не может быть обоснована на имеющихся данных) (p. 118). Йордан и Коллес указывают, впрочем, что в то время как перевод Фоши=Виджайя сомнений не вызывает, этого нельзя утверждать об уравнении Фоци=Виджайя, ибо китайцы и в эпоху Сун не приравнивали Фоши к Фоци (p. 119). Это не помешало им на следующих страницах всё же согласиться с тем, что Фоци – это Виджайя.

Что же касается Шайлендров, то последнее их упоминание встречается в хартии для монастыря Чудаманивихары (Негапатам, Индия), относящейся к эпохе возобновления дипломатических отношений между Чолами и не названным по имени правителем Кедаха в 1089–1090 гг. (p. 124). Правили ли в Саньфоци потомки Шайлендров после XI в., остаётся только гадать.

В последней главе «Общие выводы» Йордан и Коллес сосредоточиваются на двух, по их мнению, ключевых проблемах

истории Нусантары в конце VII – середине IX вв.: происхождении династии Шайлендров и политических отношениях между Центральной Явой и Суматрой в конце VII – середине IX в. (p. 125–140). Они полагают, что Шайлендры происходили из Индии (хотя возможно их промежуточное пребывание в Камбодже или на Яве), в то время как идея их местного яванского и, шире, индонезийского происхождения недвусмысленно отвергается. Отношения между Центральной Явой и Суматрой в обозначенный промежуток времени были «союзом и сотрудничеством» (alliance and cooperation, p. 128). Йордан и Коллес полагают, что правитель Шривиджайи признавал верховное владычество махараджи Шайлендров, возможно, называя себя «младшим братом» (это не имеет прямых доказательств в источниках), а структура империи Шайлендров характеризуется ими как «двуцентровая» (bi-nodal structure, p. 138–139). Эта идея не нова; одним из её ярких сторонников был Н. Кром, писавший о «двойном царстве Шайлендров» (dubbele Śailendrarijk [Krom, 1931, blz. 145]). После середины IX в. один из центров перемещается с Центральной Явы на Малаккский полуостров. Проблема интерпретации Саньфоци как «трёх Виджай» предположительно решается сохранением за Палембангом статуса одного из центров поздней империи Шайлендров.

Приложение A «Шривиджайя как гипотетическая империя: историографическая оценка» посвящено историографии локализации Шривиджайи (p. 165–193). За основу берётся формула топонимических отождествлений, предложенная Ж. Сёдесом в 1918 г.: Шривиджайя = (Шили)фоши = Шривишайя/Шривиджайям = (Сань)фоци = царство Шайлендров = Забадж = остров Махараджи = царство Палембанга. Йордан и Коллес предлагают историографический разбор каждого из этих уравнений.

В приложении B «Шривиджайя и древнемалайские надписи Явы» Йордан и Коллес показывают, что нет никаких оснований связывать появление этих текстов со Шривиджайей, более того, эти надписи едва ли образуют единую группу текстов: слишком различаются их содержание, лексические и палеографические особенности (p. 194–199 [о них см.: Дорофеева, 2001, с. 55–68]).

Приложение C «Пищевые ресурсы Палембанга в эпоху Шривиджайи» посвящено обоснованию тезиса о том, что Шривиджайя была вынуждена ввозить рис для обеспечения потребностей собственного населения и заморских купцов в пищевых продуктах (p. 200–206). Йордан и Коллес полагают, что ирригационное рисоводство в районе Палембанга началось лишь в XIX в.

Написанное Коллесом приложение D «Историческая география морской Юго-Восточной Азии: синтез и синопсис» представляет собой обзор топонимов Малаккского полуострова и Малайско-Индонезийского архипелага (p. 207–262).

Приложение E «Таблица китайских транслитераций топонимов» содержит написание топонимов в системах Уэйда-Гайлса и *пиньин цзыму*, реконструкцию их произношения на основании систем Б. Карлгрена, Э. Пулиблэнка и Дж. Ньюмана и А.В. Рамана, и их современную локализацию, если она установлена (p. 263–265).

Таким образом, рецензируемая монография представляет собой во многом любопытное исследование ранней истории Индонезии, претендующее, по словам его авторов, на «смену научной парадигмы или переключение гештальта» (p. X). Теория Йордана и Коллеса объясняет незначительность археологических памятников Палембанга, сведения арабских текстов о Забадже, резкое прекращение посольств Шилифоши-Шривиджайи в Китай.

Тем не менее, многие идеи авторов уже предлагались ранее. В частности, Р.Ч. Маджумдар писал о господстве империи Шайлендров на островах Малайско-Индонезийского архипелага ещё в 1930-е гг., а Э.О. Берзин считал, что надпись из Чхайи (Лигорскую стелу) упоминает «сюзерена Шривиджайи» из рода Шайлендров, что логически превращает Шривиджайю в вассальное царство империи Шайлендров [Majumdar, 1937, p. 149–203; Берзин, 1995, с. 191]. Поэтому претензии Йордана и Коллеса на «смену парадигмы» выглядят несколько преувеличенными – скорее можно говорить о дальнейшей разработке научно-исследовательской программы Маджумдара, которую, исходя из её основной идеи, допустимо называть теорией импе-

рии Шайлендров (в отличие от теории династии Шайлендров на Яве).

Впрочем, сама постановка проблемы Йорданом и Коллесом выглядит странно: можно ли противопоставлять политию Шривиджайя династии Шайлендров и утверждать, что «махараджи островов» непременно должны относиться либо к Шривиджайе, либо к Шайлендрам? Представители одной и той же династии могли править в разных районах, а в одном царстве вполне могли сменяться разные царские роды. Родословная правителей Шривиджайи/Шилифоши неизвестна: её надписи упоминают лишь царя Джаянашу безо всякого указания на его семью [Coedès & Damais, 1992, p. 48–52].

Некоторые стороны концепции Йордана и Коллеса нуждаются в дальнейшем обосновании и уточнении, поскольку она не предлагает строгого доказательства подчинения Шривиджайи Шайлендрам (если не признавать надпись из Чхайи единым текстом, что делает Ж. Сёдес [Coedès & Damais, 1992, p. 103–111][5]). То, что правитель Забаджа правил Явой и именовался «владыкой островов», ещё не означает, что он распространял свою власть на всю Суматру или отдельные её районы. Если на этом острове располагались перевалочные порты династии Шайлендров (в Джамби и Палембанге), через которые наряду с иноземными товарами шло золото из копей в землях минангкабау (как утверждают Йордан и Коллес), то необходимо привести археологические подтверждения этих экономических процессов.

И здесь Йордан и Коллес, видимо, недооценили данных археологии, особенно новаторских подводных исследований древних кораблекрушений. Они утверждают, что в районе Палембанга не обнаружено никаких монет, свидетельствующих об экономических операциях. Но зато там найдены надписи конца VII в. и буддийские статуи VII–VIII вв., а начиная с IX в. имеются находки китайской керамики, которая едва ли могла бы оказаться в этом районе при отсутствии разветвлённой сети обмена; археологи нашли кирпичные фундаменты зданий, скорее всего храмов [Manguin, 2009, p. 445–468]. Кораблекрушение *Бату Хитам* («Черный камень») было обнаружено археологами около острова Белитунг, провинция Бангка-Белитунг

[Ekowati Sundari, 2009, p. 104, fig. 7.7]. Среди его материалов два кольца с надписями, четыре яванские монеты *маша*, кольца с рельефом и жемчужиной, «покров целомудрия» *бадонг*. Все предметы сделаны из золота. Кольца с надписями и с рельефом, видимо, служили печатями. По найденной китайской керамике и монетам кораблекрушение произошло в IX в. Конечно, следует оговорить вероятность того, что корабль не посещал Палембанга – он найден даже не у острова Бангка, закрывающего вход в устье реки Муси. Впрочем, наличие китайской керамики на Суматре опровергнуть не удастся, а посему включение района Палембанга в систему обмена можно считать вполне обоснованным предположением.

Вопреки тезису Йордана и Коллеса, что единственным удовлетворительным объяснением господства Балапутры на Суматре будет его происхождение от правителя Шайлендров Санграмадхананджайи, не менее правдоподобным выглядит обоснование его власти со стороны отца его матери – Дхармасету, как думал Н. Кром [Krom, 1931, blz. 145].

Впрочем, думается, что Йордан и Коллес правы относительно надписи из Чхайи, так как текст на её стороне А, начинающийся буквально на полуслове, выглядит странно для царского повеления, имеющего дату и высеченного с большим старанием. Тогда возникает вопрос: где находилась Шривиджайя в 775 г., когда великий царь Шайлендров называл себя владыкой Шривиджайи в тексте, найденном на Малаккском полуострове?

Некоторый свет на эти события могут пролить сведения китайских хроник. Если в 742 г. посольства Шилифоши прекратились, а Гэло-Кедаха (742 г.) и Чжаньбэя-Джамби (752) появились, то это свидетельствует о смене политических центров в западной части Нусантары. Какой именно из этих центров принял название Шривиджайи, судить невозможно: в пользу Кедаха или, шире, Малаккского полуострова будет свидетельствовать надпись из Чхайи[6], в пользу Джамби – уже приводившиеся Йорданом и Коллесом сведения: родословная Балапутры из надписи Девапалы, подчинение махараджам Забаджа множества островов и известное по сообщению И-цзина противостояние Шривиджайи-Палембанга и Джамби-Малайю в

VII в. При этом события могли развиваться различно: Шайлендры могли распространять свою власть как на оба политических центра (Гэло и Чжаньбэй), так и только на один из них.

Ещё одна сложность – использование титула *махараджа*, который Йордан и Коллес считают характерным признаком Шайлендров (p. X, passim). По этому поводу нужно сказать, что его носил и Пананкарана в надписи из Каласана [Захаров, 2006, с. 116–117][7]. Именно на этом основании К.А. Нилаканта Шастри предлагал считать Пананкарану правителем из династии Шайлендров (см. выше, прим. 3). Но Йордан и Коллес эту гипотезу не разделяют и называют правителем из рода Шайлендров Шри Сангграмадхананджайю. Пананкарана упоминается в более поздних источниках – надписях Мантъясих I и Вануа Тенгах III. Обе они выпущены при Балитунге. В первой из них (B, 8; 907 г.) Пананкарана включён в список покровителей царства Матарам: «О вы, божественные прежних времён… князья (государства) Матарам: санг рату Санджайя, Шри Махараджа князь Пананкарана…» (*kamung rahyang ta rumuhun… rakai matarām sang ratu sañjaya śrī mahārāja rakai Panangkaran*…) (пер. С.В. Кулланды) [Кулланда, 1992, с. 79]. Во второй Пананкарану называют князем (rake), подарившим орошаемое поле (савах) в Вануа Тенгах буддийскому монастырю в Пикатане [Wisseman Christie, 2001, p. 30, 51]. В обоих источниках Шайлендры не упоминаются. Обычно это объясняется противостоянием двух династий – Санджайи (Матарама) и Шайлендров, из которых первая взяла верх над второй в середине IX в., хотя само существование устойчивой династии Санджайи вызывает сомнения [Захаров, 2010]. Важнее, на мой взгляд, то обстоятельство, что в случае принятия гипотезы Йордана и Коллеса неизбежен вывод о существовании нескольких махараджей на одном и том же временном отрезке: между 775 и 782 гг., когда этот титул носят и Пананкарана и Шри Сангграмадхананджайя. В свою очередь, это означает, что понятие «махараджа островов» и «махараджа» Забаджа может быть общим названием разных правителей Явы в арабских текстах безотносительно к их династической принадлежности. Отсюда следует, что этот аргумент Йордана и Коллеса в отношении подчинения Шривиджайи Шайлендрам теряет свою силу.

Можно ли найти опровержения этому рассуждению? Важное обстоятельство – имя Пананкараны. Дело в том, что яванские правители в надписях часто называются не своим личным именем, а по своему домену, подобно французским обозначениям «граф Блуа» или «герцог Анжуйский». Пананкарана – санскритизированное обозначение княжества Панангкаран, а не личное имя правителя. В качестве параллели с Пананкараной (в дополнение уже цитированным выше яванским текстам, где он именуется князем Панангкарана) можно указать на князя Кайюванги, личным именем которого было Саджджанотсаватунгга, упоминаемое в надписи из Рамви 882 г. [Sarkar, 1971, p. 278–287]. Таким образом, можно допустить, что Пананкарана носил личное имя Шри Сангграмадхананджайя, а это позволит сделать вывод о том, что махараджа был один.

Почему же тогда Йордан и Коллес отрицают такую возможность? И почему Шайлендры исчезают из яванских источников после 824 г.? Йордан и Коллес исходят из тезиса о том, что перечни правителей в надписях Мантъясих I и Ванua Тенгах III называют верховных яванских царей-шиваитов, а Шайлендры-буддисты оказались «неприемлемыми» для включения в него (p. 38) [Jordaan, 1999, p. 44]. Следовательно, Пананкарана из надписи Каласан должен был подчиняться царю – «украшению династии Шайлендров» и не мог одновременно носить имя Шри Сангграмадхананджайя.

Эти построения не убедительны. В первую очередь, сама надпись Ванua Тенгах III излагает историю пожалования орошаемого рисового поля (*савах*) буддийскому монастырю в местности Пикатан (*bihāra i pikatan*). Поле подарил ни кто иной, как князь Панангкарана [Wisseman Christie, 2001, p. 29–30, 51]. Если считать его убеждённым шиваитом и настаивать на религиозном противостоянии династий, то примирить эти тезисы с его деяниями не представляется возможным. Напротив, если вспомнить, что надпись из Каласана свидетельствует о почитании буддийской богини Тары, символа сострадания, и существовании ещё одного буддийского монастыря, которому была дана деревня по имени Каласа [Захаров, 2006, с. 116–117], то выяснится, что Пананкарана скорее симпатизировал буддизму (хотя сам он мог и не быть буддистом).

Ещё один, хотя и косвенный, довод связан с самим характером текстов из Каласана, Келурака, с плато Рату Боко и из Чанди Плаосан – все они буддийские по содержанию и написаны шрифтом «раннее Нагари» [Sarkar, 1971, p. 34–48(xvi)]. И хотя надпись с плато Рату Боко датируется 792 г., когда, по сведениям текста Вануа Тенгах III, Пананкарана уже умер и на престоле был князь Панарабана, в ней имя правителя – Дхармматунгадева, а не Шри Сангграмадхананджайя. Почему не допустить, что эти правители провозглашали себя членами «династии Шайлендров»? Тем более что при допущении двух царей в надписи из Каласана возникает подлинная головоломка с титулами: подчинённый правитель именуется *махараджей* (великим царём), а предполагаемый суверен – просто *раджей* (царём).

Обращает на себя внимание монументальное зодчество Явы – Боробудур и Прамбанан[8]. Можно ли вообразить строительство столь величественных храмовых комплексов в условиях политической раздробленности и слабости политической организации? Думается, что нет. Тогда мы получаем дополнительный довод в пользу гипотезы верховного правителя Явы – сначала Пананкараны, а потом князя Панарабана, согласно перечню надписи Вануа Тенгах III.

Остаётся множество других вопросов: почему после 824 г. Шайлендры перестают упоминаться в яванских источниках? Как они появляются в других частях Юго-Восточной Азии? Как связан Балапутра с яванскими правителями – лишь по происхождению?

Не имея возможности наметить пути решения этих проблем в рамках рецензии, хотелось бы сделать вывод о несомненной ценности монографии Роя Йордана и Брайана Коллеса. Предложенная в ней теория побуждает к дальнейшим исследованиям и долго будет служить образцом исторической реконструкции в условиях явной ограниченности круга источников.

[1] Строго говоря, происхождение этой надписи до сих пор точно не установлено. Местом её находки считаются разные точки Малаккского по-

луострова: Виенг Сра, Ват Семамуанг, Ват Хуа Виенг (Чхайя) или Накхон Си Тхаммарат (Лигор). Ведутся споры о том, представляет ли надпись единое целое или две её стороны, А и Б, образуют отдельные тексты [Jacq-Hergoualc'h, 2002, p. 241–247]. Йордан и Коллес исходят из идеи единой надписи и её происхождения из Чхайи.

Особую проблему составляет истолкование надписи из Соджомерто (Центральная Ява) на древнемалайском языке, датирующейся по палеографическим признакам VII–VIII вв., в которой упоминается некий *dapunta Selendra* [Boechari, 1966, p. 241–245]. Бухари видел в термине selendra малайскую форму санскритского понятия Шайлендра («царь гор»), но Йордан и Коллес в этом не уверены: по их мнению, нужны дальнейшие доказательства такого отождествления (p. 196).

[2] К.А. Нилаканта Шастри, зная о совпадении эпитетов, утверждает, что имя правителя Шайлендров – Пананкарана Дхараниндраварман [Nilakanta Sastri, 1949, p. 55–56]. П.-М. Мюно предлагает такую реконструкцию: упомянутый в надписи Девапалы Дхармасету (дед Балапутры) правил Шривиджайей и был одновременно представителем династии Шайлендров, возглавляя федерацию мандал, простиравшихся от севера Малаккского полуострова до Центральной Явы. Его трон унаследовал Санграмадхананджайя [Munoz, 2006, p. 133–135]. Между тем, правитель Явы (Yavabhūmi) из династии Шайлендров в надписи Девапалы явно отличается от Дхармасету, о котором говорится лишь то, что он был отцом Тары (матери Балапутры) и принадлежал к «лунной династии» (rājña somakulānvayasya mahata śrīdharmaseto sutā …Tārāhvayā) [Nilakanta Sastri, 1949, p. 126–127].

[3] Две стороны надписи из Чхайи Йордан и Коллес считают единым текстом. На стороне А, датированной 775 г. упоминается правитель Шривиджайи (или «царь над владыками Шривиджайи», по мнению Йордана и Коллеса), в то время как на недатированной стороне Б – «царь царей» из династии Шайлендров. В пользу объединения частей говорит то обстоятельство, что на стороне А нет вводной формулы, тогда как на стороне Б она есть – оборот «Svasti» [Coedès, 1918, p. 30, pl. II].

[4] О.У. Уолтерс обосновывал идею переноса столицы Шривиджайи из Палембанга в Джамби в конце XI в. [Wolters, 1966, p. 225–239].

[5] Основной аргумент Ж. Сёдеса – различие в титулах: на стороне А, упоминающей Шривиджайю, правитель называется n□pa, n□pati, indrarājā и bhūpati, в то время как на стороне Б правитель из династии Шайлендров провозглашается mahārāja и rājādhirāja [текст надписи см.: Nilakanta Sastri, 1949, p. 120].

[6] Йордан и Коллес отмечают, что эта надпись может свидетельствовать не о подчинении Чхайи Шайлендрам, а о визите одного из них в ходе паломничества или военного набега (p. 45).

[7] В своих предыдущих работах я исходил из интерпретации этого текста Ж.-Ф. Фогелем и Ф.Х. ван Нарсеном, согласно надпись упоминает двух правителей: махараджу Пананкарану и царя – «украшение династии Шайлендров» [Захаров, 2006, с. 120; 2008].

[8] Боробудур строился предположительно в последней четверти VIII – первой половине IX в., а Прамбанан – между 825–856 гг. [Miksic (ed.), 1996, p. 72–79]. Обычно строительство Прамбанана относили к началу X в. [Тюрин, 2004, с. 38; Coedès, 1968, p. 127], но после анализа эпиграфики и строительных моделей его датировка была пересмотрена [Jordaan (ed.), 1996].

ЛИТЕРАТУРА

Берзин Э.О. *Юго-Восточная Азия с древнейших времён до XIII века*. М.: Восточная литература, 1995.

Дорофеева Т.В. *История письменного малайского языка (VII – начала XX веков)*. М.: Гуманитарий, 2001.

Захаров А.О. *Политическая организация островных обществ Юго-Восточной Азии в раннем средневековье (V–VIII вв.): конструктивистский вариант*. М.: Восточный университет, 2006.

Захаров А.О. Две надписи с острова Ява VIII в. // *Вопросы эпиграфики*. Вып. 2. Под ред. А.Г. Авдеева. М.: Университет Дмитрия Пожарского, Русский Фонд Содействия образованию и науке, 2008. С. 24–43.

Захаров А.О. Надпись Санджайи из Чанггала и некоторые вопросы древнеяванской истории // Восток (Oriens). 2010. № 2. С. 34–45.

Кулланда С.В. *История древней Явы*. М.: Восточная литература–Наука, 1992.

Тюрин В.А. *История Индонезии*. М.: Восточный университет, 2004.

Чжао Жугуа. «Чжу Фань Чжи» (1225 г.) (сообщение о государстве Шривиджайя) / введение, пер. с кит. и комментарии М.Ю. Ульянова // *Восток (Oriens)*. 1996. № 6. С. 141–155.

Чжао Жугуа. «Чжу Фань Чжи» («сообщения о подвластных Шривиджайе государствах») / введение, пер. с кит. и комментарии М.Ю. Ульянова // *Восток (Oriens)*. 1999. № 1. С. 156–166.

Чжоу Цюй-фэй. За хребтами. Вместо ответов (Лин вай дай да). Пер. с китайского, введ., коммент. и прил. М.Ю. Ульянова. М.: Восточная литература, 2001.

Boechari. Preliminary Report on the Discovery of an Old-Malay Inscription at Sojomerto // Madjalah Ilmu-ilmu Sastra Indonesia. Vol. 3. No. 2/3. 1966. P. 241–245.

Böhtlingk O. *Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung*. T. I, III. St. Petersburg: Buchdruckerei der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1879, 1882.

Bronson B. The Archaeology of Sumatra and the Problem of Śrīvijaya // *Early South East Asia. Essays in Archaeology, History and Historical Geography* / ed. by R.B. Smith & W. Watson. Oxford–New York–Kuala Lumpur: Oxford University Press, 1979. P. 395–405.

De Casparis J.G. *Incripties uit de Çailendra-tijd* [Prasasti Indonesia I]. Bandung: Nix, 1950.

De Casparis J.G. *Selected Inscriptions from the 7th to the 9th Centuries AD.* [Prasasti Indonesia II]. Bandung: Masa Baru, 1956.

Coedès G. Le royaume de Çrīvijaya // *Bulletin de l'École Française d'Extrême-Oriens*. T. 30. 1918. P. 1–36.

Coedès G. *The Indianized States of Southeast Asia*. Ed. by W.F. Vella, translated by S. Brown Cowing. Honolulu: East-West Center Book, University Press of Hawaii, 1968.

Coedès G., & L.-Ch. Damais. *Sriwijaya*: *History, Religion & Language of an Early Malay Polity*. Kuala Lumpur: Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society, 1992.

Ekowati Sundari. Trade Ceramics from Sumatra in the collection of the National Museum (Jakarta) // *Sumatra: Crossroads of Cultures* / ed. by Francine Brinkgreve & Retno Sulistianingdih. Leiden: KITLV Press, 2009. P. 97–105.

Ferrand G. L'empire sumatranais de Çrīvijaya // *Journal Asiatique*. T. 262. 1922. P. 1–104, 161–244.

Hultzsch E. *South Indian Inscriptions*: Vol. II: *Tamil Inscriptions in the Rajaraja Temple at Tanjavur and Other Miscellaneous Records of the Chola, Pallava, Pandya and Vijayanagara Dynasties*. Madras: Archaeological Survey of India, 1891.

Hultzsch E. Tirumalai Rock Inscription of Rajendra-Chola I // *Epigraphia Indica*. Vol. 9 (31). 1907–1908. P. 229–233.

Jacq-Hergoualc'h M. *La civilisation de ports-entrepôts du Sud Kedah (Malaysia) : Ve – XIVe siècle*. Paris : L'Harmattan, 1992.

Jacq-Hergoualc'h M. *The Malay Peninsula: Crossroads of the Maritime Silk Road (100 BC – 1300 AD)*. Leiden–Boston–Köln: E.J. Brill, 2002.

Jordaan R.E. (ed.) *In Praise of Prambanan: Dutch Essays on the Loro Jonggrang Complex*. Leiden: KITLV, 1996 (Koninklijk instituut voor Taal-, Land- en Volkenkunde Translation Series 26).

Jordaan R.E. *The Śailendras in Central Javanese History: A Survey of Research from 1950 to 1999*. Yogyakarta: Penerbitan Universitas Sanata Dharma, 1999.

Krom H.J. *Hindoe-Javaansche geschiedenis*. 2nd ed. 's-Gravenhage: Martinus Nijhoff, 1931.

Kullanda S. Nushāntara or Java? The acquisition of the Name // *Indonesia and the Malay World*. Vol. 34. № 98. March 2006. P. 91–97.

Majumdar R.C. *Ancient Indian Colonies in the Far East*: Vol. II: *Suvarnadvipa*. Part I: Political History. Dacca: Asutosh Press, 1937.

Manguin P.-Y. Southeast Sumatra in Protohistoric and Srivijaya Times: Upstream-Downstream Relations and the Settlement of the Peneplain // *From Distant Tales: Archaeology and Ethnohistory in the Highlands of Sumatra* / ed. by D. Bonatz, J. Miksic, J.D. Neidel & M.L. Tjoa-Bonatz. Newcastle upon Tune: Cambridge Scholars Publishing, 2009. P. 434–484.

McKinnon E.E. Early Polities in Southern Sumatra: Some Preliminary Observations Based on Archaeological Evidence // *Indonesia*. Deel 40. 1985. P. 1–36.

Miksic J.N. (ed.) *Indonesian Heritage*: Vol. 1: *Ancient History*. Singapore: Editions Didier Millet–Archipelago Press, 1996.

Monier-Williams M. *A Sanskrit-English Dictionary*. Oxford: Oxford University Press, 1964 [http://www.sanskrit-lexicon.uni-koeln.de/monier/].

Munoz P.M. *Early Kingdoms of the Indonesian Archipelago and the Malay Peninsula*. Singapore: Editions Didier Millet, 2006.

Netolizky A. *Das Ling-wai tai-ta von Chou Ch'u-fei: eine Landeskunde Südchinas aus dem 12. Jahrhundert*. Wiesbaden: Steiner, 1977.

Nilakanta Sastri K.A. *History of Śrī Vijaya (Sir William Meyer Lectures, 1946–1947)*. Madras: University of Madras, 1949.

Sarkar H.B. *Corpus of the Inscriptions of Java (Corpus Inscriptionum Javanicarum) (Up to 928 A.D.)*. Vol. I–II. Calcutta: Mukhopadhyay, 1971–1972.

Tibbetts G.R. *A Study of the Arabic Texts Containing Material on South-East Asia*. Leiden: Brill, 1979.

Wisseman Christie J. Revisiting Early Mataram // *Fruits of Inspiration: Studies in Honour of Prof. J.G. de Casparis, retired Professor of the Early History and Archaeology of South and Southeast Asia at the University of Leiden, the Netherlands, on the occasion of his 85th birthday*. / Ed. by M.J. Klokke & K.R. van Kooij. Groningen: Egbert Forsten, 2001. P. 25–55.

Wolters O.W. A Note on the Capital of Śrīvijaya during the Eleventh Century // *Artibus Asiae. Supplementum*, Vol. 23. *Essays Offered to G.H. Luce by His Colleagues and Friends in Honour of His Seventy-Fifth Birthday*. Vol. 1: Papers on Asian History, Religions, Languages, Literature, Music Folklore, and Anthropology. 1966. P. 225–239.

© ***Стефанчук Л.Г.***
ИВ РАН

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ НАРОДА МАОРИ

Маори – коренное население Новой Зеландии, относящееся по языку и культуре к полинезийцам. За сравнительно короткий для истории срок они сумели превратиться из «жителей каменного века» в современных обитателей крупных городских ареалов.

Численность маори до их контактов с европейцами точно не известна. Используя различные методы «экстраполяции» в прошлое, новозеландские, английские, собственно маорийские и российские исследователи определяют общую численность маори до их знакомства с белыми и в начальные годы колонизации далеко не одинаково. Количественные оценки колеблются от 100 тыс. до 500 тыс. человек. Однако при всех расхождениях в определении исходного числа, оно резко сократилось после прихода европейцев. По переписи, проведенной в 1856 г., их насчитывалось 56 тыс. В конце XIX в. маори вымирали: численность их не превышала 42 тыс. человек. Многие исследователи видели в этом закономерный процесс – гибель малого народа при столкновении с «более развитыми» белыми колонизаторами. Но маори выжили. Сейчас они насчитывают свыше 550 тыс. человек, составляя примерно 14% новозеландского населения. Они не просто выжили. В отличие от других народов, например индейцев Северной Америки или аборигенов Австралии, они сумели встать на одну ногу с пакеха (так маорийцы называли англо-новозеландцев), добиться полного признания своих политических и экономических прав, сохранить свой язык и культуру.

В XIX в. маори стойко сопротивлялись колонизаторам, они с оружием в руках отстаивали свои земельные угодья в течение почти 30 лет (1843 – 1872 годы), но силы были неравны: европейцы конфисковали бóльшую часть их земель, оттеснив маори в неплодородные районы. «Но, – как пишет советский исследователь А.И. Блинов, – огромные жертвы, понесенные

маорийцами в этих войнах, не оказались напрасными. Упорное сопротивление и героизм маорийцев явились главными причинами, которые вынудили новозеландское правительство к важным уступкам… В ходе войны новозеландскому правительству пришлось предоставить маорийцам, хотя и в урезанном виде, представительство в обеих палатах новозеландского парламента»[1].

Первым этапом модернизации маори можно считать конец XIX в. – первую треть XX в. Хотя, по конституционному акту 1952 г., им предоставлялось право избирать и быть избранными в новозеландский парламент, на деле они не могли наравне с белыми участвовать в политической жизни страны. Для этого требовался определенный имущественный ценз, которого у безземельных маори (ведь и оставшаяся в их владении земля находилась, как правило, в общинном пользовании) за редким исключением не было. Позднее, в 1867 г. для маори с учетом племенных границ были созданы четыре избирательных округа, их функционирование предполагалось как временная протекционистская мера. Но нет ничего более постоянного – чем временное, и специальные маорийские округа, число которых, правда, увеличилось до 7, существуют и по сию пору. Теперь уже сами маорийцы не заинтересованы в их отмене.

В 1879 г., когда в Новой Зеландии было введено всеобщее избирательное право для мужчин, маори получили возможность баллотироваться либо в маорийском, либо в европейском электорате, по выбору. Однако в 1893 г. это право было отнято у них и восстановлено лишь в 1967 г. Так что маорийское избирательное право не отвечало требованиям избирательного законодательства Новой Зеландии. Маорийские округа не были равны по численности населения европейским, их границы регулярно не пересматривались, редкие изменения в этой области осуществлялись по решению правительства, а не созданной специально для этого комиссии. Вероятность же для маори стать депутатом от европейского округа была крайне незначительна.

С середины 50-х годов XIX в. существовал департамент по делам туземцев, но он, вместо помощи маори и защиты их интересов, занимался почти исключительно продажей и раз-

граблением их земель. В борьбе с колонизаторами маорийские племена пытались объединиться и создали религиозное движение «хау-хау», «Земельную лигу», «Страну короля». Последняя была официально признана и долго сохраняла свою автономию. Однако в ходе войны именно племена, входившие в «Страну короля», в частности ваикато и таранаки, больше всего пострадали от земельной конфискации.

Только в начале 1890-х годов, несмотря на противодействие британских властей, маори удалось создать свой маорийский парламент, который просуществовал 11лет. Он несколько раз представлял в новозеландский парламент законопроект о правах коренного населения, о юридическом уравнивании его с англо-новозеландцами. Власти игнорировали его решения. Однако маори продолжали всеми доступными средствами бороться за автономию, за улучшение своего экономического и социального положения.

Зародилась маорийская пресса[2]. Под руководством молодых выпускников колледжа «Те Ауте» (он был основан в 1854 г. миссионером Самуэлем Вильямсом, в 1959 г. закрылся из-за нехватки средств и снова был восстановлен в начале 70-х годов) в 1891 г. была создана «Ассоциация для улучшения жизни маорийской расы». Выпускники колледжа, из стен которого вышли ныне известные всему миру ученые, политические деятели, такие как Те Ранги Хироа, Мауи Помаре, Апирана Нгата, занимались просветительской деятельностью, пытаясь помочь соплеменникам приобщиться к современной действительности. Поначалу их благие помыслы терпели неудачу. У просветителей не было четкой программы, да и старейшины племен не желали слушать поучения молодежи. Однако позднее это «хождение в народ» переросло в создание Младомаорийской партии, которая стала реальной политической силой. Во главу угла ее программы ставилась задача – добиться распространения земельного закона 1892 г. на маорийские наделы и наладить их рациональное использование. Цель закона была – способствовать насаждению в стране мелкого фермерства. Согласно ему, ограничивались размеры крупного землевладения, вводилась аренда на 999 лет, и, что особенно важно, – мелким новозеландским фермерам государство оказывало финансовую

помощь. Маорийское землепользование не было включено в сферу действия этого закона.

В результате деятельности Младомаорийской партии в 1906г. новозеландский парламент утвердил разработанный ее членами проект, предоставляющий маори ограниченное местное самоуправление. Была создана Комиссия, призванная изучить состояние оставшихся во владении маори земельных участков. Член тогдашнего новозеландского парламента Апирана Нгата провел две важные реформы, содействующие восстановлению маорийских хозяйств: инкорпорацию и консолидацию земельных наделов. Маори получили право закладывать скот (1903 г.) и землю (1905 г.) государству, а позднее (1912 г.) – и частным лицам. Был создан ссудный банк. И все же основной источник существования был найден лишь благодаря принятому правительством либералов (1890-1912 годы) земельному законодательству, облегчившему мелким фермерам приобретение земли. Маори начали наниматься к ним батраками. В то же время представители племенной элиты скупали земли, богатели, продолжали посылать своих отпрысков учиться в средние и высшие учебные заведения. Постепенно стали формироваться маорийская буржуазия и прослойка будущей интеллигенции. Этот начальный этап модернизации маори, как и аналогичные процессы в России, странах Восточной Европы и Азии, завершился накануне первой мировой войны. Маори оказались этническим меньшинством, проживающим на одной территории с белым большинством.

Важным поворотным моментом в судьбе маори стала урбанизация. Из сельских жителей маори превратились в горожан. Они потянулись в города после Второй мировой войны. Туда их манил не свет городских реклам. Переселяться в города вынуждал земельный голод. Маорийское население росло: доля его во всем населении страны составляла в начале 1950-х годов – 6%, 1970-х – 7,9%. Данные о рождаемости маори свидетельствуют о том, что она значительно превосходила аналогичный показатель у европейского населения. Так, в 1950-е годы среднегодовые темпы прироста маорийского населения достигали 3,7%, в 1960-е – 3,1, в 1970-е – 2,1; у англо-новозеландцев соответственно – 2,1, 1,6, 0,9-1%. Такой прирост

у маори обуславливался высоким уровнем рождаемости. В 1961 г. у них рождалось 46 младенцев на тысячу населения, у европейцев – 25. Смертность благодаря социальной политике правительства снижалась. Это снижение происходило в основном за счет уменьшения детской смертности. Изменилось отношение маорийских женщин к родам. В 1937 г. только 17% рождений совершалось в роддомах, в 1962 г. аналогичный показатель составлял 95%. В итоге естественный прирост у маори во второй половине XX в. был значительно выше, чем у англоновозеландцев.

Маорийское население моложе европейского. В 1958г. лиц до 21 года среди маори насчитывалось 60%, среди европейцев – 40%, старше 60 лет маори – 3,4%, европейцев -13%[3]. Наиболее часто мигрировала в города молодежь в возрасте 15-24 лет. В результате маори составляли существенную часть молодого городского населения. Между тем площадь, остававшаяся в распоряжении маори, сокращалась. Из обследования, проведенного в конце 50-х годов, стало ясно, что даже если заселить пустующие земли, они смогут обеспечить занятость не более 5-7 тыс. человек. В довершение всего в 1950-х годах упали цены на мировых рынках на традиционную сельскохозяйственную продукцию маорийского экспорта. Фермеры разорялись. Уход маори в города становился неотвратимым, а ускоренное развитие промышленности в послевоенной Новой Зеландии создавало возможности для их устройства на работу.

Удельный вес маорийского населения в городах. (%)

	1936	1945	1951	1956	1971
Фангарей	2,2	2,3	3,4	3,3	3,8
Окленд	24,5	34,8	37,3	39,2	41,4
Гамильтон	2,8	3,1	3,4	3,8	4,5
Гисборн	6,0	5,9	5,4	5,0	6,1
Хатт	3,2	3,5	4,1	3,9	4,0
Веллингтон	6,8	7,3	7,7	7,7	8,4
Хастингс	3,2	3,9	3,6	3,7	3,7

Источник: «The Maori People in the nineteen –sixties», L., 1968, p. 200.

Прослеживается прямая зависимость между развитием в том или ином городе обрабатывающей промышленности и приростом там маорийского населения. Оно концентрировалось в крупных индустриальных центрах и вливалось в армию наемного труда, занимая там низшие позиции,

В поисках работы маори стали не только переселяться в города, но и уезжать за границу. С 1960 г. по 1971 г. 13783 маори отбыли из страны. Вернулось только 11234 человека[4]. Миграция маори в урбанизированные районы не носила маятникового характера, они становились там постоянными жителями. Поначалу маорийские мужчины находили себе применение в основном в промышленности в качестве разнорабочих, способных выполнять лишь самые простые ручные операции. Миграция женщин в города до середины 50-х годов превосходила мужскую, поскольку у маорийских женщин было еще меньше, чем у мужчин, шансов найти работу в сельской местности: ведь работа на фермах – традиционно мужское занятие. Во многих крупных городах удельный вес самодеятельного населения, занятого в обрабатывающей промышленности, у маори был выше, чем у европейцев.

Доля маори и англо-новозеландцев, занятых в промышленности в 1961г. (%)

	маори	англо-новозеландцы
Хастингс	58,7	35,6
Окленд	41,0	35,9
Веллингтон	37,0	23,1
Гисборн	33,5	24,5
Напиер	31,6	22,6
Роторуа	31,5	24,2
Фангарей	31,5	23,3

Источник: составлено по: G.W. Butterworth «The Maori in the New Zealand Economy», L., 1974, p.30.

К 1971 г. отряд промышленных рабочих маори насчитывал до 37 тыс. человек, из них 7 тыс. составляли женщины. Большинство мужчин были заняты на предприятиях пищевой промышленности, второе место по занятости приходилось на деревообрабатывающую отрасль, третье – на машиностроение,

особенно транспортное. Среди женщин удельный вес лиц, занятых в обрабатывающей промышленности, превосходил аналогичный показатель для мужчин. Женщины в основном работали на текстильных и пищевых комбинатах.

Как и в большинстве развитых капиталистических стран, в Новой Зеландии наблюдалась тенденция к сокращению доли занятых в материальном производстве. В противовес этому процессу росло число торгово-конторских работников. Эта тенденция распространялась и на маори. С 1956 г. по 1961 г. численность промышленных рабочих выросла на 38,8%, с 1961 г. по 1966 г. – на 31%, с 1966 г. по 1971 г. – только на 13%. Количество же торгово-конторских работников за 1961-1971 годы увеличилось в три раза[5] В основном это увеличение происходило за счет быстрого включения в производство женщин. Поскольку квалификация и образовательная подготовка маорийцев была хуже, чем у европейцев, возникающая безработица касалась прежде всего их, особенно маорийской молодежи, не успевшей найти в обществе свою нишу, а также массы маорийских разнорабочих. Более половины маори бросали школу, не закончив ее, пополняя ряды маргиналов. Неустроенность, тяготы непривычной жизни порождали среди них пьянство, наркоманию. Сознание своей обездоленности провоцировало преступность, уровень которой среди молодых маори был в 6 раз выше, чем у англо-новозеландцев.

Урбанизация оказала огромное влияние как на демографическую ситуацию (изменялись размеры и состав семьи, сокращалась рождаемость и смертность, учащались случаи смешанных браков), так и на социально-профессиональный состав маорийского населения. Разрушался традиционный уклад жизни, усваивались новые нормы поведения, появлялись новые привычки, потребности, новое окружение. В городах маори, хотя и зачастую продолжали жить своим племенем, образуя отдельные кварталы, землячества, контактировали с европейцами в процессе производства, были вынуждены вступать в новые для них производственные отношения. Урбанизация обычно помогает ассимилироваться, так как способствует приобщению к современным формам существования, распространению благодаря демонстрационному эффекту технического прогресса,

примыканию к различным организациям, партиям, клубам по интересам, возникающим не только по национальному принципу. Однако среди факторов, препятствовавших ассимиляции маори, большую роль играло фактическое неравенство маори и европейцев.

Как это ни странно, в, казалось бы, благополучной, относительно эгалитарной по образу жизни и мировоззрению большинства граждан Новой Зеландии, несмотря на принятый в 1972 г. закон, карающий расовые предубеждения, осуждающий расизм в различных его проявлениях, наблюдалось фактическое политическое и социально-экономическое неравенство в положении маори и европейцев. Так, даже в начале 1980-х годов, среди маори, составляющих 8,8% населения, насчитывалось только 6,5% членов парламента. Удельный вес нанимателей среди них равнялся 1,5%, самостоятельных хозяев – 2,1% (аналогичные показатели для белого населения – 6,4 и 7,6%). Лишь 0,3% маори входило в группу административно-управленческих кадров, 3,6% – в состав профессионально-технических работников. Средний доход маори на рубеже веков был на 10% ниже, чем у англо-новозеландцев. 45% взрослого населения маори получало разного рода пособия от правительства, среди европейцев таких насчитывалось – 31%. Безработица у маори в три раза превышала аналогичный показатель у англо-новозеландцев. Половина маорийцев жила в арендованных домах. Четверть имела еженедельный доход 400 долл. на семью, среди европейцев таких было – 15%. Маори представляли 50% всех заключенных в тюрьмах[6]. К сожалению, это сопоставление можно значительно расширить. Оно касается почти всех сфер общественной жизни.

В результате сохранение расового неравенства привело, с одной стороны, к распространению так называемого движение «черного расизма». Банды маорийцев со свирепыми названиями («Охотники за головами», «Слуги дьявола», «Власть черным» и т.д.) совершали акты насилия, налеты на магазины, бары и т.д. С другой, – к созданию в 1973 г. политической партии маори – «Манна Матухаке».

С середины 70-х годов XXв. началось духовное возрождение маори. Маори «не захотели» ассимилироваться. Напротив,

началось движение за сохранение маорийской культуры, которое возглавила интеллигенция. Всплеску национальной активности маори способствовало признание третьим лейбористским правительством (1972-1975 годы) Договора Вайтанги* как основного документа для разрешения спорных земельных вопросов, удовлетворения маорийских притязаний и исков по поводу присвоения их земель, береговой зоны и морского дна. Был создан Трибунал Вайтанги и вынесено много решений в пользу маори. На этот шаг, помимо внутренней ситуации, подтолкнула лейбористов международная обстановка. В мире наблюдался подъем национально-освободительного движения, деколонизация Африки, Азии и Океании, борьба за свои права афроамериканцев и индейцев в США и Канаде, активная позиция ООН и ее специальных организаций в этом вопросе.

Договор Вайтанги стал рассматриваться как своего рода социальный контракт «для существования двух народов внутри единой нации». Но по акту 1975 г. трибунал не рассматривал дела, касавшиеся прошлого. Четвертое лейбористское правительство (1984-1990 годы) исправило это положение, распространив его деятельность и на споры, возникавшие, начиная с 6 февраля 1840 г. – даты рождения новозеландского государства в качестве английской колонии.

Решения Трибунала де-юре не имеют юридической силы, выполнение их не обязательно, но на практике у трибунала высокий статус. Это свидетельство того, что правительство осознало необходимость признать приоритет интересов и племенных законов маори, недопустимость пренебрежения к их правам на пользование землей и рыбными богатствами. Как подчеркнул премьер – министр третьего лейбористского правительства Джон Палмер, «Если мы не найдем решения, подлинные структуры нашего общества окажутся разрушенными. Лейбористское правительство не предусматривает полной передачи земли и других ресурсов маори, но оно не может повернуться спиной к своему решению – добиться лучшей догово-

* Договор между маорийскими племенами и английской королевой о передаче ей суверенитета над Новой Зеландией был подписан близ реки Вайтанга в 1840 г.

ренности с маори»[7]. Договор Вайтанги явился твердой основой для компромисса между маорийскими племенами и властью.

Результаты работы трибунала были успешными. По его рекомендации законопроект 1987 г. признал язык маори наравне с английским официальным языком страны, которым надлежит пользоваться в судах и деловой переписке. На радио и телевидении появились программы на нем. Возникли кооперативные детские сады, где дети общаются на родном языке. Создание таких «языковых гнезд» специалист по маорийской культуре, профессор Оклендского университета Р. Уолкер расценил как наивысшее достижение департамента по делам маори за все годы его существования[8]. Начали функционировать школы, где основной язык маорийский, высшие учебные заведения для маори.

Принятый в 1989 г. закон о рыбной ловле предусматривал финансовые отчисления племенам. В том же году для защиты их возникло Министерство по делам маори, призванное наблюдать за деятельностью всех государственных департаментов, обязанных консультировать племенную администрацию и быть ответственными перед нею. В 1992 г. было создано Министерство маорийского развития, которое отвечало за изменения в законодательстве, касающиеся маори, давало советы правительству и различным агентствам.

До 90-х годов XX в., когда произошли изменения в избирательном законодательстве Новой Зеландии (мажоритарную систему сменила смешанно-пропорциональная по германскому образцу), и небольшие партии получили возможность попасть в парламент, представители маори заседали в парламенте, как правило, в составе депутатов от Лейбористской партии. Однако и после введения новой системы «Мане Мотухаке» не удавалось завоевать ни одного депутатского места. Присоединившись в 90-е годы к Партии Альянс, она покинула ее в 2002 г., после поражения коалиции, куда наравне с ней входил и ряд других партий, на очередных парламентских выборах и в результате самораспустилась. «Маори политически шли в никуда, держась за фрак Национальной и Лейбористской партий», – сказал на праздновании Дня Вайтанги в 2001г. мэр городка Ваипа Дерекс Люкс. – Одна из задач предполагаемой партии -

будет установить равенство во власти».[9.] В 2004г. под руководством бывшего члена Лейбористской партии Тариана Туриа образовалась новая Маорийская партия, постепенно набиравшая все больше сторонников. В 2005 г. она получила 48263 голоса и четыре места в парламенте, в 2008 г. – соответственно 59800 и пять; трое из депутатов, в том числе и сама основательница партии, стали министрами.

Стремясь сделать правящую коалицию как можно более широкой, лидер Национальной партии, победившей на парламентских выборах в 2008 г., премьер-министр Дж. Кей привлек на свою сторону Партию маори, хотя традиционно последняя всегда шла в одной упряжке с лейбористами. Большинство голосов в маорийских округах (число их увеличилось до 7) так же, как правило, отдавалось им. Правда, Кей заявил о желании отменить маорийские округа и уравнять в избирательных правах маори с остальными гражданами, что вызвало негативное отношение маорийской общественности. Но это в перспективе на 2014 год, когда предполагается окончательно решить все спорные вопросы о земле, рыбных угодьях, короче, – положить конец действию Трибунала Вайтанги.

В апреле 2010 г. в ответ на предложенный Тариана Туриа проект об улучшении семейного благосостояния маори, Дж. Кей поручил ей возглавить ведомство, которое будет заниматься осуществлением этого проекта. В ее распоряжение будут переданы средства других ведомств (по делам маори, образования, здравоохранения и т.д.), выделяемые на помощь малоимущим. Сумма ассигнований будет обозначена в бюджете. Не без влияния Маорийской партии правительство Новой Зеландии в том же апреле одобрило Декларацию ООН о правах туземных народов, подтвердившую право туземцев на самоопределение, сохранность своего языка, защиту природного и культурного наследия. Об этом прямо говорится в газете «New Zealand Herald»: «Национальная партия уступила желаниям Маорийской партии и согласилась поддержать достаточно спорную Декларацию о правах туземных нардов, несмотря на то, что предыдущее лейбористское правительство сделало жесткое предупреждение, что этот фундаментальный документ категорически несовместим с конституцией и законодательст-

вом Новой Зеландии»[10].¨ И действительно, в 2007г. на Генеральной Ассамблее Новая Зеландия вместе с Австралией, Канадой, США проголосовала против ее принятия, ссылаясь на то, что статьи декларации могут противоречить конституции и дать несправедливое преимущество коренному населению. Декларация не является правовым документом и не налагает юридических обязанностей на правительства государств, подписавших ее. Но Маорийская партия придает ей большое значение, усматривая в ней, в отличие от многих политических и общественных деятелей страны, не только символический смысл.

Маори уже давно требуют признания себя в качестве «титульной» нации, т.е. имеющей первостепенное право на землю и природные ресурсы Новой Зеландии. Настаивают на возвращении земель, береговой полосы и морского дна. Закон, принятый в 2004г. по этому вопросу, не устроил их, и Маорийская партия добилась его пересмотра. Предполагаются длительные переговоры. А в 26 статье Декларации прямо говорится: «Коренные народы имеют право на земли, территории и ресурсы, которыми они традиционно владели, которые они традиционно занимали или иным образом использовали или приобретали… Государства обеспечивают юридическое признание и защиту таких земель, территорий и ресурсов». 29 статья гласит, что коренные народы имеют право на сохранение или охрану окружающей среды и производительной способности их земель, территорий и ресурсов. Более того, декларация предполагает возможность наложить вето на законопроект в парламенте, если маори найдут, что он затрагивает их интересы, ущемляет их права на природные богатства. Иными словами, согласно декларации, маори могут приостановить коммерческую разработку недр, не допустить использования береговой полосы в качестве пляжей и т.д. и т.п. По заявлению географического общества Новой Зеландии, два острова, из которых состоит страна, по требованию местных аборигенов могут лишиться своего названия. Маори хотят вернуть им прежние наименования на родном языке. Если их требования будут удовлетворены, остров Южный (South Island) будет называться Te Wai Pounamu, что означает «местность зеленых камней» – речь идет о месторождени-

ях нефрита, из которого маори изготавливали украшения и оружие. А остров Северный (North Island) получит имя Te Ika a Maui – «рыба Мауи», ведь, по легенде, бог Мауи выудил этот остров во время рыбалки. Чтобы покончить с проблемой, Географический комитет решил провести опрос среди племен маори и англо-новозеландцев. Но и так очевидно, что большинство европейского населения Новой Зеландии против смены названий, считая этот шаг «худшим видом политкорректности».

Надежды англо-новозеландцев на ассимиляцию маори не оправдались. Они, повторяю, переживают процесс национального возрождения и требуют экономической и культурной автономии. Насильственная ассимиляция малочисленного народа не дает положительных результатов, ибо последний всеми силами, сознательно и бессознательно, сопротивляется размыванию своего этноса. Существующая расовая напряженность, обусловленная социальным неравенством, усиливается в периоды экономического спада. 21 апреля 2010 г. в «New Zealand Herald» были опубликованы «шокирующие» данные: безработица маори с середины 2009 г. удвоилась, достигнув 15,4% (среди всего трудоспособного населения 7,3%). Среди молодых людей в возрасте 15-19 лет безработных 26,5%, для маори аналогичный показатель равен 38,7%. Иными словами, примерно двое из каждых пяти маори этой возрастной группы оказываются без работы[11]. Не удивительно, что возникают и распространяются националистические лозунги экстремистского толка, которые подхватывают маргинальные слои населения, и в частности молодежь. В свою очередь, подчас завышенные требования маори вызывают недовольство и обеспокоенность белого населения, ставят под угрозу общественную стабильность.

Каков будет результат упорной борьбы маори за свое фактическое равноправие, добьются ли они своей цели – не в последнюю очередь зависит от политического курса Маорийской партии. Либо маори займут разумную позицию и не будут требовать невозможного, либо их чрезмерные притязания приведут к конфронтации с европейцами и расколют новозеландское общество. Еще раз хочу подчеркнуть, что на данном этапе Маорийская партия стала влиятельной политической силой, способной самостоятельно защищать интересы маорийского

народа, и тем важнее ее ответственность за судьбу народа маори и будущее Новой Зеландии.

---

[1] См. А. И. Блинов. «Маорийские войны (1843 -1872гг.)». – «Океанический этнографический сборник» М., 1957, стр. 1-86.

[2] См. подробнее: К.В. Малаховский. «История Новой Зеландии». М., 1981, стр. 78.

[3] J.K. Hunn. «Report on Department of Maori Affairs with Statistical Supplement (24 August 1960)», Wellington, 1961. pp. 18, 21, 109,111.

[4] G.W. Butterworth. «The Maori People in the New Zealand Economy»…pp.10,13.

[5] Все расчеты сделаны по новозеландским переписям населения.

[6] G.A. Wood and Chris Rudd. «The Politics and government of New Zealand / robust, innovation and challenged», Otago, 2004, p.12.

[7] Richardson M. «Land Rights touch new racial nerve» – «Pacific Defense Reporter», 1988, October. Vol.15, № 4, p.32.

[8] См. подробнее: Л.Г. Стефанчук. «Некоторые аспекты маорийского возрождения (1975-2001)» – «Проблемы этнографии и истории культуры нпродов Азиатско-Тихоокеанского региона». Санкт-Петербург, 2004, стр.248-257.

[9] «Dominion», 2001, February 7, p.2.

[10] ”New Zealand Herald”. John Armstrong «Nats give in to Maori over rights declaration» – http://www. nzherald.co.nz/ maori/ news

[11] Roger Kerr: «Apathy towards jobless issue does us no credit». http://www.nzherald.co.nz/business/news/article.cfm?c_id=3&objectid=10639666

Dr. Dmitry Mosyakov analyses the current problems in China - ASEAN relations. He believes that the main reason of these problems is China's attempts to control the vast territories in the South China Sea. The author examines American attitude to the problem of territorial sovereignty of the Parcel and Spratly Islands. He also touches upon the military build up in the area and forecasts the possible future development of the political and military situation in this region.

Dr. E. Zakaznikova dwells upon the peculiarities of integration in Asia-Pacific region which is mainly influenced by relations between ASEAN and Australia and the New Zealand. Notwithstanding some contradictions between the parties, they have been cooperating in many fields through the whole period of the Association functioning. This stimulated the creation of new architecture of cooperation with the process being accelerated by active role of Russia, which cooperates with these and other countries of Asia – Pacific more actively than in previous post-soviet period.

Matyukhin M. analyses the oil-and-gas companies of Southeast Asia are deeply concerned about adverse prospects of opening new large oil and gas fields in the countries of region provided fast growth of demand for such resources is taking place. They are worry about some complicated technological and financial arrangements of work in the region too. This is the dominant motive of their for expansion overseas. In 2010 the greatest activity abroad was demonstrated by the oil-and-gas companies of Vietnam, Malaysia, Thailand and Indonesia., working in tens countries of the world, practically in all regions, including outside SEA.

Dr. Nina Lebedeva analyses basic features of contemporary international relations and interactions in the «Myanmar – India – China» triangle. The author shows specific political, strategic and economic interests of the said countries and contradictions between these «actors». She also considers varied mechanisms of the realization of their goals in the region as well as the existing problems and limits for compromise. Great attention is paid to

Chinese endeavors to get a vitally important approach to the Indian Ocean Zone via Myanmar by implementing its «String of Pearls» course. India, on her part, is seeking new approaches for realization of its «Look East Policy» and for solving complicated problems in its unstable and underdeveloped Northeastern Region. As for Myanmar, it uses interaction with both Asian giants and other states to achieve more balanced position in South-East Asia after decades of isolation.

Aleksey Tsererin in his paper examines challenges and policy issues associated with ASEAN's initiative to establish the Economic Community in Southeast Asia. It investigates the contributing role of the ASEAN Summit held in Cebu in 2007. During this Summit the ASEAN Economic Community Blueprint was ushered. Facing the last financial crisis, the ASEAN countries have no alternative "but to make use of regional integration". The article aims to analyze the question whether the Economic Community will be capable of managing the new challenges of the dramatic changes in the international arena since the 1997 "ASEAN Vision 2020" was signed. This is followed by a section examining two newly established overall ASEAN economic agreements: *ATIGA (*ASEAN Trade in Goods Agreement) and *ACIA(*ASEAN Comprehensive Investment Agreement).These documents are aimed to ensure that all provisions which are necessary to ensure fulfillment of the ASEAN Economic Community goals by 2015. The paper also discusses the impact of two last financial crises (1997-1998 and 2008-2010) on the process of regional integration particularly the issue of elimination of non-tariff barriers. It aims to introduce the Association Position on the process of establishing the Southeast Asia Economic Community.

The author in his paper also makes an attempt to shed some light on the special provisions of the ASEAN Charter connected with the process of the establishing the ASEAN Economic Community. First and foremost it should be emphasized that it is planned to create comprehensive ASEAN Community which consist of three pillars: ASEAN Economic Community, ASEAN Socio-Cultural Community and ASEAN Security Community. The article overstressed the role of the economic component and its

importance for the progress of the Association. The Economic Community is a cornerstone of the whole process of the community building in the Southeast Asia.

The paper results in the statement that the ASEAN Charter is a significant contribution towards the making of a solid legal institutional base for the process of regional economic integration.

Leonella Arunova in her paper considers the progress in integration of South-East Asia and East Asia. The author underlines the role of ASEAN in this process. The Association with its population of many millions, with its aggregated GDP of almost $ 1.5 billion and growth rates higher than average in the world is the factor of development. Today ASEAN which was set up in 1967 as an instrument of regional dialogue and cooperation is the center of integration in Asia - Pacific region and its role is growing in the world commerce and finances as well as in the management of economic problems. Experience of the countries of the region could be of use for the global economy.

Dr. A.Yu. Drugov in the contribution "Indonesia in 2010. Major Developments" points out that so called Bank Century Case showed weakness of the political support President S.B. Yudhoyono enjoys. The creation of the Coalition council headed by Golkar chief A. Bakrie was an effort to obtain such support.

The issue of Christianisation become the main problem creating tensions in interconfessional relations.

Some progress in Indonesian-American relations was achieved with abolishment of the USA embargo on military and technological cooperation and president B. Obama's visit to Jakarta.

Latent tensions in Indonesian-Malaysian relations reoccurred in 2010 with detention by Indonesian patriots of several Malaysian fishermen. This event sparkled violent anti Malaysian demonstrations in Jakarta.

Dr. Alexander Popov in his paper offers a wide view of the East Java' history and today. He stresses that the Eastern part of Java is one of the oldest habitats of prehistoric man on earth. The

ancient pithecanthropus lived here at least a million years ago and was called a Java man.

Later the East Java was a centre of many medieval states including the Empire of Majapahit with the legendary figure of Gajah Mada who united under the authority of his state the territory of modern Indonesia. Now the East Java is one of the most populated provinces of Indonesia with the total population of 37.5 millions of people mainly of Javanese and Madurese origin. The island of Madura is an important part of the province. East Java is the country's main centre of stock-breeding. The province is also famous for its fish-breeding, rice growing, tobacco and sugar production, cement and oil industry. East Java houses an extremely beautiful mountain reserve Bromo. Sadly it is also the place of the biggest natural disaster in the history of modern Indonesia that is a mud volcanic eruption in Sidoarjo, East Java.

A.S. Voronin analyses the Russian-Vietnamese relations which entered the new phase in 2001, since the Declaration on Strategic Partnership as well as other documents were signed. Based on mutual understanding and due regard to national interests of each other the relations of strategic partnership between Russia and Vietnam are gaining momentum. They play a significant role in the system of international relations in South-East Asia as well as in the Asia-Pacific region as a whole.

Dr. A. Sokolov analyses in detail the situation in modern Vietnamese cinematograph: including film production, film demonstration, sociologic analyses of audience preferences, and main trends in development of national filmmaking. The author specially emphasizes such new developments as private motion picture studios and participation of Vietnamese émigré film makers in the cinematography of the Social Republic of Vietnam.

In his essay **Dr. Vyacheslav Urlyapov** evaluates the dynamics of Malaysia-China relations during the tenure of three prime-ministers, i.e. Mahathir Mohamad, Abdulla Ahmad Badawi and Najib Razak (1981-2010). The evolution of Malaysia's China policy illustrated how a previously mutually suspicious relationship has

been transformed into a partnership over a rather short historic period. Since the early 1990's growing bilateral and multilateral interactions has offered opportunities for both Malaysia and China to discover that they share important commonalities over international issues. The convergence of foreign policy interests, combined with the tangible economic benefits, have lead Malaysian elites to downplay their earlier apprehension of the potential security ramifications of the powerful neighbor. The growth of China's relative power has induced Malaysia's ruling elite to move closer to Beijing by embracing a limited-bandwagoning strategy. But it did not imply that Malaysia favored a China-dominated regional order. A dominance-denial continued to be an unwavering goal for Malaysia, as indicated by its efforts to maintain close relations with all major powers. Accordingly, in addition to deepening its traditional economic pragmatism, currently Malaysia pursues a policy that can be seen as engagement-binding and limited bandwagoning, i.e. avoidance of superior-subordinate relations while obtaining maximum economic benefits in bilateral cooperation with China.

Dr. A. P. Muranova's paper is dedicated to taxation in Brunei Darussalam. It is noted that Brunei's tax system is one of the most liberal in Asia. Brunei has the least taxes compared to other countries in the region. There are no personal income tax, no export, sales and payroll taxes. Companies are subject to corporate tax, with the rate declining in the recent years. The government encourages national private sector's activities and foreign investment inflow through the system of tax incentives which was firstly introduced in 1975 and fundamentally revised in 2001. The Brunei International Financial Centre was established in 2000 and deals as offshore centre.

In her paper **Tatiana Miloslavskaya** deals with a social and political system of modern Brunei. Since 1962 the ruling sultan Hassanal Bolkiah is the head of the state with full executive authority, including emergency powers. The sultan is also the Prime Minister of Brunei, and holds the portfolios of Defense and Finance.

In March 2006 the sultan has changed Brunei's constitution to make himself infallible under local law.

In 1991 Hassanal Bolkiah introduced a conservative ideology called Melayu Islam Beraja (MIB) or Malay Islamic Monarchy, which presents the monarchy as the defender of the faith. The Government actively promotes adherence to Islamic values and traditions among its Muslim population. The Ministry of Religious Affairs is responsible for propagating and reinforcing the Shafi'i beliefs and practices as well as enforcing Shari'a law, which existed alongside secular laws and was applied only to the Muslims. Islamic authorities organized a range of dakwah or proselytizing activities and incentives to expand and propagate Islam.

Dr. N.N. Bektimirova's paper considers the complex and contradictory process of the revival of Buddhist sangha in Cambodia, which started in the early 1990s. The article further shows that this renaissance is happening against the background of large-scale socio-political and economic reforms that are taking root in Khmer society. Using interview and press materials collected during extensive fieldwork in Cambodia the author examines various issues, such as the restoration of the temple economy, cadre renewal among monks, religious education and intellectual potential, ethics and the level of discipline within the Buddhist sangha. The author also analyses the multifaceted relationship between nikayas – Mahanikaya and Thammayuttikanikaya.

Dr. Zakharov, Anton O. Review of: R.E. JORDAAN and B.E. COLLESS. THE MAHĀRĀJAS OF THE ISLES: THE ŚAILENDRAS AND THE PROBLEM OF ŚRĪVIJAYA. Leiden: Department of Languages and Cultures of Southeast Asia and Oceania, University of Leiden, 2009 (Semaian 25). XVIII, 285 pp. The paper deals with the new theory of early Indonesian history of the 8th - 9th centuries A.D. offered by Roy E. Jordaan and Brian E. Colless. Jordaan and Colless argue that the Śailendra dynasty empire united Central Java and the Srivijaya kingdom in Southeast Sumatra. This theory seems to be very convincing but one fact remains unexplained: Who was maharaja Panamkarana from the Kalasan inscription dated from 778 A.D.? Jordaan and Colless hold

that he was not identical to Panangkarana in the Mantyasih I and Wanua Tengah III both dated from the early 10th century. On the contrary, I believe that Panamkarana of the Kalasan inscription and Panangkarana of the later records is one and the same king because he patronised Buddhism according to both the Kalasan text and the Wanua Tengah III inscription.

In her paper **Dr**. **L. Stefanchuk** considers the problem of Maori – the endogenous population of New Zealand, which belongs to the Polynesian ethnic family. The key moments of its evolution are singled out. The first stage covers the late 19th – early 20th century when extinction of the Maori stopped and a source of living was found. The first stage is connected with urbanization which immensely influenced demographic, social and professional structure of the Maori population. The greatest changes took place in the middle 1970th with spiritual renaissance of the Maori, revival of their language and culture, restoration or compensation of their rights due to setting up of Waitanga tribunal. At the current stage the Maori amount to 14% of the country's population. They established their political party, which won 5 seats at the latest parliamentary elections and wage a successful struggle for the real equality of the Maori and the New Zealand citizens of British origin.

Арунова Лианелла Владимировна – младший научный сотрудник Отдела внешних связей ИВ РАН

Бектимирова Надежда Николаевна – профессор, зав. кафедрой истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова

Воронин Анатолий Сергеевич – старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН

Другов Алексей Юрьевич – доктор политологических наук, главный научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН

Заказникова Евгения Петровна - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН

Захаров Антон Олегович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН

Лебедева Нина Борисовна - кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра индийских исследований ИВ РАН

Матюхин Максим Владимирович - соискатель ИВ РАН

Милославская Татьяна Павловна – научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН

Мосяков Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, руководитель Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН

Муранова Анна Петровна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Отдела экономических проблем ИВ РАН

Попов Александр Вячеславович – кандидат экономических наук старший научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН

Соколов Анатолий Алексеевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН

Стефанчук Людмила Григорьевна - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН

Урляпов Вячеслав Федорович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН

Церерин Алексей Николаевич - аспирант кафедры Востоковедения МГИМО(У) МИД РФ

Научное издание

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
выпуск XV

Учредитель: Учреждение Российской академии наук Институт востоковедения
Издатель: Учреждение Российской академии наук Институт востоковедения
Адрес редакции: 107031, Москва, ул. Рождественка, д.12
e-mail: sea-apd@bk.ru

Формат 60x84 $^{1}/_{16}$
Бумага офсет №1. Печать офсетная
Усл. печ. л. 20,5
Тираж 250 экз. Заказ № 254

Отпечатано с готовых диапозитивов